

А. И. ФАРЕСОВЪ.

МОИ МУЖИКИ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

Въ степи	1	По избамъ и школамъ Восни-	
Лизавета.	30	тательнаго Дома	207
Моховикъ	41	Отцы и дѣти	223
Любжа.	57	На глухариномъ току.	235
На кладкахъ	66	На тягѣ	243
На охотѣ.	74	Поиски за страхами	265
Богатыри Псковской губерніи	83	Изъ путевыхъ впечатлений.	273
Деревенскіе разговоры	90	Немытая губернія	282
Псковская мякина	106	Изъ правовъ современной де-	
Женскій вопросъ въ деревнѣ	126	ревни.	304
Въ Оловяницѣ	142	Отцы и дѣти въ современной	
Магометъ-Газн	156	деревнѣ.	321
На охотѣ	165	Мои мужики о Пушкинѣ	351
Садки на рѣзвость и злобу	175	Изъ записокъ женщины врача	366
Землекопы	199		

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. О. Воицкой, Спб., Херсонская, № 2—9.

1900.

МОИ МУЖИКИ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

Въ степи	1	По избамъ и школамъ Воспи-	
Лизавета.	30	тательнаго Дома	207
Моховикъ	41	Отцы и дѣти	223
Любжа.	57	На глухаринѣмъ току.	235
На кладкахъ	66	На тягъ	243
На охотѣ.	74	Поиски за страхами	265
Богатыри Псковской губерніи	83	Изъ путевыхъ впечатленій.	273
Деревенскіе разговоры	90	Немытая губернія	282
Псковская мякина	106	Изъ правовъ современной де-	
Женскій вопросъ въ деревнѣ	126	ревни.	304
Въ Олонщинѣ	142	Отцы и дѣти въ современной	
Магометъ-Гази	156	деревнѣ.	321
На охотѣ	165	Мои мужики о Пушкинѣ	351
Садки на рѣзвость и злобу	175	Изъ записокъ женщины врача	366
Землекопы	199		

ВЪ СТЕПИ.

I.

За Астраханской заставой города Н тянется большая дорога, служившая когда-то почтовымъ трактомъ на Астрахань. Съ проведеніемъ желѣзнодорожныхъ линій, эта дорога ведетъ исключительно въ „степь“. По бокамъ ея расположены села и деревни, крестьяне которыхъ, поближе къ городу, считаются „пригородными“, а тѣ, которые живутъ отъ города верстъ за пятьдесятъ, „степными“. Съ юныхъ лѣтъ, въ качествѣ ружейнаго охотника, я исходилъ вдоль и поперекъ какъ пригородный, такъ и степной районы.

Лѣтъ двѣнадцати я бѣгалъ за взрослыми охотниками по болотамъ и съ дѣтскимъ восторгомъ носилъ убитую дичь на своихъ маленькихъ плечикахъ, а ночью оставался на озерѣ, разводилъ на берегу костеръ и счастливо засыпалъ на нѣсколько часовъ до утренней зари, зарываясь отъ холода въ охапки сѣна, понадерганнаго изъ ближайшихъ стоговъ.

Страсть къ озерамъ и болотамъ привела къ тому, что четырнадцати лѣтъ я уже имѣлъ собственное ружье на деньги, добытыя уроками. Первый выходъ съ собственнымъ ружьемъ я сдѣлалъ

съ охотникомъ изъ крестьянъ и первыми моими друзьями дѣтства были мужики.

— Здравья охота даетъ, говорили мнѣ „Факѣвы ребята“, цѣлая семья охотниковъ изъ села Бокино.—Привыкнешь къ холоду и голоду на болотахъ. Ночь станешь проводить въ лѣсу и топяхъ. Кто побываль въ охотникахъ, тому ухо рѣжь—кровь не потечетъ.

Собака и ружье порождаютъ въ этомъ случаѣ часто первая привязанности, а товарищество съ мужикомъ знакомить юношу съ простымъ народомъ. Около мужика пріобрѣтаешь знаніе мѣстности и умѣніе различать тропинки въ топяхъ и заросляхъ, какія-бы густыя сумерки ни покрыли окрестность. Съ наблюдательными способностями растетъ любовь къ природѣ и, можетъ быть,—„каплю крови общую съ народомъ“ я впервые почувствовалъ тогда, когда, ночуя въ степи, я укрывался отъ холода уступленнымъ мнѣ мужицкимъ зипуномъ. Въ N—ой губерніи мнѣ знакомы малѣйшіе болотца, кусты и кочки, гдѣ появляются дупелиныя высыпки, въ какія поля опускаются на кормежку утки, въ какихъ ветлахъ держится пролетомъ вальдшнепъ и надъ какими рощами вечерней зарей онъ „тянетъ“ влюбленнымъ и счастливымъ.

Мнѣ извѣстны выстрѣлы и дальнобойность каждаго ружья мѣстнаго охотника; многія собаки сельскихъ охотниковъ ходятъ со мною въ поле такъ-же послушно, какъ и съ хозяиномъ. Издалека по походкѣ или по шерсти собаки, я узнаю крестьянина, мелькнувшаго съ ружьемъ между кустовъ и болотъ. Когда въ Протасовомъ лѣсу раздаются вы-

стрѣлы и утки летятъ на Шлихтинскія озера въ Охлебининой рощѣ, я знаю, что въ этомъ лѣсу охотятся лица, имѣющія на это билетъ, и въ городѣ такихъ лицъ немного. Когда на Шлихтинскихъ озерахъ идутъ неумолкаемые выстрѣлы и дичь летитъ черезъ село Бокино на Орлово озеро, я знаю, который изъ бокинскихъ мужиковъ дерзнулъ зайти въ топь знаменитой рощи, не боясь трясины, комаровъ или просто бѣглаго каторжника. Когда-же, минуя пригородныя села и хлѣбныя поля, раскинутыя по обѣимъ сторонамъ Астраханской дороги, дичь летитъ на Загрядчину въ „степь“ — это значитъ, что по каждой уткѣ сдѣлано по нѣсколько десятковъ выстрѣловъ, перебиты пальцы у ней въ лапахъ или отбитъ кусокъ носа. Вспоминная подробности дѣтства, я помню также и мою охоту „въ степи“ уже взрослымъ человѣкомъ.

Бывая каждую пятницу въ городѣ на базарѣ, крестьянинъ Минай сообщилъ чиновнику Перекрестову, что за Кузьминкой палятъ цѣлыми днями...

— Съ мельницы ходятъ, да Федотъ-сосѣдъ сильно бьетъ дичь. Верхомъ сумки носятъ... „Кабы собака, говоритъ, была, такъ еще столько-же можно найти...“ Потому гдѣ-же перебить всю? Нынѣ побьешь, а за ночь новая налетитъ.

— Ты не врешь? У васъ, мужиковъ, манера такая... Спугнулъ одну утку и говоритъ всѣмъ: „и—и темно этой дичи! Сила Небесная! Кряковень—лаповень! Какъ подымутся — солнца не видать“. Ты говори правду, Минай: стоитъ-ли къ тебѣ за двадцать верстъ ѣхать, или ты врешь?

— Зачѣмъ врать! Безъ того не уѣдете, чтобъ не убить... Можетъ, и долгоносикъ проявится въ

ветлахъ или капустникахъ на огородахъ. Пора-бы ему, хрипуну... А утей вездѣ найдешь.

Перекрестовъ распорядился послать Миная на дачу къ Антону Николаевичу Селезневу, а тотъ оповѣстилъ офицера Шубина. Совершенно неожиданно я былъ приглашенъ на охоту и въ назначенный день представленъ Селезневу.

II.

Массивная фигура хозяина была украшена красивой головой со слѣдами бурныхъ и безпорядочныхъ страстей. Глубокія морщины пересѣкали лицо его во всѣхъ направленіяхъ. По внѣшнимъ манерамъ, онъ видимо не привыкъ стѣсняться и гостямъ также предоставлялъ полную свободу. Я былъ нѣсколько смущенъ тѣмъ, что мнѣ надлежало расположиться въ чужомъ домѣ, какъ въ гостинницѣ, не слѣдя за удобствомъ сосѣда и не лагая въ карманъ за словомъ.

Поругавши собакъ и наградивъ одну изъ нихъ сильнымъ пинкомъ ноги, Селезневъ вскорѣ приказалъ лакею накрыть въ кабинетѣ столъ для закусокъ и выпивки. Бросая книги подъ столъ, онъ громко запѣлъ:

Скорѣ скатерть и бокалы!

Сюда вино златое!

.

Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ—

Мы полемъ овладѣемъ!

Подъ столъ ученыхъ дураковъ—
Безъ нихъ мы пить умѣемъ!

Черезъ часъ было уже выпито изрядное количество вина и водки.

— Ну-же, скоро-ли? крикнулъ хозяинъ, намѣреваясь чокнуться съ Шубинымъ.

Тотъ хотѣлъ поторопиться, но покачнулся и едва удержался на ногахъ.

— Вотъ видишь, хохоталъ Селезневъ.— Не слушалъ меня... Что мало пилъ? Ты разсуди хорошенько: она-то тебя, сила твоя собственная, толкаетъ въ одну сторону, а водка-то въ другую... Ну, и стоишь на одномъ мѣстѣ молодцомъ.

— Научи ты меня лучше, Антонъ Николаевичъ, какъ мнѣ Машеньку развести съ Людмилочкой? Вотъ будешь молодецъ, если устроишь... Живутъ онѣ вдвоемъ и стыдятся одна другую. Такое горе съ ними.

— Скоро наступятъ праздники, ты познакомишь меня съ ними.

— Ну, и что же изъ этого? Познакомлю. Ты думаешь, при тебѣ онѣ будутъ смѣлѣе?

— Свинья ты, Шубинъ! Малороссійская свинья! До живого мяса шиломъ не доберешься... Саломъ заросъ. Ни капли въ тебѣ нѣтъ сообразительности. Мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ съ ними кататься и, на условленномъ мѣстѣ, мой кучеръ повернетъ въ одну сторону, а твой въ другую. Развеземъ ихъ по разнымъ сторонамъ, а послѣ этого онѣ перестанутъ стыдиться одна другую. Понялъ дурачина?

— Во истину я дурачина! Такой простой вещи не сообразилъ.

— А еще офицеръ! Вотъ выпей настоечки на

лимонной коркѣ: больше сообразительности будетъ.

А все-же вы, господа, безъ корки въ мозгу, замѣтилъ Перекрестовъ.

— Что такое?

— Да то!.. Журавля въ небѣ не сули, а давай синицу въ руки.

— Какую тебѣ тамъ синицу! Гдѣ ее взять?

— То-то гдѣ! Поѣдьте-ка, господа, въ степь: къ сироткамъ... За Загрядчину... Къ Степкѣ Шарикову! Что вы на это скажете?

— Ай, да поповичъ! воскликнулъ Селезневъ.— Въ банѣ его узнаешь... Умная эта семинарія! Въ корень вещей всегда смотреть!

— Вы только подумайте, продолжалъ Перекрестовъ:—степныя сиротки живутъ у тетокъ-солдатокъ или у пьяницы-дяди. Колотятъ бѣдныхъ дѣвочекъ съ утра до вечера, гоняютъ ихъ на бахчи, на машину или на молотилку къ мѣстному купцу. А тамъ, извѣстно, прикащики да купеческіе сынки... не зѣваютъ!

— Въ степь—такъ въ степь. Не мы, такъ другіе, закричали охотники.— О чемъ тутъ толковать!.. Надо забрать побольше вина и водки.—Пряниковъ и конфектъ не забыть-бы... Степныя дѣвки не хуже городскихъ—сладкоѣшки.

Селезневъ написалъ записку въ колоніальный магазинъ и отправилъ съ нею лакея.

— Купи струнъ для гитары, сказалъ онъ.— Не забудь! Да у меня, смотри, чтобы живо!

— Неужели и гитару съ собой возьмешь? Это мы важно время проведемъ. Дѣвки пѣсни будутъ играть подъ музыку.

— Карты также слѣдуетъ забрать: дѣвкамъ гадится о женихахъ гадать.

— Можетъ быть, и сами сыграемъ по маленькой?

— Вѣрно, поповичъ! Колумбъ настоящій ты сегодня.

Дружный хохотъ товарищей былъ отвѣтомъ хозяину. Изрядно выпивъ и закусивъ, наши боеры разлеглись отдыхать на кушеткахъ и диванахъ. Послѣобѣденный сонъ и прохладительная, прямо съ ледника, астраханская дыня освѣжили охотниковъ. Они сходили на рѣку искупаться и, передъ отъѣздомъ въ степь, были уже окончательно трезвы.

Разговоръ о сироткахъ я приписалъ водкѣ и былъ увѣренъ, что протрезвившіеся охотники болѣе къ нему не вернуться.

III.

Много лѣтъ тому назадъ мнѣ приходилось очень часто бывать въ степи за стрепетами и дрофами. Убивать осторожную степную птицу приходилось рѣдко, но я всегда оставался доволенъ поѣздками въ отдаленныя степныя села и деревни. Степной мужикъ богаче и дороднѣе пригороднаго; тѣломъ „бѣлѣ“, какъ говорятъ о нихъ. Высокій и плечистый, онъ смотритъ на васъ въ своей глуши покойно и независимо. Степныя села съ базарами, огромными мельницами и лавками, съ одоньями хлѣба и сѣна необыкновенныхъ величинъ, раскинуты по большой дорогѣ, но чаще въ боку отъ

нея, скрываясь за буграми и поросшими раки-
той и ветлами ручьями. Совсѣмъ иное близъ го-
рода. Пусто въ пригородной деревнѣ! Злая и
голодная собаки неистово побреживаютъ на про-
ѣзжающихъ, опрометью бросаясь подъ ворота при
каждомъ враждебномъ имъ движеніи и снова то-
ропливо выскакивая, какъ-то бокомъ, поджимая
хвостъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ храбрые, сытые,
степные цы. Проѣзжайте пригородное село во
весь карьеръ и вы не рискуете задавить малень-
кихъ ребятишекъ, гусей или куръ; развѣ пере-
ѣдете посреди дороги растерзанную собаками
кошку и напугаете хромую старуху, плетущуюся
къ рѣкѣ—перемыть бѣлье.

Степное село — людное: съ птицей и множе-
ствомъ любопытныхъ лицъ на улицѣ. Малые ре-
бята съ гикомъ несутся вслѣдъ за барской брич-
кой и науськиваютъ на нее мужественнаго пса.
Встрѣченный мужикъ вслухъ замѣчаетъ о томъ,
куда вы ѣдете, и вступаетъ съ ямщикомъ въ ко-
роткій разговоръ о вашей личности и дѣлахъ, по
которымъ вы ѣдете. Румяныя лица молодухъ, вы-
сунувшіяся изъ оконъ, не прячутся отъ васъ. Вы
догоняете нѣкоторыхъ по селу и невольно своимъ
повеселѣвшимъ лицомъ оказываете вниманіе вели-
чавымъ славянкамъ. Въ тотъ же мигъ онѣ замѣ-
чаютъ какой-нибудь вашъ внѣшній недостатокъ и
веселымъ голосомъ вышутятъ его. Въ супруже-
ской жизни онѣ строго соблюдаютъ „Законъ Бо-
жій“ и иронически говорятъ:

— „По любви“ живутъ въ „губерніи“... А ка-
кая это любовь? Обманъ одинъ. Гдѣ правда —
тамъ и счастье... Вотъ надо какъ!

Забитыя „сиротки“ и прежде водились въ степи, но, по своему сиротству, онѣ, едва-ли, могли помышлять о чувственной жизни. Цѣломудренная и вмѣстѣ суевѣрная степь не знала трактира и даже кабака не вездѣ былъ „публиченъ“. Водка продавалась къ празднику тайно и по знакомству.

Хлѣба, въ большинствѣ случаевъ, въ степи было довольно и рѣдкому крестьянину не хватало его до „нови“. Чѣмъ дальше углубляешься въ степь, тѣмъ рѣже попадаются помѣщичьи усадьбы, вполне процвѣтающія только тогда, когда окрестный мужикъ задолжалъ помѣщику съ зимы и долженъ будетъ въ страдную пору бросить для него уборку собственныхъ полей. Лошади въ степи — сытыя, скотина — крупная, возы огромные. Крестьяне пригородныхъ селъ съ завистью вздыхаютъ, когда длинный, скрипучій обозъ тянется мимо ихъ избъ или остановится посреди села покормить лошадей.

— Степные! говорить хозяйка-баба, заслышавъ на всю улицу фырканье и жеванье овса лошадыми. — Жисть этимъ Сампурскимъ, да Загряцкимъ! Всего у нихъ въ волю! То-то-бы хорошо, мечтаетъ баба вслухъ: кабы Господь помогъ Феньку отдать за мужика въ степь, въ Панзаря или Сампурь...

— Въ степь! передразниваетъ пьяный мужъ. — Чаго-такъ?.. Или своего хлѣба мало?

— Чаго? Небось съ тобой, каторжнымъ, слаще жысть?... День и ночь рукъ не складаешь, а нѣтъ тебѣ ни кафтанчика, ни платочка. Во рту иную пору пересохнетъ, испила-бы кваску или молочка

похлебала-бы съ хлѣбцомъ, а гдѣ его взять? Когда у насъ, отродясь, коровка-то водилась?

Идутъ перекоры между мужемъ и женой длинной, зимней ночью. Крѣпко ругнетъ онъ ее и хватить по головѣ толстой лучиной. Смолкнетъ дня на два завистливая баба, пока опять въ полночь не разбудить ее говоръ степныхъ мужиковъ.

— Ишь, и морозъ степнымъ ни по чемъ! Известно, шубы у нихъ теплыя, валенки высокія на ногахъ... Свои овечки! сквозь сонъ начинается старая, знакомая мужу пѣснь о томъ какъ онъ заѣлъ женинъ вѣкъ, и какъ ни одного сладкаго дня она не видѣла съ нимъ.

— Въ степи мужикъ бабу милуетъ, не бьетъ... Даромъ что многіе старой вѣры. Раскольники, а лучше васъ, чертей!..

— Ахъ, ты!.. Прижгутъ тебѣ на томъ свѣтѣ каленымъ желѣзомъ языкъ, вѣдьма ты, анаѣемская! Ишь, что говоритъ! Кнутомъ бы тебя...

— А ты, Яковъ, не серчай, черезъ минуту говоритъ жена и, поднявшись съ лавокъ, лѣзетъ къ мужу на палати.

Толстые, жирные и добродушные степные мужики и не менѣе здоровыя ихъ хозяйки — много даютъ пищи помечтать пригородному крестьянину о сытой жизни въ степи съ арбузиками, коровкой и крѣпкимъ запоромъ у воротъ.

IV.

Было съ небольшимъ десять часовъ вечера, когда мы выѣхали на большую дорогу, по направлению въ степь.

— Въ Кресты! весело крикнулъ Селезневъ кучеру, называя деревню, куда надлежало намъ ѣхать.

На одной телѣгѣ съ нимъ сидѣлъ офицеръ Шубинъ, а Перекрестовъ со мной на бѣговыхъ дрожкахъ.

Первое время мы ѣхали быстро и очень скоро миновали болотистое мѣсто передъ деревней—называемое „Кодыремъ“ и самые „Дворики“ за деревней Кузьминкой. До сихъ поръ наша дорога была съ попутчиками; но за „Двориками“ потянулась степь и мы остались совершенно одиноки.

Тихо и пусто на нѣсколько десятковъ верстъ. Негдѣ въ степи обломиться сучку или треснуть дереву... Нѣтъ здѣсь заколдованныхъ буераковъ, горъ или лѣсной чащи, гдѣ лѣшій хлопаетъ въ ладоши и пугаетъ путника; нѣтъ глубокой рѣки, гдѣ бы плѣла русалка тоненькимъ голоскомъ и такъ жалобно, кончая пѣсню неопредѣленнымъ звукомъ у васъ надъ головой впереди, напротивъ мѣсяца... Тихо и спокойно на степномъ трактѣ! Пыль, лѣниво подымавшаяся съ дороги и фантастично тянувшаяся къ мѣсяцу, еще болѣе напоминала намъ, что мы совершенно одни... Велико-россійская степь, живая днемъ, вымираетъ ночью... Деревни гдѣ-то далеко на сжатыхъ равнинахъ съ косогорами на горизонтѣ. Рѣдко, рѣдко, какая-то,

безъ начала и конца, замреть въ воздухѣ мелодіа, подъ которую такъ печально и такъ много думаешь о своей судьбѣ. Много южнѣе,—украинская ночь съ ея полумракомъ и зеленью, чаруетъ человека и разливаетъ въ немъ страстныя иллюзіи и жизнь... Наши же ночи, на тамбово-рязанскомъ и саратовскихъ равнинахъ, обнаженные и безъ кустика, тяжело давятъ человека, и хочется ему думать свою думку, и плакать въ одиночку... Мертвая степь! Яркая ночь! Вспоминаешь свою юность, будущего нѣтъ, живешь воспоминаніемъ и радостно привѣтствуешь степного перелета, изрѣдка нарушающаго молчаніе степи созвучнымъ крикомъ: спать пора! Умирать пора!

Когда мы отѣхали болѣе чѣмъ полъ-пути, въ воздухѣ стало еще свѣжѣе и болѣе полевого запаха. Потянулъ струйками предразсвѣтный вѣтерокъ. Поблѣднѣвшая луна и звѣзды спрятались на востокѣ.

Подавленные мертвой тишиной ночи, охотники прекратили разговоры и шутки. Окаменѣлое отъ холода тѣло съ великимъ трудомъ противилось предразсвѣтному сну. Перекрестокъ дремалъ на бѣговыхъ дрожкахъ, едва не роняя изъ рукъ возжи и мнѣ приходилось постоянно слѣдить за нимъ. Одна богатырская фигура Селезнева по временамъ кашляла въ телѣги и перебрасывалась съ кучеромъ незначительными фразами. Наконецъ, и онъ сталъ кренить голову къ переду телѣги и на охотничьи сумки.

Вверху, надъ нами, что-то просвистало въ воздухѣ.

— Утки!—закричалъ, какъ встрепанный, Селез-

невъ. — Съ кормовъ летять! Ишь, какъ свистять крыльями.

Мы всѣ подняли головы и, при видѣ дичи, почувствовали, что кровь начала быстрее циркулировать по всему нашему тѣлу.

— Stop! скомандоваль Селезневъ.— „Эй! Проща! рюмку хересу, подушку и коверъ!“ передразнилъ онъ покойнаго Некрасова, приказывая кучеру остановить лошадь и достать корзину съ бутылками.

— Это не дурно придумано, похвалили мы его, закусивъ немного и выпивъ. Селезневъ поставилъ и поднесъ также рюмку водки своему кучеру.

Въ это время пролетѣло нѣсколько воронъ и маленькихъ ястребковъ. Востокъ покрылся бѣлыми, пушистыми полосами свѣта.

Пока охотники укладывали вещи на прежнія мѣста и распрямляли себѣ спину, Селезневъ обратился лицомъ на зарю и запѣлъ громкимъ голосомъ:

„Вотъ зоренька занялась,
А я, млада, поднялась!
Гря—янемте вдругъ—
Да—а—а—у—ухъ!
У—хъ!.. Ухъ!
Да ухъ!“

Перекрестовъ подхватилъ слова, и русская пѣснь, въ два чудные голоса повисла въ воздухѣ, перекатываясь къ разгорающему солнцу... Яркой полосой выглянуло оно изъ-за бугра и, вслѣдъ за пѣсней, подымалось выше надъ проснувшейся степью.

Вотъ зоренька занялась,
А я, млада, подвнялась!..

Стихли послѣднія слова пѣсни и жизнь зашевелилась по всѣмъ угламъ степи. Остатки тумана ползли съ полей, вслѣдъ за давно исчезнувшей луной и звѣздами; двѣ-три стаи скворцовъ опустились на зелень съ крикомъ и трескомъ.

— Живѣй, Антонъ Николаевичъ! Гони кучера, закричатъ Перекрестовъ.—Зарю надо захватить въ Крестахъ.

— Не успѣемъ...

— Успѣешь! Гони лошадей! Проѣдемъ сейчасъ село, а потомъ можно охотиться по ручью до самыхъ Крестовъ.

Усталыя лошади бѣжали рысью, но по селу мы должны были ѣхать шагомъ, по случаю наѣхавшихъ на базаръ изъ сосѣднихъ деревень телѣгъ съ арбузами, огурцами и прочимъ деревенскимъ товаромъ. Вozy только что развязывались и потому на дорогѣ была страшная толкотня.

— Дьяволы! ругался кучеръ на мужиковъ.— Повороты оглобли-то! Али не видишь?

— Куда воротить-то, чортъ, кричали ему въ свою очередь „степные“.—Возъ сломать хочешь!

Съ побранкою, но безъ толчковъ и зуботычинъ. выбрались мы изъ торговаго села, благополучно минуя стадо коровъ и глупыхъ овецъ съ гусями и гусенятами. За скирдами хлѣба и токами для молотбы, налетѣло на насъ нѣсколько голубей. Перекрестовъ хотѣлъ разрядить по нимъ ружье.

— Некогда, некогда! закричали мы.—Пошелъ впередъ! Черезъ полчаса настоящая охота начнется. Дупелей найдемъ. Тутъ всегда держатся.

— Теперь не далеко... Вонъ и Кресты! указаль кучерь кнutomъ на виднѣющіяся вдали мельницы.

По своей многочисленности и архитектурѣ онѣ казались издали огромными крестами.

Скоро мы спустились къ ручью. Передъ нами тянулся заливной лугъ, на которомъ паслась крестьянская скотина. Съ мелкихъ болотъ и заливовъ широкаго ручья раздавались заунывные крики степныхъ куликовъ и подымались мелкія стаи чирятъ, сновавшихъ и козырявшихъ по ручью то внизъ къ водѣ, то вверхъ.

— Присядь! Налетятъ! крикнулъ Селезневъ.

— Далеко...

— Можно было стрѣлять, не согласился Селезневъ.—Въ стаю-то легко выбить одного. Ну, обратился онъ къ кучеру,—поѣзжай одинъ къ Степкѣ Шарикову. Знаешь дорогу-то?

— Не въ первый разъ ѣзжу съ вами къ Степкѣ.

— Ну, такъ пошелъ! Вели готовить самоваръ. А мы отправимся лужкомъ къ ольхамъ. Можетъ быть, куропаточекъ тамъ встрѣтимъ. Бывало, водились онѣ.

Съ боку отъ насъ раздался выстрѣлъ по бекасу.

— Молодецъ Шубинъ! Крупнякомъ жарить! Комомъ свалился долгоносикъ! воскликнулъ Селезневъ и быстрѣе пошелъ по лугу по направлению къ болоту, осаживая голосомъ собаку и держа на перевѣсъ ружье съ взведенными курками.

V.

Наступило время обѣдать и въ воздухѣ началось „парить“ и пахнуть травами. Мы забили нѣсколько бекасовъ и направились къ Степкѣ Шарикову. Многочисленные стаи воробьевъ безтолковымъ полетомъ и крикомъ указывали на близость деревни. Скоро намъ на встрѣчу полетѣли горлинки изъ огородовъ и коноплянниковъ.

Поравнявшись съ деревней Кресты, я былъ пораженъ огромными одоньями ржи, стоящими вокругъ каждой избы.

— Эти запаслись хлѣбцомъ,—невольно произнесъ я.

Удары цѣпомъ о солому на токахъ заглушали разговоръ. Хлѣбная пыль съ соломенной шелухой, подхватываемая вѣтромъ, уносилась въ степь на далекое пространство и засаривала глаза. Воздухъ пахнулъ мукой и раздражалъ наши пустые желудки.

— Это, кажется, изба Степки? Вонъ и нашъ кучеръ.

— Какое у тебя прекрасное зрѣніе.

— Не могу пожаловаться на глаза, согласился Шубинъ,—я отсюда вижу, что Степка идетъ къ намъ на встрѣчу.

Приблизительно минутъ черезъ двадцать съ нами поравнялся Шариковъ и, фамиллярно поздоровавшись за руку съ каждымъ, повелъ насъ къ себѣ.

— Поставленъ у тебя самоваръ?—прежде всего спросилъ Селезневъ.

— Два раза углей подкладывал... Выучился теперь ставить,—засмѣялся въ отвѣтъ Степка, припоминая, какъ въ первое время ему трудно было заставить кипѣть самогрѣй.

— Давно я не видалъ тебя, баринъ,—обратился онъ ко мнѣ привѣтливо.—Слушокъ здѣсь былъ про тебя... Рѣку вылакать хотѣлъ ложкой...

— Былъ грѣхъ такой... Но вотъ опять, слава Богу, пріѣхалъ къ твѣ на охоту.

— Ушелъ медвѣдь отъ рогатины,—произнесъ онъ. Степанида будетъ рада... Часто вспоминала васъ.

— Спасибо ей... А ты что-же такой блѣдный?

— Хворь, баринъ... Плюхъ много сидитъ во мнѣ. На Спасъ-Преображенья крѣпко побили у кабака... Да такъ, зря! Поклепъ былъ на меня.

„Свороваль, должно быть, въ кабакъ у своего-же пьяненькаго брата“,—грустно подумалъ я, припоминая прежняго Степана, когда онъ не пилъ и былъ уважаемъ всею деревней.

Давно это было, когда я ѣздилъ въ степь со старыми охотниками и находилъ въ семьѣ Шарикова какую-то честную гордую независимость и безкорыстное радушіе степного мужика. Звали всѣ Шарикова—Степаномъ, а нынѣ, когда онъ десятый годъ уже женатъ, вся деревня зоветъ его „Степкой“. Онъ утратилъ видъ, внушающій къ себѣ уваженіе и сталъ даже для уличныхъ ребятишекъ „Степкой Шариковымъ“. Каждый чувствовалъ свое превосходство надъ нимъ при первомъ впечатлѣніи. Я внимательно вслушивался въ его слова и голосъ; что-то подгородное слышалось въ нихъ... Странно звучали они въ степи.

— Къ празднику, намерднись, поджидали васъ, Антонъ Николаевичъ! Хозяйка моя изъ новой мучицы блинчиковъ напекла... Все думалъ, вотъ-вотъ подъѣдемъ Антонъ Николаевичъ. Съ вами и праздникъ слаще.

— Праздника сладкаго захотѣлъ! Давно-ли это ты, мужицкая харя, къ сладкому-то привыкъ?

— А какже, Антонъ Николаевичъ: муха и та ищетъ меда... Мы должны около господъ виться! Ноги мыть имъ и эту воду пить... Бываетъ, однако, и такъ, что иной господинъ одно горе. Вотъ хотя-бы взять того офицера, который ѣзжалъ прежде съ вами.

— Ну?

— Сколько дичи я ему перебилъ... Лучшій кусокъ во шахъ ему клали; въ молоко, когда-бы не спросилъ, никогда отказу не было. У сосѣдей брали! Сколько сахара моего собственного за самоваромъ перекушалъ. Въ лавочкѣ въ долгъ отпускали, а пользы отъ офицера я до сихъ поръ никакой не видѣлъ.

— Свины эти мужики! Никогда ничѣмъ они не довольны, — тихо замѣтилъ мнѣ Перекрестовъ. — Сколько-бы вы имъ не давали пороху, дроби или городскаго провіанта за то, что переночевали у нихъ, они всегда найдутъ, чѣмъ попрекнуть васъ за глаза.

— Это подъ городомъ такіе...

— Все равно... Степка давно пересталъ быть „степнымъ“... Ишь, негодай что проповѣдуетъ: „около господъ виться!“ „Ноги мыть и воду пить“...

Огромная фигура Степки, безъ шапки и сапогъ, въ одной сорочкѣ и вытертыхъ шароварахъ,

«страшно опошлялась угодливостью, съ какою онъ относился къ Селезеву.

— Куропаточекъ думаете отыскать, Антонъ Николаевичъ? Врядъ-ли найдете! На прошлой недѣлѣ пріѣзжали ребята съ мельницы; разогнали и выбили всю дичь.

— А не будетъ куропатокъ, зови дѣвокъ пѣсни играть!

— На бахчи ушли, къ купцамъ, Антонъ Николаевичъ. Развѣ послѣ завтра, подъ праздникъ придутъ. Всѣ ушли... Осталась одна солдатка въ концѣ деревни...

— Бабъ не надо...

— А хорошая, убѣждалъ Степка. Дѣтей не имѣла и года не жила съ мужемъ... Есть еще черничка... Но та рожала. Обманывать не хочу.

— Ты лучше, помнишь, какъ прошлаго года.

— Нѣтъ, Антонъ Николаевичъ, этого нельзя... То долго дѣлается. Время выждать надо. Если-бы вы письмоцо прислали за недѣлю, ну, къ пріѣзду вашему было-бы готово. Теперь ваше дѣло не подойдетъ.

— Дуракъ! Кто-же въ письмѣ объ этомъ пишетъ?

— Вы-бы только написали, что пріѣдете. Объ остальномъ догадался-бы самъ! Не первый разъ вамъ служить, Антонъ Николаевичъ. Чай, знаю ваше желаніе. Завсегда награждали хорошо... Мы съ Степанидой всю зиму были отъ васъ съ чаемъ и сахаромъ. Что перевозили его намъ! За вами хлопоты не пропадутъ.

— Ну, то-то... Смотри-же... сбѣгай на деревню. Скажи: гитара есть. Пѣсни будемъ играть.

— Вотъ развѣ гитара да пѣсни! Придутъ которыя остались... Вѣрное слово, придутъ, если сказать, что гитара есть. Какъ прошлаго года... Только надо осторожнѣе теперь, Антонъ Николаевичъ. Какъ-бы чего не вышло.

— Ничего, братецъ, не выйдетъ... Не бойся. Придутъ дѣвки угостимъ ихъ чаемъ съ коньякомъ и пряниками. Чего-же ты боишься? Видишь: сколько привезено!

Степка размѣялся и, какъ счастливый ребенокъ, припоминалъ тотъ фактъ, какъ прошлаго года Антонъ Николаевичъ бросалъ цѣлыми горстями пряники на середину улицы, а дѣвки съ крикомъ бросались за ними, вырывая ихъ другъ у друга... Послѣ того, нѣкоторыя дѣвки, попривыкли, стали заходить въ сѣни къ охотникамъ выпить „церковнаго“ и получить „даромъ“ монетку.

— Дай Богъ вамъ и теперь получить въ добрый часъ, что задумали-загадали...

Вычурные отвѣты поражали меня въ Степкѣ. Я помнилъ его гордымъ, немного насмѣшливымъ и всегда отказывающимся отъ денегъ, когда охотники предлагали ему ихъ за ночлегъ и хлѣбъ-соль. Помню, однажды, онъ выразилъ сожалѣніе, что ему не хватаетъ пятнадцати рублей купить корову.

Мы дали ему дополнительные деньги. Черезъ мѣсяцъ онъ привезъ намъ въ городъ долгъ и прекраснаго сливочнаго масла.

Мы взяли масло на деньги.

— Степанидѣ не говорите,—сказалъ онъ.—Гнѣваться будетъ на меня: зачѣмъ взялъ! Это ея подарочекъ вамъ... Масло-то!

Самыя идеальныя представленія о степи у меня сохранились съ имѣнемъ Степана Шарикова и его жены Степаниды.

Приближаясь къ мѣсту нашей стоянки, я пристально всматривался въ избу Шарикова, какъ-бы желая, по наружному ея виду, угадать причину деморализаціи ея хозяина.

Та же стояла знакомая мнѣ изба съ двумя трубами и наружными сѣнями; только на большомъ дворѣ было какъ-то пустовато. Телѣга валялась въ углу подъ навѣсомъ полуразбитая, да нѣсколько кадушекъ, начатыхъ и неоконченныхъ Степаномъ. Прежде насъ встрѣчало веселое кудяхтанье куръ, визгъ поросенка или шаловливый и въ высшей степени заинтересованный нашими собаками теленокъ.

Степанида, замѣтивъ насъ въ сѣняхъ, не сдѣлала шагу на встрѣчу гостямъ. Она даже не бросила мыть посуду, которую держала и терла въ рукахъ. Холодно отвѣтивъ легкимъ наклоненіемъ головы на громкое привѣтствіе Селезнева, она еще усерднѣе занялась своимъ дѣломъ.

Я подошелъ къ ней, какъ старый знакомый, и поздоровался съ ней за руку. Она не выразила ни радости при свиданіи, ни удивленія тому, что я такъ неожиданно изъ Петербурга пріѣхалъ къ ней въ степь.

Привѣтливая Степанида смотрѣла на насъ теперь враждебно и съ явнымъ раздраженіемъ. Тонкія черты лица ея были сурово сдвинуты, а изъ-подъ черныхъ бровей сверкала пара карихъ глазъ недужно и лихорадочно.

— Что, Степанидушка, глядишь не весело, голо-

вушку повѣсила?—пошутилъ надъ ней Селезневъ и ласково ударилъ ее ладонью по спинѣ.

Она отошла въ сторону и ничего не сказала.

— Ишь,—выругался Степка.—Ты къ ней, а она, какъ ежъ!

— Дуракъ ты, дуракъ!—сказала она мужу. А еще мужикъ... Гдѣ-бы послѣднюю рожь убрать съ поля... Который день снопы разбросаны, а онъ съ охотничками валандаться увязался! Ты за лѣто-то сработалъ-ли что? Грѣхъ вамъ будетъ, Антонъ Николаевичъ: всю весну поили мужика, да сквернымъ дѣламъ учили, а кто насъ зимой кормить будетъ?

Степанида не стала слушать отвѣта и не присѣла за столъ къ чаю, какъ прежде, по нашему приглашенію. Съ чувствомъ гадливости отшатнулась она отъ бутерброда съ икрой и сказала:

— Эта господская пища! Не кстати мужичкѣ... Вотъ дуракъ-Степка тотъ все слопаеть.

— Обыкновенно все слопаю,—отозвался тотъ, принимая съ умиленіемъ изъ рукъ Селезнева, бутербротъ.—Ишь, сласть какая! Такъ и таетъ, такъ и таетъ во рту. И жистъ господамъ! Хоть-бы годочекъ такъ пожить, какъ вы живете, Антонъ Николаевичъ! Умирать не надо!..

— Дуракъ! прямой дуракъ!—ругалась Степанида въ сѣняхъ.—Ты возьми да обворуй купца... Лучше Антона Николаевича жить станемъ.

Посмѣиваясь надъ жениными словами, Степка уплеталъ тѣмъ временемъ огромный кусокъ ливерной колбасы, специально для него привезенной. Водка развязывала постепенно языкъ всей компаніи.

VI.

— Послѣ чаю мы соснемъ маленько,—сказалъ Селезневъ.—А ты, Степка, къ вечеру сбѣгай на деревню и узнай.

— Знать-то мы и теперь знаемъ, да такъ сразу-то этого дѣла не сдѣлаешь.

— Разговаривай! Прошлаго года сдѣлалось, а теперь нѣтъ.

— Время другое было, Антонъ Николаевичъ. Теперь какъ ты ее вызовешь изъ избы на тайный разговоръ? Тогда старшіе въ полѣ были, а теперь никакъ нельзя. Деньги нужны были, а теперь каждый съ хлѣбомъ.

— Ну, братъ, это ты врешь: деньги во всякое время нужны. Ты просто, скотъ, не хочешь услужить намъ.

— Что вы, Антонъ Николаевичъ, да развѣ я отказываюсь? Мнѣ не трудно сбѣгать... Сбѣгаю! Успѣха не ожидаю. Трудно теперь... Помните я, вамъ сказывалъ, купецъ Шиловостовъ нанялъ въ Крестахъ дѣвочку въ услуженіе къ себѣ въ семейство. А на повѣрку-то вышло другое. Теперь пріѣхала въ степь и навезла для матери ситцу, платковъ, а отцу—сукна цѣлыми кусками... Въ люди черезъ нее всѣ выйдутъ. Вѣрно говорю. Такъ дѣвка пропала-бы на бахчахъ съ приказчиками... Тоже и купеческіе сынки не жалѣютъ ихъ! Теперь отца-мукосѣя въ люди выведетъ. Купцомъ будетъ со временемъ. На будущій годъ, говорятъ, хотятъ снять въ аренду подъ просо поля за кривымъ ручьемъ. Видали, какія поля? Соберетъ боль-

шую деньгу онъ съ нихъ, если уродится... Много собереть.

— Ну, что-же: обѣщай и ты, что всѣ вернутся въ степь барынями...

— Такъ нельзя, возразилъ Степка.—Виду не подавайте, что у васъ тамъ въ мысляхъ... Васъ не учить, Антонъ Николаевичъ, какъ эти дѣла раздѣлывать. Лучше позовите сюда дѣвокъ пѣсни играть, да винцомъ угостите...

— Молодецъ ты, Степка, на всѣ руки...

— Можно и турками попугать,—продолжалъ тотъ. Осенью, говорятъ, наборъ будетъ изъ дѣвокъ... Въ турецкую землю повезутъ... Призывали ополченцевъ въ городъ и сказывали тамъ, что русскіе завоевали турецкія земли, а заселять ихъ некому. Такъ пустуютъ. Вышло распоряженіе отвести туда молодыхъ дѣвокъ и обратить турковъ въ нашу вѣру. Всю весну по волостямъ ѣздили какіе-то агелы: описывали у кого что есть... Какой доходъ съ десятины; сколько женатыхъ и холостыхъ; сколько лошадей и коровъ. Все до чиста спрашивали. А потомъ, къ будущему году, разборка пойдетъ: изъ какого семейства какую дѣвку въ турецкую землю отправлять. Что слезъ было, Антонъ Николаевичъ, когда ополченцы вернулись изъ города и стали пугать дѣвокъ турецкой землею. Теперь въ какой деревнѣ много ополченцевъ, ни одной честной дѣвки не сыщешь... Лучше такъ, чѣмъ замужество съ турками.

Значительно выпившіе охотники долго смѣялись надъ „деревенщиной“ и, наконецъ, спросили Степку: гдѣ-бы имъ отдохнуть, пока жара спадеть.

— Въ ригу идите. Тамъ легко на сѣнѣ-то. Какъ хорошо уснете... А на вечернюю зорю сходите за деревню... Можетъ быть, и убьете.

VII.

Въ продолженіе длиннаго разговора между охотниками и хозяиномъ, Степанида стояла въ сѣняхъ и ни разу не вошла въ избу. Когда охотники ушли въ ригу, а Степка распояской и безъ шапки направился по селу обдѣлывать порученіе, жена его молча подошла къ столу. Перемывая чашки, она упорно глядѣла въ окно, изъ котораго было видно, какъ ея Степка часто останавливался по дорогѣ, что-то размышлялъ и колебался. Вдругъ Степанида прекратила вытирать чашки и еще упорнѣе стала слѣдить за мужемъ. Я невольно повернулъ голову по направленію къ селу и замѣтилъ, что Степанъ слишкомъ долго стоитъ на одномъ мѣстѣ, обѣими руками взявшись за голову. Хорошо изучила Степанида своего Степана и знала, въ какіе моменты онъ всего болѣе безпомощнѣе и податливѣе на ея просьбы. Бросила она чашку съ полотенцемъ на лавку и стремительно выбѣжала на дворъ, махая рукой своему мужу:

— Не ходи, не ходи! Вернись!—кричала она.— Вернись, Степанъ... Послушай, что я тебѣ говорю!

Она бросилась къ нему на встрѣчу и, схвативъ его за руки, дотасила до хаты.

— Куда ты, чортъ! Сиди дома!—властно рас-

поряжалась она имъ у себя на дворѣ.—Иди, усни подъ навѣсомъ.

Молча, какъ виновный, Степка захватилъ въ избѣ зипунъ и прошелъ подъ конвоемъ жены къ полуразбитой подъ навѣсомъ телѣгѣ. Прикрывъ старую на ней солому зипуномъ, онъ повалился спать. Черные, какъ смоль, курчавые волосы покрыли ему все лицо, защищая отъ мухъ и солнца. Степанида нѣсколько минутъ постояла надъ нимъ, какъ бы опасаясь чтобы онъ опять не ушелъ на село.

Убѣдясь, что мужъ крѣпко заснулъ, она вернулась въ избу, съ сердцемъ замахнувшись на Селезневскую собаку, которая пришла въ избу.

— Ан-ну, куда! — закричала она на собаку. — Разорви тебя волки вмѣстѣ съ бариномъ твоимъ... Ишь, что жиру: не угадаешь, свинья или собака.

Нѣсколько разъ затѣмъ, она съ безпокойствомъ поглядывала въ ту сторону, гдѣ спали охотники, какъ-бы опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не вышелъ изъ риги и не помѣшалъ проспаться Степкѣ.

— Трезвый не то, что пьяный,—подумала она вслухъ, утѣшая себя слабой надеждой на то, что, можетъ быть, проспавшись, Степка не послушается Антона Николаевича.

— Давно это у тебя такъ? — спросилъ я Степаниду.

Она ничего мнѣ не отвѣтила, но я замѣтилъ, что каріе ея глаза были полны, съ трудомъ удерживаемыхъ, слезъ.

— Развѣ мы такъ прежде жили, какъ теперь? — произнесла наконецъ она, не скрывая своего горя.—

Чай, сами видали наше житье! Всего было у насъ вдоволь... Согласіе было съ мужемъ! Бывало, гдѣ свадьба, насъ зовутъ: „за согласіе ваше съ мужемъ просимъ къ себѣ,—говорили молодые.—Счастье намъ принесете“... Вотъ оно, какое наше счастье,—указала Степанида рукой вокругъ себя.—Видите!—Чего скрывать?... И пьеть и бить мужикъ... Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ѣзжать Антонъ Николаевичъ къ намъ въ степь, такъ и пошло наше разореніе. Нѣшто въ степи можно такъ жить?—Стыдъ на всю округу... Хуже господъ живемъ!

— Худо это кончится,—невольнo вырвалось у меня восклицаніе.

— Въ острогъ упекутъ охотнички моего Степана! Въ острогъ!!—повторила она.—Въ городъ повадился къ господамъ ѣздить! Сладко ѣдятъ господа и ему захотѣлось барскаго харчу... Отбился отъ степи... Въ городъ тянетъ! Грѣхъ Антону Николаевичу! Грѣхъ охотничкамъ! Вмѣстѣ ѣздить къ сударкамъ въ городъ; сосѣди сказываютъ, видали... Угостили мужичка разфуфыренной поганкой! Жену началъ бить... Зачѣмъ въ городъ не пущаю. Какъ базаръ, такъ и въ городъ. Пропадаетъ мужикъ за своихъ охотничковъ!—грустно заключила она жалобу, съ тѣмъ довѣріемъ и дружкой ко мнѣ, которыя напомнили мнѣ прежнюю Степаниду.

Красивой она была въ дѣвкахъ и первую пору замужества. Голось и походка казались благородными и властными, точно вся степь съ нивками, покосомъ да ширью небесной составляли владѣнія ея и Степана.

Но и Степанида не вынесла ударовъ руки, ко-

торая нѣкогда ласкала и нѣжила ее... Степанъ пѣть и бѣть свою Стешу! Къ господамъ ѣздить... Имъ что: господамъ — потѣха! А знаютъ-ли они, какъ надрывается сердце и грудь, какія свинцовыя слезы бѣгутъ изъ больныхъ и грустныхъ глазъ, когда далеко за полночь Степанида ждетъ своего Степана изъ города,—ждетъ и напрасно?... Сложь руки на высокой груди, стояла передо мной Степанида старухою въ двадцать восемь лѣтъ! Морщины явственно обозначались на ея нервномъ лицѣ и полная безвыходность положенія застыла въ выраженіи истрадавшихъ глазъ.

Я сталъ собирать охотничьи принадлежности и облачаться въ нихъ, желая до пробужденія Селезнева и компаніи уйти одному на охоту и перебраться ночевать на другой конецъ деревни къ знакомому мужику Якову Коньшину.

— Куда-же вы? Какъ-же такъ?—съ сожалѣніемъ спросила Степанида, убѣдившись, наконецъ, что я не буду настраивать ея Степку на дурныя дѣла.— Устали, чай?... Отдохнуть-бы! Куды вамъ?

— Благодарю, Степанида. Въ другой разъ одинъ побываю у васъ въ степи. Скажи охотникамъ, что я приѣду въ городъ отдѣльно отъ нихъ... Чтобы не ждали! Принеси также изъ погреба убитаго мною бекаса.

— Я сталъ натягивать на ноги сапоги и, пока мучился съ ними, Степанида принесла застрѣленнаго мною бекаса и перемѣнила разговоръ:

— Чего тутъ ѣсть-то?—сказала она, взвѣсивая на рукѣ долгоносика.—Осенью поздней, когда заморозки пойдутъ, приѣзжайте къ намъ дудаковъ бить... Это такъ дичь! Стоитъ ѣхать.

— Пріѣду, Степанида... Пріѣду!

Набросивъ торопливо на плечи ружье, я сталъ прощаться съ хозяйкой.

— Прощай, Степанида. Душевно желаю тебѣ благополучія, — сказалъ я, протягивая ей руку и полтину денегъ.

— Она взяла деньги безъ благодарности, какъ отъ стараго друга, и только на пожеланіе ей благополучія безнадежно отвѣтила:

— Какое мое благополучіе! сгубили охотнички моего Степана. Въ городъ повадился каждый базаръ ѣздить. Развѣ въ степи можно такъ жить? Хуже господъ живемъ... Сами видѣли.

— Власть земли! что станетъ съ тобой въ недалекомъ будущемъ?—думалъ я, проходя по селу и боясь оглянуться на избу Степки Шарикова.— Кто выдумалъ эту власть земли надъ мужикомъ, если довольно нѣсколькихъ буттербродовъ и веселыхъ часовъ въ городѣ, чтобы мужикъ навсегда возненавидѣлъ деревню? Это не власть земли, а власть тьмы!—рѣшилъ я, преувеличивая въ отчаяніи все мною видѣнное, и мысли начали чередоваться во мнѣ все тревожнѣе и печальнѣе... А кругомъ было такъ хорошо: солнце слѣпило глаза золотыми лучами, кузнечики трещали своими красными крылышками, перелетая по изумрудно-зеленымъ лужайкамъ, а дѣти... крестьянскія дѣти, лучшія изъ всѣхъ дѣтей, съ бѣлесоватыми головками и мужественными личиками, провожали меня за село на выгонъ, какъ-бы желая сказать своими полуоткрытыми устами: отчего ты печаленъ и не смотришь на насъ?

— Милыя дѣти!

...Ростите на волѣ!
 На то вамъ и красное дѣтство дано,
 Чтобъ вѣчно любить это скудное поле,
 Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно.

Л И З А В Е Т А.

Остановившись на полустанкѣ, гдѣ намъ предстояло высадиться, мы прежде всего бросились выручать изъ багажа нашихъ гончихъ собакъ. Едва мы успѣли съ ними соскочить на платформу, какъ машинистъ далъ свистокъ и поѣздъ опять тронулся, сначала медленно, а потомъ все быстрее и быстрее.

Почуявши лѣсъ и жадно нюхая напавшій нѣсколько дней тому назадъ снѣгъ, гончія сильно тянули цѣпь и рвались изъ рукъ моего товарища.

— Смотрите, Сапуновъ: не упустите, замѣтилъ я. Сейчасъ убѣгутъ въ лѣсъ, тогда не докличешься. Это не легавыя собаки. Пойдемте къ линейному сторожу, съ которымъ мы били лѣтомъ тетеревей здѣсь.

Мы прошли по насыпи дороги съ четверть версты назадъ и спустились къ маленькой будкѣ.

Дворовая собаченка неистово залаяла на насъ, перепугавъ всѣхъ гулявшихъ вдоль изгороди куръ и пѣтуховъ.

Тѣмъ не менѣе, къ намъ никто не вышелъ на встрѣчу.

Въ сѣняхъ слышно было женское рыданье, и

когда мы вошли въ избу, то увидѣли хозяйку за занавѣсю на кровати, а мужа ея, съ убитымъ видомъ и трубкой во рту, посреди комнаты.

— Сынокъ померъ, сказалъ онъ на нашъ вопросъ. Вчера схоронили. Скарлатина, говорятъ... Вотъ и плачемъ.

— Не во время мы пріѣхали къ тебѣ.

— Ничего! Что-жъ... Все Богъ. Знаетъ, что къ чему... Вотъ она-то только... Чего ты? Будетъ тебѣ! кротко сказалъ онъ женѣ и, обернувшись къ намъ, спросилъ: Куда-жъ мнѣ васъ сводить на зайцевъ?.. Нѣшто къ Черной рѣчкѣ. Степанида, ты бы самоваръ наставила. Успѣете напиться чайку и пострѣлять. Нынѣ день-то свѣтлый. Степанида! Да, что-жъ ты? Будетъ лежать-то... Чтой-то, право! Ни пьетъ, ни ѣстъ и работа не держится въ рукахъ.

При этихъ словахъ Степанида еще плотнѣе прижалась къ подушкамъ, не въ силахъ заглушить стоны и слезы.

— Васинька! Васинька! Гдѣ ты? Что съ тобой? Грѣшные мы... Грѣшные! И дѣтей-то Господь у насъ поотнялъ!

— Будетъ, Степанида... Что-жъ ты это...

— Васинька! А, Васинька?

— О, Господи! произнесъ мужъ и, скрывая набѣжавшія на глаза слезы, сталъ доставать съ полки старый самоваръ. Чего-же стонешь-то, Степанида... Сама захвораешь.

— Хуже не будетъ, если поколѣю. Что мнѣ безъ Васиньки? отвѣтила она мужу.

— Ну, какъ же такъ? вмѣшался Сапуновъ. Какая ты... А Богъ-то? Умеръ, значитъ Богу такъ

угодно. Ребенокъ—не теленокъ: не зарѣжешь. Померъ своей смертью, тутъ Божья воля. Лишнимъ ртомъ меньше стало...

— Вы все ртомъ мѣряете, Николай Николаевичъ! вырвалось у ней, къ крайнему моему изумленію.

— Конечно, ртомъ! Однимъ ртомъ! упрямо отвѣчалъ Сапуновъ. Посмотри на младенца: онъ прежде всего разѣваетъ ротъ, если ему что либо нравится. Ротъ прежде всего развивается у человѣка и самъ человѣкъ есть то, что ѣстъ. Не кнутомъ лошадь бѣжитъ, а овсомъ. Человѣкъ та же лошадь.

— Это теперь хорошо такъ говорить, а подъ старость Богъ знаетъ, замѣтила она.

Заслышавъ, что Егоръ ставитъ самоваръ, Степанида поднялась съ кровати и вышла въ сѣни.

Когда сѣли за чай, Егоръ заявилъ намъ, что онъ сбѣгаетъ въ деревню къ охотнику за новой собакой.

— Это съ полверсты не больше... Я мигомъ!

Надвинувъ на голову рваную шапку, онъ побѣжалъ рысью къ деревнѣ по глубокому снѣгу, минуя для краткости проѣзжую дорогу.

Степанида сѣла рядомъ съ нами и, посмотрѣвъ въ окно на мужа, произнесла:

— Ночью работалъ на вокзалѣ съ грузовщиками... Днемъ-то онъ свободенъ. Походитъ съ вами по лѣсу.

— Но онъ, поди, усталъ?

— Мы ему заплатимъ, сказалъ Сапуновъ.

— Своя охота, не по неволѣ идетъ, перебила Степанида. Оселкомъ никто его не тащитъ. Вспо-

миналъ и такъ про васъ: чтой-то давно не были, говоритъ, мои охотники. Онъ шатушій съ господами-то... Зимой — такъ, сидимъ вдвоемъ, онъ вдругъ и вспомнитъ словечко какое отъ господъ... Откуда что! Васютку моего хотѣлъ въ школу предѣлать... Да не пришлось: Господь-Богъ не захотѣлъ. Грѣхи все наши, грѣхи!

Концомъ платка она закрыла себѣ глаза и снова тихо заплакала.

— Допей чай-то...

— Не хочу, отвѣтила она, и ушла опять за занавѣсъ.

Пришедшій съ новой собакой Егоръ началъ торопить насъ сборами.

— Я тѣмъ временемъ сбѣгаю на станцію. Телеграфистъ все просится сводить его на охоту.

— Да ты бы выпилъ чаю.

— Что за чай! Время не ждетъ... Это не лѣтомъ. Солнышко и такъ уже высоко.

Онъ вышелъ въ сѣни и рысью поднялся на полотно желѣзной дороги.

— Все-то онъ бѣгаетъ... Эдакая силища: ночью грузы таскалъ, а днемъ идетъ по снѣгу зайцевъ гонять.

— А все денежки, отозвался Сапуновъ: не по дружбѣ же онъ старается для насъ. Товарищество существуетъ тогда, когда дѣла хороши. У бѣдныхъ же людей круглый годъ черные дни. Умирайте вы подъ ножомъ разбойника и кричите караулъ въ пяти шагахъ отъ деревни, никто не выйдетъ къ вамъ изъ избы. Ковша воды даромъ не дадутъ здѣсь.

Завязавшійся между нами по этому поводу раз-

говоръ былъ скоро прерванъ приходомъ Егора и телеграфиста.

— Собирайтесь! Собирайтесь! торопилъ Егоръ, доставая со стѣны тульскую одностволку.—Снѣгу много напало на этой недѣлѣ... Найдёмъ ли зайцевъ-то?

— Это все равно. Лишь бы собаки побѣжали... По снѣгу-то имъ будетъ трудно, но все же лучше, чѣмъ въ городѣ на привязи.

Собаки были уже спущены и скоро, не смотря на снѣгъ, легко перебѣжали изъ лѣсу на опушки и поляны, пересѣкая ихъ по всѣмъ направленіямъ.

— Шукай его, косога, шукай! Аля-ля-ля! Аля-ля! Штурманъ! Поспѣха! Шукай! Шукай его! А-лю-лю! А-лю-лю! кричалъ Егоръ, идя впереди нась всѣхъ.

Черные дятлы, перелетая съ дерева на дерево и прыгая по ихъ вершинамъ, пронзительно кричали: клю! клю! клю! рры-ы!

— Ишь какіе рикошеты выдѣлываетъ носомъ по сухой осинѣ. Не заклюешь, съострилъ телеграфистъ. Чтобъ тебя!—ишь ореть... Точно чело-вѣка въ лѣсу манить.

Мы всѣ стали смотрѣть лѣсную птицу, нарушающую тишину однообразнаго зимняго дня. Солнце заливало лѣсъ яркимъ свѣтомъ и тающіе кристалы снѣга висѣли вдоль вѣтокъ, какъ слезы, преломляя всѣ цвѣта солнца. Сквозь эти лучи, разсыпанные по древеснымъ вершинамъ, внезапно появились вдали черныя пятна.

— Тетерева, воскликнули мы въ одинъ голосъ.—Ахъ, какъ жаль: не подпустить!

— Гдѣ же достать... Смотри-ка, сколько ихъ по лѣсу.

Въ этотъ самый моментъ тетерева замѣтили наше приближеніе и, шумно поднявшись съ деревьевъ, скрылись въ преломляющихъ лучахъ солнца за лѣсомъ.

Мы перебирались изъ одной рощи въ другую.

— Снѣгъ глубокъ, пояснилъ Егоръ.—Прошла пора съ гончими. Собаки вязнуть и заячій слѣдъ скоро бросаютъ. Пріѣзжайте въ другой разъ на облаву. Можетъ быть и выгонемъ изъ-подъ вагона.

Къ концу охоты измученный тяжелой дорогой по снѣгу, Сапуновъ первый запросился домой.

Солнце также давно перевалило на западъ, бросая золотые и длинные лучи почти до самыхъ нашихъ ногъ; въ то же время на противоположной сторонѣ тихо потянули нѣжныя тѣни отъ дерева къ дереву, отъ одной рощи къ другой. Весь лѣсъ сталъ полосатымъ: съ свѣтлыми вершинами и темными серединой и низомъ. Но вотъ солнце стало еще болѣе таять въ воздухѣ и расплывалось въ огромное желтое пятно безъ ядра, мелькая надъ лѣсомъ и, наконецъ, совершенно спускаясь на снѣгъ...

II.

Мы выбрались изъ лѣсу на дорогу и отъ усталости едва двигались, не смотря на то, что Егоръ на себѣ несъ нашихъ зайцевъ.

Мимо насъ проѣхало нѣсколько мужиковъ со связанными телятами въ саняхъ.

— На вокзалъ везутъ, сказалъ Егоръ.—Петербургскій купецъ скупилъ всѣхъ нашихъ телятъ.

Нѣкоторыя лошади управлялись женщинами.

— Много ли осталось до станцій? крикнулъ Сапуновъ молодой, крестьянской дѣвкѣ, отставшей съ своими саниами далеко отъ обоза.

— Не меньше, чѣмъ прежде.

— Ахъ, ты!.. Подвези, что ли?

— Кричать будешь, когда упадешь, такъ же насмѣшливо отвѣтила она и тотчасъ же весело разсмѣялась надъ усталою походкой Сапунова.— Ишь, дойный какой, а еле ноги волочить... Вареный!

— Посади барина-то, Лизавета.

— Нужда была! отвѣтила она Егору и задержала возжами.

— Изъ богатой семьи, замѣтилъ Егоръ.

— Ты, что-жъ, знаешь ее?

— Какъ не знать! Все ихъ село торгуетъ скотомъ.

— А сама-то она?

— Хорошаго поведенія...

— Толкуй! Въ деревняхъ у васъ тоже прогрессъ завелся: карты да гулянье.

— Есть... И у насъ есть! Всякія есть... Безъ разума значить живутъ. А Лизавета всѣ мужскія ухватки знаетъ: съ чѣмъ подъѣдешь, съ тѣмъ и уѣдешь... Былъ здѣсь тоже такой фельдшеръ, да не льститъ она на подарки.

Пока мы говорили о ней, лошадь ея, не умѣя идти крупнымъ шагомъ, опять отстала и мы вновь поровнялись съ нею.

— Какъ тебя по отцу-то звать? спросилъ Сапуновъ.

— Зимой — Кузьмой, а лѣтомъ — Филаретомъ.

— Ахъ, чортъ! Вотъ и говори съ нею. Продай теленка-то... Почему за фунтъ?

— Пять копѣекъ и на пятакъ столько же... Ты какъ мнѣ не скажи, я тебѣ отвѣтъ всегда дамъ. Ты думаешь, что барашекъ надѣлъ, такъ я отъ этого дурѣй стала. Я съумѣю отвѣтить, когда кто зря говорить.

— Такая-то мнѣ и любя, а то что иная: глина-глиной.

— Ишь, на что его повело... Самъ безъ ногъ, то-жъ, поди, разбираетъ!

— Подвезешь, что-ль? Лошадь-то у тебя какъ слонъ. Заплачу.

— Садись на счастье! Не надо мнѣ твоихъ денегъ.

— На счастье?

— На счастье! громко повторила сна и ударила возжами по лошади.

— А ты не боишься, что я ѣду съ тобой?

— Чего-жъ бояться тебя?

—оборотнемъ превращусь и съѣмъ тебя.

— Ну, черви заведутся... Помрешь!

— За тебя и умереть хорошо.

— Бормота! Ты что дальше, то хитрѣе.

Дальнѣйшаго разговора между ними мы уже не слышали. Лизавета погнала лошадь и нѣсколько опередила насъ.

Сумерки между тѣмъ сгущались. Свѣтовые лучи, нагулявшись по снѣжнымъ равнинамъ, разошлись въ разныя стороны и темъ съ опушекъ лѣса поднялась до самаго неба.

Раскатываясь ногами по укатанной саними и подмерзшей дорогѣ, мы молча шли къ станціи, мечтая отдохнуть въ будкѣ Егора. Вдругъ, впереди насъ, произошло неожиданное смятеніе. Лизавета громко кричала, а ея тяжелая лошадь неслася вскачь по дорогѣ.

— Никакъ волкъ? съ ужасомъ воскликнулъ Егоръ. Да бѣшеный... Стрѣляй въ воздухъ!

Дружный залпъ изъ ружей, однако не испугалъ его, а молодые гончаки тявкали, но не брали его.

Волкъ бѣжалъ наперерѣзъ испуганной лошади. Сапуновъ старался выстрѣлить въ волка и не могъ взять его на цѣль. Вслѣдствіе крутого поворота и толчка саней, онъ самъ вылетѣлъ изъ саней, выронивъ изъ рукъ ружье. У всѣхъ захватило духъ. Не было сомнѣнія въ бѣшенствѣ волка: онъ бѣжалъ какъ-то изогнувшись и не торопясь, съ подобраннымъ почти подъ животъ хвостомъ и сильно трясъ головой, точно ему мѣшали его собственные маленькія уши.

Лошадь сдѣлала нѣсколько скачковъ въ сторону и завязла въ снѣгъ. Лизавета тотчасъ же соскочила съ саней... А Сапуновъ, отъ ужаса и страха, поскользнулся, хотѣлъ схватиться за что-то въ воздухѣ, упалъ и безсильно нѣсколько разъ подымался на колѣняхъ и вновь падалъ.

Въ тотъ моментъ, когда волкъ былъ въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ, Лизавета загородила его собою. Я видѣлъ, какъ она подалась всѣмъ своимъ тѣломъ назадъ, высоко взмахнула руками и вдругъ низко опустила въпередъ всѣмъ корпусомъ на кинувшагося къ ней звѣря. Тотчасъ же

она поднялась на ноги, сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону и замахала намъ руками.

Когда мы приблизились къ мѣсту происшествія, то увидѣли, что Сапуновъ былъ блѣденъ, какъ смерть, а волкъ корчился въ снѣгу съ глубоко разрубленнымъ черепомъ. Онъ издыхалъ. Топоръ валялся тутъ же на дорогѣ.

— Молодецъ, Лизавета! вырвалось у меня и Егора: — какъ ты его?.. Слава Богу... Не укусилъ ли онъ тебя?

— Не-е! Угодила! Прямо въ лобъ... Такъ и завалился. Утромъ батька ѣздилъ въ лѣсъ за дровами и топоръ оставилъ въ саняхъ... Безъ топора не знаю, кому бы что досталось. Волчина-то съ добраго теленка.

— Слава Богу! Слава Богу!

Растроганный Сапуновъ полѣзъ въ карманъ за деньгами и началъ предлагать ей.

— На что?! Куды!.. Не надо-тъ! Не покусалъ ли тебя гдѣ?.. Иродъ-то этотъ, сказала она, ткнувъ концомъ ноги въ бокъ уже мертваго волка. Она подняла топоръ, вытерла его снѣгомъ и полушубкомъ.

Не прощаясь съ нами, она побѣжала назадъ къ своей лошади, вывела ее на дорогу и перевязала теленка, который отъ быстрой скачки распутлялся. Затѣмъ она сѣла въ сани и поѣхала догонять обозъ, уже не оборачиваясь къ намъ и совершенно забывая спасеннаго ею человѣка.

Скоро и мы подошли къ станціи, не переставая говорить о происшествіи. Тутъ же скрипѣлъ обозъ мужиковъ, на половину разгруженный отъ

телятъ, которыхъ крестьяне передавали приѣмщикамъ петербургскаго купца.

При нашемъ приближеніи выгрузка телятъ приостановилась. Лизавета стояла въ сторонѣ съ своей лошадыю и подкладывала ей сѣно. Ея полное, симпатичное лицо, съ веснушками на щекахъ было залито густымъ румянцемъ и загаромъ: круглые, съ поволокой глаза смотрѣли прямо и неустрашимо.

— Не расторопа же ты, баринъ! зазвучалъ ея голосъ съ прежней добротой и насмѣшкой при видѣ Сапунова.

— Даромъ что мужикъ и ружье въ рукахъ... А стрѣлять не умѣетъ и самъ вылетѣлъ изъ саней. Поди, въ трехъ мѣстахъ животъ болитъ съ перепугу.

— На обѣ ноги дралъ, а за дѣвку спрятался!..

— Аника-воинъ!

— За подолъ дѣвки уцѣпился!.. Поди, оборваль.

— Что зря молоть-то! крикнула Лизавета на мужиковъ. Хуже бабъ любятъ языки чесать... Что стали-то? Ко дворамъ пора собираться... Не ночевать-же тутка... Выгружай телятъ-то! закричала она на нихъ:—рты разинули... Ишь, забаву нашли! Надъ бариномъ смѣяться.

Мужики лѣниво принялись развязывать телятъ, придумывая что-нибудь сострить на нашъ счетъ. Сапуновъ вновь хотѣлъ предложить Лизаветѣ имѣвшіяся у него деньги, но Егоръ шопотомъ остановилъ его.

— Брось, баринъ... Нѣшто дѣвка возьметъ при народѣ. Дай мужикамъ выпить за твое здоровье.

Мужики тотчасъ же почтительно принялись

благодарить насъ и, между прочимъ, обѣщали на обратномъ пути свести волка въ сторону и зарыть на опушкѣ лѣса.

Возвращаясь домой, мы все время говорили о нашей Лизаветѣ и невольно вспоминали поэта:

Въ игрѣ ея конный не словить,
Въ бѣдѣ—не сробѣть, спасетъ!
Коня на скаку остановить,
Въ горящую избу войдетъ...

„МОХОВИКЪ“.

Мы условились съ Моховикомъ какъ можно раньше поутру идти отыскивать молодые выводки куропатокъ. Крестьяне говорили, что часто встрѣчаютъ ихъ на ржаномъ полѣ около деревни „Крутошки“, вправо отъ „Горокъ“, или слышатъ, какъ онѣ киргикаютъ зарями по пруснягу, тянущемуся въ сторонѣ отъ большого лѣса, принадлежащаго богатѣйшему землевладѣльцу, крестьянину - собственнику Запрягаеву. Исторія обогащенія Запрягаева рассказывается весьма различно; зато всѣмъ хорошо извѣстно, что въ домашнемъ своемъ быту Запрягаевъ живетъ, какъ свинья въ хлѣву: пьетъ-ѣстъ „деревенское“ и дѣтямъ не даетъ никакого образованія на томъ основаніи, что самъ онъ прожилъ вѣкъ безъ науки, а денегъ нажить, себѣ на старость и дѣтямъ на радость, съумѣлъ не хуже образованныхъ людей.

Товарищъ мой по охотѣ, Моховикъ, представлялъ изъ себя широкоплечаго рослаго мужика цыганскаго типа, обыкновенно босаго и вѣчно пребывающаго въ кабацкѣ погоста Марыни. Милость кабатчика Василия и право ночевать въ кабацкѣ онъ снискалъ тѣмъ, что вступился за его собаку: Василій былъ страстный охотникъ и воспитывалъ легаваго щенка, дрессируя его къ лѣту. Въ одинъ изъ собачьихъ уроковъ, когда десятимѣсячный щенокъ стоялъ на стойкѣ передъ кускомъ хлѣба, въ кабакъ вошелъ нищій и, ни слова не говоря, далъ щенку подъ ребра такого сильнаго пинка ногою, что щенокъ упалъ замертво.

— Лежи же и ты съ нимъ рядомъ! закричалъ Моховикъ, обрушивая на голову нищаго свой огромный кулакъ.

Нищій оправдывался тѣмъ, что онъ принялъ стойку собаки за намѣреніе укусить его, почему онъ и ударилъ ее. Моховикъ плохо вѣрилъ этому объясненію и нисколько не сожалѣлъ о томъ, что рядомъ съ обмершей отъ боли собакой упалъ и человѣкъ съ сумой. Собака отлежалась и выздоровѣла, хотя при встрѣчѣ съ каждымъ незнакомымъ человѣкомъ припадала на землю и ползла къ его ногамъ, какъ бы виноватая, съ просьбою не бить ее; нищій же на всю жизнь остался глухъ на одно ухо.

Надо полагать, что Василию очень понравилось это заступничество Моховика за бѣдное животное. По крайней мѣрѣ, съ этихъ поръ кабатчикъ никогда не гналъ на улицу Моховика, хотя бы у послѣдняго не было и трехъ копѣекъ опохмѣлиться.

Въ высшей степени незлобивый и всепрощаю-

шій, Моховикъ долгое время при взглядѣ на собаку съ негодованіемъ вспоминалъ нищаго:

— Добро бы баринъ какой, а то нищій зашибъ! ворчалъ онъ, поглаживая рукою ласкающуюся къ нему собаку. — Нищій, какъ я же, грѣшный, и не пожалѣлъ щеночка... Идолъ нескладный! змѣй!

— Будетъ тебѣ останавливалъ его кабатчикъ.

— Падла нелюдская! не унимался Моховикъ: — попадись мнѣ гдѣ на дорогѣ, гадъ пропасный!..

Прошло много времени, прежде чѣмъ Моховикъ забылъ эту исторію.

Другой случай въ жизни его, когда онъ вышелъ изъ обычнаго своего хладнокровія и добродушія, — былъ случай въ нѣкоторомъ родѣ романтическаго характера. Наканунѣ освобожденія крестьянъ, Моховикъ, тогда парень лѣтъ 18-ти, хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, въ свою очередь любившей его. Между тѣмъ бурмистръ, старый вдовецъ, ухаживалъ за этой дѣвушкой.

— Позови его къ себѣ въ хату, когда будешь одна, посовѣтовалъ ей Моховикъ. — Покажи видъ, что ты согласна на его слова, а когда нужно будетъ, стукни въ стѣну ногой, какъ бы нечаянно. Я на заваленкѣ услышу за стѣною...

Она согласилась и привела планъ въ исполненіе. Моховикъ, по условленному знаку, вбѣжалъ въ избу, схватилъ бурмистра, вытащилъ его изъ избы на улицу и протасилъ по всей деревнѣ, громко приговаривая:

— Смотрите, добрые люди!.. Бѣсъ облѣзлый! Студень ты этакій! Одинъ конецъ и мнѣ, и тебѣ... Пушай, что будетъ: острамлю тебя и себя не пожалѣю.

Бить, говорятъ, онъ не билъ бурмистра, только провелъ его по деревнѣ, при всеобщемъ хохотѣ народа. Конечно, эта исторія стала въ тотъ же день извѣстна барину, и тотъ придумалъ выдать дѣвушку замужъ за бурмистра.

Надругательство это такъ повліяло на Моховика, что изъ сильнаго и храбраго мужика онъ превратился въ труса и, на упреки въ пьянствѣ, равнодушно отвѣчалъ:—„затѣмъ и живу! на кабакъ работаю!“ Въ кабакѣ онъ себя держалъ смирно, не заводя ссоръ и дракъ, и помогая кабатчику усовѣщивать и усмирять другихъ буяновъ, а женѣ его—торговать по праздникамъ въ мелочной лавкѣ. Трусость его, при огромной физической силѣ, невольно обращала на себя вниманіе и давала поводъ къ многочисленнымъ насмѣшкамъ. Когда ему приходилось опаздывать со мною на охотѣ, то онъ не отставалъ отъ меня ни на шагъ по дорогѣ въ лѣсу, боясь встрѣчи съ медвѣдемъ или чертовщиной.

— Я, братецъ ты мой, говорилъ онъ:—натерпѣлся однава большаго страху. Вышелъ я изъ лѣсу на большую дорогу и иду себѣ домой съ прохладцемъ. Невдомекъ мнѣ, что надо будетъ проходить мѣсто, гдѣ годъ назадъ лихіе люди убили купца съ деньгами. Запомнювалъ я про это мѣсто. Прошелъ бы—и ничего, да дернулѣ меня оглянуться назадъ: смотрю, убитый-то купецъ, весь въ кровищѣ съ головы до ногъ, близехонько гонится за мной... А ужъ стало темнѣть въ полѣ! Я отъ него, а онъ-то—по пятамъ, ни на шагъ не отстаеетъ отъ меня; почитай до самой деревни гнался за мной, да, къ счастію, деревен-

скія собаки учуяли и залаяли. Прибѣгъ я къ воротамъ, а у самого и руки, и ноги дрожатъ. Не найти мнѣ затворъ и не попасть на улицу; ужъ чужой человѣкъ впустилъ... А собаки такъ и погнались въ поле за мертвымъ, какъ по звѣрю... Съ тѣхъ поръ, братецъ ты мой, я всегда къ ночи спѣшу уйти въ избу.

Воспитанный на суевѣріяхъ и напуганный въ ранней своей молодости, Моховикъ не выродился однако въ конокрада „съ воровской свѣчкой“ или грабителя сотовыхъ медовъ у пчеловодовъ. Своимъ чернымъ видомъ и честнымъ простодушіемъ онъ удивительно напоминалъ тетеревей-мошниковъ, среди которыхъ онъ и выросъ, прежде чѣмъ перебраться на житье къ „полевцамъ“, въ Марынщину. Его никто не называлъ христіанскимъ именемъ, и кличка Моховикъ была популярна не только въ „моховомъ краѣ“, откуда въ Марынщину можно было пробраться черезъ деревни „Перебродичи“ и „Переходичи“ съ большой опасностью „по кладкамъ“ на моховыхъ болотахъ, но и въ нашемъ краѣ, „у горшковъ“, — въ болѣе людныхъ деревняхъ съ горшечнымъ производствомъ и торговлею. По профессіи Моховикъ былъ граборъ, но все, что ему удавалось заработать рытьемъ канавъ или могилъ, онъ несъ „по крывать крышу кабака“.

— Брось пить! говорили ему.

— А на что бросить? спрашивалъ онъ. — Жены у меня нѣтъ; мать, хоть и осталась жить въ „моховомъ краѣ“, да она на прокормъ себѣ достанетъ...

— Отчего ты не женишься?

— Кормить жену будетъ нечѣмъ.

— А ты бы работаль...

— Видишь, бить-то меня некому!

— А ты самъ... Безъ палки...

— Братецъ ты мой родной! восклицалъ онъ.— Да нешто я не работаю? Сытъ и одѣтъ, а только хозяйства у меня нѣтъ, я и сижу въ кабацѣ.

— Досидишься до чего нибудь добраго! Вонъ, говорятъ, у „горшковъ“ становой, кого захватить вечеромъ въ кабацѣ, велить отправлять въ контору. А тамъ пьяныхъ сѣкутъ розгами...

— Сѣкутъ? Неужли правда? Да я къ „горшкамъ“ не пойду въ кабацѣ. Я норовлю подальше отъ конторы. Въ контору поволокутъ,—добраго не жди,

Разговаривая такимъ образомъ, мы набивали себѣ патроны и съ неудовольствіемъ посматривали изъ окна на погоду. Передъ нашимъ выходомъ въ поле, шелъ довольно сильный дождь, но затѣмъ облака, сгучиваясь, пошли въ разбродъ, и вѣтеръ мало по малу разогналъ ихъ. Но не отошли мы и двухъ верстъ, какъ облака снова заволокли все небо, и началъ сѣять дождичекъ называемый „сѣногноемъ“.

— Слѣдуетъ переждать, предложилъ Моховикъ и указалъ на сарай, виднѣвшійся въ полѣ.

По настоящему, слѣдовало бы вернуться домой и отказаться на этотъ разъ отъ охоты; но, повѣривъ Моховику, что погода до обѣда прояснится, я направился съ нимъ въ пуню съ сѣномъ досыпать часы, оторванные ранѣе отъ сна. Дѣйствительно, часа черезъ два или три, небо стало мѣстами бѣлѣть, и мы вышли изъ пуни по направленію къ пруснягамъ. Мокрая отъ дождя трава,

а болѣе всего — деревья и кусты измочили насъ хуже „сѣногноя“. Вслѣдствіе этого ружье Моховика дѣлало осѣчки или выстрѣлы съ затяжкой, а мое — формальные промахи, такъ какъ мокрому охотнику постоянно казалось, что куропатки подымались неудобно для вѣрнаго выстрѣла.

— Что съ тобой сдѣлалось? Этого раньше никогда не бывало... Стрѣляетъ—и промахъ, а попадаетъ—дичь летитъ въ лѣсъ, перекосившись на одно крыло.

— Погода, Моховикъ, виновата.

— Ты не смѣйся, а возьми, обмой ружье или оботри полой. Дай-ка я своими руками заряджу его, тогда снова будешь убивать.

— Пустое!

— Ну, ни въ вѣкъ не убить тебѣ изъ него, пока не протрешь. Пчелинщикъ-то, гдѣ ты вчера съ былъ, видѣлъ у тебя ружье?

— Видѣлъ.

— Вотъ моя и правда: онъ у насъ любитъ шутить. Такъ зашутить съ инымъ охотникомъ, что хоть бросай ружье.

Поднявшаяся безъ стойки куропатка перебила разговоръ и улетѣла невредимой подъ нашими выстрѣлами.

— Протри ружье моимъ шомполомъ, приставай Моховикъ:—что-жъ зря обсѣкать маковки деревъ.

Взявши кусокъ пакли и обмотавъ имъ конецъ шомпола, я протеръ давно нечищенные стволы ружья. Первые затѣмъ два выстрѣла были удачны, и Моховикъ торжествовалъ, сознавая свое прево-

сходство надъ моимъ невѣріемъ въ колдовство пчелинца.

— Ты пойми только, убѣждалъ онъ меня:— отчего у него пчела роится лучше всѣхъ?— оттого, что онъ слово такое знаетъ. У всѣхъ пчела мретъ въ дурной годъ, и воры обижаютъ пчелу; у него же все въ порядкѣ состоитъ.

— Значить, онъ хорошо знаетъ пчеловодство и лучше сторожить улья, чѣмъ другіе.

— Немудреная эта штука—пчелу содержать, и всякій хозяинъ оберегаетъ ее отъ воровъ... Да нѣтъ, не убережешь, коли слова не знаешь. Если имѣешь сотни двѣ ульевъ, то и доходы соберешь съ пчелы. А нажить большую деньгу съ тремя десятками ульевъ нельзя безъ тайнаго слова. Я-жъ знаю это дѣло.

— А какъ же пчелинецъ твой нажилъ цѣлое состояніе?

— Про то и говорятъ тебѣ, что онъ тайное слово знаетъ. Отъ него сторониться надо... Избави Богъ, разсердится: спортить всего человѣка. Наши воры къ ульямъ его и не прикасаются.

— Слѣдовательно, и пчела у него сыта и цѣла. Никакого тутъ нѣтъ колдовства.

— Давай, заложимся, если онъ не тайный человекъ! Такіе, братецъ ты мой, выверты онъ знаетъ, что и ворами въ нашемъ быту не дознать. Я хотѣлъ спойть его и допытать у него слово, да не сказывается: водку пилъ гораздъ со мною, а про слово—молчекъ!

— А если онъ нажилъ состояніе трудомъ и находчивостью?

— Не въ нашемъ это быту, братецъ ты мой! Съ чего нажить-то? Можетъ, у тебя въ столицѣ денегъ много; а здѣсь работаешь, не покладая рукъ, а денегъ и не спрашивай... У одного Запрягаева развѣ... Да и то по рукамъ больше розданы. При себѣ и онъ не держитъ.

„Пафъ! Пафъ!“ раздалися наши выстрѣлы, сливались въ одинъ, по яловой тетерькѣ, вырвавшейся съ боку изъ-за кустовъ.

— Убилъ?

— Свалилась! кричалъ на бѣгу Моховикъ.— За осиною съ кудрявой верхушкой!

Опередивъ мою собаку, онъ настигъ съ перебитымъ крыломъ тетерьку, которая ловко увертывалась отъ его рукъ, но въ концѣ концовъ была придавлена ногой и поймана.

Глухой раскатъ грома въ отдаленіи заставилъ насъ опять обратить вниманіе на погоду.

— Вѣдь это дождевая туча?

— Можетъ статья пронесетъ.

— Едва ли!

— А не пронесетъ, опять смочить насъ, братецъ ты мой... Сзябнешь на такомъ дождю. Ишь вѣтеръ переѣнился... холодный сталъ. Надо будетъ переждать у чухонъ.

— Гдѣ ты ихъ тутъ возьмешь?

— Въ лѣсу у Запрягаева. Изъ чухонщины онъ выписалъ ихъ къ себѣ.

Моховикъ отыскалъ тропочку, которая сначала черезъ болотины, а потомъ черезъ ломъ по вырубленному лѣсу вела къ чухнамъ-переселенцамъ.

— Скоро ли? спросилъ я, едва въ силахъ пере-

прыгивать черезъ сучья сухаго валежника, между которымъ ноги вязли въ болотистомъ черноземѣ, и мѣстами рвалась одежда. Обгорѣлые пни мазали насъ углемъ, когда мы нечаянно натыкались на нихъ.

— Минуемъ этотъ осиновый островчикъ, и будетъ почище.

— А чухны-то далеко?

— Тутъ же и огривокъ съ чухнами.

Крупныя капли дождя шумно начали падать на землю.

— Неужели пойдетъ ливень?

— Богъ дастъ, укроемся! произнесъ Моховикъ, выльзая на расчищенный изъ-подъ лѣса берегъ, засѣянный полевымъ горохомъ.

Вдали показалась соломенная крыша, и тявкнула дворовая собака. Едва мы добѣжали до первобытной—безъ дверей—избы, съ простымъ отверстиемъ въ одной изъ ея стѣнъ, какъ дождь съ раскатами грома полилъ обильными струями.

Я—въ чухонщинѣ.

Предо мною стоялъ чухонецъ лѣтъ двадцати восьми, одѣтый въ короткій пиджакъ и брюки изъ сѣраго толстаго сукна, годнаго больше для зимы, чѣмъ для лѣта. На ногахъ были грубые сапоги, а на головѣ—черная войлочная шляпа съ широкими полями. Съ тихимъ достоинствомъ чухонецъ поклонился намъ и улыбнулся, когда мы замѣтили, что въ избѣ у него не начѣмъ сѣсть. Кромѣ двухъ чурбаконъ, занятыхъ деревянными чашками съ остатками чернаго хлѣба, въ избѣ стояла печь безъ трубы, сложенная изъ булыжниковъ и простыхъ камней, обмазанныхъ глиной.

Земляной полъ былъ выложенъ по срединѣ засаленными камнями, на которыхъ чухны рѣзали все съѣстное и обѣдали. У одной стѣны было сдѣлано отверстіе, завѣшенное изнутри доской для защиты отъ вѣтра и дождя. Это отверстіе служило отдушиной, куда выходилъ изъ печки дымъ. Стѣны и крыша были черны отъ сажи и копоти. Отсутствіе стѣнъ и потолка, казалось, дѣлали такую избу для жилья зимою совершенно невозможною.

— А на нарахъ зимой живутъ, отвѣтилъ мнѣ Моховикъ и указалъ на рядъ бревенъ, изъ которыхъ былъ сдѣланъ надъ печкой родъ палатей.—Настелятъ туда стѣна да рваной одежды, такъ и не слѣзаютъ съ наръ. Медвѣдямъ лучше жить въ берлогѣ!

Выучившійся уже русскому языку чухонецъ добродушно улыбнулся при этомъ широкимъ ртомъ, не только не оскорбляясь словами Моховика, но, видимо, и не чувствуя, что ему живется хуже медвѣдя. Жена его, съ такимъ же благодушнымъ видомъ, не смотря на сильный дождь, копалась недалеко отъ избы въ огородѣ, а меньшой братъ пасъ корову и двухъ овецъ на ближайшей лужайкѣ среди кустовъ. Двѣ дочери хозяина: одна—трехъ, а другая—пяти лѣтъ, находились вмѣстѣ съ нами, не ревѣли и не пугались насъ; бѣленькія фигуры ихъ изображали скорѣе любопытство и изумленіе, какъ въ этомъ дикомъ и глухомъ лѣсу очутились чужіе люди, инаго покроя платья, инаго говора и наружности.

— Есть у тебя молоко? спросилъ я чухонца.

— Малоки нѣтъ... Одна корова.

- Баринъ тебѣ заплатитъ, замѣтилъ Моховикъ.
- Съ чего же я дамъ малоки? Одна корова...
- Ну, квасу дай...
- Нѣту квасъ... Есть вода.
- Неси!

Чухонецъ принесъ мутной воды въ жестяной кружкѣ и, напоивъ меня, видимо былъ доволенъ, услышавъ мою благодарность.

- Бобы ѣшь? спросилъ онъ.
- Неси!

Не спѣша, онъ пошелъ въ огородъ и, вырвавъ пукъ зелени съ толстыми стручками, съ тѣмъ же улыбающимся видомъ подалъ намъ ихъ.

— Ишь чѣмъ кормятся! брезгливо промолвилъ Моховикъ.—Бобы да вода, съ чего тутъ жить! Лучше нищимъ быть, чѣмъ держать такое хозяйство.

— Были и нищими, перебилъ чухонецъ:—а теперь не ходимъ по деревнямъ.

Моховикъ громко захохоталъ и, указывая на чухонца, произнесъ:

— Какъ поселилъ ихъ здѣсь Запрягаевъ расчищать лѣсъ, они первый-то годъ ничего не успѣли запахать себѣ. Однихъ сосновыхъ пней наворочали цѣлыя горы, да валежнику пособирали—что темный лѣсъ... А пни-то здѣсь... звона! постелю себѣ выдолбить въ каждомъ можно... Подкапаетъ чухна ему одинъ бокъ лопатой, засунетъ туда длинное-предлинное бревно, а на другомъ концѣ бревна пристроить свиное корыто, да камней туда наложить. Такъ пень и вывернетъ, какой онъ ни на есть. Большой трудъ положили они здѣсь на расчистку этого лѣса. Соха не па-

шеть, такъ крючьями вспахивали землю... Звѣрь не вынесетъ такой работы.

Выносливость этихъ „европейскихъ китайцевъ“ была дѣйствительно поразительна, и я спросилъ чухонца объ условіяхъ, на которыхъ они работаютъ у Запрягаева.

— Съ насъ онъ ничего не беретъ... Что расчистимъ себѣ, то и засѣмъ въ свою пользу. Шестъ лѣтъ такъ будемъ владѣть землею, а потомъ аренду придется платить, какую самъ хозяинъ назначить.

— Послѣ того какъ вы обратите ему земли изъ-подъ лѣса въ пашни и луга?

— Какъ есть...

— А много васъ здѣсь?

— Семей двадцать. Хозяинъ говоритъ: выбирай себѣ въ лѣсу любой огривокъ и расчищай его шесть лѣтъ даромъ. Мы и понаѣхали сюда. Въ другихъ мѣстахъ господа выписали нашихъ же чухонъ къ себѣ кирпичъ дѣлать... Первый годъ худая была наша жизнь; по деревнямъ ходили побираться.

— Придутъ въ деревню къ намъ, пояснилъ Моховикъ:—и просятъ у дверей или подъ окнами: „карти нѣтъ...“ картофеля значить,—„соли нѣтъ, табаки нѣтъ...“ Ну, всякій давалъ имъ: кто соли, кто табуку. Знали, что если чухна идетъ побираться, значить, ѣсть ему нечего... Поцѣлуешь чухна подаваніе и поидетъ къ себѣ въ лѣсъ пни выкапывать. Теперь они всѣ справились, никто милостыни не просить.

Жаль мнѣ было Моховика при этихъ словахъ. Онъ не былъ деревенскимъ нищимъ, идущимъ на

время съ сумой и христовымъ именемъ побираться въ кусочки—зимой и ранней весной, когда весь хлѣбъ съѣденъ, и не у кого признаться его до уборки съ полей собственнаго хлѣбнаго зерна. Хозяйства у него не было, и существовалъ онъ при условіяхъ, возможныхъ только въ Россіи. Во многихъ крестьянскихъ избахъ и господскихъ усадьбахъ онъ былъ желаннымъ гостемъ.—„А Моховикъ пришелъ!“ радостно встрѣчали его.—„Что давно не былъ? Садись-ка, помоги, вонъ, дичь ошипать“. Если не было дичи, когда это происходило у господъ, то кухарка находила ему другое занятіе: почистить самоваръ или сапоги барину, вымыть посуду или поправить какую нибудь сломавшуюся вещь. Сама барыня также умѣла найти ему занятіе около дорожекъ сада или цвѣточныхъ клумбъ.—„Отсѣки мнѣ голову и забрось ее, если я хуже тебя справлю обѣдъ господамъ!“ приставалъ онъ къ кухаркѣ, насмотрѣвшись около плиты на кулинарное искусство. Амбиціонная кухарка тотчасъ же принималась ругать его бродягой и цыганомъ,—что не мѣшало ей дѣлиться съ нимъ кускомъ пирога и стаканомъ чаю; а барыня, сверхъ того, приказывала накормить его обѣдомъ.

Въ избѣ у крестьянина Моховику не было занятій, но подъ навѣсомъ сарая мужикъ былъ радъ его даровой помощи. Такъ онъ кормился зиму и весну, бродяжничая изъ избы въ домъ, не работая регулярно ни лопатой, ни сохой. Лѣтомъ подвертывалась граборская работишка, и онъ рытьемъ канавъ или починкою дорогъ сколачивалъ себѣ денегенокъ на одеженку. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ нашъ братъ-охотникъ, за путеводитель-

ство по болотамъ, радушно скидывалъ съ себя въ концѣ лѣта и охоты длинные продыравившіеся сапоги или обносившуюся охотничью куртку и отдавалъ ихъ Моховику, совѣтуя не закладывать ихъ въ кабакъ, а отдать матери вычинить и носить самому.

Моховикъ-нищій былъ совсѣмъ инаго рода, чѣмъ нищій чухонецъ; а между тѣмъ ему уже стукнуло много лѣтъ, и крѣпла привычка не имѣть постоянного заработка и питаться въ кабакъ, у добрыхъ! пріятелей, или околачиваться около молодой кухарки въ господскомъ домѣ.

— Отчего бы тебѣ, Моховикъ, не попробовать также взять у Запрягаева расчислить себѣ земли изъ-подъ лѣсу?

— Чего? переспросилъ онъ, не довѣряя моему предложенію; и вдругъ уразумѣвъ, что я серьезно говорю, воскликнулъ:—нужда была! Чтобъ я сталъ пни ворочать у Запрягаева... Да я жизни своей не радъ буду. Пятьдесятъ рублей не возьму чтобы расчислить десятину изъ-подъ лѣсу. Всю силу собьешь, а пользы чуть съ того. Чухны, братецъ ты мой, особая статья! никто изъ насъ съ ними не сравнится. Супротивъ этого народа никто въ работѣ не выстоитъ, даромъ что онъ все дѣлаетъ тихо да шагомъ. Какъ зачали они ворочать пни и сжигать ихъ вмѣстѣ съ валежникомъ, такъ что позапасли зола, и давай ея посыпать поля... Большую пользу получили. Черезъ шесть годовъ будетъ съ чего платить аренду; а пришли сюда бѣднѣе насъ... какъ есть нищими! Особый, братецъ, это народъ... Ишь. дѣвченки-то ихъ, указалъ онъ рукою на смирно сидящихъ на полу

дѣвочекъ:—не плачутъ; а наши развѣ останутся
однѣ въ избѣ съ чужимъ народомъ?

Обстоятельство это, дѣйствительно, обращало
на себя вниманіе. Отецъ ихъ ушелъ изъ избы въ
огородъ, но онѣ оставшись съ нами, мирно и
спокойно играли между собою.

— Дождь идетъ, а они работаютъ, замѣтилъ
Моховикъ:—кто въ огородѣ, кто скотину пасетъ
въ лѣсу. Всѣ при дѣлѣ.

— И намъ бы, Моховикъ, надо къ дому про-
бираться. Дождь-то перестаетъ...

— Правда! воскликнулъ онъ, высунувшись на
дворъ.—Пойдемъ-ка помаленьку!

Проходя лѣсомъ, мы встрѣчали по пути та-
кія же избы другихъ поселившихся здѣсь чухонъ,
и я съ любопытствомъ разсматривалъ нечеловѣ-
ческое существованіе этихъ новыхъ „европей-
скихъ китайцевъ“. Тотъ же дремучій лѣсъ и ва-
лежникъ долженъ быть расчищенъ ихъ руками
подъ пашни и почти голыхъ нищихъ сдѣлать
черезъ два-три года добросовѣстными домохо-
зяевами.

— Право, Моховикъ, предложилъ я снова:—
возьми себѣ огривокъ у Запрягаева.

Онъ засмѣялся и черезъ минуту съ превели-
кимъ отвращеніемъ, указывая рукою на виднѣю-
щіеся въ кустахъ чухонскіе поселки, воскликнулъ:

— И ничего-то этому чухнѣ не надо! Былъ бы
хлѣбъ да табакъ, а за солью онъ и въ деревню
къ намъ сходить попросить горстку или двѣ...
Найдетъ себѣ бабу и живетъ съ нею, какъ кротъ
въ норѣ. Безъ хорошей, братъ, бабы—тоже онъ
не просуществовалъ бы... Баба у него—первая

статья въ хозяйствѣ. Эхъ, еслибы мнѣ узнать у пчелинца тайное слово! ну, поправилъ бы я свои дѣла... .

Скоро мы выбрались изъ лѣсу въ открытое поле, любуясь радугой, которая чуднымъ полусводомъ опоясала окончательно просвѣтлѣвшее отъ тучъ небо. Послѣ грозы въ воздухѣ стало хорошо, по весеннему...

По мѣрѣ того какъ мы приближались домой, и впечатлѣнія дня становились доступны разуму, я невольно думалъ: почему чужнѣ нужна только хорошая баба, чтобы стать самостоятельнымъ чело-вѣкомъ, а русскому мужику—тайное слово, безъ котораго онъ не вѣрить въ могущество труда и собственное возрожденіе?

„Л Ю Б Ж А“.

Въ селахъ и мѣстечкахъ нашего уѣзда кievской губерніи дѣвчата и молодицы любятъ рядиться и франтить не менѣе городскихъ барышень въ Кіевѣ. Стоитъ побывать на деревенскихъ ярмаркахъ и поглядѣть, съ какой страстью молодицы вертятся передъ крамомъ *), а дѣвчата, возвращаясь съ богомолья изъ Лавры, торгуютъ на толкучкѣ въ Кіевѣ серьги и каблучки **), чтобы легко повѣ-

*) Крамъ—красный товаръ.

**) Каблучки—вѣнчальные перстни.

рить, почему Татьяна Нагнибѣда, дочь зажиточныхъ, но скупыхъ родителей, нѣсколько разъ хотѣла поступить въ экономію Марьи Михайловны съ единственной цѣлью на заработанныя деньги купить себѣ нитку настоящихъ коралловъ. Она уже понимала разницу между поддѣльнымъ украшеніемъ и со дна моря добытымъ произведеніемъ микроскопическихъ полиповъ, передѣланнымъ на красивыя нитки для красивой женской шейки. Часто бывая въ господскомъ домѣ, Татьяна насъ всѣхъ удивляла своими жемчужными зубками, когда Марья Михайловна примѣривала на ней свои украшения.

— Нѣтъ краше тебя дѣвки, когда ты одѣнешься, Татьяна.

— А коли я була гола, барыня? Я сама знаю, что я гарнюсенькая.

Веселая дѣвка и баловница-барыня наполняли кухню громкимъ смѣхомъ, взаимно довольныя другъ другомъ, а парубки разѣвали рты отъ восхищенія, проходя мимо оконъ и желая своими остротами втянуть деревенскую красавицу въ жарты.

Однако Татьяна сама умѣла хорошо „лаяться“ съ ними, не обращая своей думки ни на одного изъ нихъ. А на дорогіе гранаты у хлопцевъ не хватало карбованцевъ, чтобы заслужить вниманіе Татьяны. Страсть наряжаться овладѣла молодой дѣвушкой особенно съ тѣхъ поръ, какъ Марья Михайловна—сама замиравшая въ Парижѣ передъ модными новостями—нашептала ей въ уши: какіе цвѣта къ чему идутъ, и какъ сдѣлать деревенскій нарядъ еще болѣе обворожительнымъ. Правда,

вмѣсто мягкой, классической симметріи цвѣтовъ, сама Марія Михайловна подбирала ихъ въ деревенскомъ вкусѣ, такъ что пестрота и яркость ихъ не щадили глазъ зрителя; но это-то и составляло въ деревнѣ особенную прелесть женскаго туалета.

Татьяна была въ полномъ смыслѣ красавица. По праздникамъ она приходила въ господскій домъ, разодѣтая въ короткую и яркую сподницу сверхъ бѣлой холщевой сорочки съ широкими вышитыми рукавами и такимъ же обязательно вышитымъ низомъ ея, изъ-подъ котораго выглядывали чарующіе хлопцевъ сильныя икры. Красный поясъ стягивалъ ея тонкую, съ высокою грудью, талію, особенно если Татьяна надѣвала корсетку—родъ кучерской безрукавки сшитой изъ яркаго ситца на три уса: два—сбоку, а одинъ—въ срединѣ, на поясницѣ. Въ дурную погоду она носила еще сверху удивительно красивую, бѣлую суконную свитку изъ овечьей шерсти, а голова повязывалась платкомъ, изъ-подъ котораго плелась, могущая составить исключительную красоту женщины, толстая коса съ лентами на концѣ. Марья Михайловна часто украшала ей голову вѣнкомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, или сама Татьяна втыкала себѣ по пучечку живыхъ цвѣтовъ за платокъ, у висковъ. Прямая и длинная шея ея была украшена намистой изъ бусъ, подѣльных коралловъ и бирюзы. Неудивительно, что хлопцы не давали ей проходу своими „жартами“, какъ только она появлялась на улицѣ, и весьма часто въ складчину устраивали вечеринки, приглашая на нихъ дѣвчатъ.

— Татьяна всему затѣйница! ругались старики

на молодежь, тратившую деньги на „складку“ и „музыку“.

— Хиба я винна въ томъ, что хлопцы по мнѣ убиваются? лукавымъ голосомъ спрашивала Татьяна, когда мы также читали ей наставленія.

— Отчего ты не выходишь замужъ за крупчатника? И деньги у него есть, и вина не пьетъ. Ничего, что онъ чехъ.

— Не уподобала я его... И богатъ, да не уподобался онъ мнѣ, барыня.

— Чѣмъ же? Будешь выбирать—ничего не дождешься.

— А це по бачимъ!

— А какъ понапрасну?

— Якъ напрасно, то и не треба!

— Развѣ любжу достанешь?

— Меня и безъ любжи полюбятъ. А портить челоуѣка не стану.

Мы посмѣялись надъ ней и скоро забыли о чудодѣйственномъ порошокѣ, извѣстномъ на югѣ Россіи подъ названіями: „любжа“, „данье“, „причина“, „приворотъ“ и т. д.

— Я, барыня, сказала однажды Татьяна:—поступлю къ вамъ въ услуженіе на три мѣсяца. Сколько карбованцевъ вы мнѣ за это дадите? Можно на нихъ купить намісту настоящихъ караловъ?

— Ну, какъ отказать ей въ этой наивной просьбѣ, господа? воскликнула Марья Михайловна.—Взять или нѣтъ?

— Берите! закричали мы.—Ужъ больно она откровенна и мила!

Съ этихъ поръ въ домѣ моей доброй родствен-

ницы пошелъ невообразимый порядокъ по хозяйству. Парубки всегда находили предлогъ вернуться съ поля раньше, чѣмъ слѣдуетъ, и вертѣлись въ кухнѣ, надѣясь поговорить съ Татьяной; а „бабковатыя“ дѣвки, ненавидѣвшія и прежде красивую и стройную дѣвушку, считали теперь дни и часы, когда она уйдетъ отъ нихъ „до дому“.

Никому не давали покоя чернѣй украинской ночи чудесныя очи Татьяны. Но всего болѣе они плѣнили Трофима, самаго робкаго и бѣднаго парубка въ экономіи. Ничего-то онъ не имѣлъ, кромѣ бѣлой рубахи и бѣлыхъ штановъ съ мотней почти до земли; а по праздникамъ онъ надѣвалъ глухой хохлацкій жилетъ, сапоги, да коротенькую изъ черкасины на сборкахъ свитку. На широколобой головѣ былъ неизмѣнный бриль, сплетенный собственными его руками изъ пшеничной соломы. Въ этомъ нарядѣ трудно было найти болѣе типичнаго „Грицюка“ съ короткой таліей, высокими крѣпкими ногами и счастливой улыбкой на лицѣ, когда съ нимъ разговаривали, и въ характерѣ его преобладали исключительно южно-рускіе черты: мечтательность, любовь къ природѣ и способность таить про себя свою думку. Въ то время какъ другіе хлопцы порвали у себя въ огородѣ всѣ цвѣты для Татьяны, Трофимъ выпрашивалъ у барыни сѣмянъ и посылалъ ихъ къ матери, въ деревню, за десять верстъ, для разведенія въ огородѣ цвѣтовъ, строго приказывая беречь ихъ. Онъ часто сожалѣлъ, что покинулъ деревню и долженъ жить въ чужой экономіи; между тѣмъ его товарищамъ было рѣшительно все равно, гдѣ бы ни „робить“, и, при малѣйшемъ неудовольствіи,

они брали расчетъ и уходили на заработокъ въ Кіевъ. Всѣ они ухаживали за Татьяной открыто до дерзости; а Трофимъ про себя держалъ думку о ней.—„Никогда не хитруетъ около меня“, говорила о немъ Татьяна. Игра его на дудкѣ-сопилкѣ когда, наканунѣ праздника, онъ шелъ домой узкой тропой по берегу рѣки, была такъ нѣжна и пріятна, что Татьяна всегда безошибочно угадывала:

— Это Трофимъ къ маткѣ пошелъ... Живое десять верстъ отмахаетъ! Ноги-то у него, что жерди хмѣлевья!..

А въ воздухѣ замирали звуки первобытнаго инструмента, такіе тонкіе и просящіе ласки, что сама Марья Михайловна подбѣгала къ окну, да такъ и застывала на мѣстѣ, пока не смолкала въ ночномъ отдаленіи дудка Трофима.

Ночи были тихія, теплыя... Соловьи уже перестали пѣть, и только перепела вавакила въ полѣ.

— Хорошій хлопецъ Трофимъ... Ты не замѣчаешь—онъ, кажется, любитъ тебя, Татьяна?

— Не больно-то нужно мнѣ замѣчать!

— Ты понимаешь, что онъ самый честный хлопецъ?

— Чего не понимать! Не слѣпая я... А не хочу идти съ нимъ въ „супрягъ“, и годи. На кой бись онъ мнѣ? На деревнѣ издыхаетъ по немъ „московка“...

— Да онъ тебя любитъ, а не московку.

— Хиба я не знаю, зачѣмъ она ходитъ сюда позирать на него.

— Но Трофимъ-то не обращаетъ на нее вниманія.

— Дурни! отозвалась она, съ трудомъ скрывая заблестѣвшій радостью взоръ.

Всѣмъ было извѣстно, что другіе хлопцы, съ субботы на воскресенье, всю ночь играютъ съ дѣвчатами пѣсни на улицѣ, на понедѣльникъ отдыхаютъ вмѣстѣ по клунямъ и каморамъ. Между тѣмъ Трофимъ никогда не ходилъ на эти „жениханья“; а Татьяна все таки продолжала попрекать его „московкой“ и въ высшей степени презрительно отнеслась къ его ухаживанью, когда однажды, въ пьяномъ видѣ, онъ хотѣлъ прислужиться къ ней.

Случилось, однако, Татьянѣ захворать лихорадкой.

— Ну, что твоя „трясса?“ спросила черезъ нѣсколько дней Марья Михайловна.—Бросила тебя?

— Какое бросила! Каждый вечеръ забираетъ все также.

— На вотъ: прими порошокъ и запей водой.

Замѣтивъ влюбленные глаза Трофима, обращенные на Татьяну, барыня весело съострила:

— Теперь не Трофимъ, а ты будешь бѣгать за нимъ. Знаешь ли, какой порошокъ ты выпила? Это любжа...

— Чи вы сдурились, барыня? со страхомъ воскликнула Татьяна.

— А ты думала, по тебѣ только хлопцамъ можно убиваться?

Татьяна растерянно утерла себѣ губы и вдругъ горько заплакала, повторяя:

— Чуяла моя душа что-то недоброе! Какъ выпила этотъ порошокъ, такъ сразу схватило за сердце...

Марья Михайловна съ хохотомъ разсказывала намъ о своей шуткѣ надъ больной. А между тѣмъ Татьяна черезъ нѣсколько дней объявила, что она выходитъ замужъ за Трофима.

— Помогла тебѣ моя любжа?.. Говорила я тебѣ, что полюбится.

Вмѣсто отвѣта, дѣвушка бросилась щѣловать руки Марьи Михайловны и просила уговорить ея родныхъ на бракъ ея съ Трофимомъ. Послѣдній былъ также счастливъ, но былъ недоволенъ, если кто говорилъ ему о любжѣ.

— Чего не набрешетъ пролетный человѣкъ! отзывался онъ гнѣвно.—Надо ему заработать гроши, онъ и берется нашептывать любовь и сдѣлать любжу. Расхожія слова одни! Цыгане! Настоящіе цыгане... Вотъ что въ лѣсу ночуютъ съ огнями!

Никто не придавалъ значенія его раздраженію—и, справивъ свадьбу, мы пожелали молодымъ завести свое собственное хозяйство и счастье. Скоро всѣ забыли объ ихъ существованіи. На мѣсто ихъ явились новыя развлечения и новыя исторіи.

Прошло два года со времени свадьбы Татьяны. Былъ ясный весенній день. Несмотря на легкій вѣтеръ, солнце жгло прямыми лучами, и въ комнатахъ не было возможности сидѣть. Рѣшено было обѣдать въ саду. Пока накрывали въ бесѣдкѣ столъ, мы принялись отряхивать деревья отъ майскихъ жучковъ, обѣдавшихъ древесныя почки, цвѣтъ и листь. Цѣпкіе хрущи падали градомъ съ вѣтвей на землю, а дѣти съ веселыми криками и визгомъ подбирали ихъ и бросали въ кадку съ водой. Среди

этой ожесточенной, но бесполезной борьбы за будущіе фрукты и ягоды, къ намъ подошла деревенская баба съ блѣднымъ лицомъ и слѣдами глубокихъ страданій.

— Ты что? Кого надо? спросила Марья Михайловна.

— А вы, барыня, еще живы?

— Татьяна, это ты?

— Ну да! Я думала—вы давно померли.

— Что ты—съ ума сошла?! Да какъ ты сама-то переѣдилась... Я не узнала тебя. Какая ты была красавица! Ты несчастлива въ жизни?

— Позавяла я вся, грустно отвѣтила она.— Плохая житка моя... И году въ любви не прожили мы съ Трофимомъ послѣ вашихъ порошковъ. Сталъ онъ меня бить и гнать... Ну, точно разума лишится, какъ вспомнить порошокъ! На дняхъ я купила бутылку квасу и угощаю его, а онъ:—„спасибо, говорить, не хочу квасу съ твоей любовью!“ Все такъ: что ни дай—все любжа, да любжа... Чудится ему, что я вашимъ порошкомъ кормлю его. А ужъ родные-то мои проклинаятъ васъ такъ, что я нечаяла застать и живыми васъ.—„Скажи,—говорятъ,—барынѣ твоей, чтобы ей и дѣтямъ ея такъ жилось, какъ живетъ нашей дочери отъ ея любви“.

— Это былъ порошокъ отъ трясы, Татьяна...

— А вы тогда сказали...

— Я пошутила...

— Не-е! То была любжа, съ увѣренностью возразила она.—Какъ приняла я ее, такъ мнѣ и жить стало нельзя безъ Трофима. Точно гвоздями вбили его мнѣ въ сердце.

Разсказъ этотъ произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣнiе, а Марья Михайловна даже всплакнула. Къ вечеру Татьяна со всѣми нами простилась и пошла домой той самой узкой тропочкой, по которой нѣкогда Трофимъ уходилъ къ старухѣ-матери, играя дорогой нѣжныя мелодіи на дудкѣ-сопилкѣ.

Кто угадаетъ, какія думы и чувства пробудила въ Татьянѣ эта узкая, гладко вытоптанная тропка; но только на слѣдующее утро,—мы всѣ еще спали,—прислуга подняла въ домѣ шумъ и толки о томъ, что изъ воды подъ мельницей вытащили какую-то бабу. Мы быстро одѣлись, чтобы взглянуть на утопленницу,—и, спустившись садомъ къ рѣкѣ, съ ужасомъ увидѣли, что это была Татьяна...

НА КЛАДКАХЪ.

Всего какихъ нибудь восемь лѣтъ тому назадъ мнѣ не приходилось ходить съ ружьемъ въ отдаленный „моховой край“ холмскаго уѣзда, и я билъ дичь въ новоржевскомъ по суходолу вокругъ погоста Марыни. Во мхи меня не тянуло, и дичи было въ изобиліи на чистыхъ мѣстахъ. Но, по неопытности, я научилъ нѣкоторыхъ охотниковъ изъ крестьянъ разбирать дробь по номерамъ и сезонамъ на разную дичь, привезъ въ подарокъ двумъ изъ нихъ по лягавому щенку и не скрывалъ отъ городскихъ охотниковъ мои охотничьи угодыя.

Вслѣдствіе этого наступило быстрое и чрезвычайное уничтоженіе дичи въ данной мѣстности. Чего раньше не было, — мужики стали охотиться на іюльскіе тетеревиные выводки съ девятымъ и десятымъ номерами дробі; у многихъ развелись ублюдки, которые стойку надъ дичью не держатъ, но хорошо указываютъ ея слѣдъ и ловятъ молодиковъ живьемъ и, наконецъ, передъ моимъ пріѣздомъ къ 15 іюлю городскіе охотники разсыпаются по Жилинскому и Черногрязскому берегу мха, убивая старокъ и стремясь уничтожить весь выводокъ. Я сталъ только останавливаться въ пог. Марыни. Здѣсь меня встрѣчалъ бездомный Моховикъ, всегда пьяный, но при мнѣ пьющій только рюмку водки передъ обѣдомъ. Послѣ ѣды ему не нужно вина, и если бы онъ былъ всегда сытъ, не торчалъ-бы онъ въ кабацѣ день и ночь. Охотничья страсть насъ сдружила, и мы тотчасъ-же уходили съ нимъ въ „Холомщину“, гдѣ еще такъ много дичи, что даже новый законъ объ охотѣ разрѣшаетъ ее бить безъ свидѣтельства. Но самая охота значительно тяжелѣе и труднѣе, чѣмъ въ новоржевскомъ уѣздѣ. Здѣсь болѣе мху, чѣмъ суходолу; и ходьба за дичью требуетъ очень привычныхъ ногъ.

— Гдѣ бѣсъ ночуетъ, тамъ и дичь живетъ, — сказалъ Моховикъ, — поспѣвая со мной на кладки и указывая рукой на тянущуюся впереди Холомщину.

Съ замираніемъ сердца смотрѣлъ я на десятки верстъ растилающійся къ горизонту зеленый мохъ, мѣстами тянущійся по болотамъ и „глухимъ рѣчкамъ“, мѣстами опоясывающій маленькіе островки

и вновь спускающийся въ жидкое, торфяное пространство.

— Здѣсь-то и ночуетъ бѣсъ, — подумалъ я, — подходя къ кладкамъ, набросаннымъ для перехода черезъ мохъ.

Одинъ только ручей отдѣлялъ меня отъ него. Цѣпляясь за вѣтви стараго бревна и опираясь на дубинку, я медленно переходилъ ручей.

— Не свались! — кричалъ Моховикъ. — Топко. Дальше лучше маленько.

Наконецъ я достигъ конца бревна, но, перекинувъ ногу на другую кладку, почувствовалъ, что центръ тяжести остался у меня назади, и я не въ силахъ перенести себя впередъ. Застывъ въ такомъ положеніи, я старался не свалиться внизъ.

— Назадъ, Томъ! — кричалъ Моховикъ на собаку, которая воспользовалась остановкой и лѣзла ко мнѣ.

Въ это время подошелъ нашъ другой спутникъ, Антонъ изъ Мошницы, зажиточный мужикъ и страстный охотникъ. Онъ прямо вошелъ въ ручей и, поддерживая меня, перевелъ на другую кладку.

— А ты чего-же, — сказалъ онъ, — обернувшись къ Моховику, — стоишь, не помогаешь? Ноги боишься замочить.

— Будетъ еще хуже, — оправдывался тотъ. — Самъ хотѣлъ въ мохъ идти...

— Правда! правда твоя! — согласился я, переходя съ кладки на кладку уже по сухому мху.

Скоро, однако, онъ опять превратился въ трясину. Кладки, толщиною въ ногу, были старья,

съ отгнившими краями и верткія. Я не отрывался глазами отъ нихъ, стараясь ступать на самую ихъ середину. Первое время, говорить крестьяне, глаза болятъ на кладкахъ.

Между тѣмъ жара стояла невыносимая. Слезы выступали изъ глазъ, потъ покрывалъ все лицо. Чтобы вытереть его, надо было искать платокъ въ карманѣ, вновь спрятать и стараться ущѣлѣть на кладкѣ. Это было трудно, и я, не мѣняя прежняго положенія, быстро подвигался впередъ, опираясь на палку то вправо, то влѣво. Иногда одна нога обрывалась въ тину, и все тѣло висѣло на другой; иногда обѣ ноги скользили по сторонамъ бревна и погружались въ тину по колѣна. Въ одномъ мѣстѣ я почти сѣлъ на кладку верхомъ, и это было моимъ спасеньемъ. Иногда не находилось мѣста идти впередъ, и вся кладка погружалась въ жидкую грязь и исчезала съ поверхности. Надо было ощупать ее палкой и тогда продолжать путь. Шагнувъ впередъ, приходилось быстро становиться на прежнее мѣсто, ибо двигалась только одна обезсиленная нога. Падая и хватаясь сбоку за кустъ, чтобы остановить паденіе въ другую сторону, чувствовалось растяженіе мышц и невольно срывались съ устъ рѣзкія слова. А Добродушные мои спутники весело посмѣивались надъ моимъ неловкимъ шагомъ и кричали:

— Придется тебѣ пиво ставить намъ! Ты чаще насъ обоихъ обрывался!

Мнѣ было не до шутокъ... Путь становился крайне утомителенъ, и даже собака нѣсколько разъ бросала кладки и шла мхомъ.

Однако, послѣ 2—3 верстѣ ноги, наконецъ, привыкли твердо ступать на кладку, тѣло какъ будто отяжелѣло, отекло, перестало качаться изъ стороны въ сторону, и путь сталъ казаться легкимъ.

— А вотъ впереди и Гажій островъ,—сказалъ Антонъ.—Змѣй было прежде много на немъ, а теперь, какъ вырубили лѣсъ, ушли и скрылись... Точно провалились. Нигдѣ не видать. Будемъ, что-ли, заходить на островъ? Тетерева держатся въ его краяхъ... Помнишь, прошлаго года двухъ стариковъ нашли? По обоимъ промазали... Нынѣшнюю весною одинъ изъ нихъ пѣлъ здѣсь. А гдѣ поетъ чернышъ, тамъ тетерка и выведетъ цыплятъ.

— Пойдемте...

Оставивъ наши дубинки около кладокъ, мы потянулись цѣпью къ острову по вязкому и мокрому мху. Томъ бѣжалъ восьмеркою впереди насъ и вдругъ потянулъ по прямому.

— Бѣлая куропатки... Некому больше.

— Въ тетеревахъ хожено.

— Мошники! Мошники!—съ волненіемъ перебилъ Антонъ.—Слѣдъ крупный... Откуда они здѣсь? Съ Груздовки, видно, зашли... Тамъ лѣсъ есть и глухари водятся. На островъ слѣдъ идетъ... Въ кусту будутъ. Вы берите правую сторону, а мы съ Моховикомъ лѣвую.

— Я съ своей ракитовочкой промаха не дамъ,—похвастался послѣдній.—Ишь, Томъ-то разнохиваетъ... Вверхъ голову задираетъ.

Наконецъ собака увѣренно потянула мимо куста къ срубленной сосновой макушкѣ.

— Вотъ они гдѣ! подумалъ каждый изъ насъ, и сердце сильнѣе забилося.

У кого-то подъ ногой треснулъ сучекъ.

— Тыфу ты! — сплюнулъ Моховикъ. — Такъ и закипѣло сердце... Думалъ...

— Тише! Тише! Осторожнѣе...

— Лопъ! Лопъ! Лопъ! — раздались въ то же время удары крыльевъ, и старый глухарь покатился въ траву подъ нашими выстрѣлами.

— Собаку осаживай! Не давай горячиться...

Опять загремѣлъ сбоку глухарь и упалъ отъ выстрѣла Моховика.

— Вонъ какъ, по нашему! — закричалъ онъ, — подбѣгая въ восторгъ къ своей добычѣ.

— Да ты тише, — унималъ его болѣе хладнокровный Антонъ. — Чего ошалѣваешь? Можетъ, еще здѣсь есть, притаившись.

— Фррр!.. зашумѣло опять.

Антонъ выстрѣлилъ и, также разгорячившись, побѣждалъ бѣгомъ поднимать дичь.

— Этотъ выходъ хорошъ, — сказалъ онъ, — весело пряча птицу въ сумку. — Больше, кажется, и нѣтъ? Выводокъ небольшой. Обойдемъ островъ и опять на кладки.

Поднявшись на самую его середину, я замѣтилъ три большихъ ямы.

— Здѣсь, сказали мои спутники, былъ прежде „тройной столонъ“. Сюда сходились мхи трехъ господъ: Цавельскихъ, Хряпьевскихъ и Хвошнинскихъ. Теперь эти столбы сгнили, а ямы остались. Теперь здѣсь граница новоржевскаго и холмскаго уѣздовъ. Мхи впереди идутъ къ Холму, и подъ самую Старую Руссу. Не проѣхать сюда ни на телѣгѣ,

и на лодкѣ... До зимы отрѣзаны отъ людей. Зимой только и есть дорога, когда все станетъ и замерзнетъ. Моховымъ краемъ зовется эта сторона, и людей отсюда мы прозываемъ Моховиками.

— Зови хоть лѣшимъ, только въ огонь не тащи,—огрызнулся мой Моховикъ.

— Мы полевцы,—продолжалъ острить Антонъ.— А ты дошелъ къ намъ изъ Мохового края еще молодикомъ... Не съ этимъ-ли выводкомъ, что у насъ въ сумахъ? Мошникъ сталъ! Его сейчасъ узнаешь въ Марыняхъ... Грузной, черный и большеглазый... Мошникъ, аккуратъ Мошникъ!

— А что-же, Антонъ, сказать правду: крупный народъ у насъ... не вамъ полевцамъ чета. Горшечниками зовутъ васъ... Гдѣ-же тебѣ со мной равняться! Полевца передъ глухаремъ и не видать. Мошники и не водятся въ поляхъ... негдѣ спрятаться.

— Заходятъ и къ намъ! Зайдетъ въ наши хлѣбныя поля и кормится... У себя-то дома — пустыня... мохъ да журавина...

Потокъ его патріотическихъ чувствъ былъ внезапно прерванъ вылетѣвшей изъ крайней пограничной ямы стайей бѣлыхъ куропатокъ, почти ракетной взвившейся у насъ передъ носомъ съ страшнымъ трескомъ крыльевъ и криковъ стариковъ: а! а! а!

Пока мы пришли въ себя и приготавливали ружья, онѣ были уже внѣ выстрѣла и, переливаясь на солнцѣ своими бѣлыми и оранжевыми крыльями, полетѣли далеко въ мелкій сосъ.

— Будемъ ихъ разыскивать или нѣтъ?

— Не стоитъ, Антонъ. Это на обратномъ пути.

Найдемъ еще глухарей въ берегахъ за кладками... Ты какъ думаешь?

— Надо-бы найти на лядинкахъ къ Крутцу...

— Если трава не выкошена,— подсказалъ Моховикъ.—А куропатокъ будемъ стрѣлять, когда домой пойдемъ. Куда съ такой ношей таскаться? Валяй опять на кладки.

Вернувшись на бревна и пройдя нѣсколько шаговъ, я едва не сломалъ себѣ ногу, попавъ между двумя, рядомъ лежащими, кладками и завалившись на бокъ; но палка въ рукѣ спасла меня отъ окончательнаго паденія. Опираясь на нее, я продолжалъ путь и скоро забылъ все его опасности, какъ вдругъ я почувствовалъ, что бревно подъ ногами готово перевернуться. Чтобы не упасть въ жидкую лужу, я прыгнулъ въ сторону, на кочку и, оборвавшись, завязъ въ тину подъ самый шагъ.

— Эхъ, гдѣ глаза-то были у тебя? съ сожалѣніемъ началъ Антонъ и бросился помогать мнѣ, но тотчасъ-же и самъ завязъ въ грязь.

— Не съ той стороны! Кругомъ иди!—кричалъ я Моховику,—намѣревавшемуся послѣдовать примѣру Антона.

Послѣдній кое-какъ опять выкарабкался на кладки, а я не могъ двинуться. Тина такъ засосала мои ноги, что я оставался въ ней, точно въ желѣзныхъ тискахъ, не въ силахъ двинуться ни вправо, ни влѣво. Будь я одинъ, мнѣ пришлось-бы очень плохо. Если сильная лошадь не можетъ вырваться изъ объятій засасывающей грязи, то что значать человѣческія силы? Съ трудомъ удалось Моховику подойти ко мнѣ сзади и, раскачавъ

меня за плечи, вытащить на мохъ. Мои охотничьи сапоги остались въ тинѣ и ихъ вытащили отдѣльно.

Перепаханные, искусанные слѣпнями и комарами, изломанные трудностью перехода по кладкамъ, мы, наконецъ, добрались до берега и вышли на яровое поле. Здѣсь мы нашли новый выводокъ глухарей, вышедшихъ изъ мха на вечернюю жировку въ овесъ. Перебивъ его, мы пошли на отдыхъ въ деревню Крутецъ—счастливые и веселые...

За охотой можно ни о чемъ не думать и тѣмъ не менѣе испытать сильныя ощущенія. Вотъ почему ей предаются съ увлеченіемъ и взрослые люди. Ни о чемъ не думать—рѣдкія и счастливыя минуты въ жизни современнаго человѣка...

НА ОХОТѢ.

Лѣто я провожу обыкновенно на границѣ Новгородскаго и Холмскаго уѣздовъ, Псковской губерніи. Уѣзды эти отдѣлены другъ отъ друга безконечными мхами, „глухими“ рѣчками и лѣсами, какъ можно замѣтить даже изъ самыхъ названій пограничныхъ деревень: Грязивецъ, Боровичи, Жерельница, Мошница, Хвошня, Зайцево—съ одной стороны и съ другой—Язвы, Засосье, Березовая грива, Большой и Малый Боръ, Крутецъ, Дервенецъ и т. д. Деревни здѣсь разбросаны по островамъ, въ большой глуши, и еще можно встрѣ-

тить крестьянъ, которые никогда не видали городовъ. Мнѣ они, однако, нравились, и потому я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Моховика захватить въ попутной намъ деревнѣ. охотника Антона и вмѣстѣ отправиться въ даль.

— Да пойдетъ ли онъ съ нами? Скоро сѣяться будутъ. Рабочая пора...

— Антонъ то не пойдетъ? Все бросить... Увидитъ насъ и бросить! Работника найметъ за себя.. Мы заплатимъ. А охоту онъ не оставитъ... Увяжется!

— Если такъ, собирайся...

Солнце уже было близко къ закату, когда мы прошли кладки и торопились на ночлегъ въ деревню. Приближаясь къ ней, мы встрѣтили, около нивъ, нѣсколькихъ крестьянъ и я услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ жнецамъ:

— Жните, жните, да смотрите хорошенько... Тамъ что-то сдѣлано. По росѣ замѣтно... Разглядывайте лучше.

— Ахъ, что-жъ это? И правда твоя, Артюха. Вѣдь, это пережинъ... Рожь пережата поперекъ полосъ. Весь коровой испорченъ... Какъ теперь жать? „Споръ въ хлѣбѣ вынуть?“

Хозяинъ полосы оставилъ серпъ и вышелъ на дорогу.

— А ты, Ефимъ, совѣтовали ему:— зови священника. Онъ съ молитвой перейдетъ пережинъ. Ни тебѣ, ни скоту ничего не будетъ. А безъ молебна и не думай жать. Либо скотъ переведется, либо сдѣлаются во всемъ недостатки.

— Ахъ, головушка моя! На кого и подумать— не знаю. Съ сосѣдомъ мы не въ ладахъ...

— Пустое! Не бреши! заораль съ сосѣдней нивы мужикъ.— Можетъ ребяташки баловались, а можетъ и другое что... А я себѣ думаю: не на меня ли сдѣланъ пережинъ? Я доставать себѣ изъ Селища такого человѣка... Сказаль мнѣ, что-бы я ждалъ на себя пережинъ. Не бойтесь! Это на меня одного сдѣлано. Я и пойду за священникомъ.

— А зачѣмъ же въ моемъ полѣ пережинъ? возразилъ Ефимъ.—И мнѣ надо молебень. У меня тоже въ хозяйствѣ „споръ“ потерянъ.

Пока онн разговаривали, я съ любопытствомъ разглядываль подрѣзанную рожь. Узкой полосой была пережата рожь и нужно было много вниманія, чтобы замѣтить и не перейти жнецамъ во время работы пережатую поперекъ рожь.

— И такъ и эдакъ сдѣлано, говорили крестьяне:—въ одной нивѣ два пережина. Одинъ тотчасъ же ниже колоса, а другой—подъ самый корень. Ну, и злодѣй же... Вотъ поймать бы!

— Палками бы забили...

— Гдѣ же поймать! Это ночью дѣлають. Вотъ и заломы также...

— То больше на людей, а пережинъ хозяйство портить.

— Неизвѣстно, на кого это сдѣлано. Послѣ окажется... Можетъ только „споръ“ вынуть“.

— Правильность, значить, утрачена въ хлѣбѣ, пояснилъ мнѣ Моховикъ, выучившійся около охотниковъ выражаться книжно.

— Вѣрнѣе, что „споръ“ вынуть“, согласился Ефимъ.—То то мы ѣдимъ-ѣдимъ, а все мало, все голодно. Семейство мое небольшое и признанья

мы недавно четверть муки. Надо бы хватить, а мы съѣли въ три дня... И все голодно! Ёдимъ, а голодны. Въ работѣ тоже: гдѣ бы часть потратить, а мы—четыре... Никакое дѣло не спорится! Споръ вынуть.

— Священника надо, произнесъ Моховикъ:— молебень, заклиательныя молитвы и покропить водой.

— Безъ священника или знающаго человѣка никакъ нельзя обойтись, поддерживали другіе крестьяне.— За Селищами есть такіе люди, которые знаютъ заговоры: дворы портятъ, скотъ выводятъ... Такъ колдунъ сдѣлаетъ, что никакъ тебѣ не завести скота... Либо мука будетъ кипѣть, какъ вода въ самоварѣ, Нашепчетъ на соль, всыпетъ въ шайку и испортитъ весь дворъ. Онъ даже и смерть знаетъ: можетъ угадать, когда тебѣ умереть; сказать, сколько у женщины ребятъ было... Вотъ какіе есть люди во мху! Они же знаютъ, какъ опять споръ сдѣлать въ хлѣбѣ и заломы вынимаютъ...

Я былъ въ затрудненіи относительно „залома“ и хотѣлъ просить моихъ спутниковъ объяснить значеніе этого слова, какъ вдругъ съ боку услыхалъ испуганный крикъ бабы:

— Да что же это, крещенные? Никакъ у меня въ нивѣ-то заломъ?

Народъ въ тревогѣ побѣждалъ къ ней въ рожь и я увидѣлъ, что въ разныхъ мѣстахъ рожь закручена, на подобіе веревки для твердости, и продернута подъ пятку узла такъ, чтобы концы ея не высывались изъ-подъ узла, а оставались въ немъ, въ родѣ мышиныхъ гнѣздъ.

— Это заломъ, заломъ! твердили крестьяне, осматривая стоячіе узлы ржи.—Это на человѣка... Кто выдернетъ его безъ молитвы, у того будетъ ломота въ тѣлѣ и руки отнимутся.

— А коломъ смѣсить можно? спросила баба.

— Руками не трогай, а коломъ можно...

— Какъ, безъ всего? воскликнули болѣе осторожные.—Оставь, Марья... Надо искать знающаго человѣка во мхахъ, или, чтобы священникъ съ молитвою завернулъ руку эпитрахилью и выдернулъ заломъ, а ты потомъ сожги его...

— Изъ „требника“ читаютъ надъ нивой „запретительную молитву св. Василия надъ страждующими отъ демона“, пояснилъ мнѣ Моховикъ.

— И у меня то же самое было много годовъ тому назадъ, произнесъ новый голосъ въ нивѣ:— закликиха молоко отняла у коровъ.

— То другая статья...

Дальнѣйшаго разговора встревоженныхъ мужиковъ я не дослушалъ и дорогою спросилъ. Моховика о закликихахъ.

— Бабы такія у насъ въ моховомъ краѣ, увѣренно произнесъ тотъ.—Въ ночь на Ивана Купала, 24-го іюня, садится она голою на метлу и собираетъ отъ всѣхъ коровъ молоко: у кого отниметъ, а иной прибавитъ... Это точно... Не выдумка!.. Мой отецъ самъ видалъ... Въ эту ночь хорошіе хозяева вѣшаютъ колючій дѣдовникъ на ворота скотнаго двора. Голая закликиха не проскочитъ сквозь иглы.

Надъ добродушнымъ вѣрованьемъ Моховика въ закликиху посмѣялся даже Антонъ.

— Не смѣйся, братъ! Василій Лукичъ знаетъ,

что говорить. Здѣсь такія есть бабы! Захотятъ—пойдешь и ты домой пятками напередъ... Не до смѣху тогда! Мало ты еще жилъ на свѣтѣ, а я всего насмотрѣлся.

— Видалъ ты много на своемъ вѣку, а двора своего не имѣешь...

— А чтожъ? На что онъ? Мнѣ и такъ хорошо... Свою голову не хочу обвязывать... Я легъ—свернулся, всталъ—встряхнулся и пошелъ молодецъ: жена не ворчитъ и милые дѣтушки не плачутъ.

— Разсудилъ! Отчего казакъ гладокъ: какъ поѣлъ, такъ и на бокъ. Прямой ты Моховикъ... Лѣсная птица! Бить тебя только некому, а убьешь—отвѣчать будешь, какъ за добраго человѣка.

— А ты какъ думаешь, добродушно согласился тотъ.—Отвѣтишь!

Долго они еще перекорялись между собою и смѣялись другъ надъ другомъ, пока не пришли на отдыхъ въ деревню.

На западѣ небо заволакивало тучами.

Это ничего... Разнесетъ! Тучи высоко идутъ. За ночь погода разстоится. Къ дождю бываетъ когда дымъ изъ трубъ или тучи идутъ низомъ.

— А еще, добавилъ Антонъ:—когда съ утра росы нѣтъ на полѣ... Пчелы летятъ рано за медомъ и торопятся въ улей. Одна за другой такъ и летятъ назадъ. Видать, какъ торопятся до дождя...

— Хорошо, хорошо, астрономы мои, перебилъ я.—А вотъ, гдѣ мы будемъ ночевать?

— У Степана. Изба у него новая, хоромина чистая. Сейчасъ пѣтуха зарѣжетъ и въ супъ.

Предвкушая сладкій отдыхъ, мы приближались къ избѣ Степана, весьма просторной и обшитой снаружи тесомъ.

— Сюда не пробить дождю, подумалъ я, вспоминая, какъ на-дняхъ я вымокъ въ одной избѣ отъ сильнаго проливня.

— А гдѣ-же будетъ хозяинъ? Эй, шпитонка!

— За рыбой поѣхалъ, за рыбой! На озерѣ шукъ ловить, отвѣтила дѣвушка въ сѣняхъ.—Заходите... Переночуйте.

Она вышла на крыльцо и вновь позвала насъ. Ея сильный и почти музыкальный голосъ въ этомъ дикомъ краѣ пріятно поразилъ мой слухъ. Онъ одинъ могъ бы составить прелесть дѣвушки. А между тѣмъ и стройная ея фигурка мало напоминала крестьянку. „Шпитонку“ всегда отличишь въ деревнѣ отъ простыхъ бабъ. Она была высокая блондинка съ густыми и мягкими волосами. Голубые ея глаза выражали невинность души и трогательное смущеніе, когда, подымаясь на крыльцо, я невольно залюбовался ея лицомъ.

— Приготовь, красавица, намъ самоваръ и что-нибудь поѣсть.

— А тятку дожидаться не станете? Рыбы принесетъ. Ухи наваримъ.

— Да скоро ли?

— Никакъ ужъ онъ идетъ... Вонъ пахатой-то!

Указавъ рукой по направленію къ озерамъ, она спрыгнула съ крыльца и побѣжала загонять съ улицы во дворъ гусей, пришедшихъ съ полей на ночлегъ.

— Воспитонка, замѣтилъ Моховикъ: — а почи-

таетъ Степана за родного отца. Въ монастырь собирается идти.

— Куда?

— Въ монахини поступаетъ. Здѣсь, братъ, въ моховомъ краѣ больше Бога, чѣмъ у полевцевъ.

Вошедшій хозяинъ прервалъ нашу бесѣду. Сбросивъ съ плечъ двѣ большихъ щуки на лавку и поздоровавшись съ нами, онъ принялся за приготовленіе ужина.

— Пока-что, покушайте вяленой щучки, предложилъ онъ, сходявъ за нею въ чуланъ.—Можетъ винца достать?

— А можно найти здѣсь?

— Найдемъ! Кабаковъ у насъ нѣтъ, а кособочину держимъ. Знакомому продадутъ. Сбѣгай, Моховикъ, на тотъ конецъ деревни.

— За водкой онъ побѣжитъ! съострилъ Антонъ.—Хлѣба не надо, а винца дай...

— А вотъ что я тебѣ скажу, остановившись въ дверяхъ, произнесъ Моховикъ:—если я поѣмъ, такъ мнѣ и вина не надо... Совсѣмъ отвыкну отъ него. Дай ты мнѣ стаканчикъ передъ ѣдой и больше за цѣлый день не попрошу его...

— Вотъ ты какой. Не дуракъ! засмѣялся Степанъ.—Ступай же, а то уха уйдетъ.

— Мигомъ слетаю! Вспыхъ!

— Ишь его, что конь! говорилъ Антонъ, слѣдя за нимъ въ окно.

— А ты чего это идешь въ монастырь? спросилъ я „шпитонку“.

— Грѣховъ меньше будетъ... Богу хочу служить.

— Богу? Да ты и мнѣ-то не послужишь, какъ

слѣдуетъ, а Богу труднѣе. Потому что ты не знаешь, какъ Христосъ велить служить Богу.

— А кто же это знаетъ?

— Въ Евангеліи сказано объ этомъ, Почитай—узнаешь.

— Да, я не грамотна...

— Выучись... Все въ избѣ веселѣй будетъ...

— Хорошо бы такъ, согласилась она и густой румянецъ покрылъ ея щеки.

Въ это время запыхавшись прибѣжалъ Моховикъ и вдругъ я невольно обратилъ вниманіе на какіе то неопредѣленные крики и шумъ по деревнѣ.

— Мужики набѣжали съ нивъ, пояснилъ Моховикъ.—Какъ бы чего не попритчилось имъ? Говорилъ, чтобъ звали колдуна споръ дѣлать и заломъ вынимать, а они допытываютъ: гдѣ мы ночевали, въ какой деревнѣ и не ходилъ ли ты въ рожь? Собаку твою видѣли тамъ ночью.

— Въ потьмахъ всѣ кошки сѣры, сказалъ я...

— А лучше бы идти, произнесъ Моховикъ.— Переночуемъ въ другомъ мѣстѣ.

— Идти, такъ идти! рѣшилъ Антонъ и заставилъ меня также подняться.

Мы завернули въ переулочъ и вышли на пашню, стараясь обойти деревню. Голоса мужиковъ грозно раздавались въ воздухѣ, и мы невольно ускоряли шаги. Вдругъ табунъ лошадей, почуявшій чужихъ людей, заржалъ и едва не стопталъ насъ. Такъ мы и шли, конвоируемые лошадьми мохового края, до самыхъ кладокъ.

— И лошади-то здѣсь дикія, какъ и люди! Ужъ лучше помучиться ночью на болотахъ, чѣмъ имѣть дѣло съ подозрительностью дикаго мужика, поду-

малъ я, ступая ногой на кладки и стараясь не свалиться въ тонкій мохъ.

БОГАТЫРИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ глухихъ уголкахъ нашего обширнаго отечества приходится иногда, совершенно неожиданно, слышать изъ устъ простого народа самыя чудовищныя сказанія какъ о прежнихъ своихъ господахъ, такъ и о собственномъ братѣ-мужикѣ. Ученый всегда отыщетъ въ такихъ легендахъ историческія основанія. Мы же ограничимся простымъ пересказомъ такихъ сказаній, слышанныхъ нами лѣтомъ въ глуши Псковской губерніи.

Пробираясь съ ружьемъ и собакой по моховымъ болотамъ Новоржевскаго уѣзда въ Холмскій, я миновалъ погостъ Марыни, деревню Черемшу, село Боровичи и Грязивицъ. Тотчасъ же здѣсь начинается „Холомщина“ или, какъ тутъ говорятъ, „моховой край“. Пройдя еще деревню Язвы, я остановился ночевать въ деревнѣ, такъ называемой, „Большой“ или „Дорошкинъ боръ“. На другой день, въ разговорѣ съ мужиками, я спросилъ о громадномъ курганѣ, который находится передъ ихъ деревней.

— Это Дорофѣева могила...

— Какая могила? Это насыпь, вѣроятно, болѣе десяти сажень длины и еще болѣе въ окружности.

Кругомъ ея растутъ высокія и стройныя сосны, какъ на здѣшнихъ курганахъ или сопкахъ.

— Да, знаемъ! отвѣтили мнѣ. Дорофей то былъ не простой мужикъ, а богатырь... Наша деревня оттого и зовется его именемъ: Большой боръ или Дорошкинъ боръ. Такъ у священника на исповѣди и обозначается въ записи: такой-то изъ Дорошкина бора, а другой изъ Симеонова бора... Полторы версты между этими борами... Изъ окна отсюда видать другой-то боръ. Дорофей жилъ у насъ въ бору, а младшій братъ его Симеонъ, въ „Маломъ“ бору.

— Значить они были братья?

— Родные братья! а сестру ихъ звали Дарьей. Такъ наши старики сказываютъ и мы по-стариковски. Въ Симеоновомъ или Маломъ бору также имѣется могила, въ двѣ гряды саженей тридцать: въ одной лежитъ туловище Симеона, а въ другой, на восходъ солнца, его голова. Мнѣ такъ говорили и я тоже... Отъ стариковъ это дѣло идетъ.

— Но могила-то есть тамъ?

— А какъ же! Какъ здѣсь, такъ и тамъ. Гряды больше барскихъ хоромъ и вокругъ ихъ растутъ сосны.

— Гдѣ же сестра ихъ похоронена?

— Дарья-то? На Дѣвичьемъ островѣ она умерла, въ семи верстахъ отсюда. Когда ѣдешь по рѣкѣ на лодкѣ изъ деревни Трахново въ Цавельское озеро, то на пути встрѣтишь весь заросшій травкою островъ. Здѣсь и погибла Дарья...

— Почему всю эту семью вы называете богатырями?

— Очень большіе люди... Одинъ братъ подавалъ другому топоръ изъ окна въ окно: Дорофей изъ своего бора, а Симеонъ изъ своего... Разсказываютъ, когда въ нашей губерніи заводился родъ человѣческій, то, увидавъ людей въ полѣ, Дорофей посадилъ мужика вмѣстѣ съ сохою и лошадыю въ свою рукавицу и принесъ матери. „Посмотри-ка, говоритъ, какого я тебѣ червяка принесъ... Копаются въ полѣ, я и взялъ одного“. — Пуститяtko, сказала старуха: это не червяки, а люди такіе будутъ здѣсь послѣ насъ.

— Отъ этихъ червей и мы ведемъ свой родъ произнесли остальные въ избѣ мужики. Если поглядишь на нашихъ стариковъ, то и мы сбавили себѣ вѣку и росту. Въ старину были и люди богатыри, и кони ихъ богатырскіе и собаки такіе же, и сонъ богатырскій. Коню продѣвали кольцо въ губы и прыгалъ онъ черезъ наши ворота прямо во дворъ вмѣстѣ съ санями или телѣгой. Разъ только у Дорофея конь остался во дворѣ, а сани на улицѣ... Тоже и собаки были въ тѣ времена. До сихъ поръ разсказываютъ о томъ, какъ въ Красномъ Сосѣ тестъ Лизунъ убилъ своего зятя и никто не смѣлъ его арестовать, пока съ нимъ была его собака, Орелъ, въ груди полтора аршина... А теперь что стоятъ наши Валетки и Лыски? То же, что и нынѣшніе люди... Червяки земляные!

— А чѣмъ занимались ваши богатыри и за что вы почитаете ихъ?

— Литва разоряла насъ, а богатыри бились съ нею и охраняли насъ отъ нея. Да, видно, Господь судьбу такую горькую сулилъ имъ.

— Какая же эта судьба?

— Сонъ богатырскій одолѣлъ ихъ... Такой крѣпкій сонъ, что третьи сутки наступили, а Дорофей съ Симеономъ спятъ и не слышатъ, какъ Литва подступаетъ къ нимъ. Сестра Дарья пробовала будить ихъ и не добудилась... Видитъ она что Литва близко подступила, схватила пральникъ, которымъ полоскала бѣлье, и ну этимъ пральникомъ тягать Литву... Отъ самого Бора и до Дѣвичьяго острова, болѣе семи верстъ, гнала она Литву: цѣлый день, до самаго вечера билась Дарья съ Литвой и загнала ее къ Цавельскому озеру... Но здѣсь на островѣ у ней выпали изъ-за сорочки бѣлыя груди и Литва увидѣла, что ихъ бьетъ дѣвка. Это придало имъ смѣлости, они обернулись и стали вновь биться. До глубокой ночи билась Дарья съ ними. Многихъ застучала она своимъ громаднымъ валькомъ, но какъ посмотритъ Литва на ея бѣлыя груди — застыдится тому, что не можетъ одолѣть дѣвку и станетъ все смѣлѣй и смѣлѣй наступать на Дарью... Только къ полночи одолѣли ее и убили на зеленомъ острову, который и зовется у насъ „Дѣвичій островъ“. Потомъ они убили и ея сонныхъ братьевъ. Въ Троицынъ день мы и поминки справляемъ по нимъ: на свои и на „шпанскія“ могилки несемъ блины и читаемъ молитву.

— Отчего вы называете эти могилы „шпанскими?“

— А по-стариковски... Намъ говорили и мы тоже.

— Можетъ быть это значить панскія могилы?

— А Богъ знаетъ! Можетъ и панскія...

— Кто же паны то: богатыри ваши или тѣ, которые убили ихъ?

— А Богъ знаетъ! По-стариковски: Литва срубила Дорофея, Симеона и сестру ихъ Дарью, а могилы ихъ зовутся здѣсь „шпанскими“. Каждый годъ поминаемъ ихъ съ молитвою. Однажды въ сильный дождь, на Троицу, никто не былъ на „шпанскихъ могилкахъ“ и за это въ тотъ годъ градомъ побило въ нашихъ поляхъ весь хлѣбъ. Съ тѣхъ поръ всѣ наши окрестныя деревни положили ежегодно въ Троицынъ день править помины на шпанскихъ могилкахъ.

Долго еще собравшіеся мужики толковали о своихъ великихъ защитникахъ и жаловались на то, что годъ отъ году люди мельчаютъ.

— Нынѣ и господъ большихъ нѣтъ, — сказалъ одинъ изъ стариковъ, совершенно беззубый, но еще съ хорошей памятью и слухомъ. А прежде и господа бывали богатырями... Силачи все, да богачи. Въ Опочецкомъ уѣздѣ помѣщикъ Плень двухпудовую гирю перебросилъ черезъ острогъ, когда былъ посаженъ туда; въ Новоржевѣ Львовъ изъ своего имѣнія съ егерями городъ приступомъ бралъ; господъ и начальство свое кормилъ гадами и лягушками. Судили его, да судили-то свои же господа и деньги.

— А были между господами-то хорошіе люди?

— Какъ не быть! Всякіе бывали... Слыхалъ въ Новоржевскомъ уѣздѣ о Философовѣ? Въ Бѣжаницкой волости у него было имѣніе... Померъ онъ, а хорошій былъ, сказываютъ, баринъ... Тоже богатырь! На-рѣдкость между господъ... Собственными руками выпоролъ управляющаго нѣмца.

— За что же? Неужели русскіе бурмистры были лучше нѣмецкихъ?

— Значить не нравились ему такіе-то... Приѣхалъ это онъ, знаешь, изъ Питера въ имѣніе и прослышалъ о томъ, что управляющій сѣчетъ его мужиковъ.

„Ты, спрашиваетъ: какъ смѣешь истязать моихъ крестьянъ? Давалъ я тебѣ на то согласіе?“

— Я легонько наказывалъ ихъ, баринъ.

— Легонько? Покажи, какъ это легонько. Я хочу знать... Давай сѣчь другъ друга. Сперва ты меня сѣки, а потомъ я тебя. Сѣки же... Я хочу знать, какъ ты легко наказывалъ мужиковъ.

Легъ баринъ подъ розги и велѣлъ прежде всего привязать себя. Но нѣмецъ сѣкъ его легко.

— А теперь, давай, я тебя буду сѣчь,—сказалъ баринъ, когда его развязали.

Прикрутили нѣмца веревками къ скамьѣ и принялся баринъ изъ всѣхъ силъ стегать его розгами. Нѣмецъ оретъ, а баринъ хлыщетъ да приговариваетъ:

„Я испыталъ на себѣ, какъ ты легко наказывалъ мужиковъ; испытай же и ты, какъ это легко“...

Да, такъ-то отпоролъ его, что нѣмецъ тотчасъ же оставилъ службу у него и уѣхалъ совсѣмъ изъ Россіи въ свою нѣметчину. Вотъ какой былъ богатырь-баринъ! А въ столицѣ, бывало, сидить съ господами да пьетъ и ѣстъ... Весело всѣмъ. Вдругъ барину сгрустнется, встанетъ онъ изъ-за стола и за шапку.

— Куда вы? Куда вы?—спрашиваютъ родные.

— А въ Богдановское пойду.

Вѣдь, что же, ты думаешь, такъ пѣшкомъ изъ

Питера и придеть въ Богдановское. А если экипажъ нагонитъ его, такъ сядетъ и всю дорогу сердится.

— Для чего же это онъ дѣлалъ?

— А жизнь испытывалъ, торжественно отвѣтили мужики. То ли еще онъ творилъ... Одѣнется, бывало, нищимъ, и ходить по уѣзду: собираетъ христовымъ именемъ подаваніе.

— Это еще для чего же?

— Жизнь испытывалъ! Говорятъ тебѣ: испытывалъ жизнь. Вернулся онъ, эдакъ, однажды, изъ своего странствованія, а имѣніе-то у него за это время все и выгорѣло. Трясется управляющій, когда сталъ докладывать ему о пожарѣ, а баринъ хоть бы что...

— „Это мои грѣхи сгорѣли“... Только и сказалъ. Велѣлъ построить новую усадьбу, а про старую ни однимъ словомъ никогда не вспомнилъ.

Съ неподдѣльной любовью мои собесѣдники еще догло вспоминали старое время и богатырей-стариковъ. Нѣкоторые изъ этихъ сказаній, конечно, разростутся еще болѣе въ устной передачѣ мѣстныхъ жителей, а нѣкоторые—забудутся и пропадутъ безслѣдно. А между тѣмъ, они не лишены бытоваго интереса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣлствуютъ любовь, съ какою темные люди Псковской губерніи берегутъ и хранятъ въ своей памяти отдаленные факты и событія ихъ мохового края...

ДЕРЕВЕНСКІЕ РАЗГОВОРЫ.

I.

Каждое лѣто меня тянетъ въ деревню по привычкѣ, несмотря на то, что время моего въ ней пребыванія становится все короче и короче. Старые мои друзья по ружейной охотѣ въ Псковской губерніи: крестьяне Моховикъ изъ погоста Марыни, Антонъ и Тимофей изъ деревни Мошницы, Степанъ изъ Крутца и т. д., каждый разъ къ концу іюля вызовутъ меня къ себѣ письмами о выводкахъ тетеревей и обѣщаніями о томъ, что у нихъ для меня „много припасокъ и рассказовъ запасено“. Сердце не камень, и въ этомъ 1899 году я также остался вѣренъ ожидающимъ меня спутникамъ въ лѣсахъ и болотахъ Новоржевскаго и Холмскаго уѣздовъ. По пути я завернулъ на нѣсколько часовъ въ Островской и Опочецкій уѣзды, вдыхая всю дорогу гарью пахнувшій воздухъ.

— Земля горитъ, произнесъ ящикъ въ отвѣтъ на мое неудовольствіе, указывая кнутомъ вдаль.— Кругомъ дымитъ и гарь въ глаза лѣзетъ. Черная земля горитъ вездѣ. Сушь!.. Окапывать-бы надо канавами пожарище, а то и до деревни дойдетъ... Хотя она земля и черная, а для капусты или для цвѣтовъ господамъ годится, а послѣ пожара зола одна. Да чужое добро горитъ, а не свое—такъ плевать. Свое мы сберегаемъ, а чужое—пушай пропадаетъ.

Жалобу на отсутствіе дождя и равнодушіе „къ

чужому“ я слышалъ повсемѣстно въ Псковской губерніи.

— Яровые пропали... Сожгло! Нѣтъ въ этомъ году у насъ, жаловались крестьяне, — ни огурчиковъ, ни грибовъ, ни ягодъ... Капуста и картофель—все пропало. Какъ жить будемъ зиму—Богу извѣстно! Земля высохла и сѣяться нельзя. Ходятъ тучки съ утра, а дождя не выпадаетъ... Маркаситъ съ полдня ненадолго и все тутъ...

Проѣзжая одинъ уѣздъ за другимъ, я вездѣ видѣлъ то горѣніе торфа, то женщинъ и дѣтей на пахотѣ съ деревянными колотушками въ рукахъ, разбивающимъ ими „комовья“ земли (глыбья, глыбы).

— Развѣ на такой землѣ можно сѣяться? Что каменья, говорили мужики.—Вотъ ее и молотятъ для посѣва... Кабы дождечку. Безъ него ничего не взойдетъ. А пока мы ждемъ его, все зерно нужное къ посѣву, сѣдимъ. Пойдетъ дождь, а сѣять нечего. Худой годъ будетъ у насъ.

Въ погостѣ Марыни, Новоржевскаго уѣзда, священникъ рассказывалъ мнѣ, что этотъ худой годъ уже даетъ себя чувствовать: у него въ поляхъ уже обмолотили палками 600 сноповъ, а у его „рендаса“ обрѣзали рожь (колосья) съ 120 сноповъ.

— Это въ лѣтнюю ночь такъ шалать, говорилъ отецъ Александръ: — а въ осеннія будутъ пробуравливать стѣны въ амбарахъ такъ, чтобы рожь изъ засѣкъ текла, какъ изъ крана, въ мѣшокъ; будутъ подымать одинъ уголь амбара, продыравливать половицу и такимъ образомъ воровать хлѣбъ... Тяжелый годъ!

Я самъ былъ свидѣтелемъ въ дорогѣ подобныхъ явленій. На станціи Исса, Опочецкаго уѣзда, первое, на что я натолкнулся—было судебное разбирательство земскимъ начальникомъ, барономъ Розеномъ, крестьянъ пустоши Яковцево, Матюшинской волости, обвиняемыхъ въ томъ, что они загнали къ себѣ во дворъ чужого борова, разрѣзали его непаленнаго и запрятали куски въ мочила и болота; тамъ-же, при обыскѣ, были найдены украденные пустошниками у разныхъ лицъ колеса, шкворни, болты съ льномьяльныхъ машинъ и т. д.

— Плохо, думалъ я,—если мужику нельзя сѣяться и еще до темныхъ ночей начинается воровство хлѣба и домашней утвари...

Съ Иссы я поѣхалъ на Св. Горы, гдѣ происходили въ маѣ мѣсяцѣ пушкинскія торжества, и на мой вопросъ крестьянамъ, что они вынесли изъ этого торжества, постоянно получалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ:

— Видѣли ясныя пуговицы и ничего больше... Начальство выхваливало себя!

Другіе еще съ большимъ неудовольствіемъ замѣчали:

— Оттого и дождя нѣтъ, что почитали здѣсь безбожника!

Это уже чувствуется вліяніе монастырскаго причта, не расположеннаго къ памяти Пушкина.

Разумѣется, были исключенія и здѣсь: нѣкоторые хорошо заработали въ пушкинскіе дни и были ими довольны; другіе распускали о покойномъ поэтѣ легенды.

— Башковатый былъ! Черезъ него и воля от-

крылась намъ... Онъ и манифестъ писалъ, и съ Царемъ говорилъ о насъ. За это ему и почетъ такой!

Украшаютъ вымыслами также и пребываніе Пушкина въ с. Михайловскомъ.

— Пришелъ онъ въ Св. Горы, говорятъ: ходитъ среди народа въ ярмарочный день, а исправникъ ему на встрѣчу: „кто ты такой?“ спрашиваетъ гнѣвно. А Пушкинъ посмотрѣлъ ему въ глаза и говоритъ въ отвѣтъ:

„Господи, Иисусе Христе!
Спасъ ты вора на крестъ...
Теперь тебѣ новое горе:
Спаси меня отъ этого вора...“.

Этотъ анекдотъ про Пушкина и исправника очень нравится обывателямъ Св. Горъ, и я слышалъ его какъ въ интеллигентныхъ семьяхъ, такъ и въ кулацкихъ.

Мнѣніе, однако, объ отсутствіи здѣсь дождя за то, что читли „безбожника“, усиливается тѣмъ, что теперь мѣрка картофеля стоитъ въ Св. Горахъ 60 к., а прежде бывало 20 к., сотня огурцовъ прежде стоила 10 к., а теперь 30 к. Что касается куръ, то ихъ совсѣмъ нѣтъ: всю живность поѣли гости въ „пушкинскіе дни“. Я выѣхалъ изъ Св. Горъ за Новоржевъ и по дорогѣ встрѣтилъ въ Маккавеевъ-Спасѣ множество въ мокрыхъ платьяхъ бабъ.

— Это „завѣтныя“, пояснилъ ямщикъ.—По завѣту въ водѣ стоятъ: кто по коѣнно, кто по горло каждый годъ въ этотъ день во время водосвятія. Такое обѣщаніе даетъ баба, когда очень больна, и тогда Господь помогаетъ ей.

Нѣкоторыя изъ женщинъ несли на рукахъ дѣтей, тоже мокрыхъ и тоже по завѣту, но всѣ были торжественно настроены, несмотря на холодный, дующій въ одну сторону вѣтеръ. Вскорѣ я прибылъ въ погостъ Марыни. Ко мнѣ на другой-же день пришли мои охотники, и мы стали собираться идти въ мохъ на тетеревей, а въ лодкѣ на утокъ по рѣкамъ и озерамъ около Цевла, Палисто и Ствольни. На одномъ изъ охотничьихъ приваловъ, послѣ утомительной ходьбы, Антонъ насмѣшливо обратился къ Моховику съ вопросомъ:

— Ты чего-же не расскажешь, какъ сосѣдній дворянинъ научалъ тебя вдарить при народѣ барина?

— Это кого-же? спросилъ я, недоумѣвая.

— Тебя, Анатолій Ивановичъ... За то, что ты писалъ объ этомъ дворянинѣ.

— Какой онъ дворянинъ! воскликнулъ Моховикъ. Безъ богатой женки много у насъ такихъ дворянъ! Ну, женится, получить имѣніе — тогда станетъ человѣкомъ... А теперь онъ дворянинъ у великопольскихъ дѣвокъ!

Мои мужики громко разсмѣялись, а Моховикъ продолжалъ:

— Что надумалъ, гадъ этакій! Да можетъ-ли это быть, чтобы я ударилъ своего барина? Я у него три ружья пропилъ...

— А тотъ тебѣ обѣщалъ десятокъ купить? переспросилъ я.

— А мнѣ не нужно! Дорога твоя правда, а не ружья. Пишешь ты давно про насъ, и псковскіе „мякинники“ не обижаются тобой. А этотъ дворянится...

Я невольно хохоталъ, слушая Моховика, но внутренно возмущался тѣмъ, что въ провинціальной глуши такъ легко оскорбить пишущаго человека. При старомъ кабацкомъ режимѣ особенно легко было найти въ кабацѣ молодца, который за бутылку водки кому угодно пустить въ затылокъ камень. Въ погостѣ Новомъ, Новинской волости, Новоржевскаго уѣзда, два кабатчика были судимы именно за подобный подкупъ и осуждены потомъ за убійство.

— Про тебя много весною говорили у насъ, насмѣшливо замѣтилъ Антонъ.

— А именно?

— А именно за твой языкъ, псковскіе „синичи“ *) — новоржевскіе богачи — хотѣли запретить тебѣ въѣздъ къ намъ на охоту; чтобы ты не писалъ о нихъ ничего худого... Во всѣхъ лавкахъ говорили, что не бывать тебѣ у насъ это лѣто, и мы урядника спрашивали.

Мнѣ вдругъ стало ясно, что молва о моемъ изгнаніи возбуждена „лавочниками“ всякихъ видовъ, которыми мои статьи о Псковской губерніи могли казаться предосудительными и крайне нежелательными. Они-то, пересуживая между собою каждую мою стро-

*) Крестьяне чрезвычайно любятъ обобщать слова и распространять названіе съ одного предмета на множество другихъ, если это покажется имъ звучно и остроумно. Въ моей статьѣ о Пушкинскихъ торжествахъ въ Св. Горахъ было упомянуто, что прежде Св. Горы изобиловали синицами и одна изъ горъ называлась даже „синичей“. (См. мою брошюру: „А. С. Пушкинъ и чествованіе его памяти“). Антонъ, прочитавъ это мѣсто и мое отрицательное отношеніе къ псковскимъ дворянамъ на Пушкинскомъ праздникѣ, тотчасъ назвалъ ихъ огульно „синицами“. по-псковски — „синичами“,

ку о нихъ, воображали, что и болѣе интеллигентные люди могутъ негодовать на меня за безпристрастное сужденіе объ уѣздныхъ нравахъ. Предположеніе котораго-нибудь изъ черномазой аристократіи объ удаленіи меня изъ ихъ среды подхватывалось другими и, за отсутствіемъ лучшихъ разговоровъ и темъ, въ преувеличенномъ видѣ выдумка обо мнѣ переносилась изъ одной деревни въ другую. Въ погостѣ Ц. мѣстный священникъ уже прямо заявилъ мнѣ, что надо мной установленъ, кажется, негласный надзоръ въ Холмскомъ уѣздѣ. Я увѣренъ, что и въ Новоржевскомъ, и Холмскомъ уѣздахъ никто изъ истинно-культурныхъ и официальныхъ лицъ не можетъ интересоваться моей совершенно корректной въ этомъ случаѣ личностью, но толпа, уѣздная интеллигенція въ лавочкахъ и мелкокомѣстныхъ усадьбахъ боится за свои нравы и вѣрить въ собственные вымыслы о томъ, что писателю могутъ запретить вѣздъ въ уѣздъ и можно „вдарить его при народѣ“ безбоязненно. Это и характерно... Эти слухи держатся довѣріемъ къ нимъ массы.

Подымаясь съ отдыха и вскидывая за плечо ружье, Антонъ повернулъ лицо къ виднѣвшимся за безконечными мхами барскимъ усадьбамъ и закричалъ голосомъ, полнымъ насмѣшки:

„Псковскіе синичи,—
Новоржевскіе богачи,—
Продовайте села,
Да не богачи!“.

Передъ нами красовались верхушки липовой рощи села Б., проданнаго господами и перепродаваемого теперь такимъ-же новоржевскимъ дворя-

ниномъ любому еврею, если будетъ лишняя тысяча барыша.

— А хорошее было село, замѣтилъ я.—Годилось-бы мужичкамъ...

— Кто-же о насъ будетъ думать? воскликнулъ Антонъ.—Новый-то хозяинъ башковатый, а насъ мало любить...

— Его хвалятъ, замѣтилъ я.

— Баринъ простой, покуда спать, кратко отозвался Антонъ.

— Почему?

Антонъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, но его отецъ, Тимофей, не касаясь личностей, замѣтилъ въ сторону:

— Мы барина хвалимъ въ гробу, а рожъ въ стогу... Умреть баринъ—мы и хвалимъ; а при жизни—сегодня онъ хорошъ, а завтра, глядишь, одинъ обманъ. Тоже и рожъ не хвали въ полѣ: либо кони разобьютъ снопы, либо свиньи стравятъ. А въ стогу будетъ рожъ цѣла и хороша.

— Въ имѣніи новаго владѣльца, спросилъ я,—живетъ приказчикъ, а барина нѣтъ?

— Одинъ приказчикъ! Имѣніе куплено на продажу, какъ лень скупается у насъ булынями. Нынѣ все такъ: у насъ одни господа разоряются, а другіе наживаются черезъ торговлю и подрядами. Что мужикъ, что баринъ одинаково: либо съ торбой по міру идутъ, либо барышничаютъ... Хотя какъ долго баринъ учится у тебя въ Петербургѣ, а пріѣдетъ сюда и давай имѣнія скупать у вдовъ или дѣвушекъ; а то заберетъ всѣ подряды: либо дорогу чинитъ, либо школу строитъ, либо судить и самъ-же пишетъ на себя жалобу въ съѣздъ.

Ловкіе стали господа! Старые не были такъ учены... Вонъ у Григорія Иваныча Рухлядки, у стараго барина въ селѣ Боровичи и пороли мужиковъ, и били; ни праздниковъ, ни полдень не было у насъ... Лошадь выпряги въ полдень, а самъ иди въ поле: копай прудъ да каменья въ него прячь съ пахоты... У другого кровь изъ глазъ идетъ, а камень во роти съ полей... А все-же были барыши небольшіе барину. Земля воздѣлана, да чужими руками... Вотчина-то терпѣла, терпѣла, да и разбѣжалась вся. „Толкунами“ сдѣлались... Всѣ стали толкаться по бѣлу-свѣту украдкой, а барину убытокъ. Внуки-то вотъ и совсѣмъ продали село... А теперешній баринъ ученый и образованный. Онъ и не живетъ въ селѣ, а посадилъ приказчика и ждетъ, какъ проведутъ дорогу отъ Порхова на Витебскъ, такъ сразу пріѣдетъ къ нему покупатель барыши дѣлать... Прежде изъ господъ двѣ доли было дураковъ, третья—полоумныхъ; ну, а теперь не тотъ Федотъ!

— Не тотъ Федотъ! воскликнули за Тимофеемъ и другіе мужики.—Башковаты стали и господа! Сами наживаютъ деньгу и мужику хорошо, если онъ поладитъ съ ними. Ты видалъ, сюда пріѣзжаетъ охотникъ, кромѣ тебя... Не ладно было у него, когда онъ уходилъ изъ писарей, а господа во вниманіе не приняли это. Кажется что-то не такъ; но кажется, да не высовывается. Такъ онъ и поладилъ съ ними. Теперь тоже сталь подряды брать и жить по-господски. Изъ насъ, мужиковъ, тоже мозговитые выходятъ... Хоть въ острогъ, но только въ каменный домъ... Вотъ какъ нынѣ молодые-то наши!

— Такихъ-то мало, возразилъ Антонъ нападающему на молодое поколѣніе Степану.—Одинъ гусь не много травы натопчетъ; не съ трудовъ, а съ хитрости немногіе нажили капиталы. Грѣховины много, а каменныхъ домовъ все нѣтъ.

— Цыганъ, братъ, въ ротъ влѣзетъ... Эти бѣсеньки въюномъ около господъ, а съ мужиками—что сковорода сухая.

— Такихъ-то мало въ деревняхъ, повторилъ Антонъ.—Деревенскій мужичекъ выросъ на морозѣ. Въ полѣ лѣтомъ за сохой, а зимой въ извозѣ.

Степанъ воодушевился риемой Антона и продолжалъ за него:

„Не боится мужичекъ ни морозу, ни тепла.
Встаетъ раненько съ утра
И работаетъ—хлопочетъ
И на завтра того-жъ хочетъ...“

— Но только, Антоша, такіе-то встарь болѣе водились и будутъ они на томъ свѣтѣ смолу возить на такихъ, какъ ты, съ хохотомъ закончилъ онъ свое возраженіе.

— Маленькій ты, а гулко поешь, что соловей, отвѣтилъ ему тотъ, тоже не безъ насмѣшки.—Отлетишь отъ меня, что пробка отъ кислыхъ щей, когда я скажу, что ты яичный болтунъ... Съ Максимцемъ! Такой мужикъ въ Черемшѣ есть... На прибаску добръ, а на привязку къ работѣ лѣнивъ. Есть и цвѣтъ, только ягодъ нѣтъ...

— Не хвались, Антоша... У тебя въ Мошницѣ—та-же деревня Паново и всѣ тутъ живутъ, какъ Лева... А Лева—и пьяница, и лѣнюга.

— Старыхъ людей, брезгливо отвѣтилъ ему Антонъ:—истреблять будутъ 13-го октября, говорятъ... Кометой задавить, а ты хвалишь ихъ.

— Смотри, братъ, Антоша, самъ не попади подъ ноги...

Пока мои мужики старались превзойти въ остроуміи другъ друга и развлекали меня яркой и образной рѣчью, моя новая собака, Немо, вдругъ заметалась изъ куста въ кустъ, стараясь носомъ схватить въ воздухѣ свѣжій духъ дичины. Вдругъ она вся преобразилась и замерла на полускачкѣ съ жадно вопрошающимъ взглядомъ по прямому направленію... Тотчасъ-же раздались хлопанье крыльевъ взмотерѣвшихъ тетеревей и наши выстрѣлы. Мы увлеклись охотой, и были слышны только наши прерывистыя дыханья отъ волненій и ожиданій у каждаго куста, съ ягодой на кочкахъ по загравкамъ въ болотистомъ мху, гдѣ лѣсная птица любитъ кормиться „на жировкѣ“.

II.

Поздно пришли мы на ночлегъ въ д. Крутецъ, къ Степану въ избу, а на утро на лодкѣ поѣхали черезъ озеро на погостъ Ц. Отецъ В. встрѣчаетъ меня всегда радостно, и мужики мои идутъ къ нему въ гости охотно, хотя вообще къ духовенству относятся болѣе съ экономической точки зрѣнія.

— Какъ родился, говорятъ они,—такъ и подавай ему всю жизнь. За крестины — подай, же-

нился—подай, умирать будешь—подавай и, послѣ смерти, за упокой подавай. Когда нѣтъ денегъ, иной священникъ скажетъ: „Ладно! Господь съ тобой“. А нынѣ молодые попы завели въ карманѣ книжечку. Нѣтъ денегъ, вынимаетъ книжечку и записываетъ за тобою долгъ, а въ другой разъ напоминаетъ о немъ не просто, а со стромомъ...

Отецъ В. нрава доступнаго и съ моими охотниками не брезгаетъ осушить чарочку. Къ концу ужина онъ начинаетъ „задѣвать“ людей, которые „своимъ разумомъ“ залетаютъ высоко.

— А развѣ лучше, спрашиваю я,—залетать низко своимъ разумомъ или жить совсѣмъ безъ него?

— Надо думать о людяхъ, какъ въ жизни они живутъ, а не отвлеченно, наставительно замѣтилъ онъ.

— У васъ въ губерніи, продолжаю я, — дворяне изъ молодыхъ торгуютъ имѣніями, а не устраиваютъ ихъ... Слова въ ихъ домѣ не услышишь о новой книгѣ, о литературѣ, о философіи, а все однѣ деньги и практика.

— Это жизнь!

— Но дурная жизнь...

— Это партійный взглядъ! Что значить дурная жизнь? Вотъ я угощаю мужиковъ водкой; по вашему это дурно, а намъ — хорошо. У васъ — слова, у насъ — жизнь. Вы осуждаете богатыхъ господъ, которые своихъ прежнихъ подругъ по-выдавали замужъ обеспеченными, а вѣдь это только жизнь... Зачѣмъ-же ругать ее?

— Развѣ хорошо покидать женщину?

— Вѣдь они обезпечиваютъ ее, когда выдаютъ за новаго мужа! Она не жалуется! Всѣмъ хорошо.

А вы осуждаете и бичуете ихъ въ газетахъ. Это грѣшно. Нельзя, чтобы все было по-вашему... У васъ слова, а тамъ жизнь

Плохо я понималъ, что ему нравится въ такой „жизни“ и почему онъ такъ горячо защищаетъ ее отъ „мечтаній“.

— Писателю хорошо описывать и бранить насъ, говорилъ онъ.—Мы его жизни не знаемъ, онъ и боится передъ нами. Одинъ только Богъ безъ грѣха, а людямъ все простится. Писатели напрасно бранятъ ихъ. Вонъ въ 60-хъ годахъ было позволено бранить и духовенство, а теперь нельзя... Нельзя... Это не шестидесятые годы... Не позволять вамъ смѣяться надъ духовными лицами.

Я старался успокоить о. В., совершенно искренно увѣривъ его, что отъ критики никто не избавленъ и въ настоящее время, и что о немъ лично я могъ-бы написать только одни наши споры, свидѣтельствующіе своеобразную вдумчивость священника въ жизни и заключеніе о ней.

— Темнота большая у насъ, успокаиваясь произнесъ священникъ.—Моховики да Степаны Крутецкіе—другихъ людей нѣтъ вблизи. Съ ними и чайку попьешь, и водочки попробуешь, и разговоры всякіе... Приѣдетъ изъ Питера писатель—и радъ ему и боишься... Языкъ-бы надо покороче держать... Отчего, что въ деревнѣ говорятъ, все въ Питерѣ знаютъ? Всѣ наши языки!

— Да чего-же вамъ бояться, батюшка? Это комично, право... Всѣ васъ здѣсь любятъ—и это лучшая рекомендація.

— Слава Богу, живу въ согласіи... Прихожане не жалуются. Но вамъ наша жизнь не понравится...

Вы-бы хотѣли все по своему, а жизнь-то не слушаетъ васъ, и смѣяться надъ духовными лицами теперь не дозволяется. Не та пора... Прошли обличители! За собой лучше надо посмотрѣть писателямъ, чѣмъ за другими...

— Вы опять за старое, отецъ В.

— Къ слову! Къ слову!.. Моховикъ, что ты въ рюмку смотришь, а не пьешь?

— Довольно ему...

— На ночь ничего, баринъ. Степанъ, и ты не зѣвай... Давай свою посудинку.

— Степанъ! предостерегаю я его:—утромъ надо ѣхать озеромъ, вѣтры начинаются... У тебя глаза и такъ мокрые.

— Э, что ему наши рюмочки!

— Мы дорожные люди. На водѣ... Одинъ Антонъ у меня трезвый.

— Не тревожься ты, сдѣлай милость, говоритъ мнѣ Моховикъ съ укоризной и уже съ сильно раскраснѣвшимъ носомъ.

Я начинаю сердиться, и тогда отецъ В. приказываетъ убрать водку, и на столъ подается самоваръ.

За чаемъ бесѣда затягивается. Священникъ, смѣясь, приглашаетъ меня ѣхать на охоту въ Великолуцкій уѣздъ; въ погостъ Марибчелки.

— Что-же тамъ интереснаго? спрашиваю.

— Колдуны... Люди, съ высокаго разума, отрицаютъ ихъ и не вѣрятъ тому, что они умѣютъ шептать, а у насъ они цѣлыми деревнями живутъ.

— Звали и насъ съ тобой, замѣтилъ мнѣ Моховикъ.—Спортимъ ему ружье на гулу, хвастали.

— Вотъ вы не вѣрите, продолжалъ священникъ,—а мой товарищъ въ погостѣ Марибчелки долго воевалъ съ ними. Священникъ повѣнчаетъ молодыхъ, а колдунъ по своему перевѣнчаетъ. Священникъ получаетъ плату, а колдунъ также... Тамъ все такъ вѣнчаются. Пришолъ однажды къ священнику колдунъ и говоритъ ему: „ты не вѣришь въ мое шептанье?“ Ну, конечно, священникъ признался въ томъ, что его шептанье не то, что молитва и не нужно для новобрачныхъ. „Будешь помирать — лишу отпѣванія“, пригрозилъ священникъ. „И я надъ тобой подшучу, батька“, отвѣтилъ колдунъ. Прошла такъ недѣля, сталъ священникъ обѣдню служить въ церкви и вышелъ во время великаго выхода на амвонъ. Посмотрѣлъ онъ на народъ, а колдунъ въ толпѣ грозитъ ему пальцемъ... Священникъ упалъ на полъ... Онъ и прежде, въ семинаріи, былъ лунатикомъ, а тутъ при народѣ приключился съ нимъ обморокъ отъ кощунства въ церкви колдуна.

— Это интересно, сказалъ я.—Что-же дальше?

Прихлебнувъ чаю изъ стакана, отецъ В. продолжалъ:

— Когда поправился священникъ, то сталъ воевать съ колдунами пуще прежняго... Мы, вѣдь, хоронить обязаны всякаго, хотя-бы иновѣрца. Но только православнаго мы хоронимъ по особому чину. Всѣхъ хоронимъ по извѣстнымъ и разнымъ чинамъ, изложеннымъ въ „Требникъ“: „послѣдованіе мертвенное мірскихъ тѣлъ“, „послѣдованіе мертвенное надъ скончавшимся священникомъ“, „чинъ погребенія младенческаго“ и т. д. Надъ отъявленнымъ грѣшникомъ поемъ только „Святый

Боже“ и этимъ ограничиваемся. Вотъ въ Мариб челкахъ было нѣсколько случаевъ, когда священникъ лишилъчина надъ мертвыми колдунами и тѣми, кто къ нимъ обращался.

— Помогло это? спросилъ я.

— Лишеніе отпѣванія? Думать надо, что могло. Мало средствъ у насъ для борьбы съ суевѣріемъ. Надо-бы посылать дѣтей въ церковно-приходскую школу, да школъ мало.

— Мы молиться, слава Богу, не разучивались, батюшка, возразилъ ему Антонъ.— По крестьянству нужны не псаломщики, а грамотные и ремесленные люди.

— Что-же твои грамотные, перебилъ его опять Степанъ;—всѣ законъ Божій знаютъ, а ругаются еще хуже насъ, мякинниковъ! Отца не почитаютъ, умѣютъ въ засѣкахъ считать зерна, что бы на пропой таскать, родителей побить и чужую лошадь угнать...

— У колдуновъ зато не будутъ вѣнчаться, возразилъ ему я.

Это замѣчаніе вновь возбудило Степана, и онъ горячо запротестовалъ противъ меня. За споромъ никто не замѣтилъ, что время уже было за полночь, но никому не хотѣлось расходиться Одинъ Моховикъ прилегъ на задней лавкѣ и съ неудовольствіемъ замѣтилъ по моему адресу:

— Будетъ теперь звонить до утра, а потомъ не добудиться его... Такъ зори и пропадаютъ! Оттого и дичь не бьемъ. Люди стрѣляютъ, а мы спимъ.

— А въ чемъ-же счастье, Моховой? спросилъ

Степанъ.—Здоровье да крѣпкій сонъ—нѣтъ лучше.

Мнѣ хотѣлось возразить, и я сказалъ:

— У меня и здоровье крѣпкое, и сонъ хороший, а счастья нѣтъ...

— Твое счастье въ разговорахъ, крикнулъ Моховикъ съ неудовольствіемъ.—Людымъ спать надо, а они звонятъ...

— Да спи... Мы не мѣшаемъ тебѣ...

— Иди на сѣно, посоветовалъ священникъ.— Хорошо тамъ... Мухъ нѣтъ. Перехватывать будемъ утренній завтракъ, разбудимъ тебя.

— Я свое время не просплю, а вотъ вы и перекусывать къ обѣду не встанете, иронически произнесъ тотъ изъ-подъ армяка и уже болѣе не отвѣчалъ намъ.

ПСКОВСКАЯ МЯКИНА.

I.

Послѣ тяжелой ходьбы по топкимъ, вперемежку съ валежникомъ, моховымъ пространствамъ было крайне пріятно сѣсть къ столу за чай и поднять чисто литературные разговоры, къ которымъ, уже много лѣтъ подъ рядъ, я приучилъ моихъ крестьянъ-пріятелей.

— Какая разница, Степанъ, между грамотнымъ мужикомъ и тобою? — спросилъ я. — Какъ ты думаешь: есть разница или никакой?

— Насъ, стариковъ, отвѣтилъ онъ: за нашу не-образованность въ этомъ краѣ, прозвали „псковской мякиной“... Такая у старыхъ мужиковъ фамилія. А молодые всѣ грамотные: побывали „бурлаками“ въ Питерѣ и солдатами... А самъ знаешь, чѣмъ они отличаются отъ насъ... озорствомъ и окромя ничѣмъ.

— Такъ-ли, Степа? перебилъ его Антонъ насмѣшливо. Прозвали васъ „псковскими мякинниками“ кто? Все грамотные люди: ярославскіе, тверскіе, костромскіе синельники, овчинники, топорники, коновалы, продавцы косъ, зубрили серповъ... А наши, псковскіе старики,—такіе глупые, что ничѣмъ не занимаются. А который и попадалъ въ Питеръ, то только и умѣлъ поднять да бросить... Вотъ и вся наука неграмотнаго мякинника! Большая разница между ними.

— Что говорить! Теперь мальцы грамотны и учены... На чужого коня сѣсть и прощай, родимая сторонка... Бабамъ сунуть, вмѣсто золотого, новенькую монетку въ 2 копѣйки; родителей ругать и въ шею потыкать... Сравнялись во всемъ грамотеи съ мякинниками! Не отличить!

— Тебѣ не отличить, а я сряду отличу... Псковскіе мякинники не пропечены: сыры еще... Знаешь, какъ ихъ варили-то...

Антонъ засмѣялся и рассказалъ мнѣ о томъ, какъ въ Питерѣ варили ярославскаго и псковскаго мужиковъ: перваго всего одни сутки, и онъ былъ готовъ, а втораго—цѣлую недѣлю... „Неуварить, какъ стараго пѣтуна“.

Начальство ярославскаго завопило:

— Ярославскій!

— Я-сь, крикнулъ онъ.

— Ну, вонъ вылазь. Ты готовъ. Правильнымъ челоѡкомъ сталъ.

Завопили псковского:

— Псковскій!

— Что? Кого надо?

— Варить еще надо, сказали начальники. Что же: сыръ еще... Имени своего не знаетъ.

Цѣлую недѣлю переворачивали псковскаго, а онъ все-таки 20—30 лѣтъ тому назадъ еще не зналъ, какъ рожъ вѣять и ѣлъ хлѣбъ съ мякиной, гнилой дубъ или мохъ сушилъ и толокъ съ мукой...

Продолжая издѣваться надъ неграмотной и не-образованной стариной, Антонъ говорилъ:

— Вѣяный хлѣбъ шелъ на сѣмена въ старину, а на ѣду людямъ годились пелы (кожура). Обмолотитъ старикъ рожъ и перебираетъ руками пелы: если въ нихъ находились зерна, то прибавлялъ къ нимъ еще пелы; а затѣмъ пробовалъ эту смѣсь объ стѣну. Бросалъ мужикъ ее горстями и, если гремѣло объ стѣну, то прибавлялъ въ третій разъ пелы, и тогда уже пекли хлѣбъ... Вотъ какіе псковскіе мякинники! Необразованность! — Богу молиться не умѣютъ и что съ Богомъ гоманить — не знаютъ... Одному мигнетъ, другому кивнетъ, а третій самъ догадается. Вотъ и вся его молитва.

Степанъ былъ совершенно озадаченъ красно-рѣчіемъ Антона и первое время не находилъ словъ въ отвѣтъ. Но вдругъ онъ радостно сказалъ:

— Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, Антоша, люди выходили изъ тьмы, и сатана заревѣлъ отъ

горя... Но Христось утѣшилъ его обѣщаніемъ: „не печался, сатана, наполнишь опять твоя тьма грамотными людьми“. А ты ихъ хвалишь... Грамотность не прибавить человѣку ни ума, ни правды; а у кого ихъ нѣтъ—тотъ научится хитрости.

— Ты, Степанъ, не все разсказаль... Что-же не доканчиваешь? Пообѣщаль Господь наполнить тьму дьяками да грамотными людьми, но оставилъ во тьмѣ и грамотнаго Соломона. „Ты, мудрый, сказалъ онъ: выдешь изъ тьмы своимъ умомъ и ученостью“. Сталь Соломонъ и книги читать, и мозгами ворочать надъ тьмъ, какъ ему выйти изъ адовой тьмы. Надумаль онъ сдѣлать кошель желѣзный.

— Зачѣмъ это? спрашиваетъ сатана.

— А мы поймаемъ Маринка въ этотъ кошель, отвѣчаетъ Соломонъ. Попробуй, крѣпокъ-ли?

Сатана влѣзъ и разорваль кошель. Соломонъ сковаль новый и, когда сатана вторично влѣзъ въ него и сталъ пробовать крѣпость, Соломонъ успѣлъ молоточкомъ заклепку сдѣлать и воскликнуть: „Аллилуйя! Аллилуйя! И нынѣ и до вѣка!“ сатана бился, бился, а кошель все не рвется. Такъ и до сихъ поръ онъ въ немъ сидитъ. Черти грызутъ кошель и прогрызаютъ его, но только сатана хочетъ вылѣзти—въ церквахъ поютъ: „Аллилуйя“! и кошель вновь крѣпнетъ, и черти вновь грызутъ безъ пользы... Вотъ наука-то Соломонова что дѣлаетъ, Степанъ. Не хвали безграмотныхъ стариковъ. Фамилія у нихъ до сей поры: „псковская мякина!“.

— Хорошо и шибко ты языкомъ перебираешь, да не проглоти и не подавись имъ, Антонъ. У меня тоже за каждой заплатакой запасена прибаска. Былъ такой мужичекъ неграмотный, хотъ бы какъ я. Идетъ онъ лѣсомъ въ дождь и вѣтеръ, а на встрѣчу ему прохожій.

— Ненастная погода... Заругай погоду, землякъ, говоритъ онъ мужичку. Двѣсти рублей тебѣ дамъ.

А мужичекъ въ отвѣтъ:

— Это не погода, а Господь время далъ такое и нельзя его ругать. Богъ—старый хозяинъ. Лучше насъ знаетъ, что къ чему...

Пришелъ мужичекъ къ барину въ усадьбу и рассказываетъ, какія деньги даетъ ему прохожій, если онъ выругаетъ погоду.

— Гдѣ-же этотъ человѣкъ? спрашиваетъ баринъ и даже изъ-за стола вышелъ.

— За оградой.

— Покажь мнѣ его. Какой онъ изъ себя? Вышли они за ограду, а вмѣсто прохожаго стоитъ чортъ и кричитъ барину:

— Ладно! ладно! ты ступай на свое мѣсто... Ты и такъ мой! Тебѣ не дамъ. Мнѣ неграмотнаго мужичка надо, а не ученыхъ господъ... Тѣ давно уже мои.

На этотъ разъ пришлось Антону сконфузиться, и престижъ Степана опять поднялся во мнѣніи собравшейся въ избѣ толпы мужиковъ.

— Также, продолжалъ торжествующій Степанъ: и твои костромскіе, и ярославскіе „толкуны“... Грамотные, а все толкаются по свѣту, ѣздить и обманываютъ людей. Иной—что цыганъ—въ ротъ

влѣзеть... „Это не коса, а работница“, кричить. Ну, и купишь у него косу за рубль, а она ничего не стоитъ: въ амбаръ подъ стробъ подторкнешь ее свинину караулить, а косить траву ею нельзя. Зубомой — твои грамотеи... Лошадь продають и нахваливають: и „безгрѣшная скотинка!.. кнута не надо, а только возжи натяни“... Зубомой!

Всѣ засмѣялись, но Моховикъ заступился за Антона.

— Степанъ хвалить необразованную старь, сказалъ онъ,—а того не знаетъ, что его псковскіе мякинники стучать въ стѣну: „нѣтъ-ли на продажу холста“? А поглядить хозяйка въ окно—просятъ: „милости, ради Христа“... Съ грамотой подъ окно не пойдешь, а куда смѣлѣй и на чужой сторонѣ! У грамотныхъ мужиковъ, погляди-ка, и плуги завелись раньше, чѣмъ у мякинниковъ; и мужъ съ женой ласковѣе живутъ, а не грамотный и теперь бьетъ жену даже и трезвымъ.

— Bravo, Моховикъ! воскликнулъ я. Самъ безграмотный и холостой, а стоитъ за просвѣщеніе и семью.

Степанъ однако не унимался и кричалъ:

— Въ нашемъ положеніи лучше быть дуракомъ, чѣмъ высоко грамотнымъ. Какъ выучился шибко малецъ, такъ онъ сейчасъ бросаетъ отца и получаетъ мѣсто. Ему потомъ врядъ самого себя и женку прокормить. А пока онъ немного поучился, или совсѣмъ неграмотный, такъ онъ съ отцомъ вмѣстѣ и оретъ, и боронуетъ. Такъ вся семья и сыта. Намъ не рука учить дѣтей. Уйдутъ въ городъ и забудутъ батьку съ маткой.

Въ это время пришелъ въ нашу избу народный учитель изъ погоста Дубровы и вслушавшись въ споръ между мужиками о грамотности, обратился ко мнѣ съ упрекомъ:

— Слишкомъ многого вы желаете отъ сельскихъ школъ! Отъ учителя требуютъ, чтобы онъ обучилъ дѣтей грамотности; чтобы онъ былъ ремесленникомъ и провелъ въ народѣ ручной трудъ; чтобы онъ былъ садоводомъ, огородникомъ, пчеловодомъ и научилъ тому же дѣтей и крестьянъ; чтобы онъ училъ ихъ пѣнію, водилъ въ церковь и привилъ имъ религіозное чувство; чтобы онъ преподавалъ военную гимнастику и чтобы онъ же былъ отвѣтственъ за жизнь взрослого мужика въ избѣ... Большія требованія, а сама личность учителя въ интеллигентномъ обществѣ совершенно обезличена! Вашъ Степанъ хочетъ доказать, что школа ничего не даетъ народу: выучится малецъ грамотѣ, а пойдетъ орать въ полѣ и забудетъ ее черезъ 5—6 лѣтъ. Такимъ же станетъ мужикомъ, какъ и всѣ. Я самъ, признаюсь, сразу не умѣю отличить грамотнаго мужика въ избѣ отъ неграмотнаго. У меня въ Дубровской школѣ Григорій цѣлый годъ служить сторожемъ и онъ грамотный; но я до недавняго времени этого и не подозревалъ. Такъ онъ ничѣмъ не выдѣляется изъ массы неучей. Вы пріѣхали ко мнѣ въ школу ночью и цѣлый часъ стучали въ ворота. Григорій слышалъ этотъ стукъ и все лежалъ на лавкѣ и думалъ, что Дунька отворитъ ворота. А она о немъ думала тоже самое. Оба думаютъ, а вы подъ дождемъ мокнете. Онъ грамотный, она—нѣтъ, и оба ничѣмъ не отличаются въ самыхъ простыхъ вещахъ. Да, и я

учитель съ двадцатилѣтней практикой, не отличу грамотнаго крестьянина въ избѣ. Но я самъ по происхожденію крестьянинъ и отлично знаю, чѣмъ бы я былъ, если бы остался неграмотнымъ. Всю разницу я отлично чувствую. Также вѣрилъ бы въ чорта... Въ чорта, впрочемъ, я и теперь вѣрю. Также лучшимъ угощеніемъ считалъ бы бутылку водки; также дрался бы, таскалъ жену за косы, ребятъ—за волосы и гамкалъ здѣшнія дикія пѣсни со стономъ:

Сударушки, капуть..
Остатній годъ гуляю..
Ой—уу—у!!

— Всѣмъ своимъ нутромъ, продолжалъ онъ, я благословляю сельскую школу, въ которой и самъ провелъ дѣтство. Грамотныхъ вообще очень мало въ массѣ—оттого и въ мужицкихъ избахъ не замѣтно ихъ вліянія. Школа тонетъ въ омутѣ деревенской жизни, но она не виновата въ томъ. Она свое дѣло дѣлаетъ и нужно спрашивать о ней не „псковскую мякину“, а спасенныхъ ею изъ тьмы лицъ.

II.

Несмотря на замѣчаніе сельскаго учителя по моему адресу о томъ, что надо спрашивать о народной школѣ компетентныхъ лицъ, я продолжалъ все-таки допрашивать о ней „псковскихъ мякинниковъ“. Но вмѣсто прежнихъ вопросовъ о пользѣ

грамотности въ томъ видѣ, въ какомъ она усваивается ими въ сельскихъ школахъ, я спросилъ ихъ теперь о школѣ по бытоводству и прочелъ слѣдующій отрывокъ изъ одной газетной статьи:

„Жизнь нашего крестьянина въ большинствѣ случаевъ ужасна, и ужасна не по бѣдности, но по своей сѣрости, ѣсть онъ даже если сытно, то скверно и крайне однообразно—изъ тѣхъ же продуктовъ, которые онъ имѣетъ, ему кромѣ „варева“ не сдѣлаетъ ничего ни жена, ни работница, частью за недосугомъ, частью за полнымъ неумѣньемъ и непониманьемъ.

Кому изъ насъ не случалось проѣздомъ въ деревнѣ заказать себѣ сварить или сжарить курицу и получить ее съ зобомъ и потрохами, т. е. совершенно негодную къ ѣдѣ, а между тѣмъ, кажется, курица, изба и баба такъ неразлучны, что даже для своихъ ребятъ при хорошемъ хозяйствѣ мать должна была бы нерѣдко сдѣлать хлебова изъ куры. Циплятъ у крестьянъ растаскиваетъ ворона, а яйца кладетъ насѣдка по огородамъ и даже часто по чужимъ, нерѣдко бываетъ, что насѣдка является сюрпризомъ, ведя за собою свой выводокъ. Что дѣлается, когда телится корова или жеребится лошадь? Какимъ истязаніямъ подвергается иногда скотина и какъ часто пропадаетъ приплодъ, въ этомъ можно было бы убѣдиться въ каждой деревнѣ. А какъ спать мужики, въ особенности лѣтомъ, во время полевыхъ работъ? На грязномъ полу на какомъ-то тряпѣ, кругомъ валяются пропитанныя потомъ, онучи и другая рвань, дѣти ихъ облѣплены мухами, пеленки воняютъ, а тѣла ихъ прѣютъ, потому что ни под-

мытъ, ни пересыпать, хотя бы простой мукой, мать не догадается. Вотъ во всемъ этомъ добровольномъ убожествѣ можно безошибочно сказать, что виновата женщина, но виновата не лѣнью, не нерадивостью, а полной своей темнотой“.

— Хорошо или нѣтъ, спросилъ я: устроить школы для крестьянскихъ дѣвочекъ, гдѣ будутъ „учить ихъ весною и лѣтомъ огородничеству и уходу за скотомъ и птицею, и всему, что можно по практическимъ работамъ, а осенью и зимой—учить читать, писать, считать, лечить скотину, шить, стирать, стряпать“.

— Не худо бы, тотчасъ же согласился Антонъ.

Но вѣчный его оппонентъ, Степанъ, сталъ и въ этомъ оспаривать его.

— Все это не скоро будетъ для нашего брата, произнесъ онъ. Деревенскія дѣвушки думаютъ, какъ бы на посидѣлки сходить, да чтобы мальчики пришли. Охоты никому не будетъ идти въ твою школу. „Я и дома этому выучусь, скажутъ онѣ. По крестьянству прясть да ткать учатся у матерей. Да и капиталъ въ такой школѣ не позволитъ дѣвкамъ выучиться до тонкости всякому дѣлу, а мальчикамъ—кузнечному или сапожному ремеслу“.

— Дома такъ не выучить ребятъ, какъ въ школѣ, возразилъ Антонъ.

— А въ школу ходить за этимъ—полѣнятся!.. Въ будни своя работа въ полѣ, а въ праздники — лучше пропьянствовать... Мужику какой обѣдъ? Какой ни на есть... Поработаешь, такъ все равно.

— Не все равно, Степанъ: если изъ добраго подастъ баба на столъ худое. Пусть она изъ худого дѣлаетъ хорошее.

— Не требуется этого... Кочанъ капусты, какъ ни поверни, все кочанъ. У насъ: есть хлѣбъ—ѣшь хлѣбъ; нѣтъ хлѣба—водку пей; а выпьешь и хлѣба не надо... Зачѣмъ намъ ученыя хозяйки? Что мужику нужно, онъ додумается самъ. У кого садъ есть, тотъ знаетъ, что дѣлать съ яблоками, лучше ученаго.

— А что дѣлаетъ мужикъ съ яблоками? спросилъ я.

— Дѣти ѣдятъ...

— А ты запрети...

— Тогда они, баринъ, хлѣбъ будутъ ѣсть... Это мужику убытокъ.

Замѣтивъ мое изумленіе, Степанъ въ поясненіе мужицкой бѣдности, препятствующей всякимъ улучшеніямъ внутренняго быта, произнесъ:

— Убей быка, да посади за столъ дурака: такъ онъ и самъ наѣстся, да и барина угостить; а зарѣжь курицу, да посади хоть умницу—всѣ будутъ голодны. Какъ же ты будешь учить нашихъ бабъ готовить намъ новыя кушанья, да чистоту соблюдать, когда не изъ чего? Съ утра ранехонько, не мывши—не чесавши, бѣжишь на свою полосу, а потомъ придешь перехватывать чѣмъ Богъ послалъ и вдругъ увидишь изъ окна избы балачину на небѣ... Бросишь ложку на столъ, да со всѣхъ ногъ бѣжишь въ поле убирать сѣно до дождя, а на столѣ не прибрано ничего... Гдѣ же намъ, мужикамъ, набраться чистоты? Ты въ школѣ одно говоришь, а у насъ въ избахъ другое.

Я молча слушалъ Степана, который продолжалъ приводить противъ меня свои резоны:

— Все, что я знаю, у меня есть... А буду я больше знать, у меня многого не будетъ. Ты въ школѣ научишь нашихъ дѣвочекъ стряпать, шить и одѣваться по-господски, ну и пойдутъ у насъ въ избѣ капризы... А теперь-то она все знаетъ по крестьянству и такъ... Молотить нужно—это баба знаетъ; телѣгу навить сѣномъ—знаетъ; одонокъ сметать—можетъ; сноповъ на телѣгу накладывать—въ силахъ... А ты будешь учить ее въ школѣ чистотѣ да вкуснымъ блюдамъ! Въ школѣ-то надо и одѣться получше, чѣмъ дома. А прясть кудель наши бабы научатся въ своей избѣ и въ лаптишкахъ. Мало охотницъ будетъ къ тебѣ идти учиться для своей охоты. Онѣ у матери своей выучатся готовить въ праздники на квасу грибки, холодное (квасъ съ мясомъ), батву, студень, супъ, щи, картофель, кисель, бѣлый пирогъ съ молокомъ и всякія каши: овсяную, гороховую, жито толченное... У насъ каша—мать наша, а щи—воры. Щи хуже каши. Щи портятся и бабы выливаютъ ихъ въ шайку, а кашу—никогда... Наша ѣда, слава Богу, если сегодня батва, завтра батва, потомъ опять батва—а въ праздникъ каша и въ слѣдующій праздникъ каша, да пирогъ съ задней полосы—некупленный... Слава Богу, говоритъ мужикъ. А свинину пошлетъ Господь освѣжевать да посолить, и повялить въ амбарѣ—мужикъ богатымъ считаетъ себя и никакой ему тогда школы не надо. Если есть запасъ въ рукахъ—то мужикъ все сдѣлаетъ хорошо и самъ, безъ тебя. А учиться ему, съ пустыми руками, беречь себя получше и некогда...

— А зимой? спросилъ я, жадно вслушиваясь въ краснорѣчивые доводы Степана-консерватора.

Мой ораторъ и на это возразилъ мнѣ слѣдующими словами:

— Зимой день бабѣ дороже, чѣмъ лѣтомъ. Прялкой она дорожить, что чортъ человѣческой душой. Зимой за прялкой ей некогда ходить въ школы. А вызовешь ты ее и покинетъ она прялку, такъ будетъ ни побирухой, ни крестьянкой. Мужикъ лѣтомъ занятъ, а баба всегда, и зимой пуще лѣта.

— Твоя школа не годится намъ, присоедились къ мнѣнію Степана и другіе крестьяне.

Антонъ молчалъ и, видимо, не находилъ доводовъ для защиты профессиональной школы. Я хотѣлъ исчерпать всѣ доводы консерватизма въ деревнѣ о школахъ разныхъ типовъ, но теперь находилъ своевременнымъ защитить ихъ отъ нападокъ Степана.

— Правда-ли, переспросилъ я его: что при запасѣ въ рукахъ мужикъ все знаетъ и самъ, какъ ему жить и что дѣлать у себя въ избѣ?

— Доподлинно знаетъ, баринъ. Грамотѣ онъ не знаетъ, но намъ псаломщики и не нужны. А какъ беречь себя этому и учить не надо, если есть запасы. Догадаешься и самъ, какъ ложку не пронести мимо рта. Посмотри-ка, какъ осенью крестьянинъ рѣжетъ овецъ, если онѣ у него водятся. Мясо сохранять ему трудно... Ледника у него нѣтъ. Но головы овечьи мы сохраняемъ до мая будущаго года. Палятъ ихъ въ печи, вымоютъ, выскоблятъ и повѣсятъ въ амбарѣ, а въ маѣ сварятъ студень, и голова идетъ для навару. Все му-

жикъ сдѣлаеть, если есть изъ чего. Свеклу вытягиваетъ изъ огорода, вымоетъ ее и высушитъ въ печкѣ и въ амбарѣ сохраняетъ до весны. Изъ ржаной муки солодуху дѣлаеть... Былъ-бы запасъ да матеріалы, а мы все знаемъ и безъ твоихъ школъ.

— Да такъ-ли, Степанъ! Вѣдь твоя солодуха ребятишкамъ хороша, а для взрослыхъ—что клестеръ. Уста и усы заклеить такъ, что не сказать кобылѣ: тпру!

— Вѣрно, баринъ, со смѣхомъ воскликнули мужики. Ни за что не сказать!

— Пирогѣ-то твои, продолжалъ я: либо, какъ оселокъ: тверды, какъ брусокъ; либо какъ гребенокъ: укусишь—на недопеченомъ пирогѣ обозначаются зубы, какъ у гребенки.

— Вѣрно и это, баринъ, что ты говоришь, горячо поддерживали меня присутствующіе и тотчасъ же сами привели многочисленные случаи того, какъ ихъ бабы изъ добраго дѣлають худое.

— Ничего не умѣють изъ грибовъ дѣлать, говорилъ одинъ: ни жарить, ни посолить.

— Также и съ рыбой, кричалъ другой.

— У насъ есть капуста и огурцы, ораторствовалъ третій: но они либо не солены, либо пересолены, либо выходятъ кислыми, либо горькими!

— Ваши бабы не знаютъ мѣру, сказалъ я, а готовятъ на волю Божію. Кашу сварятъ, либо густа, либо жидка и изъ свеклы ничего не умѣють дѣлать, кромѣ батвы. Деревянные чашки съ наслоеніями и мясного, и капусты: мои охотничьи собаки брезгаютъ ими.

— Грязно у насъ! соглашались со мною.

— Какже, Степанъ? продолжалъ я. Вѣдь у васъ есть богатые мужики, а посмотри: что у тебя въ избѣ — все деревянные чашки, такъ и у нихъ не сыщешь ни одной каменной. А дома у нихъ богатые!

— Темнота у насъ у всѣхъ, воскликнулъ ободрившійся Антонъ. Степанъ лязгаетъ языкомъ противъ грамоты и „бережи“, какъ всѣ старики. Они прежде и пушнину хвалили: ѣли хлѣбъ съ мякиной. „Дубомъ драли кишки, а деньги въ землю зарывали“. Вотъ всего и хорошаго въ старинѣ. А молодые придумали и машины, и школы. Безъ грамоты мы только и умѣемъ носы набивать табакомъ. Лампу иной зажжетъ и дымить она на всю избу, а безграмотный мякинникъ не знаетъ, кто виновать: дурной керосинъ или самъ хозяинъ, который не знаетъ, какъ надо пускать пламя... Жалко слушать тебя, Степанъ, когда ты бранишь школы и новые суды. Такъ бы и вдарился объ землю, когда не переправишься съ тобой въ разговорѣ.

— Грустливъ ты, да не надолго, отвѣтилъ Степанъ, не находя однако намъ возраженій по существу.

Тѣмъ временемъ мы получили подкрѣпленіе отъ зашедшихъ къ намъ Марынскаго учителя съ женой, которые весьма толково объяснили слѣдующее:

— Булку, называемую здѣсь пирогомъ, крестьяне не умѣютъ готовить на молокѣ и масла въ нее не кладутъ; а между тѣмъ масло ѣдятъ ложками съ этой же булкой и съѣдятъ его гораздо больше. Слѣдовательно, они не стѣсняются масломъ и на булку его вышло бы меньше. Но

они нигдѣ не учились готовить булку вкусно и лучше.

— Намъ нельзя готовить вкусно, перебилъ, наконецъ Степанъ. Приготовь булку вкусно, мясо жарь вкусно... Тогда мы его пудами съѣдимъ, лучше просто сварить, какъ ранѣе: и супъ будетъ, и мясо вареное. Мы не господа.

— Ты на господъ не кивай! кричалъ Антонъ, снова овладѣвшій позиціей въ спорѣ. Мы не господа, а булку тоже посыпаемъ сахаромъ, когда есть онъ; но не догадываемся приготовить тѣсто на сахарѣ. Наши бабы спортятъ добро и не сумѣютъ ничего сдѣлать изъ него.

— Мы не баре и такъ съѣдимъ, твердилъ Степанъ одинъ и тотъ же отвѣтъ.

— Яичницу не умѣютъ приготовить, говорила жена Марынскаго учителя. Бабы не имѣютъ понятія о вкусѣ и должномъ соответствіи масла и молока. Налиють на сковороду такъ много масла, что яичница плаваетъ въ немъ и становится непріятной. Съ молокомъ яйца взбалтываютъ, и, вмѣсто яичницы, получается неопредѣленная масса. Курицу сварятъ, положить на сковороду, обольютъ ее масломъ и вареную жарятъ на сковородѣ. О винегретѣ изъ овощей не имѣютъ и понятія, когда все это въ огородѣ растетъ. О чисткѣ картофеля въ сыромъ его видѣ — понятія не имѣютъ, а чистятъ его уже свареннымъ. Все такъ у нихъ.

Степанъ покачивалъ головой и твердилъ свое.

— Мы не баре... По новому и порѣже сажать капусту въ огородѣ, чистить картофель сырымъ, окапывать и очищать стволы яблонь — мы не мо-

жемъ. Тогда мнѣ нужно мою бабу прогнать. Она все будетъ по старому дѣлать и ругать за новое.

— Затѣмъ и хотятъ дѣвочекъ въ школу отдавать для обученія ихъ новому хозяйству, сказалъ я.

— Мы не господа!

— Ничего не значитъ, Степанъ, перебилъ учитель изъ Марыни. Вы не господа, но я въ школъ съ величайшимъ трудомъ добился того, чтобы стричь дѣтей и приучить ихъ къ гребешку. А у васъ въ избахъ только и видишь, что подъ окномъ бабы сидятъ съ ножомъ да ковыряютъ имъ головы дѣтей.

— Мы не господа, чтобы голову стирать мыломъ да гребешкомъ. Тогда надо корову продавать.

— Неправда, Степанъ! А ты лѣнивь голову чесать и мыть. Никто не училъ тебя въ школъ чистотѣ и стричь волосы.

— Да, какже это можно безъ волосъ? запротестоваль тотъ еще горячѣе. Ни одного святого нѣтъ стриженаго или безъ волосъ. Посмотри-ка на иконы.

— Наволочки на подушкахъ не мѣняете цѣлыми годами, продолжалъ учитель. Постельнаго бѣлья не имѣете, хотя переселившіеся сюда чухны и латыши бѣднѣ васъ, но живутъ опрятнѣе и чисто-плотнѣе. Вы семь коровъ иногда держите, а молока нѣтъ. Одинъ навозъ на полѣ... Смѣнить скоть не умѣете и не хотите на новый.

— Да какже это, съ изумленіемъ спрашивалъ Степанъ: перемѣнить старую корову на новую? да эта корова столько то дѣтей нашихъ выкормила, столько-то телятъ отвела... Да развѣ хозяйка со-

гласится? Да, если-бы и согласилась, такъ другихъ-то намъ и не способно завести.

— Засѣваете вы, продолжалъ учитель: поля одними и тѣми же изъ года въ годъ сѣменами и жалуетесь на вырожденіе хлѣба. А когда опять по-совѣтуешь перемѣнить сѣмена и купить болѣе хорошія, то вы либо стѣсняетесь лишнимъ полтинникомъ, несмотря на то, что онъ вернется при урожаѣ, либо отговариваетесь тѣмъ, что „это въ голову не пришло“. Вотъ и нужна школа для вашихъ головъ. Теперь лѣто жаркое, безъ дождей, мочила и пруды повысохли. Опять вамъ „въ голову не пришло“ удобрить поля иломъ изъ этихъ пересохшихъ мочиль и прудовъ. На все нужны здѣсь школа и выучка.

— Тоже и съ платьемъ, подсказала его жена: платья на дѣвочкахъ лучше сарафановъ, а вы все носите сарафаны. Платье прикрываетъ рубашку и послѣдняя остается чистой, а сарафанъ только до половины туловища и потому рубашки изъ-подъ него пачкаются постоянно. Платье же и теплѣе, и здоровѣе.

Степанъ махалъ въ отвѣтъ ей не только головою, но и руками, повторяя:

— Смѣяться будутъ у насъ надъ бабами въ платьяхъ! Засмѣютъ у насъ. Мы не господа! Наши бабы и дѣвки не барышни... На наши рубцы не пріѣдутъ купцы. И такъ сойдутъ, въ чемъ ходятъ. Дома у насъ грязно, ѣдимъ бѣдно, въ избѣ тѣсно—живемъ не на-показъ, какъ около фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ. Это не на Волгѣ, съ заводами да пристанями... Тамъ рабочему нельзя быть теперь неграмотнымъ и дѣвкамъ нужны платья, а не сара-

фаны. Старухи только въ сарафанахъ... А мы въ глуши! У насъ засмѣютъ дѣвку въ платьѣ съ фасонами, въ юбкѣ да кофточкѣ... „У барышни своровала“, завопятъ, если увидятъ наряды. Намъ не надо покупнаго, а давай самодѣлку да поцвѣтистѣе... То и любо по-деревенски. Зонтики да перчатки, да шляпки около фабрикъ да у господской прислуги. А мы псковскіе мякинники.

— Ты опять на верехъ забираешься, Степанъ! Переправился и поперъ.

— По старинному, Антоша! Неужели я не найду чѣмъ отвѣтить на твои слова? Ты съ бариномъ хочешь загнать псковскихъ мякинниковъ въ школу и нужду ихъ поправить; да нужда-то прежде васъ родилась. Не хлопочи объ насъ съ бариномъ, а только ослобони насъ отъ твоихъ заботъ... Пошелъ такъ разъ мужикъ къ господину судиться съ сосѣдомъ и принесъ судѣ масла. „Какъ по маслу твое дѣло пойдетъ“, говоритъ судья. А противникъ-то привелъ судѣ быка. „Нейдетъ твое дѣло, дружокъ, говоритъ судья первому. Быкъ приперъ твое дѣло рогами — не спихнуть“... Вотъ оно какъ ходить съ нуждой къ господамъ на поправу. Худо-ли, хорошо-ли у мужичка въ избѣ—онъ справится съ своей нуждой и самъ, не тащи его только въ колодезь.

— Въ школу, а не въ колодезь, Степанъ, поправилъ я его.

— Въ твоей школѣ, баринъ, отвѣтилъ онъ сердито: гдѣ учатъ вкуснѣе ѣсть и чище одѣваться, мы совсѣмъ завшивѣемъ. У насъ жила такая барыня, ничего не было у нея въ селѣ, а все по-господски хотѣла жить... Такъ у ней обѣдъ хуже

моего... Голоднѣ моего. Нужду учить трудно, баринъ, и ты не бѣгай за ней. Пусть безъ насъ живетъ она, какъ знаетъ. Слушай, что мнѣ говаривалъ, бывало, мой отецъ...

— Говори. Слушаю.

Степанъ вынулъ изъ кармана трубочку, набилъ ее табачкомъ и побѣдоносно продолжалъ:

— Бѣжала нужда изъ Цевла въ Ашеву въ лютый морозъ, а добрый мужичекъ—что Анатолій Ивановичъ,—встрѣтилъ ее въ полѣ и пожалѣлъ. „Здравствуй, нужда! кричитъ. Погрѣйся у меня въ избѣ“.—Отчего не зайти на такомъ морозѣ! Зайду! отвѣчаетъ нужда.—Да, какъ взошла въ избу къ мужику, такъ съ тѣхъ поръ и живетъ въ деревняхъ: переходитъ отъ одного хозяина къ другому. Вотъ какъ зазывать къ себѣ нужду! Пусть она бѣжитъ себѣ, куда хочетъ, а ты не зови ее ни въ школу, ни въ избу. Зачѣмъ звать ее погрѣться къ себѣ? Бѣжала она лѣсомъ и полями въ Ашеву, ну и чортъ съ ней: пусть бѣжитъ и замерзаетъ на дорогѣ. А ты ее вернешь къ себѣ и пригласишь погрѣться—такъ она и затрепить тебя.

Всѣ этому анекдоту разсмѣялись, но убѣдить имъ Степану все-таки уже не удалось насъ въ томъ, что нужно дать просторъ нуждѣ и ждать, пока она сама замерзнетъ гдѣ-нибудь.

— Нужно бороться съ нею и въ школѣ, и въ избѣ, энергично заключилъ Антонъ. А ты гулко поешь, Степанъ, да все зря—не дѣло... Никому твоя псковская мякина не нужна, а давай намъ бѣлый хлѣбецъ да молоко свѣжее; да хозяйку чистую и дѣтей съ книгами.

Всѣ присутствующіе были на сторонѣ Антона,

но самъ Степанъ остался вѣренъ себѣ и ушелъ изъ избы со словами:

— Мы не баре! Мы не господа! А мякинники... Пускай наша нужда бѣгаетъ по полю на свободѣ... Не зови ее къ учителю въ избу. Хуже будетъ. Себѣ дороже... На все новые расходы. Выучи-ка насъ! Учителей не хватить... А нужды довольно. Вотъ какъ она выучить славно мужичковъ уму-разуму; а господская наука въ томъ, чтобы что у барина подъ ногой было бы у мужиковъ за щекой... Спасибо вамъ! Лучше „псковская мякина“, чѣмъ то...

— Неправда! кричали ему. Хотятъ изъ худого выучить дѣлать доброе...

Степанъ уже не слушалъ наши ему возраженія, но по дорогѣ въ Крутецъ неоднократно ломалъ свою старую голову надъ мучительнымъ вопросомъ о томъ, какъ быть съ „нуждой“, которая давно грѣется въ избахъ и гуляетъ по деревнямъ отъ одного хозяина къ другому?

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Дикъ этотъ край, сливающій между собою Новоржевскій и Холмскій уѣзды Псковской губерніи болотами и лѣсами! Нѣтъ здѣсь другихъ вопросовъ, кромѣ неурожая ржи, паденія цѣнъ на ленъ и „способія“ отъ казны. Даже землевладѣльцы здѣшніе, съ дорогими картинами на стѣнахъ въ

усадебныхъ и рѣдкой библіотекой въ нежилой комнатѣ, преданы преимущественно винокуреннымъ интересамъ. Дикій край! Шумятъ ели и сосны на его мхахъ и мочлявинахъ, съ немногими по сторонамъ, истощенными льномъ пустошами. Мѣрила эти бесплодныя пространства баба съ клюкой и махнула рукой: „пустъ будетъ столько-то!“ Вотъ какія здѣшнія версты... Заберешься въ эти лѣса съ ружьемъ и собакой и, гдѣ виденъ свѣтъ сквозь деревья, туда и лѣзешь напрямикъ... Всегда выйдешь на пустошь съ тропинкой, а потомъ опять лѣса, со мхами и кладками на нихъ. Дожди безпрерывно поливаютъ поля уже съ іюля мѣсяца, мѣшая хозяевамъ убирать яровые и сѣяться; кабакъ царитъ во всѣхъ погостахъ, привлекая изъ церкви въ праздничные дни „за походомъ“ прихожанъ въ свои провонявшія сивухой стѣны... Бьются около кабаковъ прихожане между собою, уродуя другъ друга кольями и гирьками отъ торговыхъ вѣсовъ. Если подойдешь „къ лѣсамъ“ (около погоста Марыни) и проникнешь за Селища, Боры и „богатырскія могилки“ — въ Холмшину, гдѣ кабаки рѣже, — то не переслушать рассказовъ холмскихъ крестьянъ о ѡдоргинскихъ и шиловскихъ ребятахъ Новоржевскаго уѣзда, затѣвающихъ для собственнаго удовольствія драки и ссоры съ проезжими крестьянами сосѣднихъ деревень; о новинскихъ бойцахъ, нанимающихся за бутылку водки убить человѣка или бросающихся въ спорахъ между собою къ гирямъ и топорамъ; о мужицкомъ клубѣ въ деревнѣ Дуплѣ съ пѣснями „на дѣвухекъ“, напоминающими по содержанію „гулянки“ временъ Олеарія.

Вблизи „лѣсовъ“ кончается „Новоржевщина“... Темнота холмскихъ крестьянъ уже иная. Они болѣе вѣрятъ въ колдуна, чѣмъ въ попа; охотно разсказываютъ о своихъ богатыряхъ, Симеонѣ и Дорофѣѣ; о богатырскихъ коняхъ, которымъ передъ запряжкой разрѣзали ротъ, чтобы можно было ихъ удержать. Они также часто находятъ клады, но воспользоваться не умѣютъ ими. Вмѣсто того, чтобы, встрѣтивъ прохожаго, перекреститься, они вступали съ нимъ въ разговоръ; а прохожій-то былъ всегда чортомъ, онъ и вырывалъ кладъ изъ рукъ. Я самъ видѣлъ цѣлыя семейства, въ роду которыхъ, по преданію, происходили подобные случаи. Они вѣрятъ и до сихъ поръ тому, что рано или поздно они будутъ богаты, что ихъ роду суждено найти кладъ и перехитрить чорта. А чортъ-то иногда и просто любитъ шлѣться по кладкамъ на мху, особенно по пути изъ Язвовъ въ Селище. Мой пріятель Тимофей Харитоновъ изъ деревни Мошницы встрѣчалъ ихъ весьма часто. А однажды, стоя по ручѣ, на перелетѣ утокъ, онъ самъ, собственными глазами, видѣлъ двухъ маленькихъ-премаленькихъ дѣвочекъ на кладкахъ и подслушалъ ихъ сговоръ о томъ, чтобы зачекотать до смерти перваго встрѣчнаго. Тимоха изъ ихъ разговора узналъ и „супольныхъ“ деревенскихъ дѣвушекъ, прижившихъ этихъ малютокъ и бросившихъ ихъ въ Цавельское озеро.

— Съ каждаго волоса на головѣ, говорилъ онъ, — капало у меня, когда я бѣжалъ съ ручья домой. Вотъ напугался-то! Прибѣжалъ въ избу и не выговорить мнѣ: „мама“...

Край Холомщины, посѣщаемый мною, безъ кабаковъ и лавокъ. Торговцы запасаютъ здѣсь товаровъ зимой на все лѣто, такъ-какъ лѣтомъ туда нельзя ни проѣхать на лошадахъ, ни проплыть на лодкахъ. Некому занести сюда газетную новость или свѣжую мысль о чужихъ странахъ и обычаяхъ.

Я проникалъ въ эти глухія мѣста въ качествѣ охотника „по перу“, всегда въ сопровожденіи двухъ мужиковъ: Василя Лукича Моховика и Антона Тимофѣева. Неожиданно мы появлялись изъ-за гривъ (островки среди моховыхъ болотъ) на открытыя пустоши и тутъ-же на покосѣ получали отъ крестьянъ приглашеніе посѣтить ихъ хату и испробовать медку...

— Припасовъ только нѣтъ къ самовару.

— Это у насъ взято съ собой.

— А взято, такъ приходите „перехватывать“, а самоваръ нагрѣмъ.

Если мы попадали въ деревню къ „гулящему“ дню, насъ прежде всего окружала толпа ребятъ.

— Мядвѣдь! Мядвѣдь! кричали на бѣгу дѣти, увидѣвъ въ первый разъ въ жизни моего ушастаго, тяжелаго типа, гордона. — Кого это ты, дяденька, привелъ? спрашивали болѣе смѣлые.

Затѣмъ ватага мальчишекъ и дѣвчонокъ наполняла избу, и мнѣ нужно было пообѣщать увезти съ собой одну изъ малютокъ, чтобы всѣ они мигомъ вылетѣли обратно изъ избы на улицу.

— Не полошь ребятъ! Не полошь! останавливалъ Моховикъ, любящій наставлять меня уму-разуму. — Знаешь, иная баба, не поразузнавъ дѣло, накричитъ за ребенка.

— Правда твоя! Дай вонъ той плаксѣ кусокъ сахару.

Вскорѣ приходили въ избу и взрослые и самъ я и всѣ мои вещи громко обсуждались присутствующими, пока мнѣ не приходила мысль узнать ихъ самихъ.

— Ну, старина, спросилъ я своего хозяина въ деревнѣ Усурьево: — много тебѣ годовъ?

— Сотня будетъ, если поживу еще малость... Видаль я, баринъ, на своемъ вѣку много и горькаго, и сладкаго. А горькаго было больше...

— Больше?

— Ау, гораздъ больше! Нынѣшнимъ людямъ не стерпѣть.

— За собственную свою бабу терпѣлъ, пояснили присутствующіе.

— Его цавельскій баринъ за женку дралъ. Триста пятьдесятъ розогъ получилъ за нее.

— Расскажи, дѣдъ.

— А вотъ, отвѣтилъ онъ: — невинно страдалъ за бабу и не выдалъ ее. Оговорили ее въ томъ, что она подожгла барскій овинъ, и хотѣли, чтобы я показалъ, гдѣ она провела ночь во время пожара. „Со мной, — говорю. Гдѣ-же быть ночью женѣ?“ — Баринъ не вѣрилъ и поролъ меня съ головы до пятокъ. Жена была на „сносяхъ“ и ее не сѣкли. А я все вытерпѣлъ, но не выдалъ того, что быть-то она была со мной, но выходила ночью изъ избы и отлучалась на короткое время... Можетъ быть, и такъ... по-деревенски; а можетъ быть, и по дѣламъ какимъ... Ничего я не сказалъ о женкѣ.

— Ты благородно поступилъ...

— А какъ-же иначе? переспросилъ онъ меня.— Вѣдь ее замучили-бы въ тѣ годы... А женка была у меня высокая, собою тонкая и лицомъ какъ картинка.

— Ишь, нахваливаетъ! разсмѣялись присутствующіе.—Ты, видно, дѣдъ, занимался этими дѣлами-то?

— А вотъ какъ занимался: схоронилъ покойницу и мои глазыньки-бы не глядѣли на другихъ. Сыну своему велѣлъ-бы проколоть ихъ.

— Значить, покойница стояла твоей любви?

— А Богъ знаетъ, грустно отвѣтилъ онъ.— Муку я принялъ за нее большую, а Богъ знаетъ, стояла-ли она того... А все-же губить я не хотѣлъ ее и сынамъ своимъ наказывалъ жалѣть бабъ... Лучше самому пострадать за нихъ, а бабу спрятать отъ людей.

— Да ты богатырь, дѣдъ! воскликнулъ я въ восхищеніи. Ну-ка, Моховикъ, налей ему стаканчикъ изъ фляжки.

— Благодарю. Вотъ такъ водка!

— Ей столько-же лѣтъ, сколько и тебѣ, дѣдъ.

— Ау, видать! Тогда все было крѣпче.

— Правда... Гдѣ-же нынѣшнимъ людямъ равняться съ тобой?

— Такихъ немного, какъ онъ! воскликнули присутствующіе мужики.— Кто-же теперь будетъ за бабу обиду нести?

— Я-бы не стерпѣлъ, произнесъ мой Антонъ.— Чортъ съ ней! Пусть она погибаетъ, а мнѣ моя спина дороже.

— Обыкновенно!

— Ты, значить, дѣдъ, былъ хуже бабы, замѣ-

тилъ ему Степанъ изъ деревни Крутецъ.—Да что-бы я терпѣлъ за бабу розги — ни въ жисть! Всякій смѣяться будетъ!

— Смѣялись и надо мной, да я перенесъ. Сначала было стыдно, а теперь самъ рассказываю.

— Гдѣ-же ты видѣлъ, возражалъ ему Степанъ,—чтобы мужикъ такъ предался женкѣ и терпѣлъ за нее муку? Она—бѣсъ... Бѣсова ея и участь. Вотъ Адамъ сдался на совѣсть женки, и Богъ отнялъ у него за это самое рай земной... Ты подумай, чья совѣсть тверже: бабья или мужичья? Отъ бабы—что отъ врага: прочь отойди, а не заступайся за нее. Заступись ты за нее, такъ она уже потомъ не пожалѣетъ тебя... Разъ заступился и сдѣлалъ по ея, два—заступился и сдѣлалъ то-же, а въ третій—заступишься и сдѣлаешь по ея уже заплакавши... Бѣсъ она и есть! Бояться она должна мужика, потому-что того стоитъ... Такъ ей положено въ законѣ. Что священникъ-то говоритъ ей подъ вѣнцомъ: бойся и покоряйся во всемъ своему мужу; а ты бабу равняешь съ мужикомъ и самъ лѣзешь за нее подъ наказаніе. Неужели баба лучше тебя? Да гдѣ-же ей тягаться со мной, когда она заяцъ въ сравненіи со мной! У меня и спина—что мѣшокъ съ мукой, а у бабы ни спины, ни переду.

— Это ты не нашолъ, отвѣтилъ дѣдъ.—А никто не скажетъ, что баба пьяница, мытарка, ругательница, сосеть чортову ножку съ табакомъ.

— Да и никто и не скажетъ зато, что у бабы есть домъ, лошадь, а всѣ говорятъ: домъ такого-то мужика, лошадь такого-то... И боится баба мужика, а не мужикъ бабы. Почему это?

— Почему и собака боится волка! Хозяйственной бабѣ нечего бояться мужика.

— Да у бабы и хозяйство богато мужикомъ. Какъ померъ мужикъ, такъ у бабы въ избѣ ничего не будетъ новаго.

— Есть и мужики, что разматываютъ женинъ капиталъ и торгуютъ на него.

— Такихъ мало, а баба всякая красна мужикомъ: если онъ бѣденъ, то и она бѣдна, а богатъ мужикъ—и баба ходитъ въ красномъ нарядѣ. А сама баба, безъ мужика, произведетъ домокъ въ комокъ: не надо и замокъ—ничего будетъ ворами взять.

Дебаты о женскомъ вопросѣ въ этой оригинальной обстановкѣ заинтересовали всѣхъ. Изъ толпы нѣкоторые пристали къ дѣду, но большинство не уважало женщину, и его взгляды о ней были образно и художественно выражены.

— Бабу жалѣй обѣими руками, да въ растяжку, какъ рубаху въ рѣкѣ полощешь, говорили они.—Вотъ тогда она уважаетъ мужика. Надъ душой ея—Богъ властитель, а надъ мясомъ—я.

— Зато васъ и не любятъ жены...

— Любилъ-бы меня Богъ, да боженята, да малые ребята, а до жены мнѣ дѣла нѣтъ! вновь воскликнулъ Степанъ и съ азартомъ перебилъ дѣда.—Отчего само начальство не любитъ бабъ и не беретъ ихъ въ полки?

— Жалѣеть... Плода не будетъ, если ихъ перебьютъ на войнѣ...

— Жалѣеть?.. Если-бы начальство жалѣло, такъ жалованье давало-бы имъ, а то нѣтъ... У насъ, баринъ, обратился онъ ко мнѣ:—бабка,

хоть какая добрая, какъ померла, такъ и говорятъ: „свели на погостъ“; а дѣдка, хоть какой худой—все же „вѣчный покой“. И при жизни у насъ пары подбираются такъ: если баба хорошая, то мужикъ еще лучше; если-же мужикъ плохъ, то баба еще хуже... Никогда не бываетъ, чтобы баба была лучше или ровней. Самая добрая женщина и самый послѣдній мужикъ—на одной линіи стоятъ... Вотъ это часто бываетъ. Баба хоть и не дерется руками, а ея слово хуже кулака лѣзетъ въ сердце. А дѣло даже не доходитъ до нея... А коснись ея это самое дѣло, такъ она хуже мужика бьетъ... Подъ Бруссомъ позапрошлые годы и въ погостѣ Новомъ все баба орудовала топоромъ и коломъ.

— Стало быть, баба отъ боли дралась... Стоитъ ужъ того мужикъ, если она убиваетъ его.

— И соннаго убиваетъ часто! У насъ, промежъ себя, и драки-то все изъ-за бабъ, а безъ нихъ мы всегда смиры.

— А сколько съ губерніи у насъ ссылаютъ людей въ Сибирь? Бабъ десять, а мужиковъ тысячу.

— Не хвали бабъ, дѣдъ! Ну, чего ты ходатайствуешь за нихъ? Тотъ мужикъ хуже бабы, который хвалитъ ихъ. Молодцовъ-удальцовъ всегда больше среди насъ... У насъ и шагъ шире. Такъ положено отъ Бога. И въ церковные старосты и въ судьи не выбираютъ бабу: она—что еврей...

— Ну, тоже и мужики-головники: гдѣ ни послушаешь, все разбойники.

— Не равны люди, а только каждая баба отъѣстъ чорту уши, если она поживетъ съ нимъ.

— Этого ты не говори. Этого никто не видѣлъ.

— Баба на то и создана, чтобы горбатить мужика, да чтобы онъ работалъ въ растяжку на нее... Даже хорошая жена на недѣлѣ два дня живетъ въ совѣтѣ съ мужемъ, и то зимніе; а лѣтніе не прожить низачто! Длѣ счастья трехъ вещей въ жизни не дѣлай никогда: пріятеля къ деньгамъ не води, зятя въ домъ не бери и женѣ всей правды не говори. Съ бабой водися, а всю правду бабѣ не говори... Сряду въ Сибири будешь! Съ бабой водиться, надо камень за пазухой держать... Ну, тогда не страшно съ бабой. А безъ камня — будешь страдать и будетъ про тебя дурной слухокъ, а женѣ—смѣшокъ...

— Ты, видно, и пьешь изъ-за бабы? съострилъ дѣдъ.

— А это ничего, что мы пьемъ! Мы больше зарабатываемъ, оттого и пьемъ больше, чѣмъ бабы. Ея работа легкая...

— Ну, что ты говоришь, захотѣлось и мнѣ самому возразить оратору:—кто у тебя поле жнетъ, лень тягаетъ, обѣдъ готовить, за скотиной смотреть, бѣлье перемываетъ и чистить хату? Ты или баба? Днем она смотреть за хозяйствомъ, а ночью малые ребята спать не даютъ, да еще ты тревожишь. А чуть она что не досмотритъ, ее-же бьютъ.

— Готовое-то она тягаетъ и жнетъ, баринъ. Вспаши да засѣй ей поле, а убрать рожь и лень вытягать—могу и я. Къ готовому костру легко щепки пригребать. Вся женская работа около „готоваго“.

— А бьете-то зачѣмъ вы своихъ бабъ?

— У насъ, у мужиковъ, все такъ... Погоди,

кричимъ по всему полю: я тебѣ уже надаю буханцевъ... А у васъ, господъ, смолчка бьютъ волчка... Не поладилъ мужъ съ женой—и въ разныя стороны. Такъ это хуже, по мужичьему разуму. А безъ буханцевъ намъ не прожить съ бабой. У меня сынишка читалъ сказку о рыбацѣ и золотой рыбкѣ. Такъ въ ней что ни слово, то правда о женщинѣ. Добылъ мужикъ своей старухѣ новое корыто,—ступай, проси у золотой рыбки новую избу; явилась новая изба, проси дворянства, а потомъ ужъ и царскаго вѣнца, и чтобы сама золотая рыбка слугой ей была... Вотъ ты и урезонь ее и проживи съ этой бабой безъ боя. Нѣтъ, баринъ, по нашему, баба что лошадь: пока не ловится, ты ей говори „буренушка-матушка!“ А какъ обошелъ да обороталъ, такъ и по рылу, если не такъ стала.

— Это значить обманомъ взять дѣвушку.

— Не иначе! Ты послушай-ка мою сказку... давнишнюю сказку... Забылъ я всю, а немножко вспомню, какъ казакъ сваталъ дѣвку и говорилъ ей:

„Дѣвушка-кровинка, выди замужъ за меня—
Тебѣ жизнь будетъ добра:
Есть у меня кони и коровы,
Ходятъ въ зеленныя дубровы...“

Дѣвка пошла за парнемъ, и когда ночь застала ихъ въ лѣсу, то „стали комарики дѣвку за ножку точать“ и спрашиваетъ она у казака про домокъ и коней. Казачина-молодчина отвѣчаетъ ей.

„Если найдемъ, то поѣдемъ—
А нѣтъ, и такъ пойдемъ“.

А въ лѣсу какіе-же кони? Чѣи-нибудь чужіе. Отчего-же не поѣхать на чужихъ коняхъ? А не удастся своровать коней—и такъ сойдетъ...

„Гдѣ я нюхалъ табакъ—
Тамъ все мое и жительство...“

А нюхаль-то онъ табакъ подъ горой съ ней да за кустомъ въ лѣсу.

— Значить, онъ обманулъ ее, а ты радуешься этому.

— А она-то? Хотѣла съ конями и коровами жить... Всѣ бабы такія, да не признаются. А были бы у тебя денежки въ карманѣ, всѣ дѣвушки будутъ въ торгу и рѣдкую изъ нихъ перехитришь, братъ... Съ бабой—что съ бѣсомъ: не тягайся. Баба съ лавки валится, семь думъ сдумаетъ: далеко ли отъ лавки до полу, а она, подижь ты, что надумаетъ... Раздружится съ тобой—и охаетъ тебѣ передъ людьми, а мужикъ все-таки одумается... Злая баба хуже волка. Не любилъ мужикъ, чтобы его дразнили дергачемъ или скребомъ, а баба у него, какъ разсердится, такъ все и кричитъ на него: „дергачъ! скребъ! скребъ!“. Билъ онъ ее за это до того, что она языкомъ не могла шевелить, а когтями со злости все по землѣ скребется и дергаетъ... Такъ онъ и бросилъ бить ее, окаянную! Другой мужикъ не любилъ, чтобы ему говорили: глухъ-тетеря; а жена на зло дразнить его этими словами. Добилъ онъ и ее до того, что она едва могла выговорить: другъ тетеря... „А, другъ! Ну, теперь не трону...“. Все таки баба настояла на своемъ, а мужикъ не разслышалъ слово. Ну, посуди теперь, можно-ли жить съ такимъ человѣкомъ?

Баба—что метла: если домовня хорошая, то и баба мететь все въ домъ; если-же домовня худая, то все изъ дому, какъ метла... А такія, о которыхъ дѣдъ-то говоритъ, въ прошломъ году всѣ перемерли.

Присутствующіе разсмѣялись.

— Остались только тѣ бабы, которыя живутъ неправдой. Только тѣхъ не бьютъ у насъ. А за правду бабу всегда у насъ отбужаютъ. Моя хозяйка жаловалась кумѣ: „Мой-то мужикъ ужъ мѣсилъ онъ, мѣсилъ меня кулакомъ, да все въ голову, всю-то головушку разворотилъ... Ну, ужъ и я ему! Всю-ю-ю правду высказала... А онъ-то меня за правду мою! Такъ-то! Страсть! Всю правду высказала я ему!“. Вотъ она, господинъ, какая бабы правда! Бьютъ ихъ за нее, а ты говоришь, что у нихъ совѣсть тверже и разсудку больше.

Въ это время въ избу неожиданно пришла цыганка изъ табора, который расположился недалеко отъ деревни. Она бойко предложила мнѣ угадать мою судьбу и, получивъ двугривенный, протянула передъ уходомъ руку къ столу за кружкой съ квасомъ. Степанъ сдѣлалъ то-же самое—воскликнуть:

— Чтобы цыганка напилась квасу раньше меня—ни за что! Погоди!

Онъ тянулъ кружку къ себѣ, а та не выпускала ея изъ рукъ и смѣялась.

— Давай жеребій тянуть, предложила она:—кто вытянетъ длинный прутокъ, тому и пить первому квасъ.

— Ладно, отвѣтилъ Степанъ.—Ищи пару прутъ и дѣлай одинъ длинный, другой—короткій.

Пока цыганка отыскивала вѣнникъ, Степанъ быстро выпилъ квасъ и, ухмыляясь, отказался тянуть жребій.

— Я и такъ доволенъ! Гдѣ-же женщинѣ соспорить со мной и обыграть меня? У тебя волосъ много, а умъ коротокъ.

Всѣ мужчины хохотали надъ цыганкой, и та ушла посрамленной.

— Всегда мужикъ обманетъ бабу, замѣтили присутствующіе, принимая обманъ за умъ.

— У меня тоже нѣтъ сыновъ, а все родятся дѣвки, произнесъ одинъ изъ нихъ.—Хочу просить священника въ Кронштатѣ сотворить молитву въ пользу сыновей.

— Глупый твой разумъ, отвѣтилъ ему дѣдъ, давно уже молчавшій.—Не спорь съ Богомъ изъ-за дѣтей.

— Хочется, дѣдка, мальчика.

— Да что-бъ ты дѣлалъ, если-бъ у тебя было пять сыновъ, а не дѣвокъ? Если отецъ умный и обучаетъ ихъ мастерству, ну тогда ништо себѣ: произведетъ ихъ въ люди. А если отецъ, какъ всѣ мы, а сыны живутъ у него на одномъ шесту, то что-же имъ дѣлать? Чѣмъ заниматься? Коневъ уводитъ! Въ работники ставить! Такъ въ работники они не пойдутъ, а дочка тебѣ покорна и все срабotaетъ бѣгомъ и скоро.

— Кошки скоро работаютъ, да слѣпо родятъ, съострилъ тотъ-же Степанъ изъ Крутца.

— Не слушай его, урезонивалъ дѣдъ.—Степанъ старше тебя, а рѣчи у него про бабу пустыя.

— Я, дѣдка, знаю нашихъ бабъ, защищался Степанъ.—Всѣ бабы вывертки могу разсказать.

— Не хвались, Степанъ. Былъ такой, говорятъ, еще другой мужикъ. А баба и заспорила съ нимъ: „Анъ, не знаешь, говоритъ, всѣ мои выверты“. „Знаю!“ „Ну, я-же тебѣ сдѣлаю, пригрозила она ему и выбрала время, когда въ избѣ не было хозяина. Стала она приставать къ мужику и склонять его на грѣхъ. А сама она была веселая и бѣлолицая. Мужикъ обрадовался и давай ее цѣловать. Вдругъ она обняла его посильнѣе и не выпускаетъ изъ рукъ, а сама кричитъ: „Караулъ! Караулъ!“ „Что ты дѣлаешь?“ взмолился мужикъ. „Погибать мнѣ теперь изъ-за тебя. Пустѣ Бога ради“. А баба еще пуше вопить „караулъ!“. Всполохъ по всей деревнѣ пошолъ, да только когда мужики были въ сѣняхъ, она вдругъ схватила ведро воды да бухъ въ печь... „Что тутъ такое?“ „А вотъ, хозяинъ, отвѣчаетъ баба: кланяйся этому человѣку, что со мной. Чуть я не спалила избу-то... Какъ пыхнетъ огонь изъ печи, я только и умѣла кричать, а онъ догадался и залилъ его“. Вотъ, почтенные, заключилъ дѣдъ: — баба-то вывернулась изъ бѣды, а мужикъ напрасно хвастался, что знаетъ всѣ бабы вывертки. Такъ и пропалъ-бы онъ безъ нея... Бабыя природа умная, даромъ что волосъ дологъ. Еще лучше съ длиннымъ волосомъ! Обрѣжь на бабѣ волоса, куда она годится!

— Не ровняй, дѣдъ, насъ съ бабами, не унижался Степанъ.—Баба, сказано,—что бѣсъ, когда обнимаетъ и цѣлуетъ мужика. Умнѣющій пропа-

дѣть и дуракомъ станеть. Никогда не полагайся на бабью совѣсть, и Адамъ наказанъ за это.

— То давно было, отвѣтилъ дѣдъ.—А ты вотъ послушай. Я расскажу тебѣ, какъ Господь судилъ женскую совѣсть и намъ велѣлъ такъ-же понимать ее. Мой отецъ слышалъ отъ своего, а я отъ отца... Шолъ Господь съ апостолами берегомъ рѣки, и видятъ они, что женщина родила ребенка и хочеть бросить его въ воду. „Богъ помочь!“ произнесъ Господь. Женщина испугалась и заплакала.— „Господи, прости меня!“ начала она молиться. Идутъ апостолы дальше и видятъ мужика, который пашеть землю и ругаетъ лошадь что-ни-на-есть худыми словами. Господь прошелъ мимо него молча. Вотъ апостолы и спрашиваютъ: — Свѣтъ Христовъ! Отчего ты не сказалъ ему: „Богъ помочь!“, а дѣвкѣ, которая хотѣла душу загубить,—сказалъ?— „Оттого, что эта женщина кается въ грѣхѣ и проситъ прощенія, а мужикъ трудится на моемъ тѣлѣ и не вспомнить обо мнѣ, а все ругается худыми словами...“ Вотъ каковъ мужикъ и какова баба! закончилъ дѣдъ свою рѣчь громкимъ восклицаніемъ, запугавъ присутствующихъ высокимъ авторитетомъ своего апокрифа.

Многіе изъ бывшихъ въ избѣ вышли на улицу. Степанъ изъ Крутца собрался въ свою деревню. Мои спутники, Василій Лукичъ Моховикъ и Антонъ Тимофѣевъ, также торопили меня бросить „гомонить“ и идти на охоту.

— Ишь, солнце-то гдѣ? Давно сошло съ полдня... Какъ-разъ время выходить.

Неожиданнымъ вопросомъ дѣдъ задержалъ насъ на нѣсколько минутъ.

— Допыталъ ты у насъ, баринъ, все про бабъ и мужиковъ; а вотъ самъ ничего не сказалъ про господъ. Чай, и тамъ всякія есть?

— Наши женщины, смѣясь отвѣтилъ я:—меньше работаютъ, чѣмъ ваши; но похвалить себя очень любятъ. Мы женимся взрослыми мужчинами почти на дѣвочкахъ, и отъ насъ зависитъ ихъ окончательное воспитаніе и счастье. Но немногія изъ нихъ понимаютъ и цѣнятъ это.

— Ау, воскликнулъ дѣдъ. — Ишь, гады! И у васъ, видно, онѣ ходятъ въ пакость?

— Ха-ха! радовались противники женщины...— Природа-то у всѣхъ у нихъ бѣсова.

— Есть и у насъ золотыя женщины... Лучше мужчинъ, дѣдъ. Но объ этомъ до будущаго года. Прощай... Мнѣ пора. Солнышко низко.

ВЪ ОЛОНЩИНѢ.

I.

„Петровъ день“ вытащилъ меня съ ружьемъ изъ Петербурга на лоно природы въ „Олонщину“. Немного свободного времени совершенно достаточно, чтобы заѣхать къ „озернымъ“ жителямъ и вернуться отъ нихъ обратно къ цивилизованнымъ. Я рвался на лоно природы. Многіе столичные люди ищутъ природу на Иматрѣ. Но это „обыкновеніе“ сильно скомпрометировано порядками у величественнаго водопада, и я предпо-

челъ поѣхать на Ладожское и Онежское озера. Утромъ я сѣлъ на пароходъ „Кивачъ“ и весь ушолъ въ созерцаніе красавицы Невы, съ ея Смольнымъ монастыремъ, храмомъ Бориса и Глѣба, Киновіей и многочисленными фабриками по зеленымъ берегамъ, почти до „пороговъ“ за селомъ Ивановскимъ. Далѣе берегъ Невы чисто дачный; дворецъ кн. Потемкина, Островки, Лобаново, Мойка, Пески, Анненское, и наконецъ историческая сосна, подъ которой, по одному преданію, спасался Петръ Великій отъ шведовъ, а по другому — грозилъ и побѣждалъ ихъ самъ. Обо всемъ можно поговорить съ знающими мѣстность людьми и весело доѣхать до „Шлюшина“ (Шлиссельбурга).

За интересными разговорами, я не замѣтилъ, какъ пароходъ уже плылъ по Ладожскому озеру и солнце спустилось на горизонтъ. Здѣсь въ его, лучахъ, и вода, и облака приняли фантастическія изображенія, а въ противоположной сторонѣ — неподвижно, почти безъ всякой ряби, разстилось безъ береговъ водное пространство, съ мелькающими въ дали маяками и бѣлыми парусами рыбацкихъ лодокъ.

— Волненія сегодня не будетъ, говорили пассажиры. Вотъ за волчьей губой, можетъ быть, покачаетъ.

Всѣ сидѣли на палубѣ и наблюдали, какъ спускалась на озеро „бѣлая ночь“ и застигла въ тотъ моментъ, когда утренняя заря какъ-бы сходится съ угасшей. Но я не люблю моря, а ночью оно особенно тоскливо дѣйствуетъ на меня. Не на чемъ остановиться взору, и нѣтъ точки опоры для наслажденія. Любуешься мрачнымъ, водянымъ

однообразіємъ, и вдругъ хочется видѣть родную землю: справляешься о томъ, гдѣ мы, скоро-ли пристань, и мысленно уносишься съ парохода въ одинъ изъ тургеневскихъ садовъ слушать соловья и цѣловать теплое лицо ласкающей васъ женщины... Съ этимъ настроеніемъ, во второмъ часу ночи, мы пріѣхали въ Сермаксъ, за которымъ тянется „Олонщина“. Мнѣ былъ данъ въ Петербургѣ совѣтъ разыскать въ Сермаксѣ нѣкоего Ивана Калинина, по профессіи сапожника.

— Онъ охотникъ и возьмется возить васъ въ челнокѣ по озеру или по рѣкѣ Свири.

— Но какъ я найду его?

— Просто. Причалить пароходъ къ пристани, вы и крикните: Иванъ Калининъ! Навѣрно онъ гдѣ-нибудь тутъ-же въ толпѣ встрѣчаетъ пароходъ и ждетъ господъ съ собаками и ружьями.

Такъ дѣйствительно и случилось, но случилось также и совершенно неопредѣнное мною невмѣняемое состояніе Ивана Калинина. Пьяный, рябой, съ картузомъ на затылкѣ, съ хвастливостью въ каждомъ словѣ, онъ заставилъ меня тотчасъ-же отказаться отъ всѣхъ его услугъ... Заѣхалъ я такъ далеко отъ столицы, и первый встрѣченный олончанинъ былъ пьяница.

— Другіе косятъ, а эти пьянствуютъ и берутся господъ возить за утками по рѣкѣ, говорили мнѣ.

Слѣдующій субъектъ былъ съ пріятной и вкрадчивой наружностью—лодейнопольскій купецъ Якимовскій.

— Здѣсь всѣ мѣста заарендованы, произнесъ онъ.

— Я вѣдь на лодкѣ... Рѣку Свирь или Ладожское озеро вы не могли заарендовать.

— А мы такъ понимаемъ, что берега съ водой... Вѣдь нужно было урегулировать здѣсь охоту, и я заарендовалъ всѣ мѣста съ нынѣшняго года. Можетъ быть, и вы примете участіе въ упорядоченіи охоты.

Озадаченный такимъ неожиданнымъ предложеніемъ, я не сталъ спорить объ арендѣ рѣки и пошолъ за нимъ къ нѣкому крестьянину Мининскому,

— Мнѣ-бы, продолжалъ онъ хотѣлось по десяти рублей брать въ годъ съ пріѣзжихъ охотниковъ въ пользу церкви, но для ознакомленія съ мѣстами я возьму съ васъ теперь по рублю въ сутки.

Я этотъ рубль заплатилъ ему и до сихъ поръ не понимаю—зачѣмъ? Вѣдь рѣка Свирь и ея камыши не подлежатъ частному владѣнію, а тѣмъ болѣе Ладожское озеро. Самъ Якимовскій платитъ сермакшанамъ грошовую аренду за землю, и едва-ли удобно въ пользу церкви облагать пріѣзжихъ издалека охотниковъ неожиданными расходами. Эти соображенія не были особенно пріятнаго свойства и еще болѣе усилились при наймѣ какого-то портного Андрея и крючника Федулина возить меня въ лодкѣ вокругъ острововъ между рукавами Свири. Но чтобы только не слышать ругани и криковъ пьянаго Ивана Калинина, я торопился отплыть отъ берега и тотчасъ успокоился, какъ только вѣхалъ въ густой туманъ, скрывшій отъ меня и Сермаксъ, и самый путь впереди лодки. Солнце мало-по-малу разогнало его, и я увидалъ низкіе и пустынные берега Свири.

Чайки цѣлыми стаями оглашали воздухъ своимъ пискомъ и крикомъ, но утокъ совершенно не было.

— Знаешь-ли ты мѣста-то? спрашивалъ я во-звившаго меня крючника.

— Мѣста-то? Завяжи глаза, найду—какое тебѣ нужно... не хуже Калинина! Отъ него не уйдетъ ни одна утка—это правда; а мѣста и мы знаемъ. Все тѣ-же мѣста.

— Да гдѣ-жъ утки?

— О, у насъ утокъ—что грязи... Мы съ гене-раломъ въ прошломъ году набили верхомъ лодку.

— Съ собакой?

— Да что съ собакой... Я лучше собаки!

Такими „баснями“ онъ угощалъ меня всю утрен-нюю зорю, пока, раздосадованный, я не велѣлъ ему ѣхать обратно.

— Дорогой на пристаняхъ будете покупать дичь, утѣшалъ онъ.

— Держи къ берегу! Ты все посерединѣ ѣдешь! Дичь въ берегахъ, а не на пристаняхъ.

Сколько, однако, я ни кричалъ на него, онъ все выѣзжалъ куда-то на середину.

— Къ вечеру поѣдемъ на Ладожское озеро. Не будетъ-ли тамъ лучше, произнесъ я.

— Но вѣдь я, баринъ, усталъ...

— А какъ-же ты нанимался на всѣ сутки?

— Если прибавите...

Мнѣ становилось очевидно, что сермакшане на каждого приѣзжаго охотника устраиваютъ своего рода „охоту“.

— Вотъ тебѣ и лоно природы, рассуждалъ я и намѣревался исправить впечатлѣніе въ верховьяхъ р. Свири.

— Если заберетесь въ глубь, сказалъ мнѣ вечеромъ капитанъ парохода,—то найдете честный народъ—корелу. А что касается свирянъ, то они хуже сермакшанъ. Плуты... „Разсказчики!“ Баснями кормятъ! Сермакшане „крестьянства не имѣютъ“ и даже въ бабахъ нѣтъ хозяйственнаго духа. Крючники, да дрова возятъ въ Финляндію отъ мѣстныхъ богачей—вотъ всѣ ихъ и заработки. А свиряне—о-о! Каждый стоитъ двухъ сермакшанъ. „Судовой народъ“. И передомъ, и задомъ передъ вами, если ему выгодно, а будетъ лѣсъ горѣть подъ бокомъ, такъ у него одинъ отвѣтъ: „пускай земскій съ солдатами тушить“. Да и на собственномъ сѣнокосѣ не вырубить кустарника только потому, что на будущій годъ этотъ сѣнокосъ достанется не ему, а другому. На общую пользу пальцемъ не шевельнетъ. Не совѣтую вамъ ѣхать въ Олонцину. Чѣмъ дальше на сѣверъ по коммерческому тракту, тѣмъ хуже и хуже олончанинъ. Пока доберетесь до хорошаго, весь характеръ испортите себѣ. Хотите я вамъ покажу олончанина? Эй, крикнулъ онъ рыбаку, проѣзжавшему въ это время съ мережами мимо насъ.— Есть рыба?

— Лососки фунтовъ на пятнадцать да шукъ сколько-то... Богъ милости прислалъ. Въ столицу отправлю.

— А вотъ баринъ здѣсь хочетъ купить: ту-же цѣну даетъ.

Рыбакъ поѣхалъ далѣе, объясняя издали свои резоны: „Убытокъ или накладъ у каменныхъ палатъ, а не здѣсь. Если эту цѣну теперь даютъ, то въ столицѣ что Богъ дастъ...“

— Вотъ уломайте эту чортову голову, усмѣхнулся капитанъ. — У нихъ тамъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ и медвѣди хозяйничаютъ въ деревняхъ, потому-что у мужиковъ пришивныя головушки... Несговорчивые, упрямые, самого царя разсердятъ! Знаете, почему ихъ зовутъ пришивными головушками?

— Расскажите.

— Давно это было!.. Существуетъ преданіе, что Петръ Великій увидѣлъ въ лѣсу, какъ чортъ дерется съ олончаниномъ. Разсердился царь и приказываетъ имъ разойтись, но они знай-себѣ дерутся... „А, когда-такъ! Не слушаться!“ Петръ выхватилъ саблю и отсѣкъ обоимъ имъ головы. Отсѣкъ, да и жалѣетъ. Взялъ иглу и пришилъ имъ головы вновь, но въ торопяхъ и сердцахъ перепуталъ: чорту пришилъ олонецкую голову, а олончину чортову... Такъ съ тѣхъ поръ и зовутъ ихъ: чортовы, пришивныя головушки. Не урезонишь ихъ ничѣмъ, если не хотятъ, а зазѣваешься—такъ самого совсѣмъ убьютъ. Деревня „Бараны“ въ Лодейномъ полѣ вся была сослана за разбой. Нанимай у нихъ въ глуши лошадь, да не спи дорогой.

— Развѣ такъ безпокойно?

— Въ лѣсу-то?... Въ пустынь-то?

Капитанъ рассказалъ при этомъ, какъ одинъ олончинъ былъ сердитъ на другого и подложилъ ему такого рода свинью:

— Здорово! привѣтствуетъ онъ своего сосѣда, у котораго въ телѣгѣ сидѣли чуждадельные люди. „Здорово“, отвѣчалъ тотъ, торопясь уѣхать.—

Куда везешь господь-то?—„Къ за-Онежью...“—А убивать-то гдѣ будешь?

— Вотъ какой онъ, олончинъ въ глуши, говорилъ капитанъ, а—здѣсь, по судовому тракту, можетъ быть встрѣтитесь съ нимъ вновь и сами, если поѣдете со мной на пароходѣ каналами обратно въ Питеръ.

II.

Указаніе на новый путь въ Петербургъ вкругъ Ладожскаго озера побудило меня тотчасъ же взять у капитана билетъ. Подробности края начинали сильно интересовывать меня. Каналами пароходъ шолъ по 7 верстѣ въ часъ, и неоднократно пассажиры ругали его „канальскимъ“ за медленность.

Александровскій каналъ ближе къ озеру, а Старо-Петровскій далѣе. Когда существовалъ одинъ каналъ, то тѣснота въ немъ отъ судовъ была страшная: торговцы съ хлѣбомъ и лѣсомъ застревали на одномъ мѣстѣ по недѣлямъ, и мѣстные крестьяне обирали ихъ на законныхъ основаніяхъ. Привыкнувшіе смотрѣть на проѣзжихъ какъ на оброчную, статью, крестьяне въ свою очередь эксплуатируются рыбными прасолами и богатыми лѣсопромышленниками, скупившими здѣсь у помѣщиковъ лѣсныя дачи за безцѣнокъ. Я проспалъ ночь въ каютѣ и на утро увидѣлъ изъ круглаго оконца конную тягу по берегу канала, а на водѣ

баржи съ хлѣбомъ, полулодокъ съ лѣсомъ, ма-ринки и т. д. Ширина канала, шаговъ 80—90, иногда мѣшала судамъ расходиться, и тогда пароходъ также останавливался. Ружейные охотники любовались болотными берегами Новоладожскаго уѣзда, а я разговорился съ разнообразной и сѣрой публикой изъ III-го класса.

— Какіе мы хлѣбопашцы въ Новоладожскомъ краѣ, разсмѣялись они на мой вопросъ.—Кнутовщики мы! Лѣтомъ конной тягой занимаемся по каналамъ, а зимой въ извозъ ѣдемъ въ Питеръ. Мы вѣдь горные, а не озерные. Тѣ круглый годъ около воды и живутъ рыбными промыслами.

Слѣдуетъ замѣтить, что жители верстъ за 5 отъ озера зовутся здѣсь „горными“. „На горы вышелъ“—значитъ на берегъ вышелъ. Берегъ выше воды и потому его зовутъ горой. Очень скоро я наглядно познакомился съ образомъ жизни „кнотовщиковъ“. Это тѣ-же бурлаки, только съ лошадьми. По берегу канала они тянули лошадьми барки, привязавъ передній конецъ каната къ лошадямъ и протянувъ его черезъ вершину мачты къ рулю на кормѣ. Такимъ образомъ, барка тянется лошадыю къ берегу канатомъ за мачту, но тотъ-же канатъ одновременно приводитъ въ движеніе руль, направляющій барку отъ берега на середину, и она движется по равнодѣйствующей все впередъ и впередъ лошадьми, запряженными гуськомъ или въ косою рядъ. Кнотовщики, погоняющіе лошадей, показались мнѣ болѣе жалкими, чѣмъ рѣпинскіе „бурлаки на Волгѣ“: загорѣлыя лица со сморщенной кожей, нечесанные, запыленные волосы, спадавшіе на лобъ и глаза, пересох-

шія потрескавшіяся губы. Изъ груди кнутовщиковъ вылетали сильные и грозные окрики на истощенныхъ лошадей.

„Жаль божье созданье“, особенно, когда барки встрѣчались другъ противъ друга и никто не хотѣлъ первый спустить канатъ въ воду и дать другому судну дорогу. Оскорбительная брань сыпалась съ обѣихъ сторонъ и по привычкѣ, и въ гнѣвѣ, а пароходъ въ это время давилъ и расщеплялъ челноки, привязанные всегда сзади каждого судна. Надо было далеко отъѣхать, чтобы не слышать ужасающей по цинизму ругани между собой кнутовщиковъ. Самыя лошади, клейменыя, еле двигаются, а клейма налагаетъ контора коннопромышленниковъ въ Ладогѣ и въ Шлиссельбургѣ затѣмъ, чтобы за одну и ту же лошадь поставщикъ не получилъ два-три раза денегъ въ пути. Номеръ клейма на лошади записываютъ при отправленіи судна, и этотъ-же номеръ отмѣчается на мѣстѣ прибытія. Такимъ образомъ ведется счетъ лошадямъ и плата имъ.

— И здѣсь мошенничаютъ, сказалъ одинъ изъ кнутовщиковъ:—прижгешь слегка клеймо по шерсти, оно до кожи и не дойдетъ, тогда и второй разъ можно ту-же лошадь въ контору поставить, а про прежнюю сказать, что сдохла дорогой. Шерсть на ней вылѣзетъ или самъ выдергаешь ее силой. Много такихъ обмановъ бываетъ! А съ клеймомъ-то, заболѣетъ лошадь сибирской язвой, ее даже бросить нельзя, не схоронивши! Сейчасъ узнаютъ по клейму, кто сдѣлалъ. Конторы слѣдятъ за очередью лошадямъ, а также — кому изъ рабочихъ тянуть судно по новому каналу, а кому — гонку

(плоты) по старому каналу... Но и здѣсь въ очередяхъ мошенничаютъ.

Однако, несмотря на всѣ ухищренія, жизнь здѣшнихъ кнутовщиковъ и рыбаковъ тяжелая.

Вотъ „тяга“ остановилась на отдыхъ и лошади брошены на произволъ. Вы думаете онѣ ищутъ травы или пробуютъ куда-нибудь убѣжать отъ отъ мухъ и будущихъ кнутовъ? Нѣтъ, лошади не ѣдятъ даже травы, а какъ бросили ихъ безъ присмотра, такъ онѣ и стоятъ на мѣстѣ: лишь-бы отдохнуть ногами. А вотъ погонщики ихъ возвращаются верхами въ обратный путь, и сонъ одолѣлъ большинство изъ нихъ. Живописцу было-бы на что посмотреть. Одинъ погонщикъ спитъ поперекъ лошади, болтая ногами въ одной сторонѣ, а головой въ другой; слѣдующій—сидитъ обыкновенно, склонивъ голову на шею лошади, на хомутъ; третій—сидитъ задомъ напередъ и спитъ на крупѣ лошади, обхвативъ ногами ея шею; четвертый—перебросивъ обѣ ноги по одну сторону лошади и обхвативъ ей шею рукой, спитъ свѣсившись и качаясь... Замучила работа! Вареными стали люди на солнцѣ. Облитые потомъ, запыленные, спятъ они, вручивъ себя своимъ лошаденкамъ, въ позахъ, въ какихъ кому удобнѣе. И такъ-то всю жизнь! На постоянныхъ дворахъ пьянство, а потомъ опять конная тяга...

— „Озернымъ“ людямъ какъ живется? спросилъ я кнутовщика, бесѣдовавшаго со мной всю дорогу.

— Рыболовы—на водѣ, отвѣтилъ онъ.—Легче на просторѣ.

— Ну, тоже, братъ, возразилъ ему рыбакъ:—

вѣтры да дожди! Помахай-ка веслами отъ зари до зари.

— Волка ноги кормятъ, сурово остановилъ его кнутовщикъ.—Сижки да лососки и шучки любятъ, чтобы за ними походили да поѣздили. Торгуютъ хорошо рыбой, а ловить ее трудно. Прасоламъ хорошо... Съ Питеромъ торгуютъ. Тамъ вся и деньга ихъ.

Къ моему удивленію, рыбакъ не согласился съ нимъ и въ этомъ пунктѣ.

— Вотъ ты говоришь, прасоламъ хорошо, а сколько у него за рыбаками денегъ пропадаетъ? Ты считалъ-ли?

— Вѣдь и ты не считалъ.

— Давай считать, коль такъ... Рыбаки, баринъ, живутъ прасоломъ. Зимой кормятся за его счетъ, мережи чинятъ и покупаютъ новыя на его-же деньги, а лѣтомъ они расплачиваются съ нимъ рыбой. Вотъ если вѣтры будутъ неспособные, не пригонятъ рыбу съ моря, а отгонятъ ее отъ береговъ—не придетъ сигъ въ Назарьевъ праздникъ на лудыши (камни) икру метать, то и лова не будетъ... Прасолъ разорится, и рыбаки ему ничего не возвратятъ. Сколько такихъ тысячъ пропадаетъ за рыбаками!

— Это правда, согласилось большинство.—Въ день Назарія (14 октября) у рыбака котелъ густой или пустой. Простоитъ октябрь мѣсяцъ—пойдетъ сигъ-лудога и прасолъ получить свои денежки, а подернетъ ледокъ водицу, пропасть октябрь и прасолъ заодно съ нимъ.

— Ну, народъ,—послушаю я! произнесъ сбоку

меня сильный голосъ.—Все вѣтры да вѣтры, а человѣка будто и нѣтъ.

Новый ораторъ былъ маленькаго роста и весь песочнаго цвѣта: волосы, лицо, маленькая борода и одеженка были одной масти, выцвѣтшей подъ дождями и солнцемъ. Рыбаки сконфузились отъ его замѣчанія, и каждый, видимо, понялъ его мысль.

— Всѣ Бога обманываютъ, раздались голоса.— Мало ловится рыбы потому, что рыбаки молились Богу, чтобы всю пойманную рыбу отдавать хозяину-прасолу, а мы развѣ сдерживаемъ свою молитву: крупную рыбу отберемъ, да и продадимъ потихоньку отъ прасола. Ну, Богъ вѣтромъ и отгонитъ ее отъ береговъ. Не обманывай Бога въ молитвахъ своихъ!

— Правильно, правильно, повторяли крестьяне въ разныхъ мѣстахъ палубы.— Совсѣмъ забыли молитвы. Апостолъ Петръ самъ былъ рыбакомъ и считался покровителемъ рыбнаго промысла, а мы въ Петровъ день вино пьемъ и не творимъ рыбачью молитву: „рыбакъ Петръ, уроди всякой рыбыны на птицъ, на меня и на жадную душу...“. На воровъ, значить. Рѣдко кто молится на морѣ съ вѣрою въ слова, которыя покровительствуютъ промыслу. „Освободи жителя темнаго отъ моихъ сѣтей и пусть онъ напускаетъ камней въ мережи тому, кто не знаетъ промысловой молитвы“.

— Ха-а-а! раздалось громко въ толпѣ.— Рыбацкая молитва объ освобожденіи водяного изъ сѣтей.

— Чего-же тебѣ смѣшно? обидѣлись рыбаки на молодого парня среди нихъ.—Ты не здѣшній и

съ чернымъ жителемъ незнакомъ, а озерные люди видали его.

— Въ пѣсняхъ, насмѣшливо перебилъ тотъ толпу,—разныя „вирушки“ про него играете. Что ты „вираешь“ мнѣ, говоритъ ему дѣвка: „Не мани меня, манилка“... Вруномъ его зовете, а въ молитвахъ о немъ къ Богу пристаєте.

— Ярославецъ! фармазонъ! закричалъ на него одинъ изъ прасоловъ. — Играй своего „безконечнаго“ на гармоникѣ, а чернаго жителя не трогай.

— За смѣкалку зовутъ насъ ярославцами, хватался парень съ гармоньей.—А про олонщину сказываютъ, что Господь сотворилъ быка, а чортъ олонецаго мужика, пришивную голову.

Обругавшись нѣсколько разъ по адресу темныхъ кнутовщиковъ и рыбаковъ, ярославецъ сталъ пилить на гармоніи и раскатисто запѣлъ:

Ужъ ты, батюшка отецъ,
Продадимъ мы всѣхъ овецъ,
Еще бурую корову—
Возьми паспортъ на дорогу.
Отецъ паспортъ получилъ—
Мальчикъ въ Питеръ покатилъ...

Подъ этотъ безконечный мотивъ, оглашающій всѣ здѣшнія села и деревни, мы приблизились къ Шлюшину и затѣмъ, уже по Невѣ, торопились къ Петербургу. Приводя въ нѣкоторый порядокъ путевыя впечатлѣнія по каналамъ вокругъ Ладожскаго озера, я былъ доволенъ проведенными днями на водѣ съ кнутовщиками и рыбаками Новолadoжскаго уѣзда, съ крючниками изъ сермакшанъ и „судовымъ“ народомъ изъ свирянъ. Переходъ съ земли на воду и обратно обновляетъ впечат-

лѣнія челоуѣка и нерѣдко дополняетъ ихъ новыми, какъ-бы ни было само путешествіе коротко и мимолетно... Мнѣ, петербуржцу, особенно это чувствовалось, какъ только я ступилъ съ парохода на землю.

М А Г О М Е Т Ъ - Г А З И.

— Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я служилъ въ Нерчинскомъ краѣ исправникомъ, началъ намъ свой разсказъ Николай Ивановичъ. Въ ту пору исправникъ въ Сибири былъ важной особой. Всѣ бразды правленія были сосредоточены въ его рукахъ: на немъ лежали административныя, судебныя, слѣдственныя и „мировыя“, если такъ можно выразиться, обязанности. Жизнь и смерть была въ его рукахъ не только виновныхъ лицъ, но и мирныхъ обывателей. Царь жилъ отъ насъ далеко, а законамъ мы были плохо обучены. Много отъ того нехорошихъ людей было среди начальниковъ и судей. Да, гдѣ-же взять-то ихъ въ Сибири, когда хорошихъ людей не хватаетъ на всю Россію, особливо для деревень и селъ?

Изъ насъ никто не отвѣчалъ на его вопросъ и онъ снова продолжалъ разсказъ:

— Разбойный былъ край: сверху до низу. Клекъ-челоуѣкъ! Знаете-ли вы, что значить „клекъ?“ Это больше чѣмъ „дока“... Клекъ не только до всего дошелъ, но его не обойдешь ни крестомъ, ни чортомъ.

„Исправникъ-то нашъ—клекъ“, говорили и обо мнѣ. Нельзя-съ потому... Каждый вечеръ, бывало, ложась спать, я не былъ увѣренъ, что буду на слѣдующее утро живъ. У каждаго человѣка больше враговъ, чѣмъ друзей... А за мной былъ грѣшокъ: съ руками своими не могъ совладать. Нестерплю, бывало, если человѣкъ изъ меня дурака строить: вся кровь закипитъ и какъ вдарить въ голову,—тутъ я и въ ухо его сейчасъ! Можно-ли разсуждать, когда не помнишь себя? Оттого, что у меня нравъ горячій и враги у меня были... Мало хорошаго увезъ я съ собой изъ Сибири! Люди-то, съ которыми по службѣ приходилось имѣть дѣло, были клекъ на клекъ и клекомъ погоняли. Ну, а все-таки и среди нихъ попадались хорошіе люди. Ухъ, какіе хорошіе и честные люди! Жизнь сколько разъ спасали они мнѣ и за что только—удивленіе одно! Никогда я не былъ особенно ласковъ съ ними... Ну, какой чортъ заставить меня разговаривать съ варнакомъ или каторжникомъ? А были и между ними люди, а не звѣри... И какіе люди! Какія сердца! Богъ знаетъ, какъ и попали они въ эту каторжную жизнь на рудники и заводы. „Словно и не я; говорить иной изъ нихъ: а кто другой за меня творилъ на волѣ разныя художества. Не по злобѣ своей, право, не по злобѣ попалъ я сюда!“ Съ эдакимъ-то народомъ и жилъ я болѣе десятка лѣтъ. Не по злобѣ, а такъ, каналья, можетъ ограбить и зарѣзать васъ. Мнѣ, какъ начальству, особливо нужно было беречься. Вотъ я вамъ и расскажу, какъ и кто меня берегъ за все время моей службы въ этомъ ссыльно-каторжномъ краѣ и отчего я сохранилъ вѣру, что

среди всякихъ людей можно сыскать себѣ любовь и вѣрность.

Закуривши сигару, Николай Ивановичъ продолжалъ разсказъ, воодушевляясь его подробностями:

— Каждому должностному лицу въ Сибири прежде всего предстоятъ большіе разъѣзды, особенно по слѣдственной части; а прежніе Сибирскіе разъѣзды, могу сказать, мое почтеніе: надо было найти проводника, да чтобы онъ тебя не зарѣзалъ вмѣстѣ съ разбойниками; слугу, который-бы тебя не бросилъ при первой опасности, а пистолетъ никогда не слѣдовало держать въ чемоданѣ, а прицѣплять его себѣ на поясъ подъ руку. Вотъ какъ совѣтовали мнѣ опытные люди службу начинать. Ну, да гдѣ же найти было и хорошаго слугу себѣ, и то, и се... Былъ одинъ у меня чловѣкъ и честно служилъ мнѣ, но только приходитъ однажды и проситъ разсчитать его... „Душа, говоритъ, моя покоя не знаетъ, какъ только нужно ѣхать съ тобою въ округъ. Ты въ комнатѣ спишь, а я потихоньку ухожу въ сарай и зарываюсь въ сѣно. Все боюсь: тебя убьютъ и меня съ тобой“... Вижу, что онъ говоритъ правду и отпустилъ его.— Пріѣхалъ я эдакъ однажды одинъ-одинешенекъ, безъ всякой опаски, въ небольшой заводъ и остановился у черкеса, который уже отбылъ срокъ каторги и жилъ по сосѣдству съ заводомъ, на поселеніи. Разговорились мы всякъ о своемъ и говоритъ онъ мнѣ: „худое твое дѣло, баринъ... тебя хитростью не возьмешь, а силой и тебя возьмутъ. Есть такой слушокъ у насъ дурной... Это ты дозналъ, кто зарѣзалъ весною майданщика; да

не всѣхъ убійцевъ-то ты переловилъ. „Клекъ нашъ исправникъ, говорятъ они: а своей судьбы не минуетъ; супротивъ нашей силы ничего не подѣлаеть“. Сообщение черкеса о томъ, что мнѣ собираются мстить, признаюсь, меня весьма сильно встревожило. Я только что женился, былъ счастливъ, а тутъ на-тебѣ: ѣдешь себѣ съ радужными мечтами къ молодой женѣ, а тутъ изъ подъ моста въ тебя: бацъ! бацъ! — и конченъ разговоръ; или въ тайгѣ у себя задержать, пока родные не выкупятъ. Легъ я у черкеса въ комнатѣ спать, а сонъ такъ и бѣжитъ отъ меня: кто-же знаетъ, что самъ хозяинъ не есть мой злѣйшій врагъ? Иродъ народъ въ томъ краю! Иуда! Вздуть я огонь, лежу съ открытыми глазами и спать не могу; а онъ чортъ, черкесь-то этотъ самый, увидалъ въ моей комнатѣ свѣтъ и слышу босыми ногами идетъ къ двери... Пріотворилъ ее и скалитъ на меня бѣлые зубы: „ты, баринъ, спи, говоритъ. У меня своя жена, свои дѣти есть“... Какъ сказалъ онъ мнѣ эти слова, я сейчасъ-же свѣчу загасилъ и проспалъ до утра, какъ младенецъ. Сталъ я, послѣ завтрака, собираться домой, черкесь и говоритъ мнѣ: „бачка! возьми себѣ слугу хорошую... Худую не присовѣтую. Есть у меня здѣсь такой... Вѣрный человѣкъ. Изъ нашихъ-же... На пріискѣ работаетъ. Прикажи прислать... Будешь меня благодарить“. Какъ взять себѣ прислугу изъ каторжныхъ арестантовъ?—„Совѣтую взять моего Магомета-Гази... Напиши горному начальству, у котораго онъ работаетъ. Благодарить будешь за вѣрную службу“. Я уѣхалъ отъ черкеса, ничѣмъ не порѣшивъ на счетъ его предложенія. А надо вамъ

сказать, что въ Сибири очень часто вліятельныя лица употребляли на свои домашнія работы арестантовъ и никому это не бросалось въ глаза, а напротивъ: многіе вамъ скажутъ, что гдѣ-бы ино-му горячему арестанту сгибнуть на каторгѣ, онъ въ хорошей семьѣ научится Богу молиться, полюбить честныхъ людей и служить имъ вѣрно до срока, наложеннаго на него судебнымъ приговоромъ.—Пріѣхавши домой, я разсказалъ женѣ о предложеніи ссыльнаго черкеса и мы порѣшили написать письмо на пріиски, чтобы намъ прислали въ услуженіе Магомета-Гази. Помню, былъ вечеръ и мы сидѣли съ женой въ гостинной. Вдругъ къ нашимъ воротамъ подѣхала телѣга. Это и былъ Магометъ...

— Хочешь служить у меня?

— Еслибъ не хотѣлъ, не пошелъ-бы къ тебѣ.

— Какже бы ты не пошелъ?

— О, баринъ, не всякаго человѣка ты знаешь.

Сказалъ онъ мнѣ это какъ-то очень грустно, а затѣмъ подошелъ къ моему лицу и глядитъ на меня своими громадными, черными глазами; жена даже испугалась.

— Чего ты разглядываешь меня, какъ звѣря?

— И звѣри бываютъ! всякій народъ бываетъ!

— Ну, ладно... Оставь! Будешь служить мнѣ? Помни, Магометъ, что я тебя беру по доброй волѣ, а не хочешь—отправляйся назадъ.

— Не уйду, коли самъ пришелъ. Грѣхъ масуль-манину служить гяуру и накажетъ за это пророкъ... Но судьба моя такая! Не уйдешь отъ того, что положено на роду.

Магометъ-Гази остался у меня въ услуженіи и съ тѣхъ поръ стали мы съ нимъ ѣздить всюду вдвоемъ. Я обрядилъ его въ черкесскій костюмъ, далъ кинжалъ, обѣщалъ и денегъ давать. Первое время, какъ надѣлъ онъ на себя свою одежду и взялъ въ руки кинжалъ, онъ казался очень счастливымъ, а потомъ вдругъ загрустилъ: то-ли ему вспомнилась его родина и вольные товарищи въ горахъ и на коняхъ, а можетъ быть и просто испугался пророка своего и боялся прогнѣвать Бога тѣмъ, что служить невѣрному гяуру. Стали только мы примѣчать съ женою, что Магометъ нашъ стонетъ по ночамъ, точно болѣнъ чѣмъ тяжело, а днемъ все молчитъ да вздыхаетъ.—Ну, братъ, думаю, на пріискѣ работать еще хуже, чѣмъ находится при мнѣ! Такъ и не сталъ спрашивать его, что съ нимъ и что у него на душѣ. Отправились мы однажды съ нимъ зимою въ округъ и дорогою продрогъ я до костей. Какъ только пріѣхали на станцію, я тотчасъ-же послалъ его купить мнѣ водки и колбасы у ссыльныхъ поляковъ, которые отличныя умѣли готовить колбасы. Прошло цѣлыхъ полчаса, а Магометъ назадъ все еще не возвращался, станція отстояла не далеко отъ селенія и сбѣгать туда можно было въ десять минутъ. Прошелъ и цѣлый часъ, а Магомета все нѣтъ и нѣтъ. Бѣжать ему отъ меня нельзя было въ такую стужу и не къ чему: онъ могъ выбрать для этого гораздо болѣе удобные случаи.—Встрѣтилъ, думаю, мерзавецъ, стараго своего знакомаго и забылъ меня. Наконецъ послалъ за нимъ кучера.

Вижу, идетъ мой Магометъ черезъ нѣсколько минутъ, а кучеръ несетъ бутылку водки, и колбасу.

Догадался я тутъ, что онъ, какъ татаринъ, брезгалъ свинину въ руки взять. Разумѣется, какъ только онъ показался въ дверяхъ, я на него:

— Собака ты эдакая! Гдѣ-жъ ты это до сихъ поръ пропадаешь!

Но не успѣлъ я излить на него свой гнѣвъ, какъ Магометъ закричалъ:

— Кто собака? Гяуръ—собака! Гяуръ—песъ!..

Въ тотъ же моментъ онъ выхватилъ свой кинжалъ и бросился на меня.

— За что же ты меня убить хочешь? успѣлъ я спросить его безъ гнѣва и испуга, не пытаясь даже уклониться отъ удара поднятой надо мною руки съ кинжаломъ.

— Что же вы думаете? Не знаю, чѣмъ и объяснить! Еслибъ я сопротивлялся или крикнулъ караулъ, онъ убилъ бы меня безъ сожалѣнія. Но я не сдѣлалъ ни одного движенія, инстинктивно понимая бесполезность ихъ и какъ бы парализованный близостью смерти. Жизнь зависѣла отъ мгновенія: звукъ голоса или сжатіе брови, которые бы выдали состояніе моего духа, могли быть пагубны; но лицо мое было покойно и голосъ ровень.

Рука злодѣя опустилась мимо... Убить беззащитнаго человѣка у него не хватило силъ.

Магометъ упалъ передо мной на колѣни и громко зарыдалъ... Онъ молилъ убить его самого и протягивалъ мнѣ свой огромныхъ размѣровъ кинжалъ.

— Встань, Магометъ! сказалъ я, съ трудомъ удерживая самъ свое волненіе. Помни, что не всегда твоей рукой владѣетъ Богъ и не всегда удержишь ты ее во время. Что я тебѣ сдѣлалъ? Свинойной я

тебя не кормилъ, а если ты, по моему приказанію, принесъ мнѣ ее и прикоснулся къ ней руками, то неужели это грѣшнѣе, чѣмъ замарать руки въ человеческой крови! Ты умный масульманинъ и подумай объ этомъ на досугѣ. За религію ты уже убилъ одного человѣка, теперь другаго хотѣлъ убить... Развѣ этимъ можно угодить Богу и его пророку—Магомету? Я общаюсь никому не говорить о тебѣ; даже женѣ не скажу... А то она будетъ бояться тебя.

— Ой, какая минута! Какая тяжелая минута! простоналъ Магометъ и, схвативъ мою руку, началъ цѣловать ее.

Я поднялъ его на ноги и вскорѣ мы отправились въ путь.

Жена моя долго не знала объ этомъ происшествіи, а когда Магометъ нѣсколько разъ спасалъ мнѣ жизнь и я рассказалъ ей объ его покушеніи на меня, она отказалась этому вѣрить.

Онъ не разлучался со мною во всѣ десять лѣтъ моего пребыванія въ Нерчинскомъ краѣ. Онъ не отходилъ отъ меня ни на шагъ; шелъ ли я гулять,—Магометъ съ своимъ кинжаломъ слѣдовалъ сзади, безъ всякаго съ моей стороны приказанія; ложился ли я спать, Магометъ слалъ свой коврикъ и подушку въ дверяхъ моей комнаты и говорилъ съ улыбкой: „сперва моя башка кончитъ, а потомъ ужъ твоя“...

Два раза онъ былъ раненъ за меня и съ каждымъ разомъ его преданность росла къ нашему семейству. Великой души и нѣжнаго сердца былъ мой другъ Магометъ!

— А теперь, произнесъ Николай Ивановичъ со вздохомъ, я долженъ разсказать, какъ мы разстались съ нимъ. Прослуживъ слишкомъ десять лѣтъ въ Сибири, я перевелся въ Россію. Захватить съ собою Магомета я не могъ, такъ какъ онъ осужденъ былъ въ каторгу на 20 лѣтъ; но я думалъ передать его въ услуженіе хорошему и кроткому человѣку.

Однажды проѣздомъ у меня обѣдалъ губернаторъ и Магометъ ему очень понравился. Мой разсказъ о немъ такъ тронулъ губернатора, что тотъ предложилъ Магомету перейти къ нему въ услуженіе.

— Не пойду, отвѣтилъ тотъ коротко и сухо.

— Отчего? удивились мы. Нельзя же тебя въ Россію взять!

— Знаю... Опять на пріиски съ конвойными буду ходить. Одному гяуру служилъ, а другому не стану.

Сколько мы не бились съ нимъ, Магометъ не пошелъ служить къ губернатору и я принужденъ былъ, передъ отъѣздомъ въ Россію, отправить его къ пріисковому начальству тѣмъ-же способомъ, какимъ онъ былъ доставленъ мнѣ, т. е. съ двумя вооруженными конвойными.

Прощаясь я обнялъ его и съ ужасомъ произнесъ:

— Что-то будетъ съ тобой, Магометъ?

— Убѣгу, баринъ.

— А конвойные-то?

— Аллахъ не захочетъ—пуля не возьметъ...

— Нѣтъ, Магометъ... Потерпи. Пять лѣтъ всего осталось до срока.

— Не то ты говоришь, баринъ. Обидѣть чело-
вѣка можно однимъ словомъ. Помнишь, ты на-
звалъ меня собакой? Ой, тяжелая минута была!..
Какая тяжелая минута! А тамъ, онъ указалъ ру-
кою на конвойныхъ: каторжные у нихъ хуже со-
баки... Самъ знаю. А все же другому гяуру не
буду служить и не проси, баринъ! Служилъ тебѣ
хорошо и честно, а другой разъ грѣшить не
буду.

Мы разстались. Что было съ Магометомъ послѣ
того—не знаю. Вѣроятно сгибъ.

НА ОХОТѢ.

I.

Съ давнихъ поръ мнѣ приходилось охотиться
съ ружьемъ преимущественно въ сообществѣ де-
ревенскихъ охотниковъ. Моими товарищами были
разные „Илюхи“, „Моховики“, „Василій-кабатчикъ“
или мой милый сельскій учитель Семеновъ, стра-
дающій неправильностью зрѣнія: прицѣливаясь по
птицѣ онъ закрываетъ лѣвый глазъ, но одновре-
менно закрывается у него непроизвольно и правый
глазъ. Во избѣжаніе этого, Семеновъ научился,
при взлетѣ птицы, быстро нахлобучивать на лѣ-
вый глазъ шляпу, а другимъ глазомъ ведетъ ружье
за птицей и убиваетъ ее. Всѣ мои спутники были
простые люди, и я чувствовалъ себя среди нихъ сво-

имъ человѣкомъ. Съ двумя сотнями рублей въ карманѣ я могъ прѣхать къ нимъ изъ Петербурга на два мѣсяца и вернуться на эти же средства обратно, вполнѣ увѣренный, что Максимка изъ Черемши или Моховикъ изъ п. Марыни всегда оставались довольны стаканомъ водки за общимъ обѣдомъ и безчисленнымъ количествомъ чашекъ чаю, распиваемаго со всѣми присутствующими въ избѣ крестьянами. Сколько за самоваромъ шло разсказовъ, остроумія и смѣху! Мужики острили надъ бабами, тѣ надъ ними; ребятишки возились съ моими сеттерами, а старуха едва успѣвала поправлять горящія лучины и обивать у нихъ обгорѣлые концы въ кадку съ водой. Сколько сказокъ, съ правдой пополамъ, передавалось здѣсь! Вся деревня соберется, бывало въ избу къ охотникамъ. Каждому хочется послушать разговоръ, посмѣяться своему слову, а иногда и полечиться отъ рѣзы въ животѣ порошками изъ запасной аптечки петербургскаго охотника.

Я съ умиленіемъ вспоминаю мои охоты съ мужиками.

Были изъ нихъ, правда, и прохвосты, никогда ничѣмъ недовольные, страшные хвастуны и попрошайки. Но съ этой стороны мои воспоминанія крайне скудны. Между тѣмъ и съ такими охотниками я находилъ чудныя стороны въ нашемъ товариществѣ и не мало исходилъ съ ними болотъ, и омшаръ, довольствуясь вдвоемъ въ теченіе дня однимъ кускомъ чернаго хлѣба и ночуя въ сараяхъ подъ однимъ и тѣмъ же зипуномъ, на одной и той же подушкѣ.

Всегда было у меня съ ними все общее. Не

было того, чтобы я ѣхалъ на лошади, а мой „Моховичекъ“ возвращался бы домой пѣшкомъ; чтобы я заказалъ себѣ супъ изъ курицы, а ему предложилъ бы поглядѣть на меня...

Я не смѣлъ даже покричать на него и разсердиться на охотѣ, зная, что тогда и онъ будетъ кричать на меня при каждой моей неосторожности и ошибкѣ. Мы одинаково горевали на безконечныхъ и трудныхъ для ходьбы моховыхъ пространствахъ, не находя цѣлый день выводку и утоляя голодъ брусникой, гоноболью и клюквой. Одинаково радовались успѣху, когда, случалось, подъ нашими выстрѣлами, падали мошники и полевцы. При такихъ отношеніяхъ услуги покупались не деньгами, а общностью интересовъ на работѣ и отдыхѣ. Я ѣхалъ изъ Петербурга въ деревню къ друзьямъ, а не къ наемнымъ мужикамъ. Они также ждали меня, какъ своего человѣка, и мнѣ было весело съ ними, и самолюбіе мое не страдало отъ того, что мужикъ забывалъ во мнѣ барина и господина. Однако, какъ ни были мнѣ дороги мои мужики-охотники, я все-таки обрадовался, когда въ Питеръ пріѣхалъ товарищъ моей юности, Андрей Васильевичъ Сорокинъ, и сталъ говорить про волковъ:

— Къ самой усадьбѣ подходятъ... Всѣхъ дворовыхъ собакъ перетаскали. Ночью страшно выйти... Баня у насъ въ саду... Я безъ ружья и не хожу туда. Пріѣзжай ко мнѣ. У меня и привада положена въ двухъ мѣстахъ, и лукашъ нанять... Долженъ на-дняхъ прибыть.

— Буду хлопотать объ отпускѣ...

— Хотъ на короткій срокъ хлопочи! У меня

чудесно... Не то, что прежде. Ты знавалъ меня бѣднякомъ-студентомъ. Помнишь: дешевые уроки, общая комнатка на Финляндскомъ проспектѣ и кухмистерская Елены Павловны. Я даже не кончилъ курсъ, а все мечталъ передѣлать человѣчество... Вскорѣ я женился на покойной женѣ... Она имѣла деньги. А потомъ вдругъ это наслѣдство... Не знаю, что и дѣлать съ деньгами...

— Дѣлай, что другіе дѣлали... Когда ты просилъ, тебѣ давали...

Мой отвѣтъ ему видимо не понравился, но приглашеніе свое онъ повторилъ искренно.

Черезъ недѣлю я былъ у моего пріятеля, а на другое утро въ имѣніе пріѣхалъ и лукашъ-псковитянинъ. Мы тотчасъ же рѣшили испробовать его умѣнье обложить и обрѣзать въ кругу лисицъ, жившихъ въ каменоломняхъ по берегамъ Волги и частенько ложившихся отдыхать въ густыхъ сосенникахъ, примыкавшихъ къ рѣкѣ.

Около двѣнадцати часовъ дня лукашъ вернулся отъ привады и объявилъ, что одного кобеля онъ проводилъ на глазахъ до самыхъ каменоломень, а лисичка за нимъ не пошла и осталась въ островѣ.

— Всѣ входы ея и выходы зачеркнуты у меня. Выходного слѣда нѣтъ... Въ кругу осталась.

— Ну, молодецъ! Бери платки.

— Развѣ здѣсь съ платками дѣлають облаву?— спросилъ я.— Кажется, флаги на палочкахъ...

— Это все равно... Между флагами звѣрь иногда проскакиваетъ, а когда куски краснаго кумача или черной матеріи привязаны на англійскую бичевку тянущуюся по бокамъ круга, то

звѣрь ужасно боится веревки и бѣжить отъ крикуновъ впередъ, не замѣчая, что стороны круга стянуты веревкой къ лиши охотниковъ. Искусство лукашей состоитъ въ томъ, чтобы, обложивши звѣря, обрѣзать его въ кругу на лежкѣ, быстро разставить по бокамъ обрѣза флаги или протянуть платки, поставить на нумера охотниковъ и, зайдя съ противоположной стороны по вѣтру, погнать крикомъ звѣря прямо на васъ.

— Это очень интересно.

— Ты въ первый разъ?

— Съ лукашами въ первый.

— Ну, такъ останешься доволенъ. Это самый лучший способъ охоты зимой на звѣря. Что бы только тебѣ надѣть бѣлое сверхъ платья? У меня всего одинъ холщевый балахонъ... А безъ него лисица запримѣтитъ тебя на снѣгу и уйдетъ. Развѣ простыню подвяжешь къ горлу?

— Не женскую ли юбку?

— Да, не смѣйся. Это дѣйствительно, хорошо.

— Нѣтъ, уже лучше простыню...

Въ самомъ веселомъ настроеніи духа мы вышли изъ усадьбы въ сопровожденіи лукаша по направленію къ лѣсу. Вдругъ, совершенно неожиданно для меня, хозяинъ сердито обернулся назадъ и закричалъ на лукаша:

— Брось папиросу! Какъ ты смѣешь курить въ присутствіи господъ? Хоть бы спряталъ въ рукавъ, а то на-ка... Дымить, какъ равный намъ челоуѣкъ. То-то!.. Надо, братъ, понимать, какъ и гдѣ слѣдуетъ держать себя. Ты бы закурилъ не на глазахъ у насъ, а гдѣ нибудь въ сторонкѣ. А то обернешься къ тебѣ съ вопросомъ, а ты сто-

ишь съ папиросой въ зубахъ и не прячешь ее. Такъ нельзя! Это не у петербургскихъ охотниковъ. Тамъ вы убитого медвѣдя не отдадите, заспоривъ... А у меня ты не смѣешь сѣсть въ моемъ присутствіи. А ты на-ка: папироску не вынимаетъ изо рта... Куда идти-то?

— Влѣво, баринъ... По тропѣ.

Лукашъ пошелъ впередъ, превратившись изъ веселаго и разговорчиваго мужика въ безмолвнаго лакея. Близъ густого ряда кустовъ онъ остановился и, снявъ шапку, сказалъ намъ:

— Здѣсь надо вамъ стать. А я побѣгу развертывать платки съ боковъ острова.

Въ помощь ему были взяты изъ усадьбы еще два мужика и, разставивши насъ по мѣстамъ, они скрылись въ глубь поросли. Долго, что-то, они развѣшивали платки, подняли крикъ въ такомъ отдаленіи отъ насъ, что лисица, ухитрившись найти пустое пространство между платками и крикунами, прорвалась изъ круга въ самомъ началѣ загона, не показавши намъ даже своего хвостика.

Я видѣлъ, какъ Андрей Васильевичъ пошелъ на встрѣчу лукашу съ признаками сильнаго гнѣва.

— Ты откуда началъ загонъ-то? А, мерзавецъ! Ну, не мерзавецъ-ли ты?—кричалъ онъ на него. Вѣдь у меня веревокъ съ флагами хватаетъ чуть не на версту, а ты еще далѣе ушелъ съ крикунами, оставивъ пустое мѣсто въ началѣ загона. Чего же ты, обложивши лисицу, не обрѣзалъ ее въ кругу на меньшемъ пространствѣ? Ты, погляди-ка, скотина ты эдакая, какую ты площадь оцѣпилъ... Да ты что?!.. Пріѣхалъ изъ Питера насмѣхаться надо мной? Думаешь, что я позволю тебѣ дурачить

себя и буду даромъ платить тебѣ жалованье? Ты, можетъ быть, въ подручныхъ ходилъ, а самъ не распоряжался охотой... А-а!—закричалъ онъ неистово:—ты думаешь здѣсь Питеръ... Ты опять съ папиросой, когда съ тобой разговариваетъ баринъ!

Что-то черное поднялось кверху. Это была шапка лукаша, сорванная съ его головы и брошенная въ сторону. Самъ лукашъ нѣсколько разъ ткнулся въ снѣгъ, стараясь уклониться отъ новыхъ ударовъ кулака.

— Вонъ!—съ крикомъ наступалъ на него Андрей Васильевичъ. — Собирай флаги, мерзавецъ... свертывай веревку. Мало тебѣ кулаковъ. Ружье обломаю, если ты еще разъ устроишь надо мною такую насмѣшку. Посмотрю я, какая будетъ у насъ съ тобой здѣсь охота... Нанялся! проданся! Вотъ они, дармоѣды-то! Вотъ они—кричалъ онъ, указывая на мужиковъ.—Смотрите: берутъ жалованье, а никто ничѣмъ не хотятъ услужить барину. Дармоѣды! Воры! Они у меня удовольствіе крадутъ,—пояснилъ онъ, поравнявшись со мною.

Свернувъ въ бокъ и желая сократить дорогу онъ пошелъ по глубокому снѣгу, проваливаясь въ немъ и еще болѣе раздражаясь утомительной ходьбой.

— Лыжи гдѣ?

— Забыли, баринъ, взять.

— Забыли? Небось, жалованье не забываете брать, дураки! Ничего сами не догадаетесь. Фу-у,—пыхтѣлъ онъ, обтирая мокрый лобъ рукавомъ и торопясь выйти изъ сугробовъ снѣга.

Дорогой намъ встрѣтился мужикъ, ѣдущій въ саняхъ порожнемъ.

— Лошадь вороти! Ты думаешь, я хуже тебя?

Въ тотъ же моментъ лошадь метнулась въ стору, уклоняясь отъ ружейнаго приклада, близъ ея морды.

— Ёдетъ порожнемъ, а дорогу не уступаетъ, скотъ!—продолжалъ Сорокинъ со злостью въ голосъ.—Ну, развѣ это нормально? Вы въ Питерѣ понятія не имѣете, что здѣсь творится въ провинціи. Вѣдь мы, помѣщики, не можемъ покататься съ семьей въ деревнѣ, безъ того, чтобъ мужики не сдѣлали намъ непріятностей или скандала. Вѣдь не къ кому обратиться! Нельзя-же все по закону... Необходимо довѣріе къ простому заявленію помѣщика. Изъ насъ никто не солжетъ! Теперешніе помѣщики уже всѣ образованные... Это не то, что въ крѣпостное время! У тебя, конечно, литературныя мнѣнія объ этомъ... Но они не состоятельны! Не живыя... Именно не живыя! Я самъ нѣкогда такъ же думалъ... Вотъ мы и пришли. Ба-ба, это вѣдь ко мнѣ пріѣхали охотники. Видишь, двѣ пары гусемъ стоятъ у крыльца?

— Кто-же это?

— Изъ сосѣдняго уѣзда помѣщики. Страстные охотники. Прекрасныя лошади у одного, особенно гусевой. Во всемъ уѣздѣ нѣтъ такихъ. Онъ очень образованный человѣкъ и имѣетъ винокуренный заводъ. Другой-то большой горячка, но побѣднѣ...

II.

Въ домѣ мы застали разговоръ о лисичкахъ и волкахъ.

— Въ двадцати верстахъ отсюда на крестьянскихъ поляхъ ходитъ цѣлый волчій выводокъ,— сказалъ хозяинъ.—Какъ вы думаете, господа: не послать ли намъ лукаша на ночь впередъ приготовить къ нашему пріѣзду у котораго побогаче крестьянина квартиру, обойти по утру волковъ и ждать насъ?

— Пожалуй... Такъ лучше. Надо же гдѣ нибудь остановиться... Нельзя-же по-свински, какъ-нибудь. Чтобы самоваръ имѣлся, постели были приготовлены... Да, не забыть взять съ собой персидскаго порошка.

— Порошекъ также отдадимъ лукашу. Онъ къ нашему пріѣзду всю избу засыпитъ имъ. Можно и подушки съ одѣялами отвезти туда.

— Прѣкрасно! Чего-же лучше! Можетъ быть придется пробыть двое-трое сутокъ.

— Позвать лукаша и повара! закричалъ Андрей Васильевичъ.—Надо что-бы поваръ зажарилъ нѣсколько куръ, ростбифъ приготовилъ и досталъ нѣсколько паръ копченыхъ гусей. Горячее, я думаю, можно будетъ въ деревнѣ заказать?

— Конечно,— согласился одинъ изъ гостей.— Жаль, что я не догадался въ городѣ закупить закусокъ!.. Былъ недавно. Все, знаете, вожусь съ кабатчиками... Я самъ выхлопатываю имъ патенты

и этимъ заставляю ихъ брать у меня водку. Возни—ужась! Безъ меня-то имъ не разрѣшили-бы открывать кабаки, гдѣ хотятъ. Ну, вотъ, они и лѣзутъ ко мнѣ... У меня вездѣ есть рука!..

— Это надо будетъ принять къ свѣдѣнію.

— О, непременно, Андрей Васильевичъ... Винокуренный заводъ не стоитъ и заводить, если самому не держать и не открывать кабаковъ... Одинъ будетъ убытокъ.

— Ну, да ладно,—перебилъ другой гость.—О кабакахъ послѣ... А вотъ какъ довести мое ружье до кучности и рѣзкости боя крупной дробью?

— Всякое ружье можно пристрѣлять...

— Ну, не говорите...

— Всякое! Зарядъ подогнать по ружью...

— Пробоваль разные заряды: мелкой дробью отлично стрѣляетъ, а крупной плохо...

— Странно!..

Дальнѣйшаго разговора я не слышалъ, такъ какъ очень усталъ и, пройдя въ дальнюю комнату, прилегъ на диванъ.

Были уже сумерки. Въ столовой накрывали обѣдать, а изъ гостинной доносились голоса гостей, но уже охотничьи разговоры прекратились, а кто-то ругалъ и разносилъ Л. Н. Толстаго.

Вечеромъ черезъ 2—3 дня я выѣхалъ изъ имѣнія обратно въ Петербургъ, торопясь попасть на станцію желѣзной дороги къ ночнымъ поѣзду. Маленькій снѣжокъ порошилъ дорогу, и сани безшумно скользили по снѣгу. Въ полудремотѣ я невольно думалъ о моей охотѣ среди помѣщиковъ, и вдругъ меня потянуло опять въ глушь къ моимъ мужикамъ, съ которыми у меня съѣдено такъ

много хлѣба-соли и среди которыхъ не было ни одного лакея...

САДКИ НА РѢЗВОСТЬ И ЗЛОБУ.

І. РѢЗВОСТЬ.

Около трехъ часовъ пополудни въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга за дер. Коломаги тянулись господскіе егеря со сворами борзыхъ собакъ по направленію къ садовому двору, огороженному высокимъ, очерненнымъ смолой заборомъ. Длинное, деревянное зданіе, украшенное флагами, было построено на песчаномъ грунтѣ, съ одной стороны котораго тянулись поля крестьянъ, а съ другой—сосновый лѣсъ. По однимъ и тѣмъ же дорогамъ, вслѣдъ за собаками, спѣшили троечные извозчики на казацкихъ лошадяхъ и гордые своими господами кучера. Всюду уже были на своихъ мѣстахъ въ нарядѣ чины полиціи, для порядка и наблюденія, между прочимъ, за тѣмъ, чтобы двуногіе „зайцы“ не прятались въ отдаленіи за кустами и не продавали тайно водку пріѣзжей челяди.

Погода была холодная и вѣтряная. Термометръ показывалъ 3°, и многіе предсказывали снѣгъ, несмотря на май мѣсяцъ. Между тѣмъ, изъ города катили фаэтоны, кареты и простые извозчики. Сѣдоки въ пальмерстонахъ и крылаткахъ дули на руки и грѣли себѣ уши носовыми платками, а бо-

лѣе счастливые въ теплыхъ шинеляхъ съ бобровыми воротниками насмѣшливо острили надъ столчными франтами, не позаботившимися захватить съ собою плѣдъ на плечи и коврикъ на ноги. Съ нѣкоторыми изъ нихъ ѣхали недовѣрчивыя къ петербургской погодѣ дамы въ ротондахъ и пуховыхъ платкахъ. Вѣтеръ сильно завывалъ на открытыхъ поляхъ, перехватывая даже духъ лошадей при быстрой ѣздѣ. Въ числѣ ѣдущей публики были члены обществъ: „любителей породистыхъ собакъ“, „поощренія достоинства полевыхъ собакъ“ и многихъ другихъ обществъ. Это все тѣ же „собакоманы“, для собранія которыхъ по вопросамъ собаководства ресторанъ Палкина очень бѣденъ и винами, и закусками, а ресторанъ Кюба—хотя и аристократическій—но безъ загородной аркадіи, также недостаточно разнообразенъ. Вся эта скачущая публика, по пріѣздѣ своемъ къ садовому двору, спѣшила къ буфету и тотчасъ же раздѣлилась на партіи: одна сѣла за чай, другая—за пиво и сельтерскую воду, третья за вино и различные маіонезы. Но каждая изъ нихъ, едва проглотила кусокъ или глотокъ, съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и надменностью набросилась одна на другую.

— Ваши собаки рѣзвы, но безъ поимки...

— Мои-то? Да вы вчера родились, значить, и не видали никогда моихъ „Стрѣлку“ и „Сайгу“... Безъ угонки берутъ зайца!

— Ну, далеко вашимъ до нашихъ англійскихъ, кричали трети.

— А зачѣмъ онѣ намъ въ Россіи? Что-о-съ? Загоняютъ нашихъ длинношерстныхъ? Не спорю...

Да, возьмутъ-ли онѣ звѣря? Чортъ-ли въ томъ, что онѣ легки и рѣзвы!.. Надо не только бѣгъ, но и силу въ собакѣ. А ваши проворны только на кроликовъ въ Англіи, да въ Россіи на садкахъ.

— Затравимъ и русака въ полѣ, съ иностраннымъ акцентомъ, не горячася, произнесъ господинъ въ костюмѣ англійскаго борзятника. Затравимъ и лису... Травили у себя въ Англіи.

— Кроликовъ, а не лису!

— И кроликовъ травили...

— Ну, на кроликахъ вы обгоните нашихъ! А пустить-бы англійскую борзую въ наши степи съ съ буераками... Тамъ она всѣ ногти на лапахъ порветъ себѣ. Сколько здѣсь своръ съ англійскими—всѣхъ спускайте на волка, не возьмутъ, а наши двѣ его растянутъ.

— Ничего Россія не стоитъ передъ Англіей!

— Ишь, гордецъ! произнесъ въ числѣ публики какой-то бѣдно-одѣтый мѣщанинъ, озадаченный невозмутимостью и непреклонностью англичанина.

Буфетъ сталъ наполняться любителями сильныхъ ощущеній изъ разныхъ сословій и профессій. Къ англичанину присоединились двое его соотечественниковъ, только что пріѣхавшихъ на высококой двухъ-колесной колясочкѣ, запряженной по англійски въ одну высокую лошадь съ огромными кожаными надглазниками. Англичане были специально приглашены изъ Лондона въ судьи, и наши владѣльцы собакъ учтиво здоровались съ каждымъ изъ нихъ. Эксперты производили впечатлѣніе занятыхъ исключительно своимъ дѣломъ европейцевъ въ ихъ профессиональномъ костюмѣ изъ кэпи на головѣ, краснаго цвѣта пиджака и бѣлыхъ,

чертовой кожи, узкихъ рейтузахъ, засунутыхъ въ короткіе ботфорты съ длинными серебряными шпорами. Рыжіе баки лежали котлетками на ихъ красныхъ щекахъ, а сознание опытности въ своемъ дѣлѣ придавало ихъ отвѣтамъ благородное спокойствіе.

— Англія забьетъ Россію, повторилъ средній изъ нихъ. Гдѣ нужна сила, мы имѣемъ сильныхъ собакъ, а гдѣ требуется рѣзвость, мы предлагаемъ нашу короткошерстную борзую.

— Одно воображеніе! наступалъ на него борзятникъ изъ кирасиръ. Дѣвичье молоко, а не настоящее... Вся эта ваша англоманія! Вы намъ выведите въ Лондонѣ породу собакъ и сильныхъ, и рѣзвыхъ, какъ наши псовые... Тогда я увѣрую въ Англію! А то вы вчера забили нашихъ на бѣлячкахъ-то!..

— Да и то несправедливо! перебила одна изъ дамъ, давно уже порывавшаяся сказать англичанину свое мнѣніе.

— А почему? спросилъ тотъ, не измѣняя увѣренной въ себя позы. Призъ взяла англійская справедливо.

— Гдѣ-же тутъ справедливость, когда съ ней бѣжалъ мой „Соловей“ со сбитымъ ногтемъ на передней ногѣ?

— Зачѣмъ-же вашъ егеръ пускалъ его на призъ? Вамъ надо было отказаться отъ состязанія.

— А вамъ надо было самому присмотрѣть за этимъ и отложить садку.

— Ничего Россія не понимаетъ въ собакахъ! Призъ-то, вѣдь, сударыня, вчера разыгрывался, а

не на будущей недѣлѣ. Какъ-же отложить розыгрышъ, когда онъ поставленъ въ программѣ, и чѣмъ виновата англійская собака, если ея соперникъ на первой садкѣ ноготь себѣ сбилъ? Бѣгать не умѣетъ ваша собака.

— Ну, оставимъ ноготь... Въ этомъ вы правы. А другой призъ почему вы присудили англійской, которая на сто шаговъ убѣжала впередъ, пока моя собака стояла на мѣстѣ, не замѣчая зайца?

— Раньше должна была ободриться.

— Нѣтъ, вы должны были назначить пересадку, а не собака ободриться раньше! Вы догоните меня, если я на сто шаговъ впередъ уйду? Догоните.

Англичане весело засмѣялись предложенію изящной дамы и, посматривая съ любовью на горячую заступницу русскихъ борзыхъ, отступили къ закускамъ отъ нападающихъ на нихъ толпою собаководовъ, добродушно повторяя:

— Васъ много, а насъ трое... Не переговорить всѣхъ! Въ дома, а мы въ гостяхъ.

— Увидимъ, что нынѣшній день покажетъ! Увидимъ! горячился сторонникъ густопсовыхъ. Вчера побѣдили короткошерстные... Англія взяла призъ. А сегодня еще увидимъ.

— Не померемъ, такъ увидимъ! иронически отвѣчали англичане, попивая изъ широкихъ рюмокъ самые крѣпкіе ликеры.

Споръ собаководовъ съ англійскими судьями сообщился и толпѣ. Не понимая, что владѣльцами англійскихъ собакъ были русскіе-же господа, толпа профановъ заподозрила судей въ пристрастіи и обвиняла ихъ тихимъ голосомъ:

— Англичане всегда выиграють съ этими судьями. Всегда махнешь флагомъ въ пользу земляка.

Въ это время раздались звуки охотничьяго рожка. Публика быстро стала разсчитываться съ буфетчицами и лакеями изъ татаръ, направляясь къ выходу. Болѣе богатые направлялись къ трехрублевымъ скамейкамъ и пятнадцатирублевымъ ложамъ, а „однорублевики“ вошли въ пустое мѣсто, безъ сидѣній, устроенное, впрочемъ, въ одну линію съ ложами и даже имѣющее то преимущество, что хорошій и рѣзвый заяцъ всегда добѣгаетъ на ипподромъ до однорублевыхъ мѣстъ, гдѣ и происходитъ весь интересъ травли, тогда какъ заморенный зайчишка безъ борьбы попадаетъ въ зубы собакъ поближе къ сидячей публикѣ.

Ипподромъ представлялъ изъ себя около трехъ четвертей версты въ длину и немного менѣе въ ширину площадь, усыпанную песочкомъ и ровную, какъ скатерть. Окруженная высокимъ заборомъ, эта площадь была землею изъ-подъ лѣса, тянущагося тотчасъ за заборомъ и также огороженаго на нѣсколько верстъ. Выпускаемый изъ садка заяцъ на ипподромъ спасался отъ собакъ въ противоположный его конецъ, мимо публики на одной сторонѣ и егерей по другой. Послѣдніе разставлены по пути зайца, чтобы онъ не забѣжалъ въ сторону, и направляютъ его по возможности по прямой въ конецъ ипподрома къ выходу. Тамъ, внизу забора, заяцъ находитъ отверстія, черезъ которыя спасался отъ собакъ въ лѣсъ. Такихъ, спасшихся отъ собакъ и благополучно проскочившихъ изъ отверстій забора въ лѣсъ, зайцевъ

случается на садкахъ весьма немного и, если они попадутся на осеннія состязанія, то такого опытнаго зайца собакамъ уже гораздо труднѣе взять, чѣмъ въ первый разъ. Изъ полусотни затравленныхъ зайцевъ уйти невинно отъ собакъ могутъ два или одинъ.

Какъ только публика размѣстилась по мѣстамъ, а семь-восемь егерей стали съ нею vis-à-vis, на разстояніи десяти или пятнадцати шаговъ другъ отъ друга, въ воздухѣ раздался два рѣзкихъ удара арапника. Этимъ пугали зайца, направляя его изъ садка по длинному корридору въ ипподромъ. Растерянный звѣрекъ выкатилъ на усыпанную пескомъ поверхность ничего не имѣющую общаго съ видомъ лѣсистой мѣстности, гдѣ онъ нѣсколько дней тому назадъ жилъ и гулялъ. Сзади его неистово лаятъ собаки, по бокамъ публика и егеря, а прямо пустое и гладкое пространство, безъ кустика и холмика. Иногда онъ тутъ-же садится и не хочетъ бѣжать; но чаще, проскакавъ шаговъ двѣсти, онъ присаживается, не замѣчая, что борзые уже скачутъ у него по бокамъ. Но вотъ онъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, вытянулся въ струнку, мчится нѣсколько мгновений стрѣлой все впередъ, а узкое рыло собакъ уже касается его шерсти...

— Хорошо бѣжить! Хорошо! Молодецъ, заяцъ! кричатъ изъ публики „однорублевики“. Молодчиница... Медаль получишь! Не поддавайся! Не поддавайся.

Заяцъ, дѣйствительно, неожиданно сгорбился и сталъ совсѣмъ маленькимъ: онъ прыгнулъ въ сторону, и борзая пролетѣла мимо впередъ. Опять

тотъ-же угонъ и опять заяцъ увернулся, отъ одной собаки, но на третьемъ угонѣ попался въ зубы англійской.

— Кня-я-зь! Кня-кня-зь! раздался крикъ зайца въ то время, какъ одна собака тянула его за лапу, а другая за голову.

— Браво! Восторгъ!

— Charment! Charment! кричали дамы изъ ложъ.

— Что-же это за гадость! протестовали также громко „однорублевки“.

— Живодерство!

— Это-то и есть охота?..

— Пфу! Кабы знать ранѣе-то... Тоже цѣлковый содрали!

Въ воздухѣ раздаются вновь удары арапника, и друдой заяцъ, также какъ и первый, выкатилъ въ кругъ, но не пробѣжалъ и четырехсотъ шаговъ, какъ безъ угонки попалъ въ зубы густопсоваго.

— Глядѣть-то не на что! жалуются „однорублевки“, все болѣе и болѣе раздражаясь и волнуясь.—Ишь, охотники чему радуются: собака въ три раза длиннѣе зайца; да какже ей не поймать-то его? Что-же тутъ веселаго?

— Вина несуть!

— Радостно господамъ!

Татары изъ буфета несли въ ложи на поднось бокалы съ шампанскимъ.

— Поминають души зайчиныя!..

— А ты не кричи... По вѣтру-то слышать.

— Да вѣдь, правда!

— Ну, и молчи, если не врешь.

— А не терпится... Какая это охота? Ты пусти

зайца въ лѣсъ да и возьми его съ борзыми, тогда поглядимъ.

— Въ лѣсу съ борзыми не охотятся... что мельшь-то!

— А здѣсь какая-же охота? Да мой шарикъ догонитъ здѣсь... Опять вина несутъ!

— Радостно!

Вдали слышенъ арапникъ.

— Вотъ онъ! бѣжитъ!

— Гдѣ?

— Вотъ! Вотъ!

— Не видать...

— Ишь, мелькаетъ... Ишь! Да, какой-же ма-а-хо-нькой! Развѣ такіе-то зайцы на волѣ? Это кошка, а не заяцъ.

— Близко-жъ и собакъ пускаютъ въ догонку. Тутъ и сорока шаговъ нѣтъ между зайцемъ и собаками.

— Разстояніе насъ обманываетъ, а тамъ будетъ болѣе ста...

— Это все единственно... Не видя собакъ, заяцъ тихо бѣжитъ... Гляди! Гляди! Настигаютъ... Ловко! Скокъ! Англійская-то шлепнулась... Не сдержалась на ногахъ.

— А наша-то какъ мастерить! Ишь, забѣгаетъ какъ... Ишь, мастерить!.. Ловокъ и заяцъ. Совсѣмъ изо-рта выскочилъ.

— Кня-я... Кня-я...

— Ну, поймали. Обѣ разомъ вцѣпились. Не отобьютъ!

— А этотъ, въ кэпки-то, зачѣмъ верхомъ скачетъ тамъ?

— Да, зайцу бѣжать мѣшаетъ! Двухъ собакъ-то мало на одного бѣляка...

— Это судья... Англичанинъ! Онъ слѣдитъ на лошади за травлей и флагомъ даетъ знать, чья собака взяла.

— Этимъ пересадка будетъ... Обѣ вмѣстѣ взяли.

— Какъ вмѣстѣ? Бѣлая-то грудью сбила, а черная подцѣпила.

— Не разобрать...

— Врядъ-ли англичанину было разобрать и въ тѣ раза. Кому хочетъ, тому и машетъ.

— Кто больше далъ...

— Обыкновенно! Свои судьи то-же дѣлають, а эти чужіе.

— А господа думаютъ, что чужіе-то честнѣе.

— Обыкновенное дѣло: чужая земля растетъ своей похвальбой, а наша — хайкой! Гляди-ка: собака-то вырвала у егеря зайца и бѣжитъ съ нимъ къ публикѣ. Ахъ гадъ пропастный! Ну, гадъ! Уволокъ зайца въ зубахъ...

— Charment! Charment!

На встрѣчу собакъ выскочила изъ ложи за рѣшотку на ипподромъ изящно одѣтая, но уже пожилая дама и восторженно начала манить свою любимую собаку. Та бросила зайца и радостно подбѣжала къ своей госпожѣ.

— Голубчикъ мой! Дружочекъ мой! обнимая собаку, говорила дама и, вдругъ нагнувшись къ ея головѣ, нѣсколько разъ поцѣловала ее въ лобъ.

— Егеря-то лучше поцѣлуй, чѣмъ пса! кричали зрители. Пса цѣлуешь! Ай да жизнь борзымъ собакамъ...

— За что цѣлуешь-то! Добро-бы въ полѣ зайца поймала, а то въ ящикѣ... Да, и зайцы-то здѣсь—настоящіе котята... Гляди: одинъ ожилъ. Прыгъ-прыгъ. Сталъ, сердечный! Мочи нѣтъ... Товарищи-то его порваны на смерть, а этотъ ожилъ въ кучѣ и весь въ крови скачетъ.

Сторожъ погнался было за нимъ и хотѣлъ взять, но полумертвый заяцъ скакнулъ къ забору и уперся въ него лбомъ.

— Пускай тамъ околѣваетъ! равнодушно произнесъ тотъ, возвращаясь къ кучѣ затравленныхъ зайцевъ.

— Можетъ выживетъ?

— Помретъ! отвѣтилъ сторожъ. Маяться только будетъ. Сколько ихъ въ лѣсу находимъ. Иной убѣжить отъ собакъ съ вырваннымъ клокомъ шерсти, а въ лѣсу погибаетъ... Вороны склюютъ.

— А куда-же затравленныхъ-то дѣваете?

— Волкамъ на кормъ идуть.

— А, можетъ быть, господамъ на фрикасе въ буфетъ?

— Всяко бываетъ! Осенью-то и сами поѣдимъ, а теперь зайчихи котны, а зайцы—худы... Иногда пріѣзжіе казаки попросятъ, такъ иному бросишь черезъ заборъ парочку.

— Вотъ какъ же теперь убѣжать отъ собакъ зайчихѣ, когда она тяжела? гнѣваясь, протестовали въ толпѣ. А тамъ кричатъ: восторгъ! восторгъ!

— Въ острогъ?

— Восторгъ! Гдѣ уши-то у тебя? Слыхалъ, что кричать въ ложахъ и на скамейкахъ? Такъ слушай, и не переспрашивай.

Возбужденіе ихъ росло crescendo противъ

травли зайцевъ собаками при столь неравныхъ условіяхъ, но сигналы вдали арапника быстро усмиряли волненіе и всѣ присутствующіе жадно обращали взоры на ипподромъ.

— Ловокъ! Ловокъ! Рѣзво бѣжитъ! любуюсь зайцемъ и надѣясь на его спасеніе, кричала публика, волнуясь гораздо болѣе, чѣмъ торжествующіе отъ своихъ собакъ владѣльцы.

— Каковъ заяцъ-то? Обѣ собаки мастерятъ, а онъ вертко дуется прямо къ выходу въ лѣсъ... Ай поймали? Нѣтъ... Ура! Браво! Призь зайцу! Уй-детъ!

— Ушелъ! Ушелъ! Призь зайцу! Призь! Повѣсить собакъ! Дворовые здѣсь словятъ зайца, а эти упустили.

Послѣдовавшій перерывъ въ травлѣ поднялъ публику изъ ложъ и скамеекъ въ буфетъ. Туда же направились и шумящіе „однорублевики“.

— Ну-съ, какого вы мнѣнія о нашихъ псовыхъ? раздались голоса около рюмокъ. По ровну съ англійскими сегодня раздѣлили зайцевъ.

— Садка еще не кончена, возражали англо-маны.

— Ни во чью сегодня...

— Нѣтъ-съ, подождемъ! не унимались сторонники псовыхъ. Если наши здѣсь идутъ не много хуже англійскихъ, то на свободѣ онѣ будутъ первыми. Россія—не Англія... Тамъ барьеры да кролики, а у насъ овраги да волки. У насъ борзая должна, послѣ зайца, сейчасъ-же гнать по волку... Что здѣсь подѣлаетъ англійская птушка?

— Правильно, что птушка, а не собака! Намъ

нужны также казацкія лошади, перебилъ казачій офицеръ. Наша лошадь не перепрыгнетъ барьера, который ни почемъ англійскому скакуну; зато наша летитъ по полю съ оврагами и пнями тамъ, гдѣ для англійской лошади—смерть... Вонъ онѣ идутъ англійскія собачки-то... Какъ дѣти въ люлькахъ перебираютъ ножками... Скелетъ съ попонами на ватѣ! Куда онѣ къ чорту годятся по нашему чернотропу въ холодъ и дождь!

— Хорошо, баринъ, говоришь! По старинному! поддержало его простонародіе. Быстра блоха, да почету ей нѣтъ. Что лошадь, что собака въ Россіи, что человѣкъ—никто не состоитъ противъ насъ ни на работѣ, ни на гульбѣ. Пушай этотъ судья въ кэпки выѣзжаетъ на своей англійской лошади и я выѣду на своей въ полѣ, да поглядимъ: кто больше проѣдетъ или сработаетъ. Тоже и его собаки. Онъ ихъ дѣлалъ двѣсти лѣтъ, а я русскую борзую сдѣлаю рѣзвѣй его въ два года. Объ закладъ побьюсь.

— Какже это?

— А да такъ... Просто. Вы, баринъ, собакъ-то гдѣ держите? въ сараѣ да на привязи. То-то и оно... Пушай-ка борзая побѣгаетъ, какъ наша дворовая: ты въ городъ и она въ городъ; ты въ поле—и она съ тобой; ты на охоту и она на охоту... Ну, будетъ собака! Быстрѣй чорта самаго... Вѣрно говорю. Я хотя около собакъ не ходилъ, а практику во всемъ имѣю. Въ Англіи блоху стальную сдѣлали, а у насъ въ Тулѣ ее подковали.. То-же будетъ и съ собаками. Зря только на англичанъ деньги бросаемъ. Шутка сказать: по сту рублей

въ сутки каждому судѣ, да проѣздъ на нашъ счетъ туда и обратно.

— Ахъ, ѣдятъ его мухи! Какъ онъ здѣсь благородится! возмущалась толпа, сожальѣя о чужихъ деньгахъ, точно о своихъ.—За руку съ господами да еще беретъ по сто цѣлковыхъ... Дома-то, поди, чистилъ хвосты лошадямъ, а здѣсь за трое сутокъ по триста рублей на брата... Болѣе тысячи стоятъ судьи-то! Ужли-жь, въ самомъ дѣлѣ, своихъ-то не было? Да, какъ не быть... А вотъ поди же ты!

— Ходить-то, братъ, не куда! торопливо и бойко началъ молодой купчикъ, но въ это время заигралъ охотничій рожокъ, и публика вновь бросилась вонъ изъ буфета къ ипподрому.

Вдали послышалось хлопанье бича, которымъ выпугивали изъ коридорчика зайца къ выходу. Вотъ что-то замелькало на площади при оглушительныхъ крикахъ и трещеткахъ лицъ, направляющихъ бѣгъ маленькаго звѣрька на средину ипподрома. А сзади изъ засады рвутся борзые на сворѣ, лязгая челюстями и заливаясь мелкимъ, задыхающимся лаемъ по убѣгающему зайцу... Но вотъ все смолкло: пара борзыхъ, голова въ голову, бѣшенно нагоняють бѣляка... Натдалъ звѣрекъ, сгорбился, прижалъ длинныя уши, укоротилъ шею, бросаясь изъ стороны въ сторону. Хватка... Угонка! Другая угонка! Третья... Поимка на четвертой. Собаки мнутъ зубами кричащее существо, пока одна изъ нихъ не прокусила голову. „Бѣлый выигралъ“!..

Судья машетъ платкомъ. Собака въ бѣломъ ошейникѣ обошла другую въ красномъ ошейникѣ

и первая дала нѣсколько угоновъ. Изъ-подъ нея другая собака поймала зайца, но первая бѣжала рѣзвѣй и побѣда остается за ней.

— Эта больше работала, кричать въ публикѣ ея сторонники: на цѣлыхъ пять-шесть баловъ наработала, а другая на два... Постѣдняя подмастерила, а ловила первая.

Новая садка. Опять угонки изъ-подъ англійскихъ собакъ, и опять этотъ ребячій крикъ зайца, пока собаки тянутъ его зубами каждая въ свою сторону. Судья машетъ фуражкой въ знакъ того, что садка не рѣшена и собакамъ предстоитъ перебѣжка.

— На бутербродъ за бѣлаго! раздаются голоса среди однорублевиковъ.

— На пятьсотъ рублей! кричать среди любителей-хозяевъ собакъ.—Идетъ?

— Идетъ!.. Трубите въ рожокъ.

Англичанинъ-судья охорашивается на конѣ и вдругъ бѣшено скачетъ параллельно съ собаками и зайцами для наблюденія.

Опять угонка и поимка; опять этотъ дѣтскій плачь умирающаго зайца. Но, отнятый изъ пасти собакъ, онъ вдругъ оживаетъ и, весь облитый кровью, бросается къ спасательнымъ дырамъ (къ мату) и исчезаетъ за ними при сочувственныхъ крикахъ зрителей.

Кромѣ ожившихъ зайцевъ зрители имѣли удовольствие видѣть одного зайца, умудрившагося проскочить сквозь рѣшетку къ ногамъ публики, но, испуганный ея криками, онъ бросился обратно на ипподромъ и попалъ прямо въ зубы густойсовому.

— Эхъ, дурачекъ, дурачекъ! Сидѣлъ бы съ нами! жаловались однорублевики, оплакивая зайчиху, искавшую у нихъ защиты и покровительства.

Въ воздухѣ опять раздалось хлопанье арапника.

— Вотъ катить! вотъ катить! зашумѣла толпа.— Опять красный черезъ голову полетѣлъ... Вотъ такъ заяцъ! Смотри, собаки полягутъ: заморить онъ ихъ... Вонъ, одна уже рысцой бѣжитъ... Стала! Стала! Браво, заяцъ! А другая-то, другая... Легла! Легла!

— Вотъ ваши псовыя, заговорили англома-ны.—Ничего не стоятъ при большемъ бѣгѣ.

— Погода еще имъ благопріятствуетъ. Прохладно. А въ жару онѣ зарѣзались бы на второмъ, третьемъ кругѣ.

Въ бесѣдкѣ членовъ-учредителей заиграли въ рожокъ.—Перерывъ.

На слѣдующей пересадкѣ всѣ поражались на этотъ разъ изъ рукъ вонъ плохими зайцами. Большинство изъ нихъ буквально давались въ зубы густопсовому, безъ угонокъ, по прямой; было, наконецъ, нѣсколько случаевъ, рѣшительно невиданныхъ до сихъ поръ нѣкоторыми посѣтителями садокъ: заяцъ выбѣгалъ изъ зайчатника на ипподромъ и, пробѣжавъ сто шаговъ, вдругъ, перекувырнувшись на бѣгу, падалъ на спину и дрыгалъ ногами въ обморочномъ состояніи. Другіе бѣжали дальше, но также споткнувшись дожидались собакъ, которыя и брали ихъ лежащими. Третьи зайцы, выбѣжавъ изъ зайчатника, прыгали на ипподромѣ на одномъ мѣстѣ и егеръ ловилъ ихъ руками.

— Притворяются мертвыми, острять поѣстители... А можетъ быть холера...

— Надо думать, измяты во время загона ихъ изъ лѣсу въ широкую загородку, изъ загородки въ болѣе узкую, оттуда въ клѣтку, изъ клѣтки въ коридоръ и изъ коридора на ипподромъ...

— Арапникомъ или палкой зашибли...

— Просто зайцы хотятъ быть умнѣй господъ; Пусть лучше егеръ возьметъ руками, чѣмъ песь зубами... Притворяются.

— Нѣтъ, осенью они были лучше, спорять въ публикѣ. Теперь молодые зайцы, а тогда все старики...

— Какія это садки безъ угонокъ и съ обмо-роками!

— Да и судья халатно присуждаетъ призы... На плохихъ зайцахъ болѣе рѣзвая собака теряетъ, а выигрываетъ плохая... Первая dospѣетъ, заяцъ вертитъ на короткомъ кругѣ и плохая собака его беретъ, а судья не разберетъ, которая рѣзвѣй. Думаетъ, что вторая собака лучше работаетъ... Такъ можно оскандалить самую лучшую собаку на плохихъ зайцахъ.

— Вѣрно! Много было такихъ случаевъ. Одна собака не возрится, а другая догонитъ зайца... Судья прежде рѣшалъ въ пользу второй: почему, молъ, первая не смотрѣла... Да, вѣдь тебя выбрали судить рѣзвость, а не зрѣніе!

— И удивительно, что судью выписываютъ изъ Англіи для безпристрастія. Точно нельзя составить судъ изъ своихъ же въ троемъ или пятеромъ.

— Никакой цѣли эти садки не достигаютъ,

рѣзко судили нѣкоторые знатоки дѣла. Прежде въ сѣзжихъ охотахъ цѣлую осень охотники не могли рѣшить, чья свора быстрѣй, если всѣ собаки хороши; цѣлую зиму, потомъ, хозяева спорятъ и хвастаются. А на садкахъ на одномъ зайцѣ судья рѣшаетъ рѣзвость собаки... А вѣдь дѣло даже не въ призѣ, а въ томъ, что отъ призовой собаки ведутъ породу... А чѣмъ доказана ея рѣзвость? На помятомъ палкой зайцѣ!

— Еще менѣе доказана „Злоба“ собаки на волка. Вѣдь на злобу записываютъ все однѣхъ и тѣхъ же собакъ... А зачѣмъ? Онѣ сдѣлали разъ свое дѣло: взяли призъ на злобу и довольно. Второй разъ незачѣмъ вести ихъ на садки. Ты дай намъ породу отъ нихъ—цѣль садокъ, а не призы брать однѣми и тѣми же собаками. У многихъ владѣльцевъ собаки берутъ волковъ въ охотничьихъ газетахъ и журналахъ. Такъ ты и покажи намъ ихъ здѣсь! А то, можетъ быть, онѣ берутъ волка такъ: одна свора спереди, другая на встрѣчу, а третья съ боку... Облепятъ и возьмутъ, да еще гончія помогутъ. Если онѣ такъ хороши, что каждая свора беретъ волка въ полѣ, то почему же ты не запишешь ихъ здѣсь на злобу... Мы бы посмотрѣли и судили. А теперь, стыдно сказать, собаки маленькой охоты г. Дурасова выбрали на рѣзвость собакъ крупныхъ охотъ, а собаки Чивакинскаго на злобу первыми идутъ... Чего же крупные охоты ничего не даютъ.

— Эти садки на рѣзвость и злобу ничѣмъ не лучше травли между собою собакъ у дореформенныхъ помѣщиковъ, холодно замѣтила одна красивая дама.

— Можно ли выступать въ защиту зайцевъ и волковъ, закричали окружающіе ее кавалеры. Неужели вы думаете, кому-нибудь пріятенъ крикъ зайца въ пасти собакъ? Не для этого мы здѣсь... Но другого способа нѣтъ для тренировки собакъ и выработки породы...

— А зачѣмъ? спросила таже красавица.—Зачѣмъ эта тренировка и порода? Не объѣдятъ васъ зайцы и волки. Вѣдь не ваши собаки защищаютъ деревни отъ хищниковъ.

— Женщины всегда оригинальничаютъ, торопливо отвѣтилъ ей кто-то, схватывая бинокль и направляя его на ипподромъ.

Два гладкошерстныхъ быстро настигали зайца, который даже не замѣчалъ ихъ приближенія и нисколько не обращалъ вниманія на хлопушки егерей и разноцвѣтные флаги, которыми хотѣли его напугать и заставить бѣжать быстрѣй. Черезъ минуту бинокли были съ равнодушнымъ видомъ отняты отъ глазъ, въ ожиданіи болѣе „хорошаго“ зайца и болѣе интересной травли...

II. З л о б а.

Садка собакъ на рѣзвость по зайцамъ смѣнилась садкою собакъ на злобу. Извѣстіе, что будутъ травить волковъ, вызвало всеобщее волненіе среди многочисленной публики. Но продолжительное приготовленіе къ этой жестокой забавѣ усилило безотчетное чувство жалости къ жертвамъ спорта.

Многіе пошли къ садочному двору въ старомъ сосновомъ лѣсу посмотрѣть устройство зайчатника и волчатника.

Зайчатникъ, отдѣленный отъ волчатниковъ заборомъ, соединяется съ иподромомъ деревяннымъ коридорчикомъ, куда загоняется заяць передъ выпускомъ его на состязаніе въ рѣзвости съ борзыми собаками. „Волчатники“ представляютъ изъ себя обширныя площади, обнесенныя толстымъ тесомъ съ дверцами. Въ одномъ изъ нихъ, у сосны, находилось гнѣздо волчицы съ маленькими и очень милыми волчатами.

— Не трогайте ихъ руками, говоритъ егеръ любопытнымъ посѣтителемъ. — Волчица испортитъ гнѣздо, если учуетъ человѣка: либо перемѣнитъ гнѣздо, а то просто броситъ и не станетъ кормить дѣтей. Ишь, она кружится около насъ.

— Пойдемте отсюда, соглашаются обыкновенно посѣтителі. — Бѣдная, какъ она встревожена за дѣтей...

Въ другихъ волчатникахъ были помѣщены перегодовавшіе волки — переярки, предназначенные на травлю съ тѣмъ условіемъ, чтобы борзятникъ изъ-подъ двухъ собакъ принялъ и сострунилъ волка живымъ.

При осмотрѣ ихъ, любопытная публика спѣшитъ на середину волчатника, а волки жмутся къ забору и начинаютъ отчаянную скачку на кругахъ, предполагая, что ихъ пришли ловить въ тѣнѣ для садокъ. Нѣкоторые волки — унылые и жалкіе на видъ, — выражаютъ покорность судьбѣ; а „матерые“, хорошо откормленные, переполнены сознаниемъ опасности и ужасомъ.

— Котораго-то для нашего удовольствія борзья будутъ рвать? думаешь, уходя отъ нихъ къ иподрому. Посреди иподрома, противъ бесѣдки членовъ-учредителей, воткнули въ землю палки съ маленькимъ флагомъ.

Здѣсь будутъ сажать волка. На двухколесной ручной телѣжкѣ нѣсколько рабочихъ привезли огромный ящикъ, а за нимъ другой ящикъ, третій и четвертый. Въ каждомъ изъ нихъ, наглухо закрытомъ на крючкахъ, сидѣлъ волкъ. Ихъ поставили рядомъ къ забору, какъ бы въ ожиданіи казни... А затѣмъ одинъ ящикъ отдѣлили отъ прочихъ и повезли къ флагу.

Ящикъ остался одинокимъ посреди иподрома. Царить мертвая тишина... Борзятникъ, обязанный зашить и сострунить волка изъ подъ собакъ и судья — оба верхами — стоятъ въ сорока шагахъ отъ ящика. Одинъ изъ егерей держитъ около нихъ на сворѣ пару густопсовыхъ. Собаки натянули свору и, насторожившись, подняли уши кверху. Маленькіе глаза загорѣлись злымъ блескомъ при видѣ знакомаго имъ зеленаго ящика съ знакомой внутри добычей. Служитель подходитъ къ ящику и молоткомъ поднимаетъ наружные съ его боковъ крючки; затѣмъ, быстро отбѣжавъ шаговъ на двадцать, онъ берется за протянутую къ ящику веревку. Публика, борзятникъ съ судьей и собаки не спускаютъ глазъ съ готовящагося распадаться на всѣ четыре стороны короба. Еще распаденье не началось, но оно близко... Вережка зашевелилась въ рукахъ егеря и онъ разомъ рванулъ ее къ себѣ. Стѣнки ящика падаютъ въ разныя стороны...

Волкъ, какъ стрѣла, бросился въ сторону, не взглянувъ ни разу на своихъ преслѣдователей. Но они быстро нагнали его, свалили и плотно прижали къ землѣ. На помощь собакамъ бросился борзятникъ и прямо съ лошади повалился на волка животомъ, схватилъ его за уши и держалъ все время, пока егеря отбивали собакъ и сострунивали ремнями морду волку.

— Восхитительныя собаки! восхитительныя! Charmants! раздается въ бесѣдкѣ. Хорошо взяли! Положили .. Такъ и растянули волка. Молодчинища и борзятникъ... Смѣлъ и проворенъ. А, кажется, рука-то у него въ крови.

— Прокусилъ палець... Весь платокъ въ крови. Ничего... Бываетъ и хуже... Одна собака тоже укушена въ лобъ, около глаза.

Окровавленный борзятникъ и собаки, проходя мимо публики, съ удовольствіемъ выслушивали расточаемыя имъ похвалы.

Другой ящикъ поставили на мѣсто перваго. Опять борзятникъ съ новыми собаками приготовился принять волка живымъ.

Едва егеръ дернулъ веревку, какъ изъ ящика огромнымъ скачкомъ выкатилъ волкъ напрямикъ къ мату.

— Оглянулся! На собакъ оглянулся! раздалось въ публикѣ. — Ловко! Хватко! Не дается... Какъ перевернулъ собаку-то... Захромала,—эта ужъ не сунется. Даже не кувырнула волка, а такъ свидѣтельствовала...

— Пускай другую свору! На подмогу! кричатъ распорядители.

Запасныя собаки съ громкимъ лаемъ бросились

къ волку. Черезъ нѣсколько мгновений кровавыя пятна показались на нихъ, а переярокъ все еще не сдавался и отбивался отъ нихъ у забора.

— Третью свору пускай! На подмогу! Борзятникъ виноватъ, что промедлилъ въ первый разъ... Собаки держали волка хорошо. Живѣй пускай!

Шесть собакъ сгучились у забора, но волкъ, разметавъ ихъ въ стороны, бросился назадъ. Публика затаила дыханіе. Бинокли не отрываются отъ глазъ. Но волкъ былъ теперь уже не тѣмъ волкомъ, котораго всѣ видѣли за минуту.—Съ чистой и сѣрой шерстью, грозный на видъ, онъ теперь былъ весь взъерошенъ, вываленъ въ песокъ, истрепанъ и неузнаваемъ... Животныя—это мы видимъ въ городахъ на безпріютныхъ собакахъ—особенно краснорѣчиво выдають своимъ видомъ потерянность и безпомощность... Весь задъ и бока волка были окрашены кровью, хвостъ загнутъ подъ животъ, а голова совсѣмъ свѣсилась къ землѣ. Онъ бѣжалъ отъ стаи окровавленныхъ собакъ и самъ, такой же, мчался передъ зрителями. Онъ былъ одинъ противъ всѣхъ... Высокій заборъ отдѣлялъ отъ него лѣсъ, и, вырываясь изъ пасти одного пса, онъ попадалъ къ другому, снова спасаясь бѣгствомъ по старому слѣду и снова встрѣчаясь съ тѣми же врагами на заколдованномъ кругу. Какъ смерть зайцевъ наступала почти безъ зрѣлища и борьбы,—такъ побѣда надъ волкомъ тянулась мучительно долго. Здѣсь боролось сильное и умное существо, ясно понимающее злобу враговъ, готовое отказаться отъ борьбы, если бы можно было уйти или тронуть врага покорностью. Окровавленные собаки катались по землѣ, цѣп-

ляясь за волка, а тотъ все ниже и ниже сгибался, голова его работала слабѣе, а новыя собаки набрасывались на него съ новыми и свѣжими силами.

— Отбить и не дать имъ задушить его! протестуетъ взволнованная публика.— Чего же борзятникъ-то смотрѣлъ? Перваго волка хорошо принялъ, а съ этимъ промедлилъ... Вотъ опять положили! Нѣтъ... волкъ всталъ. Погнали. Борзятникъ плохъ... Лошадь не сдержитъ. Проскакиваетъ. О, сердечный, на кого волкъ-то походить сталъ... Еле кусаетъ... Убѣгаетъ отъ собакъ. Изъ силъ выбился... Ну, кажется, теперь повалили окончательно. Не видать изъ-подъ собакъ: облѣпили... Не отогнать! Ишь, дерутъ какъ... Да, никакъ, волка-то они убили?

— Кобель сшибъ съ ногъ и ударилъ головой объ землю. Оживѣть!

— Кто его знаетъ! Отдышется ли? Связать-то его связали и опять посадятъ въ ящикъ, а изъ ящика выпустятъ въ волчатникъ; да силы будутъ уже не тѣ...

— Травленный волкъ еще лютой дерется на будущихъ садкахъ.

— Неужели этихъ же самыхъ волковъ опять будутъ травить?

— А то...

— О, страсти! И господа же только нынѣ безжалостные!

— Ни собакъ, ни волка не жалѣютъ...

— А мы кого жалѣемъ? Другъ дружку рвемъ... Господа себя развлекаютъ; ты и не ходи сюда, если не нравится... Все такъ: кто по-рѣзвѣй, да

по-сильнѣй, тотъ и получай призъ. Чего толковать-то? Балагула ты этакая!

— Кто? Я-то?.. Самъ ты...

— Чего шумите-то? Еще пересадка будетъ на зайцевъ.

— Развѣ?

— Видишь, повели пару гладкошерстныхъ и судья садится на лошадь.

Другая часть публики оставила, однако, садочный дворъ и отправилась въ городъ молча, стараясь подавить въ себѣ возмущенныя чувства. А за ними скоро поѣхали и тройки съ владѣльцами, опережая другъ друга и продолжая съ наслажденіемъ кричать изъ тарантасовъ и колясокъ о рѣзвости и злобности своихъ собакъ.

З Е М Л Е К О П Ы.

Въ субботу, на Пасхѣ, въ 9 часовъ вечера, я проходилъ мимо Михайловскаго манежа и заинтересовался публикой, собравшейся передъ его входомъ.

— Какже такъ? Не будетъ испытаній... Въдь билеты продавали,—услышалъ я возгласы.

— Вотъ и мы тоже пріѣхали на состязаніе...

— А мы даже собакъ привезли съ собой!

— Днемъ же продавали билеты...

— А вы позвоните въ колокольчикъ.

На звонокъ дверь въ манежъ немного пріотво-

рилась, и сторожъ сказалъ, что нора для лисицы еще не приготовлена, что о причинахъ опозданія онъ ничего не знаетъ, спросите „Общество“, а завтра испытанія собакъ будутъ непременно.

„Общество любителей породистыхъ собакъ“, устроившее десятую очередную выставку собакъ, въ дополненіе къ ней вывѣсило объявленіе объ испытаніяхъ въ искусственной норѣ для таксъ и фокстеррьеровъ на лисицу и барсука вечеромъ 19, 20 и 21 апрѣля, но, продавая билеты на эти испытанія въ субботу днемъ, 19-го апрѣля, оно не приготовилось къ вечеру и не предупредило публику.

Нѣкоторые лица отъѣзжали отъ манежа, молча, видя его запертымъ; а другія сходили съ извозчика, высказывали энергично свои неудовольствія на распорядителей выставки и, кажется, думали, что это можетъ поправить положеніе дѣла. Я хотѣлъ уже идти своей дорогой, но въ это время подъѣхала коляска и оттуда выскочила дама съ маленькой собачкой на рукахъ. Узенькое и красивое лицо женщины, тоненькая талія и изящное ея тѣлосложеніе при высокому росту выдѣляли ее невольно изъ толпы; но еще болѣе я былъ пріятно удивленъ, когда съ рукъ ея прыгнула на землю граціозная гладкошерстая, бѣлая съ черными отмѣтинами собачка, на высокихъ, сильныхъ ножкахъ, съ узенькой мордочкой и строгими, черными глазками. Неуловимое, отдаленное—но пріятное сходство чувствовалось между ними... Это маленькое существо выгоняетъ изъ норы лисицу и барсука одинъ на одинъ; это фокстеррьеръ. Я хотѣлъ его погладить, но красавица, державшая

его на цѣпочкѣ, стремительно и граціозно двинулась ко мнѣ какъ-то грудью и съ нѣжной мольбой воскликнула:

— Ради Бога, не ласкайте его! Передъ травлей на лисицу его нельзя ласкать... Это можетъ испортить его злобу... Ради Бога не ласкайте!

Въ тотъ-же мигъ подѣхалъ новый извозчикъ и соскочившій господинъ быстро подошелъ къ дамѣ.

— Думалъ, — произнесъ онъ, — раньше тебя пріѣду.

— Я только-что отпустила кучера... Жалость какая... Отложено на завтра испытаніе... А онъ-то, — похлопала она своего фокстеррьера, — уже догадывался, что его везутъ на лисичку.. Сидитъ на рукахъ и все время скулить со злости... Визжитъ даже, чтобы пустила его сцѣпиться съ собаками.

— Избави Богъ, — серьезно отвѣтилъ очевидно ея мужъ, — не оторвать тогда.

— Они наняли извозчика и уѣхали. Я былъ заинтересованъ и пошелъ на другой день въ манежъ. Онъ сохранялъ тотъ-же убранный видъ, который имѣлъ по случаю въ немъ собачьей выставки; но только вечеромъ собаки уже были уведены домой, исключая для травли на звѣря таксъ и фокстеррьеровъ. Сенъ-бернары и доги нигдѣ не басили, но тонкій лай маленькихъ собачекъ, привезенныхъ на „испытанія“, былъ оглушительнъ въ обширной залѣ манежа. Таксы ведутъ себя сравнительно смирно и солиднѣе, точно готовятся обдуманно къ серьезному дѣлу. Гитарообразная форма ихъ спины съ кривыми лапами, длинные уши и узкая удлинненная мордочка дѣлаютъ соба-

чекъ очень интересными; но длинноногіе фокстеррьеры рвутся на цѣпочкахъ изъ рукъ своихъ вожakovъ, хотять разорвать другъ друга и неистовствомъ добиваются того, что ихъ вожаки, наконецъ, сходятся въ одинъ центральный огороженный кругъ и здѣсь ждуть переписи по очереди. Иногда вожаки охотно подаются шагомъ впередъ за собаками, и въ тотъ моментъ, когда онѣ бросаются стрѣлой другъ на друга, вожаки отбрасываютъ ихъ цѣпью назадъ; собаки злятся еще болѣе и вновь скрадываютъ одна другую, и опять на самомъ интересномъ мѣстѣ ихъ разстаскиваютъ цѣпями. Но вотъ вожаки упустили моментъ, и собаки вцѣпились другъ въ друга: вожаки рвутъ цѣпи къ себѣ, и собаки на цѣпяхъ повисли въ воздухѣ, оглашая его неистовой грызней.

— Цѣль-ли глазъ-то у твоего,—замѣчаетъ вожакъ другому, когда рѣзкимъ движеніемъ удалось оторвать собакъ въ разныя стороны.

— Не успѣли... Не дали имъ замереть другъ на другѣ! А то одному-бы околѣвать.

Третій вожакъ хвастается сукой и увѣряетъ, что она отъ дѣтей злѣе пойдетъ на звѣря. Остальные говорятъ, что и съ дѣтьми она только полагетъ у норы.

— Она зла на собакъ, а въ норѣ-то была-ли хоть разъ? Всѣ онѣ храбры между собой, а вотъ на барсука, поди, не пойдетъ.

Многочисленные разговоры возникаютъ по поводу собакъ среди собравшейся публики! Здѣсь много дамъ, но больше мужчинъ въ цилиндрахъ, котелкахъ и бѣлыхъ фуражкахъ съ краснымъ околышемъ Тутъ-же нѣсколько лицеистовъ и, къ

моему изумленію, нѣсколько и весьма извѣстныхъ дѣльцовъ желѣзнодорожнаго вѣдомства.

— Потребность сильныхъ ощущеній!—подумалъ я и объ этихъ по 20—30 тысячъ зашибающихъ практиковъ.—Нашлось и у нихъ время для злыхъ собачекъ.

Неистовый лай этихъ малютокъ, съ черными ушами и подпалинами надъ глазами, раздражаетъ нервы, а распорядители все еще что-то пишутъ у стола, окликають имена собакъ и устанавливаютъ порядокъ. Я прошелъ къ слѣдующему у буфета кругу, въ которомъ должны быть самыя испытанія. Посреди круга устроена длинная нора изъ теса, врытаго въ землю и засыпаннаго снаружи землею и пескомъ. Верхняя часть теса, покрывающаго искусственную нору, всюду изрѣзана кусками подъ землей, чтобы въ каждомъ мѣстѣ можно было открыть нору на тотъ случай, если собака замретъ на лисицѣ и будетъ ее душить. Изорвать и переранить другъ друга онѣ обязаны, но люди помѣшаютъ имъ умертвить другъ друга. Весь валъ закиданъ вѣтками ели и для крѣпости, и для болѣе естественнаго лѣсного вида. Въ одномъ изъ пунктовъ круга поставлены двѣ клѣтки, и въ каждой изъ нихъ—по лисицѣ, смирно лежащихъ на соломѣ, точно мертвыя. Скоро, однако, пришелъ за одной изъ нихъ егерь. Нѣсколько разъ онъ щипнулъ ее за хвостъ и потомъ разомъ потянулъ къ себѣ, а другой рукой быстро сунулъ къ оскалившейся мордѣ лисицы трость. Въ этомъ видѣ онъ извлекъ ее изъ клѣтки и понесъ черезъ весь кругъ къ норѣ: крѣпко

держалась лисица за трость зубами, а егеръ за хвостъ.

— Bravo! bravo!—раздались похвалы по адресу егеря за его ловкость и смѣлость.

Публика двумя кольцами окружала ипподромъ и жадно слѣдила за началомъ испытаній. Послѣ впуска въ нору лисицы, стали приводить по одиночкѣ собакъ. Однако, изъ нихъ многія не рѣшились идти въ нору. Таксы производили видъ домашнихъ и кроткихъ собачекъ. Онѣ осторожно вытягивались передъ норой, переступая съ ноги на ногу и тотчасъ-же пятились назадъ, какъ только чуяли врага; нѣкоторыя поднимали лай, но не вступали въ борьбу. Только жесткошерстыя таксы изъ питомника „Нева“, „Мордаксъ“ и „Шуй“ были окрававлены, но все-таки выгнали лисицу изъ норы.

— Bravo! bravo!—хлопали въ ладоши и мужчины и женщины. Bravo! Молодецъ Мордаксъ! Отлично Шуй!

— Остальныя молоды, — старались оправдать присутствующіе мирный характеръ таксъ.—Молоды! Мордаксу и Шую по 4 года, а эти молоды... Сконфужены!

— Я-бы на мѣстѣ собакъ тоже не пошелъ въ нору, смѣясь—замѣтилъ мой сосѣдъ.—Опытныя, а не молодыя!

— Вонъ фокстеррьера ведутъ... Едва удерживаютъ! Силища-то, силища-то, силища-то! Стальной весь.

Мнѣ удалось погладить его, и дѣйствительно онъ представлялъ сплошной мускулъ въ напряженномъ состояніи. Онъ рвался изъ рукъ и давился въ ошейникѣ. Наконецъ его удалось осво-

бодить отъ цѣпей, и онъ стрѣлой бросился въ нору, и тотчасъ-же тамъ послышался визгъ, но собака не выскочила обратно. Еще храбрѣй она атаковала лису, но вдругъ въ норѣ все смолкло.

— Неужели задавила лису такъ скоро! Лопату!

Окружающіе нору рабочіе схватили лопаты, но изящно одѣтые господа, въ цилиндрахъ и перчаткахъ, вырвали ихъ у нихъ изъ рукъ и болѣе точно опредѣлили мѣсто въ норѣ, гдѣ должна была происходить борьба.

— Да, вотъ онъ! вотъ вышелъ!—послышались голоса.—Загрызъ уже лису.

— Какое загрызъ! Что съ нимъ? Чего онъ? Не двигается... Застылъ весь.

— Да онъ околѣваетъ. Лисица его загрызла.

— На гвоздь наткнулся... Въ доскахъ нѣтъ-ли гвоздей, когда дѣлали нору?

— Это припадокъ, господа съ нимъ. Припадокъ отъ злости... Воды нѣтъ-ли—закричалъ подбѣжавшій къ нему хозяинъ.

— На затылокъ! На затылокъ лейте.

Въ оживленіи фокстеррьера принимали участіе и дамы.

— Нервный столбнякъ, а какой умный,—восторженно восклицали онѣ.—Догадался выйти изъ норы на воздухъ, еле-еле вышелъ, такъ и зачечнѣлъ въ боевой позѣ... Ноги-то и шея вытянуты, зубы оскалены... Ну, вотъ и все. Шатается еще... Легче ему. Опять пускать его?

— Не надо! Не надо! Этотъ пойдетъ и выгнать лису. Сейчасъ видно,—рѣшилъ распорядитель.

Слѣдующіе фокстерьеры не менѣе были храбры, въ особенности „Нипъ“ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Онъ стремительно атаковалъ лисицу, схватился съ ней раза-два, и лиса тотчасъ же стала удаляться въ противоположный конецъ норы. Господа въ цилиндрахъ припали ухомъ къ насыпи, разрывали ее руками, лопатой и тростью и опять засыпали пескомъ, когда оказывалось, что лиса уже тронулась далѣе къ выходу, а „Нипъ“ неотступно лаялъ у ней на носу и вдругъ, послѣ грызни съ визгомъ онъ затихъ, и въ норѣ ничего не стало слышно.

— Схватилъ! Схватилъ! Задушить теперь лису!—раздались радостные голоса.—Откапывай скорѣе. Опять рабочіе и цилиндры засуетились около насыпи.

— Землекопы въ цилиндрахъ! Землекопы съ тросточками!—воскликнулъ кто-то въ публикѣ, и вдругъ многимъ стало смѣшно.

„Землекопы“ торопились найти въ норѣ враговъ, но послѣдніе опять куда-то перемѣстились, и опять ничего не было болѣе слышно.

— Лежить на ней. Застылъ!.. Такъ и задавить ее, если не откопать.

— Вотъ тутъ! Тутъ, копайте!—распоряжался цилиндръ.—Ну? Подымайте доску... Что?

— Тутъ! На ней... За горло держить.

— Bravo! Bravo! Bravo, Нипъ.

— Вся морда въ крови, а не выпускаетъ, вотъ такъ собака...

— Тащите-же лису за хвостъ!.. Тащите вонъ и отымайте собаку.

Съ большимъ кускомъ лисиной шерсти ото-

рвали „Нипа“ отъ врага, но, выскочивъ изъ норы, онъ подпрыгнулъ кверху и вцѣпился вторично въ лисицу, которую только-что рабочій вытянулъ за хвостъ. Опять ихъ потянули въ разныя стороны, и нѣсколько человѣкъ съ трудомъ могли удержать освирѣпѣвшую собаку. Лисицу спрятали въ ея клѣтку, а „Нипъ“ награжденъ восторженными криками и аплодисментами. Вдругъ чей-то голосъ вторично громко замѣтилъ:

— Землекопы въ цилиндрахъ! Землекопы въ цилиндрахъ!

Опять хохотъ и опять всѣ довольны.

Испытанія на барсука имѣли тотъ-же характеръ. Опять „землекопы“ кого-то смѣшили, но всѣ были пріятно возбуждены, а дамы цѣловали раненыхъ въ морду собакъ и лечили ихъ раны слюнями, размазывая ихъ пальчикомъ по тонкому носу фокстерьеровъ...

И ШКОЛАМЪ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

I.

Чудный весенній день вполне благопріятствовалъ нашей поѣздкѣ „по избамъ и школамъ“, въ которыхъ растутъ и воспитываются, въ районѣ Балтійской желѣзной дороги, питомцы С.-Петербургскаго Воспитательнаго дома. Я ѣхалъ съ одной изъ почетныхъ попечительницъ Балтійскаго

общества, дѣятельность котораго, главнымъ образомъ, сводится къ посѣщеніямъ почетными попечительницами питомцевъ, для ознакомленія съ ихъ бытомъ и снабженія ихъ одеждой и приваркомъ.

„Отчеты“ Варшавскаго и Балтійскаго обществъ исполнены самыхъ лестныхъ отзывовъ о дѣятельности почетныхъ попечительницъ, и я самъ не разъ писалъ о нихъ сочувственно, предполагая прочную нравственную связь почтенныхъ филантропокъ съ питомцами. Я хотѣлъ видѣть теперь на дѣлѣ, въ какой мѣрѣ эта связь имѣетъ право на такое названіе и не ограничивается ли она минутными пріѣздами богатыхъ барынь въ школы Воспитательнаго дома и еще болѣе быстрыми визитами въ избы, на которыхъ красуются буквы П. В. Д. По этимъ буквамъ окружные врачи и почетныя попечительницы при своихъ объѣздахъ питомцевъ Воспитательнаго дома могутъ безъ труда розыскать ихъ.

Остановившись передъ подобной избой въ деревнѣ, мы вылѣзли изъ таратайки, и я послѣдовалъ за попечительницей во дворъ.

Нагибаясь въ сѣняхъ и минуя горшки съ тво-рогомъ, сметаной и молокомъ, мы прошли въ комнату, гдѣ застали семью за обѣдомъ.

— А вотъ и питомецъ,—сказала моя спутница, выдернувъ изъ-за шеи мальчика нумерокъ, подъ которымъ онъ значился въ книгахъ Воспитательнаго дома и который онъ всегда носитъ на шеѣ.

Бѣленькая костяная дощечка съ трехзначной цифрой замѣняла ему родителей, и бѣдный мальчикъ самъ наклонилъ головку, чтобы удобно было

достать дощечку, какъ только подошла къ нему его попечительница.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ я.

Мальчикъ молчалъ.

— Вѣдь онъ не понимаетъ по-русски—отвѣтила попечительница.—Они всѣ здѣсь очухонились. Онъ еще не ходитъ въ школу?

— Нѣтъ, барыня, не ходитъ, сказалъ воспитатель изъ чухонскихъ мужиковъ. Записанъ только на будущій годъ.

— Отчего онъ такой маленькій?—интересовался я, узнавъ, что ему уже болѣе десяти лѣтъ.

— Питанье плохое... Въ корзинкѣ у меня есть бутерброды,—сказала попечительница и быстро выскочила на улицу. Черезъ минуту она передала цѣлую кучу ихъ бѣдному мальчику.

Изъ этой избы мы пошли въ другія. Большинство питомцевъ видимо привыкло къ посѣщеніямъ барыни, всегда привозящей имъ гостинецъ или одежду. Они охотно шли на ея зовъ и приносили ей свои „книжки“, замѣняющія имъ паспорта. „Воспитатели“ не жаловались на нихъ, и я не замѣтилъ никакой разницы между пріемными дѣтьми и родными.

— Питомцы даже чище одѣты и живутъ до нѣкоторой степени подъ нашимъ „контролемъ“,—замѣтила попечительница. А росту здѣсь всѣ маленькаго. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ питомцамъ очень рады. Воспитатели получаютъ за нихъ плату и часто только этими деньгами и пробаваются. Нѣтъ щепотки муки въ домѣ,—чухонка съ груднымъ молокомъ ѣдетъ въ Воспитательный домъ, и за первый годъ содержанія „казеннаго“ ребенка

ей назначают около 3 рублей въ мѣсяцъ и выдаютъ на питомца билетъ. На будущій годъ опять идетъ за питомца плата, но нѣсколько меньшая. Она уменьшается по мѣрѣ того, какъ растетъ казенный ребенокъ: отъ 2 лѣтъ до пяти платили по 2 руб. въ мѣсяцъ, отъ 5 до 8—по 1 р. 50 к. и съ 8 до 15 лѣтъ—по 1 рублю.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше плата, несмотря на то, что расходъ увеличивается съ возрастомъ ребенка?—спросилъ я.

— Но зато съ лѣтами ребенокъ дѣлается работникомъ въ семьѣ...

— А до тѣхъ поръ,—спросилъ я,—подрастающаго „рублеваго“ ребенка можно и уморить, чтобы взять опять помоложе, „трехрублеваго?“ Наконецъ, недостающіе рубли воспитатель потомъ выколачиваетъ на работѣ подростковъ?

— Если хотите — да. Но какъ же иначе?

— Теперь, — продолжалъ я, не отвѣчая ей, — понятна и страшная смертность первогоднихъ дѣтей въ деревняхъ, и малый ростъ ихъ тѣла отъ недостатка питанія, а въ послѣдствіи отъ усиленнаго труда... Хотѣлось бы знать, въ какой мѣрѣ ваши визиты „по избамъ“ измѣняютъ такое положеніе дѣлъ?

— Мы вѣдь лишены возможности наводить справки о „воспитателяхъ“, контингентъ которыхъ пополняется изъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, — отвѣчала она. — Что дѣлать, если зажиточные и культурные люди не берутъ къ себѣ жертвъ ихъ же собственной безнравственности и предоставляютъ чухонцамъ торговать чужими дѣтьми. Мы осуждаемъ постановку питомническаго вопроса по де-

ревнямъ, но что же мѣшаетъ перемѣстить его въ города къ зажиточнымъ и образованнымъ людямъ? Всѣ могутъ при своей семьѣ воспитать чужого ребенка, — продолжала она убѣжденно, — и какъ бы это было хорошо и для собственныхъ дѣтей... Можетъ быть, послѣдніе поймутъ, что бѣдный ребенокъ безъ родителей нуждается въ особомъ попеченіи, и будутъ любить его. Будучи учительницей въ институтѣ, — продолжала она, — я убѣдилась въ этомъ... Дѣвочки узнали, что на моемъ попеченіи находятся бѣдныя дѣти, и принесли мнѣ однажды для моихъ дѣтокъ свои гостинцы, которые имъ дали родственники; а въ другой разъ сдѣлали платица и чулочки...

— Это для бѣдныхъ дѣтей, — сказали онѣ мнѣ. — Это отъ насъ имъ. У насъ всего много, а вы имъ передайте, что мы также хотимъ помогать имъ и каждый мѣсяцъ будемъ посылать имъ свои работы.

Я думала, что, можетъ быть, онѣ самихъ себя лишаютъ сластей.

— Это было бы хорошо, если бы онѣ привыкли къ лишеніямъ и немножко работали бы для другихъ, — отвѣтила симпатично ихъ начальница.

Я былъ очень тронутъ благородными словами попечительницы и, выходя на улицу, обратилъ ея вниманіе на „отсутствіе“ грудныхъ питомцевъ.

— Въ чухонскія деревни ихъ теперь стараются не отдавать, — отвѣтила она. — Здѣсь они совсѣмъ очухониваются, и въ школахъ очень трудно обучать ихъ, несмотря на то, что они учатся тамъ 5 лѣтъ. Грудныхъ дѣтей стараются отдать въ русскія деревни.

— Значить, подумалъ я,—тамъ только и можно видѣть полную картину питомническаго промысла въ рукахъ кормилицъ съ истощенными молокомъ грудями, безъ соотвѣтствія съ количествомъ и возрастомъ дѣтей, иногда съ непривившейся у послѣднихъ оспой и перепродаваемыхъ болѣе или менѣе годной кормилицей совершенно уже истощеннымъ кормилицамъ, у которыхъ нѣтъ молока въ груди и коровы въ домѣ.

Вскорѣ мы пріѣхали въ одну изъ школъ Воспитательнаго дома.

По наружному виду она ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной избы. Болѣе зажиточный чухонецъ уступалъ первую половину своей избы подъ школу за 9 рублей въ годъ, а самъ перебрался въ заднюю комнату, отдѣленную стѣнами. Хорошо знакомый съ земскими и министерскими школами, я удивился жалкому виду этой школы. Комната въ 7—8 шаговъ длины и ширины, представляла собою классъ и помѣщеніе для учителя за перегородкой. Даже церковно-приходскія школы всегда просторнѣе и чаще похожи на школу, а не на простую, наемную крестьянскую избу. Школа въ избѣ вмѣстѣ съ чухнами производила грустное впечатлѣніе. Дѣти въ своихъ лицахъ тоже вмѣщали мало дѣтскаго и веселаго. Они пропѣли намъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ, но пѣніе казалось мнѣ машинальнымъ, безъ души. Даже пряники они дѣлили механически между собою, молча и покорно, точно по приказанію. Между тѣмъ, учитель, тоже бывший питомецъ, не производилъ суроваго впечатлѣнія.

— Желаете послушать ихъ чтеніе,—спросилъ онъ и далъ книгу попечительницѣ.

Та ласково взяла дѣвочку за плечо и указала ей на страницу. Съ трудомъ давались русскія слова двѣнадцати-тринадцатилѣтней чтицѣ.

— Третій годъ учится,—пояснилъ учитель,—а сломать языкъ не успѣла... Выговариваетъ съ чухонскимъ акцентомъ. Лучшихъ учениковъ изъ каждой школы мы выбираемъ въ учительскую семинарію. Въ городѣ Павловскѣ наша семинарія. Однако, если умретъ воспитатель или хозяйка, то не только не попадешь въ семинарію, но и школу окончить не дадутъ. Работы своей въ дому много... Тяжеловато безъ питомца.

— Случается, стало быть, что противъ вашей воли воспитатель мѣшаетъ учиться?

— Какъ еще часто. Вотъ,—обратился онъ къ попечительницѣ, указывая на одну взрослую дѣвочку,—ей всего одинъ годъ остается доучиться, и можно было бы отправить ее въ училище для нянь... Была бы няней въ Воспитательномъ домѣ или фельдшершей... Въдь онѣ тогда получаютъ рублей 15 въ мѣсяцъ, а вотъ воспитатель не хочетъ на будущій годъ пускать ее въ школу.

— Отчего? Это надо уладить сейчасъ...

— Жена у него умерла и въ домѣ тяжело безъ работницы.

— Позовите его, пожалуйста,—распорядилась попечительница и спросила дѣвочку объ ея собственномъ желаніи учиться.

— Хочу.

— Да ты говори громче... Мнѣ все равно. Можетъ быть, ты хочешь дома помогать отцу?

— У нея братъ родной нашелся и зоветъ къ себѣ,—замѣтилъ учитель.

— Можетъ быть, къ брату хочешь, а не учиться? Да говори же... Что ты молчишь?

— Я къ брату не хочу.

— Кончать будешь школу?

— Буду.

Въ это время пришелъ ея отецъ и сталъ жаловаться, что ему трудно безъ питомки обойтись въ хозяйствѣ.

— Вѣдь только одну зиму тебѣ придется жить безъ питомки... Всего 148 учебныхъ дней, а потомъ она же тебѣ будетъ помогать,—урезонивала попечительница.

— Свои дѣти не помогаютъ, какъ уѣдутъ изъ деревни...

— Ну, твоя питомка не изъ такихъ. Ты ее знаешь. Она хорошая, и, когда будетъ няней, то тебѣ же будетъ присылать деньги.

— Моя хорошая дѣвочка, — отвѣтилъ чухонецъ.—Если бы помогала потомъ...

— Да, будетъ, будетъ помогать. Я увѣрена въ ней.

— Я приневоливать не стану,—отвѣтилъ, наконецъ, чухонецъ.—Захочетъ оставаться со мной, пускай остается, а если кончить школу, пускай ѣдетъ въ училище.

— Вотъ отлично,—радовалась попечительница, что ей удалось устроить къ лучшему судьбу дѣвочки. —Будешь ты няней,—говорила она ей,—или поступишь горничной въ одинъ изъ институтовъ Императрицы Маріи, не забывай тогда своего отца. Вѣдь имъ хорошо потомъ иногда жи-

вется,—сказала она мнѣ.—Случается, что у такой питомки вдругъ отыскивается и мать родная. Узнаетъ, что дочь на хорошемъ мѣстѣ, и явится къ ней за помощью.

— Ну, а ты хочешь въ городъ?—спросила попечительница другую дѣвочку.

Та отрицательно закачала головой и потомъ рѣшительно произнесла:

— Сама кончать не буду школу, если возьмете въ училище...

— Мы силой не беремъ. Что ты? Успокойся. Когда же силой мы брали въ училище или въ прислуги? Сами же вы проситесь.

— Я не прошусь... Хочу съ отцомъ и матерью жить,—твердо перебила ее дѣвочка.

Эти слова невольно навели меня на вопросъ: можетъ ли администрація Воспитательнаго дома взять питомца у его пріемныхъ родителей, вопреки волѣ самого питомца и, такимъ образомъ, вторично осиротить его; взять хотя бы въ училище, на хорошее мѣсто, или по случаю закрытія того или другого воспитательнаго округа, когда дѣтей и подростковъ придется „по разверсткѣ“ переводить въ другой округъ и къ другимъ воспитателямъ? Въ законѣ точныхъ указаній по этому предмету не имѣется, а практика, какъ извѣстно, не всегда согласуется съ здравымъ смысломъ. Намъ приходилось по этому предмету читать въ газетахъ слѣдующее:

„По воскреснымъ днямъ можно видѣть цѣлыя группы молодежи, гуляющей по деревнѣ съ „гармонью“ и пѣснями: парни—при часахъ, дѣвицы—въ корсетахъ. Всѣ они идутъ толпою, но пароч-

ками. Въ большинствѣ случаевъ это—влюбленные и будущіе супруги. Иногда, впрочемъ, идиллія любви бываетъ безжалостно разрушена. По временамъ въ деревню наѣзжаетъ „начальство отъ казны“, собираетъ всю старшую молодежь обоего пола, производитъ сортировку и увозитъ съ собою нѣсколько человѣкъ въ Питеръ. На мѣстѣ остается не мало разбитыхъ сердецъ“.

II.

Въ слѣдующей школѣ обстановка была еще блѣднѣе и безотраднѣе. Это была хотя и отдѣльная избушка, но всего объ одну комнату съ печью. Дѣти были еще менѣе подвижны и очень печальны.

— Съ будущаго года мы мѣняемъ эту школу на лучшее помѣщеніе,—замѣтилъ учитель.

— Сколько онъ получаетъ жалованья? — поинтересовался я.

— Семнадцать рублей отъ Воспитательнаго дома... А на ребенка въ школѣ идетъ $2\frac{1}{2}$ коп. отъ нашего частнаго Общества на завтракъ, обѣдъ и ужинъ изъ каши и гороха или супа съ мясомъ... Безъ этихъ $2\frac{1}{2}$ к. дѣти голодали бы въ школахъ. Жаль,—продолжала попечительница, — что и эти деньги выдають намъ не по числу учениковъ, а на каждую школу 55 рублей. Получается неравномѣрность; но я думаю, что это легко будетъ устранить. Всѣ замѣчанія попечительницъ и окружныхъ врачей правленіе нашего общества принимаетъ

къ руководству и удовлетворяетъ наши ходатайства. Право, не такъ уже худо ведется дѣло. Много питомцевъ кончаютъ училище, дѣлаются сами школьными учителями, а другимъ пріискиваютъ по городамъ мѣста и занятія.

Увѣренный и благосклонный тонъ попечительницы о школахъ Воспитательнаго дома заставивъ меня забыть о 2^{1/2} копѣйкахъ на ребенка и отзывъ о школахъ завѣдывающаго учебной частью при Воспитательномъ домѣ, И. А. Протопопова, помѣщенного въ его „Отчетъ“. А именно: „Разрабатывая темы для письменнаго изложенія, въ большинствѣ школъ учителя еще слишкомъ близко придерживаются или текста прочитанной статьи или составленнаго цѣлымъ классомъ пересказа, рѣдко обращая вниманіе на развитіе въ учащихся самостоятельности въ изложеніи и въ сопоставленіи плана, отчего у большинства учащихся подобныя письменныя работы мало чѣмъ отличаются одна отъ другой“. Этотъ отзывъ о письменныхъ работахъ дѣтей свидѣтельствуешь о господствѣ въ школахъ ученія по трафарету: всѣ танцуютъ отъ печки и читаютъ по синей азбучкѣ... Въ другомъ мѣстѣ „Отчета“ я нашелъ у того же Протопопова слѣдующее мѣсто: „Успѣхи по русской исторіи и географіи въ большинствѣ школъ лишь удовлетворительны, ограничиваясь почти только заучиваньемъ на память пройденнаго, въ меньшинствѣ можно было видѣть сознательность въ усвоеніи; въ очень немногихъ школахъ оба эти предмета проходились съ особою любовью и умѣньемъ. Недостаточность успѣховъ въ этихъ предметахъ зависитъ отчасти отъ полной непри-

годности учебныхъ пособій, мало принаровленныхъ къ сельской школѣ, вообще не удовлетворяющихъ вполнѣ педагогическимъ требованіямъ. Въ ознакомленіи учащихся съ явленіями и предметами природы попрежнему недостаетъ живого сближенія съ природою, мало связи въ сообщаемыхъ знаніяхъ, отсутствуютъ, нерѣдко, самыя необходимыя обобщенія, придающія цѣнность знанію, преобладаетъ описательная сторона отдѣльныхъ предметовъ и явленій“. Эти отзывы о школахъ Воспитательнаго дома и учителей совершенно уничтожаютъ ихъ значеніе въ дѣлѣ пробужденія въ дѣтяхъ любознательности, любви къ чтенію, сознательному усвоенію и обобщенію знаній... Даже замѣчается „недостатокъ живого сближенія съ природою“... Это въ деревнѣ-то, у крестьянскихъ дѣтей въ ихъ школахъ. Хороши должно быть учителя, хороши пособія, хорошо и вознагражденіе учителямъ... 17 рублей въ мѣсяцъ.

Пока эти соображенія пришли мнѣ въ голову попечительница радостно раздавала въ школѣ гостинцы дѣтямъ.

— Въ другихъ случаяхъ,—сказала она,—вмѣсто пряниковъ, я раздаю дѣтямъ одежду и приварокъ, заготовленные на отпущенныя мнѣ средства.

— Слѣдовательно, вы и тогда также торопитесь объѣхать школы, отдать провизію и ѣхать дальше?

— Да... Вѣдь я изъ Петербурга пріѣзжаю... Надо поспѣть къ послѣднему поѣзду. Теперь еще много лѣтнихъ поѣздовъ, а зимой я страшно спѣшу. Хотите осмотрѣть ночлежный пріютъ для дѣтей? Та же изба въ одну комнату, разборныя нары,

подушки и байковыя одѣяла для дѣтей, которымъ трудно возвращаться послѣ уроковъ домой.

— Не стоитъ осматривать...

— Въ такомъ случаѣ ѣдемъ въ Гатчину. Тамъ школа красивѣе.

Мы торопились ѣхать. Солнце уже опускалось къ горизонту и вечеръ былъ тихій и теплый.

— Какъ хорошо здѣсь, — сказалъ я указывая вокругъ — и какъ бѣдно и тяжело въ школахъ Воспитательнаго дома.

Однако и гатчинская школа была гораздо хуже такъ называемыхъ трехкласныхъ земскихъ школъ, но дѣти въ ней смотрѣли болѣе дѣтми и общій видъ ихъ меня порадовалъ. Поздоровались они съ нами не по-солдатски и на многихъ лицахъ сохранилась веселая улыбка. Между нами и дѣтми, само собой, возникъ простой разговоръ, а не пѣніе. Нѣкоторыя изъ дѣтей показали свои тетрадки, а другихъ я попросилъ прочитать книгу.

— Они лучше говорятъ по-русски.

— Здѣсь не такъ глухо, какъ въ другихъ деревняхъ, — отвѣтилъ мнѣ учитель. — Теперь они намъ спуютъ.

— Дѣти пропѣли гимнъ, нѣсколько молитвъ и затѣмъ „Какъ по морю, морю синему“ и какого-то „Кузнеца“ съ очень милымъ дѣтскимъ припѣвомъ:

Тукъ-тукъ, приударимъ братцы, вдругъ.

Стройно сливались дѣтскіе голоса подъ управленіемъ учителя, но у меня на глазахъ навернулись слезы. Много радости и приволья было въ тѣхъ пѣсняхъ и созвучьяхъ дѣтскихъ голосовъ;

но этихъ дѣтей не только слушаешь, но и думаешь о нихъ. „Пестренькія дѣти“, начиная съ плоскихъ лицъ и кончая тонкими и нервными очертаніями. Брюнетки, блондины, рыжіе — составляютъ одну семью, перенумерованную и безправную въ христіанскомъ обществѣ.

Эти думы неотвязно роились въ головѣ по мѣрѣ того, какъ одна пѣсня смѣнялась другой съ веселыми напѣвами: „Ну-ка, ну-ка, тюлю-лю-лю-шиньки-люлю“. Послѣ пѣсень, нѣсколько дѣтей продекламировали басни Крылова.

— Ты будешь за Демьяна,—сказалъ учитель одной дѣвочкѣ, а ты за Фоку, а ты—за автора.

Трое дѣтей исполнили „Демьянову уху“ весьма недурно.

Въ заключеніе имъ роздали корзину пряниковъ и леденцовъ, которые они раздѣлили не по счету, какъ въ прежнихъ школахъ, а болѣе семейно, просто руками по кучкамъ. У доктора мы пили чай и уже поздно поѣхали на станцію.

— Теперь, сказалъ я моей спутницѣ,—я нѣсколько познакомился съ жалкими школами Воспитательнаго дома и дѣятельностью почетныхъ попечительницъ, на которыхъ возлагаютъ такія большія надежды изъ прекраснаго далекаго. Дамскіе разъѣзды и визиты по избамъ и школамъ Воспитательнаго дома три-четыре раза въ годъ очень мало оставляютъ дѣтямъ. А между тѣмъ, всѣ правленія частныхъ обществъ, заботящихся о питомцахъ Воспитательнаго дома, докладываютъ намъ на общихъ собраніяхъ не только о подаваніяхъ почетными попечительницами своимъ питомцамъ валенокъ и приварка, но и о прочной нрав-

ственной ихъ связи съ нимъ. Можно подумать, что большинство почетныхъ попечительницъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ онѣ устроили пріюты и колоніи для питомцевъ, или сдали свои земли взрослымъ питомцамъ на артельныхъ началахъ и добились того, что питомцы сами стараются пробудить въ крестьянской средѣ сочувствіе къ питомническому вопросу, привлекаютъ ихъ къ организаціи новыхъ обществъ попеченія и т. д. Но вѣдь это значитъ страшно преувеличивать вещи, если вспомнить, что вся дѣятельность почетныхъ попечительницъ сводится къ тому, что на собранныя деньги, въ очень малыхъ суммахъ, онѣ покупаютъ одежду, муку и развозятъ это по избамъ и школамъ Воспитательнаго дома совершенно такъ же, какъ мы привезли и роздали дѣтямъ пряники, тотчасъ же удаляясь отъ нихъ обратно въ Питеръ или въ свои помѣщичьи усадьбы. Въ этихъ предѣлахъ, со съѣстными припасами и запасомъ валенокъ, почетныя попечительницы полезны, но не болѣе. Такъ полезенъ и купецъ, приносящій по праздникамъ „подаваніе“ заключеннымъ въ тюрьмахъ... Вѣдь если идетъ рѣчь о томъ, что „человѣкъ стоитъ столько, сколько ласки и любви онъ видѣлъ въ дѣтствѣ“, то неужели же почетныя попечительницы воображаютъ, что питомцы такъ много видятъ этой любви и ласки въ визитахъ дамъ, не снимающихъ даже шапочекъ съ головы и шубокъ съ плечъ при посѣщеніи избъ и школъ Воспитательнаго дома? Неужели онѣ воображаютъ, что такъ драгоценны эти визиты для будущаго роста человѣка и его характера? Неужели онѣ не понимаютъ, что питомцы, за кото-

рыхъ послѣ 15 лѣтъ Воспитательный домъ не платитъ даже рубля „воспитателю“ и которые къ этому возрасту предоставлены самимъ себѣ, конечно, не сохраняютъ въ теченіе своей жизни никакого воспоминанія о почетныхъ попечительницахъ, у которыхъ они раньше ни разу не были въ домѣ близкими лицами и не знакомились тамъ съ лучшими началами жизни. При механической разъѣздной системѣ попечительницъ, дѣти кормятся на мѣдные гроши, собранные концертами и лотереями, но воспитываютъ цытомцевъ чухны и русскіе мужики. Этой воспитательной роли, пожалуйста, не присваивайте себѣ и не печатайте въ „Отчетахъ“ о дѣятельности „Обществъ попеченія“ въ духѣ нравственной связи попечительницъ съ несчастной дѣтворой... Такая связь можетъ возникнуть даже въ „Домахъ Трудолюбія“ между выдающимися завѣдывающими лицами и тружениками-дѣтьми; но разъѣзды диллетантокъ-попечительницъ по избамъ и школамъ Воспитательныхъ домовъ безслѣдно пройдутъ для характеровъ питомцевъ. Мимолетное впечатлѣніе на яву при пріѣздѣ попечительницы можетъ повториться во снѣ у питомца, но развѣ этого достаточно для его очеловѣчиванія? А между тѣмъ въ этомъ направленіи питомическій вопросъ могъ бы для интеллигенціи быть практической программой къ живой и рациональной дѣятельности съ значительно большимъ вліяніемъ на дѣтей, чѣмъ механическіе разъѣзды петербургскихъ дамъ, съ грошовой филантропіей, по избамъ и школамъ Воспитательнаго дома.

— Хоть бы приварка и одежды хватало на

всѣхъ,—съ неудовольствіемъ перебила меня попечительница.—Необходимаго нѣтъ у питомцевъ... Мы хотимъ кормить ихъ, а не воспитывать. Я очень далека отъ мысли, что попечительница и вообще современная интеллигенція, живущая въ городахъ, можетъ воспитывать народъ.

Съ этими мыслями о питомническомъ вопросѣ мы пріѣхали на желѣзную дорогу и вернулись въ Питеръ, рѣшая каждый по-своему вопросъ о несчастныхъ дѣтяхъ.

ОТЦЫ И ДѢТИ.

СОВРЕМЕННЫЙ ЖАНРЪ.

„Капитализмъ разоряетъ крестьянина, вызываетъ бѣгство отъ земли нафабрику, но этимъ самымъ выдвигаетъ наисторическую арену новые общественные классы, новыя силы, которымъ и принадлежитъ будущее. Надежда на эти силы и дѣлаетъ насъ оптимистами.

„Заявляю разъ навсегда, что съ моей точки зрѣнія, развитіе капитализма немислимо безъ вмѣшательства государственной власти“. Изъ „credo“ марксистовъ.

Михаилъ Михайловичъ Колесовъ дождался, наконецъ, у себя въ усадьбѣ, пріѣзда сына и дочери изъ Петербурга.

Послѣ радостной встрѣчи и разспросовъ за обѣдомъ другъ о другѣ, молодые люди пожелали отправиться за отцомъ на уборку сѣна.

— Отдохнули бы съ дороги, — сказалъ онъ Жарко еще.

— Нѣтъ, мы пойдемъ, папочка... Я только ботинки другіе надѣну.

— Тогда вы меня догоните, отвѣтилъ онъ. А я зайду на минуту къ кузнецу.

Молодая дѣвушка проворно вернулась въ свою комнату и скоро догнала брата, съ которымъ пошли по дорогѣ къ кузницѣ, находящейся близъ усадьбы. То была низенькая изба безъ потолка внутри и оконъ въ стѣнахъ. Въ одномъ изъ ея угловъ сложена была печь съ прилаженными къ ней мѣхами для раздуванія углей. Кузнецы внимательно слушали замѣчанія Михаила Михайловича о варкѣ и ковкѣ желѣза.

Сынъ его вспомнилъ, что отецъ учился въ московскомъ техническомъ училище и много лѣтъ практиковалъ въ Европѣ на разныхъ заводахъ. Невольно онъ позавидовалъ его глубокимъ познаніямъ въ технологіи и удивился, что отецъ ничего не перезабылъ изъ того, чему учился въ молодости. Разговаривая между собою, по дорогѣ къ стѣноосу, Михаилъ Михайловичъ мягко замѣтилъ сыну:

— Ты забываешь, что я много лѣтъ былъ предсѣдателемъ земской управы, и мое имѣніе считается образцовымъ въ уѣздѣ. Я не только изучилъ книжки, но и провѣрилъ ихъ на живомъ дѣлѣ. Что же удивительнаго, если и кузнецы просятъ моего совѣта?

— Счастливый вы, папочка, — тихо отозвался сынъ. Всю жизнь вы отдали улучшенію быта крестьянъ, а вотъ мы, позднѣйшее поколѣніе, сомнѣваемся въ деревнѣ и переносимъ центръ тяжести въ крупные города.

Старикъ убавилъ шагу и, при послѣднихъ словахъ сына, совсѣмъ остановился на одномъ мѣстѣ.

— Какъ жѣ это? Перенести центръ тяжести изъ деревни въ городъ? Сдѣлаете вы насъ тѣмъ счастливыми, что ли?

— На деревню надо махнуть рукой...

— Сколько хочешь махай, но тяжесть останется на мѣстѣ, а ты хвастаешься, что перенесешь ее въ города. Сдѣлай милость, неси!

Оля громко разсмѣялась и самъ старикъ улыбнулся.

— Вы не понимаете меня, папочка.

— Остудѣлъ съ годами, другъ мой...

— Ну-у, папа! Вы сейчасъ поймете наше новое ученіе о могуществѣ четвертаго сословія на Западѣ... О могуществѣ пролетаріата и преимуществахъ его передъ собственниками земледѣльцами.

— Да зачѣмъ мнѣ это понимать? Я жилъ въ Европѣ и знаю хорошо, что такое „увріз“... А здѣсь, въ нашей усадьбѣ „Малинка“, среди лѣсовъ и притоковъ Волги, живутъ мужики, да мы съ тобой. Вотъ и учись, чтобы быть полезнымъ имъ.

— Нѣтъ, папа... Надо посодѣйствовать имъ развязаться съ жалкимъ негритянскимъ хозяйствомъ на землѣ и устроиться въ городѣ на фабрикахъ и заводахъ. Вотъ что значитъ перенести центръ тяжести. Четвертое сословіе должно усилиться на счетъ крестьянскаго.

— Вотъ какъ! Нужна пролетаризація крестьянскихъ массъ... Продолжай, братецъ... Продолжай! Я постою и послушаю тебя.

Старикъ оперся на трость за спиной и приготовился слушать сына. Оля рвала по бокамъ дорожки цвѣты, а Николай горѣлъ желаніемъ подѣлиться новымъ образомъ мысли съ своимъ отцомъ.

— Земская дѣятельность признана бесполезной,—продолжалъ сынъ. Земству не остановить торжества капитализма... Бесполезно фразерствовать объ удержаніи мужика на землѣ, подъ опекой сельскаго міра, безъ скота, травъ, машинъ и безъ денегъ. Пора это сказать громко. Довольно скрывать повсемѣстный, въ земельныхъ общинахъ, голодъ и торжество купца надъ мужикомъ. Земля сама голодаетъ безъ удобреній и не кормить уже хозяина. Ей нуженъ капиталистъ и батраки; остальному крестьянству — города. Пора пожертвовать для истины сладкими словечками о „народничествѣ“.

— Эти словечки—знамена, другъ мой. Для тебя они пустыя названія, а многіе изъ насъ страдали за нихъ.

— Папочка! Все это выдуманная вами самими фикція... Народу отъ того не легче, что интеллигенція забавляется словечками: народникъ! неомарксистъ! коммунистъ! Ничего этого не нужно народу.

— Я тебя слушаю,—отозвался старикъ съ сильно раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ. Что же, по твоему, нужно для народной массы?

— Раскрѣпощеніе общины и полная перемѣна фронта нашихъ земствъ.

— Это, однако, становится любопытнымъ.

— Да, папочка. До сихъ поръ земства тщетно

пытаются укрѣпить крестьянское хозяйство и добились лишь того, что даже у лучшаго крестьянина надѣльная земля дурно воздѣлана и истощена. „Миръ—дуракъ“ препятствуетъ ему выкупить ее и продать въ однѣ руки сосѣдямъ. Земство ничего не сдѣлало къ отмѣнѣ этой общинности и все время тормозило „неизбѣжный путь“.

— По твоему, наши земства—консервативныя учрежденія,—горячася, сталъ говорить отецъ. Но, вѣдь, твоя черезполосица — результатъ малоземелья... Достаточно вѣчно-наслѣдственной аренды государственныхъ земель, внутреннихъ рынковъ, знаній, оборотнаго капитала, политическаго участія или иныхъ мѣръ, чтобы возстановить значеніе общины. Она также не мѣшаетъ неспособному къ хозяйству мужику идти на фабрику или купить себѣ пустошь, если есть деньги. Бѣда не въ общинѣ. Кто вѣритъ въ прогрессъ русскаго государства, тому незачѣмъ отчаиваться въ крестьянской общинѣ.

— Долго намъ ждать этого „прогресса“,—отвѣтилъ ему сынъ съ хохотомъ. Гораздо скорѣе произойдетъ преобразованіе общинниковъ въ подворныхъ собственниковъ и въ пролетаріатъ. Земству не удержать въ нашихъ деревняхъ хозяйственные порядки бушменовъ и готтентотовъ. Цивилизованный человѣкъ ненавидитъ гнетъ большинства и всякую казарму.

— Вотъ какъ! Община уже стала казармою? Смѣло и ново! Ну, а „цивилизованный человѣкъ“ не перемретъ безъ этой казармы? Для себя онъ придумалъ Департаменты, Академіи, Университеты?

— Нѣтъ, папочка, все равно. Законы „эконо-

мического матеріализма“ неизбѣжны... Мужикъ не удержаться въ общинѣ.

— Смѣшно, что вы создали изъ нихъ—законовъ этихъ—новое пугало. А я, до старости лѣтъ, все думалъ, что, кромѣ людей, никакого другого закона и хозяина нѣтъ на землѣ. Все намъ подчинено, а не человѣкъ—какимъ-то „неизбѣжнымъ путямъ“.

— Это самомнѣніе идеологовъ, папочка. Субъективизмъ! Человѣкомъ во всемъ управляетъ нужда и она же учитъ его разуму и совѣсти. То, что не побывало у насъ въ кишкахъ, не попадетъ и въ голову.

— Дуракъ!—вдругъ сердито крикнулъ Михаилъ Михайловичъ и прошелъ мимо озадаченнаго сына впередъ ускореннымъ шагомъ.

Онъ успокоился только на сѣнокосѣ.

Ему было неловко, что онъ обидѣлъ сына, и онъ далъ себѣ слово вновь поговорить съ нимъ спокойнѣе на обратномъ пути. Дѣти улеглись около стоговъ сѣна и поджидали отца, тихо переговариваясь между собой:

— Ты долженъ осторожнѣе выражаться, Коля. У отца столько заслугъ въ земствѣ и среди крестьянъ... Онъ первый человѣкъ въ уѣздѣ.

— Я ничего не сказалъ обиднаго; онъ сорвался съ мѣста... закричалъ и убѣжалъ отъ меня.

— Тише! Отецъ идетъ къ намъ... Что, папочка,—закричала она, вскакивая на ноги, усталъ?

— О, нѣтъ, милая. Я посижу съ вами, и ты на меня не сердись, Николай. Мы еще съ тобой побесѣдуемъ.

— Я не буду, если вамъ не нравится...

— Нѣтъ, я желаю, чтобы ты подробнѣе высказался. Вотъ и побесѣдуемъ съ тобою здѣсь на травкѣ.

Онъ закурилъ сигару и задалъ сыну вопросъ:

— Земства являются консервативными учрежденіями, по твоему? Такъ, что ли, я понимаю тебя?

— Видишь, папа... Земства помогаютъ безлошаднымъ крестьянамъ кредитомъ или чѣмъ другимъ подняться на ноги, завести инвентаръ и т. д.

— Положимъ—такъ, перебилъ старикъ. Прекрасное дѣло!

— Эти крестьяне,—продолжалъ сынъ, выдутъ изъ нужды и сдѣлаются реакціонными группами.

— Не вполне понимаю.

— Да, какъ же папа! Изъ массы нуждающихся крестьянъ земство выдѣлитъ нѣкоторыхъ и дифференцируетъ ихъ...

— А ты бы хотѣлъ, чтобы всѣ были нивелированы вѣчной нищетой?

— Ради ихъ солидарности хотѣлъ бы, но это немыслимо въ крестьянскомъ быту при земскихъ порядкахъ... А на фабрикѣ это всегда существуетъ. Она ихъ кооперируетъ, а не дифференцируетъ, какъ ваши земскія благодѣянія.

— Ду-ур-ракъ!—завопилъ вновь старикъ, вскакивая на ноги и въ возбужденномъ состояніи направился одинъ къ своему дому.

— Съ нимъ нельзя говорить стало, подумали дѣти и, опечаленные, пошли за отцомъ. Между тѣмъ Михайлъ Михайловичъ заперся у себя въ

кабинетѣ и только поздно вечеромъ вышелъ на балконъ въ садъ.

Теплое чувство, связывавшее его съ дѣтьми, смягчило раздраженіе противъ сына и, къ тому же, Михаилъ Михайловичъ не вполне ясно понималъ идею упраздненія земства въ интересахъ четвертаго сословія. Онъ успокоился и опять хотѣлъ говорить съ сыномъ.

— Вѣрно я не такъ понимаю тебя, Коля.

— Напротивъ, папочка... Многимъ изъ насъ недостаетъ твоей ясной логики. Если быть послѣдовательнымъ въ томъ ученіи, что судьбы Россіи въ рукахъ пролетаріата, то ты безусловно правъ. Земства, съ мужицкими программами, мѣшаютъ наступательному движенію новой исторіи. Экономизація нашихъ силъ требуетъ сосредоточенія ихъ въ промышленныхъ центрахъ, а не въ земствѣ. Мы не стремимся разорять земледѣльцевъ... Это за насъ дѣлаетъ исторія и увеличивать ростъ пролетаріата особенно не предстоитъ нужды. Уже довольно обезземеленнаго люда. Но необходимо, организовать его и тогда станетъ малъ золотникъ, да дорогъ.

— Гм... Значить нужно поставить крестъ надъ земствомъ и мужикомъ? Исторія все равно сотворитъ эту работу за насъ.

— Конечно, папочка! — воскликнула Оля, не мѣшавшаяся до сихъ поръ въ споръ. Наши желанія ничего не значатъ передъ исторической необходимостью. Выгода гонитъ крестьянина изъ деревни въ города, и вы его ничѣмъ не удержите на узкой и истощенной полосѣ земли.

— А любовь къ землѣ? А независимость?.. Привычки и дѣдовскія могилы?

— Вы идеалистъ, папочка... Это все субъективно, а выгода—несомнѣнная сила и она управляетъ всѣми нами.

— Какъ ты можешь признаваться въ этомъ? воскликнулъ старикъ. Вѣдь ты дѣвушка и, надѣюсь, будешь выходить замужъ по любви, а не изъ выгоды.

— Нѣтъ, папочка... Продавать себя я, конечно, не стану, но не будетъ болѣе ни Лизы, ни Лаврецкаго... Никому не нужны теперь балконъ, серенада, и старый Леммъ...

— Дура!—хотѣлъ закричать на нее отецъ, но ему стало вдругъ стыдно, что онъ, въ первый день пріѣзда дѣтей изъ Петербурга, умѣлъ только кричать на нихъ и браниться. Онъ самъ пріучилъ ихъ во всемъ дѣлиться съ нимъ мыслями, и только въ этотъ пріѣздъ ихъ взгляды на жизнь волнуютъ и злятъ его.

— Ты долженъ понять, папочка,—продолжала Оля: что я не отрицаю Лаврецкаго и Лемма, но только любовь совсѣмъ невозможна безъ теплой квартиры и хорошаго обѣда. Главнаго никогда не нужно забывать: экономическую основу, а прочее—однѣ надстройки... До сихъ поръ любовь и доброта... альтруизмъ... ничего прочнаго и великаго не создали въ мірѣ. А себялюбіе и классовые интересы прекратили войны, кормятъ рабочую массу и выработали современную культуру... Это все классовые интересы, а не любовь и милосердіе.

Опустивъ низко голову, Михаилъ Михайловичъ не въ силахъ былъ поднять ее и не замѣтилъ,

какъ слеза скатилась по его щекѣ на полъ. Въ это время съ улицы, черезъ заборъ сада, явственно донеслись гнѣвные голоса людей, среди которыхъ Михаилъ Михайловичъ сейчасъ же узналъ голосъ сосѣдняго помѣщика, своего пріятеля.

— Понимаешь ли, съ кѣмъ ты говоришь?— кричалъ онъ. Ты пьянъ, что ли? Кто я такой? Я полковникъ...

— А я кузнецъ и крестьянинъ—отвѣчалъ другой голосъ. Имѣю кузню и надѣльную землю... Вы полковникъ. Сегодня у насъ помѣщикомъ, а завтра назначать на службу въ другую губернію; а я здѣшній крестьянинъ и умру тутъ.

— Слышите!—восторженно крикнулъ Михаилъ, Михайловичъ своимъ дѣтямъ. Какая гордость, что онъ здѣшній крестьянинъ и умереть здѣсь...

Въ это время явственно раздался ударъ руки и предостерегающій голосъ въ отвѣтъ на побои.

Михаилъ Михайловичъ выбѣжалъ съ дѣтьми изъ сада, и съ трудомъ остановили совершенно непомнящаго себя помѣщика. Онъ задыхался и все порывался ударить кузнеца по лицу, но тотъ ловко отбивалъ его удары въ сторону.

— Что тутъ у васъ? Гавріилъ Васильевичъ!

— Ахъ, батюшки... Михаилъ Михайловичъ! Да, вѣдь, здѣсь жить нельзя съ такимъ народомъ! Этотъ скотъ не починилъ моего экипажа и дерзости дѣлаетъ.

— Нѣтъ моей вины, баринъ. Поздно экипажъ доставили... Кабы съ утра, какъ говорили...

— Молчать, скотъ!

— Для чего молчать! Ругаться тоже не полагается! А попрошу я Михаила Михайловича сви-

дѣтелемъ быть, какъ вы били меня по лицу. Теперь нѣтъ у господъ такихъ правъ! Отвѣчать будете.

— Успокойся, Егоръ,—обратился къ нему Михаилъ Михайловичъ,—иди домой, завтра поговоримъ.

Затѣмъ, взявъ Гавріила Васильевича подъ руку и направляясь съ нимъ въ комнаты, онъ укоризненно замѣтилъ ему:

— Вы обидѣли лучшаго мужика въ деревнѣ и онъ будетъ жаловаться на васъ.

— Теперь я и самъ жалѣю, Михаилъ Михайловичъ, а какъ кровь ударить въ голову — ничего не помню.

— Не помню! Милое оправданіе... Хорошо, что Егоръ знаетъ наши добрыя отношенія, а то бы онъ не спустилъ вамъ. Онъ грамотный и бить себя не позволить.

— Я застрѣлилъ бы его! — опять вспыхнувъ, воскликнулъ Гавріилъ Васильевичъ и вынулъ карманный револьверъ.

— Изъ-за непочиненнаго вовремя экипажа — убійство! Не высоко же вы цѣните себя, — волнуясь, отвѣчалъ ему хозяинъ.

— Ну, да этого еще не сдѣлалось, и Богъ дастъ, не случится...

— Не поручусь за васъ! Не поручусь! Каждый день изъ васъ можетъ выйти преступникъ. Вотъ и теперь предстоитъ судиться.

— Нѣтъ, я не допущу до этого! — съ раскаяніемъ въ голосѣ отозвался Гавріилъ Васильевичъ. Я помирюсь съ кузнецомъ... Ну, я виноватъ... Погорячился... Нельзя ли его позвать сюда.

Михаилъ Михайловичъ засмѣялся столь быстрой переменѣ въ доброй душѣ гостя, а дѣти весело ушли за кузнецомъ.

Послѣ короткихъ переговоровъ, пришедшій Егоръ обратился къ хозяину съ такими словами:

— Изъ уваженія къ тебѣ, Михаилъ Михайловичъ, я не пойду на твоего гостя съ жалобой, а только онъ долженъ за обиду мнѣ—чайку со мной попить у меня въ избѣ, и 25 рублей пожертвовать питомкѣ, которая взята мною изъ воспитательнаго дома. Тогда помирюсь съ нимъ и первымъ буду ему слугой.

— Bravo, мудрый Соломонъ! Bravo!—воскликнули радостно Михаилъ Михайловичъ и его гость.

Отецъ невольно замѣтилъ своимъ дѣтямъ:

— Какъ же махнуть рукой на деревню, когда въ ней все чаще и чаще встрѣчаются Егоры. Мы имъ нужны и здѣсь, и на фабрикахъ...

— А все-таки, папочка,—перебила дочь, добродѣтельная личность такая ничтожная величина... Если бы вы были капиталистомъ, то и вы эксплуатировали бы рабочихъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ... Строй вещей сильнѣе человѣка.

— Ну, пожалуйста,—сухо отвѣтилъ онъ ей: не учи меня сваливать собственные подлости на безотвѣтныя „вещи“. Хочешь идти съ нами къ Егору?

— Нѣтъ, папочка... Что же интереснаго...

— А ты?

— Я, пожалуй, пройдуся — лѣниво отозвался Коля и равнодушно пошелъ вслѣдъ за умиленными стариками.

НА ГЛУХАРИНОМЪ ТОКУ.

Мы забрались въ самую глушь лѣса и расположились на высокомъ бугрѣ провести ночь около костра въ ожиданіи перваго „тѣканья“ глухаря.

— Слушать надо, — предостерегъ насъ Моховикъ и выругалъ Максима изъ Черемшы за то, что тотъ громко смѣется.

— Чего слушать-то? „Слетѣ“ глухарей далеко... А пѣть имъ еще рано, — возразилъ тотъ и сталъ готовить костеръ.

Сова налетѣла на огонь и, увидавъ насъ, дико захохотала то въ одномъ мѣстѣ лѣса, то въ другомъ...

Цѣльное, сухое дерево, брошенное въ костеръ, ярко пылало и, грѣясь около него, мы внимательно слушали другъ друга.

— Сказываютъ, — произнесъ Андрей изъ Кавнина: послѣ 50-ти лѣтъ, какъ насъ освободили отъ господъ, земля станетъ нашей собственностью... Потому что, — продолжалъ онъ, — въ этотъ срокъ мы выкупимъ всю ее.

— Теперь осталось выплачивать за нее оброкъ недолго, а потомъ и „каюкъ“! — буркнулъ Моховикъ, любящій вносить въ разговоръ выдуманныя имъ самимъ словечки.

— Что же, — спросилъ я, — если земля будетъ вашей собственностью, то вы сейчасъ же продадите ее или заложите?

Тимофей изъ Мошницы, отецъ Антона, — отвѣтилъ мнѣ съ неудовольствіемъ:

— Какъ можно продать или заложить! Государь не позволить... У мужика всегда нужды и онъ сейчасъ же заложилъ бы землю купцу, а потомъ и совсѣмъ продалъ бы за долги. „Пустошники“ тоже такъ поступаютъ... Поживутъ нѣсколько лѣтъ по-прохладнѣе... Перестанутъ сами землю пахать, начнутъ одѣваться по-городски, наймутъ работниковъ, а потомъ пойдутъ долги, а за долги и земли отберутся... Тоже будетъ и съ нами, если станемъ торговать землей...

— Стало быть это хорошо, что вы можете обрабатывать землю, но продавать не смѣете?

— А и очень это хорошо для насъ... Черезъ нѣсколько лѣтъ мы разорились бы и остались бы безъ земли. Вотъ этого и боишься, когда станешь собственникомъ.

— Да, земли-то мало, — перебилъ я.

— Правда и это...

— Денегъ тоже нѣтъ?

— Давно не видали.

— Обрабатываете землю тоже плохо; безъ навоза, безъ травосѣянія, безъ искусственныхъ удобреній, безъ машинъ?

— Это ты правду говоришь.

— Ни скота, ни денегъ, ни клевера, ни плуговъ, ни вѣялокъ—ничего нѣтъ?

— Ничего.

— Богатое хозяйство! Есть чѣмъ дорожить. Не лучше ли его продать богатому купцу, который и землю обрабатываетъ какъ слѣдуетъ, и унавозитъ ее и подъ травы на нѣсколько лѣтъ заѣдетъ и тебѣ дастъ хорошій заработокъ?

— Очумѣлъ ты!—огрызнулся на меня Антонъ.—

Продай землю купцу, а самъ иди къ нему въ работники... Свою же землю обрабатывать на хозина! Да, ни за какія деньги! Развѣ можно смѣнять свою землю на купца? Это ты, баринъ, не дѣло предлагаешь.

— Развѣ лучше, если земля у тебя, а ты ковыряешь ее сохой, да деревянной бороной безъ навозу? Оттого и голодъ вездѣ. Ты всегда бралъ отъ земли пищу, а ей ничего не возвращалъ. Вотъ она и стала сухой и неплодной. У купца бы ей было лучше.

— И нисколько! Купецъ чужими руками жаръ загребаетъ. У него работники, а не самъ онъ пашетъ землю. А чужія земли мы пашемъ-то какъ? Протасимъ соху — ладно, а вырвалась она изъ-подъ руки — скокъ на аршинъ впередъ — ты думаешь я буду возвращаться назадъ съ нею. Такъ и пройду далѣе мимо непахатнаго клочка. Затѣмъ и все поле вспахую не лучше того. Что мнѣ за корысть на чужой замлѣ стараться?

— Ту-у, — протянулъ недовѣрчиво Тимофей. Это ты, сынокъ дорогой, врешь. У купца не больно скокомъ пропадешь землю. У господъ, дѣйствительно, пахутъ такъ, если некому присмотрѣть и баринъ ничего не понимаетъ въ хозяйствѣ. А купецъ — все самъ видитъ и у него не скокнешь съ сохой по землѣ. Онъ заставитъ тебя руками мять ее, если сохой не возьмешь. Это не у барина.

— Точно что... не у барина!

— Я служилъ у купцовъ-то... Знаю! — продолжалъ Тимофей.

— Ничего ты не знаешь, а только бабъ хва-

лишь,—закричалъ сынъ.—Какъ же можно сравнять работу на своей землѣ или на чужой!

— Но на своей ты плохо работаешь!—сказалъ я.—Вездѣ мужицкая земля даетъ самъ третей, а у купца развѣ такъ?

— У купца лучше, — сознались нехотя мои охотники.

— А все отчего лучше? У купца скотъ да деньги...

— Пожалуй, что землѣ будетъ лучше у купца,—заявилъ Андрей Канинскій.—Но людямъ будетъ хуже.

— Отчего такъ?—допрашивалъ я.

— Онъ тебѣ, купецъ-то, двѣ шкуры сдеретъ и денегъ не захочешь отъ него никакихъ! Ты видалъ ли, какъ живетъ у него нашъ братъ? Не видалъ! Въ аду лучше, чѣмъ у него. Заработки хорошіе. Наживное мѣсто—что и говорить! Деньги купцы вѣрно платятъ и можно капиталъ составить, а только на весь безземельный народъ и купцовъ не хватитъ.

— Значить, землю не надо отдавать богатѣямъ, а оставить у тебя голодать ей?

— Плохо у насъ ей, — сознался, наконецъ, и Антонъ.—Скота мало, а льномъ мы истощаемъ ее. Удобрений нѣтъ.

— То-то... А безъ навоза и травосѣяній она тебя не прокормитъ. Сама голодаетъ и тебя не кормитъ. Вездѣ такъ у мужиковъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже. Взять надо землю отъ васъ, а не прибавлять. Зачѣмъ она вамъ безъ скота и безъ дешевыхъ ссудъ? Пускай купецъ или богатые му-

жики владѣють всей землей, а вы продавайте свои кошачьи надѣлы и становитесь въ батраки.

Въ моемъ предложеніи вѣроятно было много непріятнаго для нихъ. Болѣе нервный изъ нихъ, Моховикъ, выскочилъ изъ-за другой стороны костра ко мнѣ и завопилъ на весь лѣсъ.

— Ну, васъ и съ купцами-то! Что ты, и за правду, продаешь насъ! Придетъ нужда и безъ тебя продадимъ землю и избу... Чего ты тащишь насъ-то къ купцу въ рабство, то голодать въ своей избобкѣ! Чай, можно и по середкѣ жить?

— Какъ же?—обрадованно воскликнулъ я. Что нужно по твоему? Какая твоя середка? Какъ ты спасешься отъ голоду на своемъ надѣлѣ или отъ купца, когда запутаешься въ долгахъ и продаешь землю?

— Что-то... тебя не спихнуть!—отвѣчалъ Моховикъ... — Господа знаютъ, что нужно, а мнѣ не придумать...

— Господь ты не зови,—перебилъ Антонъ. Они придумаютъ не во нравъ тебѣ... Если одинъ не соспоришь съ бариномъ, то позови насъ на помощь. Мы его толокой возьмемъ.

— Онъ отъ семи собакъ отгрызнется, — отозвался гнѣвно Моховикъ, принимая особенно враждебно мои замѣчанія о мужицкомъ хозяйствѣ.

Самъ онъ не имѣлъ ни земли, ни семьи и жилъ мелкими заработками, но инстинктивно приходилъ въ ужасъ отъ моихъ предположеній обезземелить массу для капиталистическаго хозяйствованія многихъ.

— Землю будешь воздѣлывать, а людей по міру пускать, обратился онъ ко мнѣ. Вотъ ты чего

хочешь! Да, такъ не доведется быть... Можно и по середкѣ жить.

— Радъ буду за васъ,—отвѣтилъ я и попросилъ подбросить въ огонь дровъ.

Костеръ вновь ярко запылалъ и мы опять согрѣлись около него.

— Вотъ видишь,—продолжалъ я,—теперь у тебя въ полѣ озимые, яровые и паръ. Ты даже не можешь измѣнить свое хозяйство, и принужденъ на будущій годъ, вмѣстѣ съ другими, паръ обратить въ пашню, а пашню въ выгонъ. Принудительная и однообразная запашка во всей общинѣ мѣшаетъ всякому улучшенію. Ты бы хотѣлъ выгонъ превратить въ пашню; пашню засѣять травами; вмѣсто выгона, скотъ содержать на подножномъ корму въ стойлахъ,—но въ общинѣ этого нельзя: обязательная запашка у всѣхъ одна и таже.

— Да, что это ты, взаправду,—перебилъ меня Андрей Канинскій. Что выдумалъ! Отымать у насъ землю за то, что мужики не по твоему хозяйничаютъ... А намъ и нельзя иначе! Богатому мужику съ нами несогласно: тому по своему, по-барски, надо вести хозяйство... Это правда. Ну и пусть себѣ покупаетъ село и заводитъ тамъ новые порядки. Намъ за нимъ не угнаться! А если при его достаткѣ онъ додумался до новыхъ порядковъ, то при достаткѣ и мы, цѣлымъ міромъ, не глупѣе его будемъ. Что толковать: было бы намъ гдѣ и съ чѣмъ сѣять клеверъ, а то посѣимъ, что хочешь посѣимъ! Такое многополье заведемъ: и хлѣба, и кормовыя травы, и мясо на базаръ повеземъ продавать. Неужли богатый му-

жикъ умнѣе цѣлаго міра? Мы тоже не глупѣе его: будетъ сподручно—заведемъ и новое хозяйство. А теперь намъ не до жиру, а быть бы живу... Какое тутъ новое хозяйство, когда ничего нѣтъ у насъ! А ты не отымай у насъ землю, а устрой насъ такъ, какъ устроился самъ въ городѣ. Тыи дѣтей своихъ въ школу отдалъ и мѣста по службѣ приготовилъ имъ. Всѣмъ имъ найдется и науки и жалованья. Можетъ и взоболь намъ господа устроить хозяйство такъ, чтобы семья была мужику кормилицей, а купцу—его торговля нашимъ хлѣбомъ.

— Почему господа должны устроить тебѣ такое хозяйство?

— А какъ же? А съ кого же они деньги берутъ? Съ насъ же. А за что? Вотъ за то самое, чтобы мужика въ обиду не дать... Мы захудали такъ, что и не поправиться своими средствами. А господа умны и богаты...

Столь завидная аттестація для нашей интеллигенціи вдругъ была прервана чуть слышными въ глуши лѣса звуками, похожими на послѣдовательные удары палочкой о тарелку. Эти негармоничные звуки возымѣли волшебное на насъ дѣйствіе.

Это глухари начали разыгрываться и, наконецъ, мы явственно услышали и самую пѣсню. Въ одинъ мигъ затихли наши споры. Антонъ шепотомъ попросилъ насъ подождать его, пока онъ спустится съ бугра и пройдетъ нѣсколько сажень въ середину лѣса, чтобы послушать пѣніе глухаря и точнѣе опредѣлить, въ какомъ направленіи придется скакать подъ его пѣсню. Это минутное ожиданіе показалось намъ чрезмѣрно длиннымъ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ мы всѣ были охвачены азартомъ и горячкой.

— Осторожнѣй ступай, — шепталъ мнѣ Антонъ. — Какъ я, такъ и ты за мной: слѣдъ въ слѣдъ... Моховикъ пусть идетъ съ Максимомъ въ другую сторону. Тамъ я слышалъ тоже два, три раза шелкалъ глухарь.

— А мнѣ куда? — спросилъ Тимофей и тотчасъ же самъ услышалъ пѣніе новаго глухаря.

Такимъ образомъ всѣ разошлись въ разныя стороны, двигаясь большими шагами впередъ въ тотъ моментъ, когда глухарь начиналъ „точить“ т. е. кончалъ пѣснь характернымъ полусвистомъ.

— Не ошибись въ шагѣ, предостерегъ Антонъ, — хватая меня за руку и подвигаясь впередъ съ промежутками, когда глухарь замолкалъ.

Въ концѣ пѣсни мы дѣлали скачки въ два, три шага и замирали на одномъ мѣстѣ.

— Батъка выстрѣлилъ, чуть дыша произнесъ Антонъ. — Нашего бы не спугнулъ... Замолчалъ... Тсъ! Опять заигралъ мошникъ... Впередъ!

Глухарь вновь замолчалъ, но перерывы стали уже рѣже. Пѣснь почти не прерывалась. За одной тотчасъ начиналась другая и мы уже подскакали на выстрѣлъ къ краснобровому красавцу...

Минуты его жизни были сочтены...

НА ТЯГЪ.

I.

— Ну, господа, перебилъ насъ Сергѣй Самсонычъ Трунинъ: пожалуйста по меньше похвалъ мужику! Я далъ себѣ зарокъ никогда съ мужикомъ не охотиться.

Мы были очень изумлены этимъ замѣчаніемъ. Насъ было трое старыхъ и опытныхъ охотниковъ, хорошо знакомыхъ съ характеромъ русскаго мужика и мы только что хвалили совмѣстную охоту съ крестьянами, которые отлично всегда знаютъ мѣстность, удивительно хладнокровны на стрѣльбу и выносливы на ходьбѣ. Я со своей стороны говорилъ о благотворномъ вліяніи на меня съ самаго ранняго дѣтства товарищества съ мужикомъ на болотахъ и въ лѣсу. Двое другихъ нашихъ спутниковъ также поддерживали мою сторону; но Сергѣй Самсонычъ продолжалъ повторять, что жизнь ему еще не надоѣла и на серьезную охоту, какъ напр. на медвѣдя, онъ никогда не пойдетъ съ мужикомъ.

— Ни на характеръ мужика я не положусь, ни на выстрѣлъ его. Выстрѣлить мужикъ всегда не во время; въ самую нужную минуту—струсить и убѣжить, либо выпалить издали между вашихъ ногъ по мертвому медвѣдю и искалечить кого-нибудь изъ охотниковъ. Обойдетъ медвѣдя, продастъ его вамъ и надуеъ, перепродавъ другому. Бывали уже и такіе случаи!.. Самъ видалъ.

Этотъ споръ на широкой лужайкѣ между двумя рощами значительно сокращалъ наше время томительнаго ожиданія тяги вальдшнеповъ. Было всего около четырехъ часовъ вечера и, такъ какъ вальдшнепъ въ концѣ мая тянетъ поздно, то намъ предстояло еще довольно долго его ждать.

— Мужикъ охотникъ, продолжалъ, немного помолчавъ, Трунинъ, еще болѣе лгунъ, чѣмъ мы грѣшные... Ни одному его слову объ охотѣ нельзя вѣрить! Если онъ куда зоветъ васъ и соблазняетъ рассказами о дупельныхъ высыпкахъ, то можете быть увѣрены, что болѣе двухъ дупелей вы не найдете... То трава выгорѣла на болотахъ, то скотъ вытопталъ ее, то приѣзжіе ранѣе васъ, охотники повыбили и распугали всю дичь, — что-нибудь да найдетъ мужикъ въ оправданіе своего вранья! Недавній случай со мной на охотѣ окончательно внушилъ мнѣ ненависть къ мужицкой компаніи.

— Какой такой? Расскажите!

— Желаете? Стоитъ послушать, увѣрю васъ. Недѣли двѣ тому назадъ, началъ онъ, я приѣхалъ рано утромъ, по рекомендаціи моего знакомаго, къ лѣснику, который увѣдомилъ его, что вдоль просѣкъ оберегаемаго имъ сосноваго лѣса прекрасно тянетъ вальдшнепъ. Когда я постучалъ подъ окно лѣснаго кордона, ко мнѣ вышелъ въ сѣни лѣсникъ высокаго роста. Бѣлая фізіономія его съ блѣдно-голубыми глазами, рѣденькая, полусѣдая борода и такіе же жиденькіе, встрепанные сѣдоватые волосы, покрывающіе его полулысую голову, сливались вмѣстѣ въ одинъ бѣлый цвѣтъ, точно весь человѣкъ былъ обмазанъ какой-то бѣлой смазью. Такими у насъ бываютъ только

курляндцы, финляндцы или чистокровные нѣмцы; мѣжду тѣмъ лѣсникъ былъ родомъ изъ Рязанской губерніи Онъ вышелъ ко мнѣ безъ картуза и тревожно и вопросительно осматривалъ меня по частямъ. Я чувствовалъ, что онъ осмотрѣлъ мои сапоги, замѣтилъ мою сумку, пересчиталъ на мнѣ всѣ охотничьи принадлежности и остановился на ружьѣ. Когда я назвалъ себя по имени и вошелъ въ избу, онъ все еще продолжалъ меня осматривать, но потомъ вдругъ суетливо и радостно бросился за стуломъ.

Изба его состояла изъ двухъ комнатъ и въ задней спало его семейство.

— Я сейчасъ... Присядте! Я сейчасъ... Духомъ однимъ! Отдохните маленько, а я тѣмъ временемъ и самоварчикъ сготовлю.

— Не хлопочи! ничего не нужно! остановилъ я его.

Но онъ уже былъ въ другой комнатѣ и громко будилъ свою жену:

— Вставай!... Господинъ пріѣхалъ! Будетъ спать-то! Гдѣ у тебя угли-то? Есть что-ли?—У насъ, знаете, чай-то плохой, замѣтилъ онъ вдругъ, обращаясь ко мнѣ, можетъ своего въ запасъ взять?

— Въ сумкѣ у меня... Я не успѣлъ еще окончить фразу, какъ онъ тотчасъ-же полѣзъ собственноручно въ мой ягтажъ и вынулъ оттуда всю захваченную мною провизію.

— Что же у васъ тутъ? съ любопытствомъ спросилъ онъ, развертывая свертокъ за сверткомъ. Это хорошая закуска—жаренныя котлеты. Это лучше, чѣмъ колбаса... Съ колбасы пить хочется. А въ лѣсу какая же вода? ручьевъ нѣтъ, а все болота, да мохъ мокрый, съ воды рѣзъ въ животѣ

заводится. А это сыръ? Ну, сыръ тоже хорошая вещь: ѣдалъ... Въ мѣшечкахъ-то у васъ что?

— Дробь.

— Въ запасъ взяли? Это тоже хорошо... Какъ задастся: можетъ и пострѣляемъ. У васъ вѣдь дробь небось англійская; у насъ тутъ такой дроби нѣтъ. Я просить буду васъ въ другой разъ купить на мою долю. А вотъ въ кармашкахъ сумки и чай лежитъ съ сахаромъ. Вынуть что-ли?

Спрашивать меня объ этомъ было совершенно лишнее, такъ какъ ягташъ былъ уже опорожненъ и къ моему изумленію такъ непринужденно, что я ничего не нашелся возразить или помѣшать чужому человѣку распоряжаться въ немъ. Въ это время вышла къ намъ жена лѣсника—тоже какое-то бѣлое существо. Въмѣсто того, чтобы ставить скорѣе самоваръ, она принялась занимать меня разговоромъ, но потомъ, какъ-бы опомнившись и угадавъ при взглядѣ на мужа его мысли, бросилась въ кухню, и упомянула нѣсколько разъ имя Бога, пока наливала воду въ самоваръ и раздувала лучину.

— Не желаетъ-ли баринъ отдохнуть, закричала она изъ кухни. Артемій! ты бы постелилъ перину на полъ, да окна отворилъ, а то духъ нехорошій у насъ въ комнатѣ.

— Правда, согласился лѣсникъ: вы бы лежали у насъ въ горенкѣ. Дайте-ка я сапоги вамъ сниму; а то ноги, поди, отекли. Какъ отдохнуть, сейчасъ и усталъ пройдетъ. Въ сапогахъ не отдохнуть ногамъ.

Я сбросилъ куртку, сапоги и остался сидѣть на лавкѣ съ босыми ногами. Спать мнѣ не хотѣлось.

— Такъ полежите, да косточки поразомните. Глядишь, можетъ быть и заснете.

— Ты не хлопочи, Артемій, обо мнѣ.

— Какіе эти наши хлопоты! Мнѣ одно удовольствіе господамъ служить. Самоваръ-то нашъ, песь его знаетъ, долго грѣтся; подите въ горенку, приляжьте. Перина у насъ хорошая, баринъ. Подъ одѣяльцемъ-то какъ хорошо полежать. Пройдите въ нашу комнатку. А поспѣетъ самоваръ, позовемъ чай пить. Не спечь-ли яишенку или курочку не поймать-ли?

— Ничего не нужно, кромѣ самовара. Вмѣстѣ съ тѣмъ я пошелъ въ другую комнату, но голосъ лѣсника остановилъ меня:

— Закусочки-то ваши прибрать можно въ шкафчикъ? чего имъ въ сумкѣ-то трепаться!

— Прибери, сдѣлай милость...

— Не беспокойтесь! Цѣло будетъ.

Онъ набралъ въ обѣ руки мои узелки и понесъ ихъ въ свой шкафъ.

Лѣсники были правы; едва я раздѣлся и улегся на длинной перинѣ, вдоль пола, какъ почувствовалъ, что всѣ мои члены отнялись и самыя мысли покинули меня. Я сдѣлалъ со станціи желѣзной дороги до лѣснаго кордона около 5-ти верстъ пѣшкомъ и неудивительно, что такъ скоро заснулъ, благословляя догадливость и гостепріимство моихъ хозяевъ.

Когда я проснулся и вышелъ изъ своей комнаты, Артемій встрѣтилъ меня добродушнымъ смѣхомъ.

— Полтора часика изволили отдыхать. Мы самоварчикъ-то прикрыли, а какъ слышали, что

вы встаете, жена сейчас-же подбросила угольковъ. Въ эту пору въ городахъ господа всегда кушаютъ чай съ булками. Не прикажете-ли послать дѣвченочку? Тутъ, съ версту не будетъ, корчма стоитъ: завсегда мягкія баранки имѣются. Что ей: ножки у нея молодыя; живо слетаетъ.

Онъ крикнулъ свою дочь и, не дожидаясь моего согласія, сказалъ ей:

— Купи барину баранокъ; а если есть мягкій ситный, захвати и его... Спроси цѣльный хлѣбецъ.

Такъ какъ дѣвочка была съ пустыми руками, то естественно она вопросительно стояла противъ меня и ждала денегъ. Я не имѣлъ ни малѣйшей нужды въ бѣломъ хлѣбѣ, но считалъ неудобнымъ объявить объ этомъ. Когда я передалъ дѣвочкѣ 30 копѣекъ, Артемій сказалъ какъ бы самому себѣ:

— Плохое стало мое житье. Я вѣдь не всегда былъ въ лѣсникахъ... Не съ одними мужиками водился, а приходилось и съ господами... Почитай все больше съ господами, хотя чинъ мой и не большой былъ. Ну, однако по нашей мѣстности и урядникомъ быть честь большая. Становой меня хвалилъ и обѣщалъ со временемъ сказать обо мнѣ исправнику. Это много значить, когда исправникъ васъ отличаетъ. Онъ же и въ становые пристава васъ можетъ предопредѣлить, коли чело-вѣкъ грамотѣ обученъ. Грамотный урядникъ, который на счастливую линію попалъ, со временемъ можетъ выслужиться...

— Какже ты-то изъ урядниковъ сдѣлался простымъ сторожемъ въ лѣсу?

— Такъ ужъ! Несчастье мое такое, отвѣтилъ

онъ грустно... Самъ издавалъ законы и былъ хорошимъ начальникомъ. Это можно судить по подчиненнымъ: меня всѣ мужики любили, даже господу звали къ себѣ обѣдать. Очень просто! Что за важность, что господу?! А теперь вотъ самъ мужикомъ служу. Но знаете, что я не привыкъ служить у другихъ. Мнѣ это очень трудно. Я всегда самъ имѣлъ своихъ подчиненныхъ... Вы знаете, мнѣ стыдно сказать бывало исправнику, сколько верстъ въ сутки я дѣлалъ и какія производилъ дознанія. Я быстро велъ слѣдствіе и безъ меня ни одинъ слѣдователь подѣлать ничего не могъ. Всюду я: и за все отвѣчай и самъ же всѣхъ наказывай. За это меня называли буйнымъ человѣкомъ, а злые люди сѣумѣли подкопаться и погубить мою фортуна. Жизнь играетъ человѣкомъ, какъ волна щепкой.

Закончивъ свою исповѣдь краснорѣчивой фразой, Артемій остался очень доволенъ собою. Онъ начиналъ входить въ свою роль и прежняя любезность приниженного человѣка уступала мѣсто хвастливости и чисто русской распоясанности, не боящейся ни презрѣнія къ себѣ, ни подзатыльника.

— Что же чай не наливаєшь? крикнулъ онъ на жену. Довольно парить его на самоварѣ. Вонъ дочка-то бѣжитъ съ баранками. Ишь ее... поди упарилась.

Жена подала намъ по стакану чаю и въ это время прибѣжала босоногая дѣвочка. Съ трудомъ переводя духъ, она сказала, что ситнаго хлѣба въ корчмѣ нѣтъ, а баранокъ она купила.

— Попроси, барина, сказалъ отецъ: баш-

мачки тебѣ купить, когда въ другой разъ на охоту прїѣдетъ. Мы заплатимъ, что слѣдуетъ. Здѣсь-то некому заказать.

— Съ удовольствіемъ куплю и привезу...

— Мы вамъ сейчасъ и мѣлочку дадимъ.

Я еще не допилъ стаканъ, когда мнѣ уже вручили старый башмакъ дѣвочки, по которому я долженъ былъ купить ей новые.

— Охотно сдѣлаю.

— Ужъ мы васъ отблагодаримъ, баринъ. Какъ слѣдуетъ отблагодаримъ.

— Зачѣмъ же? Я ей подарю ихъ. Это не дорого стоитъ.

— Цѣлуй же у барина ручку... Чего стоишь, дура... Деревенщина необразованная... Полѣшукъ— одно слово!

— Этого я не люблю, Артемій... Зачѣмъ ты учишь дѣвочку такой низости.

— Какже нельзя-съ! Должна знать, какъ благодарить господъ... Самого учили этому, нужно и ей образованіе дать. Я все же видѣлъ людей; знаю, гдѣ какое обращеніе... А онѣ, указалъ онѣ на жену и дочку, лѣсовиками подѣлались тутъ... Полѣшуки! одно слово полѣшуки! въ избу бѣгутъ прятаться, какъ увидятъ, гдѣ ѣдетъ или идетъ хорошій человѣкъ, а не только что заговорить съ нимъ. Гдѣ-же заговорить! У нихъ обращенья нѣтъ съ хорошимъ человѣкомъ. Съ бабами стрекотать это ихъ дѣло...

Пока Артемій поносилъ свою жену и дочь, онѣ молча занимались своимъ дѣломъ, не смѣя подойти къ нашему столу. Бѣлобрысая и, повидимому, наивная жена лѣсника вдругъ преобразилась въ

прекрасно выдрессированное существо, привыкшее къ тону голоса и молчаливымъ жестамъ своего господина. Въмѣсто суетливыхъ и бесполезныхъ движеній, она молча и быстро приводила въ порядокъ комнаты, и отдавала краткія приказанія дочери.

— Сколько лѣтъ ей? спросилъ я...

— Дочкѣ-то? перебилъ Артемій, не смотря на то, что я спрашивалъ его жену. Пятнадцатый годъ съ февраля пошелъ, а вотъ на башмаки себѣ заработать не умѣетъ. Полѣшуки онѣ съ матерью-то! Въ лѣсу живутъ: отъ Бога и людей отвыкли.

— И въ городахъ, братъ, не лучше живутъ, замѣтилъ я, начиная понемногу раздражаться его поведеніемъ. Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ—мѣсто.

— Вѣрно, баринъ... Всѣ безъ Бога живутъ, отзывалась женщина.

— Однако, перебилъ ее Артемій съ неудовольствіемъ: какъ никакъ, а служба завсегда отличаетъ человѣка. Нельзя сказать, что всѣ безъ Бога... Хлѣбъ и тотъ не ровень: есть бѣлый, есть и черный, такъ и люди вездѣ съ отличіемъ. Кто хорошее мѣсто имѣетъ, того и мы уважаемъ. А въ лѣсу отъ кого-же человѣку получить уваженіе? Овода нѣшто попятнаютъ? Да и тѣ больше около лошадей... Одинъ комаръ въ лѣсу сосетъ человѣка... Вотъ ему и отличіе за усердіе и труды.

Такъ философствовалъ Артемій о жизни, жадно попивая съ блюдечка кипятокъ, не смотря на то, что потъ градомъ катился по его лицу отъ излишне выпитаго чаю. Я предложилъ свой стаканъ его женѣ. Она взяла его осторожно въ обѣ

руки и унесла въ уголъ комнаты, гдѣ въ блюдечко налила чаю для дочери, а себѣ оставила въ стаканѣ.

Между нами воцарилось молчаніе и слышно было одно тяжелое дыханіе семьи лѣсника, не отрывающейся губами отъ блюдечекъ и стакановъ, только что разлитого и дымящагося чаю.

Но вотъ Артемій выпилъ свой послѣдній стаканъ и, опрокинувъ его на блюдечко, осмотрѣлся вокругъ себя. Замѣтивъ у меня въ сумкѣ кинжалъ, онъ опять безъ спроса досталъ его и сталъ вѣсить на рукѣ.

— Тяжеленекъ, произнесъ онъ; куда такой таскать!

— Не сообразилъ... Придется кому-нибудь продать.

— Вотъ что, баринъ, какъ будто неожиданно вспомнивъ, сказалъ онъ: на этихъ дняхъ мой хозяинъ будетъ здѣсь. Онъ мнѣ долженъ тридцать рублей и обѣщалъ отдать... Я пожалуй куплю кинжалъ. Что стоитъ самому-то? Онъ совсѣмъ новый.

— Новый... Я заплатилъ за него въ магазинѣ десять рублей.

— Я оставлю за собой его... Вы подождете деньги за него?

У меня не хватило духу отказать и мой кинжалъ перешелъ въ его собственность.

— Спрячь-ка, Дарья! обратился онъ къ женѣ и тутъ же пояснилъ ей: хорошъ клинокъ... Осенью ловко имъ шалашики на тетеревей вырубать въ лѣсу. Я полагаю, сказалъ онъ, обернувшись ко мнѣ: и сапоги ваши вамъ не въ пору. Куда такіе

длинные, подъ самый шагъ сапожищи. Лѣтомъ легкую обувь надо дѣлать. Ну осенью или по перевозимью—другое дѣло; тогда въ длинныхъ сапогахъ тепло и хорошо. У насъ, вотъ тутъ въ бору есть солдатикъ: и хорошіе и легкіе сапоги дѣлаеть охотникамъ, я знаю, что вы купили бы себѣ пару... Ваша нога-то никакъ съ мою будетъ?

Я сталъ остерегаться быстро отвѣчать на его вопросы, касающіеся моихъ вещей.

— Давайте примѣрять вашъ сапогъ на мою ногу, продолжалъ онъ. Я закажу сапоги, а если вы ихъ не возьмете, оставлю себѣ.

Понявъ, что и здѣсь Артемій желалъ выиграть лишнихъ себѣ два-три рубля, я рѣшительно воспротивился заказу для меня новыхъ сапогъ.

Къ вечеру мы отправились на охоту верстъ за 8-мъ, въ чужой лѣсъ, гдѣ держалась хорошая тяга, а ночевать условились у нѣмца-колониста, арендующаго у русскаго графа землю по сосѣдству съ нашей охотой. Дорога тянулась вдоль сосноваго лѣса и окружающая природа примирила меня съ безотчетнымъ недовѣріемъ, которое понемногу я началъ чувствовать къ моему спутнику и случайному товарищу.

II.

Ночевали мы у нѣмца колониста. Утромъ я могъ разглядѣть этого представителя Гевтонской расы, сохранившаго всѣ свои первобытныя особенности. Бернгардтъ Фуксъ, какъ назвалъ мнѣ

Артемій нашего хозяина — по лѣтамъ уже былъ старикъ, но съ виду обѣщалъ прожить еще цѣлые полвѣка. Онъ былъ средняго роста, широкоплечій, съ прекрасно-развитой грудью. Крупныя черты лица его, большой носъ, густыя черныя брови, бритый огромныхъ размѣровъ подбородокъ и широкій ротъ—были покрыты густымъ почти чернымъ загаромъ. Одѣтый въ простую бѣлую холщевую рубашу, засунутую въ широкіе шаровары, онъ, какъ статуя, стоялъ посреди большой комнаты и не моргая глазами и не дѣлая ни одного движенія, слушалъ Артемія. Лѣтами они были ровесники, но одинъ смотрѣлъ геркулесомъ и собственникомъ, а другой былъ жалокъ, не смотря на свой городской костюмъ и громкій разбитаго тона голосъ.

Наканунѣ проведя вечеръ въ лѣсу на охотѣ, а ночь въ сараѣ на сѣнѣ, мнѣ было пріятно войти въ комнату семейно-живущихъ людей. Колонистъ занималъ флигель, отстоящій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ заколоченнаго ужъ много лѣтъ со всѣхъ сторонъ досками графскаго дома. Внутренность флигеля нѣсколько напоминала блокгаузъ піонеровъ среди лѣсовъ и степей.

Въ обширной комнатѣ помѣщался съ женой самъ Бернгардтъ Фуксъ, а въ прочихъ комнатахъ его сыновья съ женами и дѣтьми.

Простая деревянная мебель была груба и сдѣлана уже нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Но обширный круглый столъ былъ покрытъ скатертью и мнѣ пріятно было замѣтить на немъ дымящійся самоваръ и теплую огромныхъ размѣровъ ватрушку съ творогомъ, изрѣзанную на куски.

Г-жа Фуксъ пригласила насъ къ чаю. Старуха также какъ и ея мужъ смотрѣла гораздо моложе своихъ лѣтъ. Одѣта она была по крестьянски, но вмѣстѣ съ тѣмъ чисто и опрятно. Въ углу комнаты стояла двуспальная кровать и тутъ же рядомъ какое-то старинное трюмо, съ туалетными принадлежностями. Одинъ изъ сыновей сидѣлъ передъ зеркаломъ и брился.

— Хорошее ваше печенье; русскіе не умѣютъ такъ печь, похваливалъ Артемій ватрушки, усѣвшись за столъ прежде всѣхъ насъ. Развѣ еще попробовать, спросилъ онъ самого себя и взялъ себѣ къ чаю четвертый или пятый кусокъ. Что же вы, баринъ, не кушаете? Лепешки на рѣдкость.

— Ты обо мнѣ не заботься, Артемій. Откуда это столько народу? Спросилъ я, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ рукою на окно, мимо котораго безъ конца шли женщины, дѣти и молодые люди.

— А это все моя семья, отзывался Бернгардтъ.

— Неужели? Да сколько же ихъ тутъ?

— Сейчасъ увидите.

Въ комнату стали входить одинъ за другимъ молодцы на одно лицо, одинаковаго роста и съ одними и тѣми-же манерами.

— Это мои шесть сыновей, а бабы—жены ихъ, а прочая мелкота—мои внуки...

Я глазамъ своимъ не вѣрилъ. Передо мною стояла цѣлая колонія цвѣтушихъ молодыхъ людей и родоначальникомъ ея былъ Бернгардъ Фуксъ.

Сыновья съ отцовскими чертами лица, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, также загорѣли, какъ

и ихъ отецъ; отчего внѣшнее сходство ихъ еще болѣе увеличивалось. Смѣшайся отецъ съ толпою сыновей, его не легко было-бы отличить среди нихъ. Этотъ удивительно сохранившійся типъ предковъ на отца, дѣтяхъ его и внукахъ, невольно поражалъ меня, привыкшаго въ русскихъ семействахъ встрѣчать дѣтей, родившихся ни въ мать, ни въ отца, а въ прохожаго молодца.

— Сахарныя лепешки... Кушайте баринъ, приставалъ Артемій ко мнѣ въ то время, какъ я любовался членами воскресшей предо мною древне-германской марки. Не взять-ли съ собою на дорожку?.. Можетъ закусить гдѣ придется.

— Кушай себѣ на здоровье, замѣтила хозяйка, подкладывая ему собственноручно два куска. Въ дорогу я положу тебѣ особенно. Спасибо, что пришлось по вкусу... По деревенски живемъ: не знаемъ, чѣмъ и угостить. Не взыщи, если что не понравится.

— Какъ-же такъ можно говорить? горячо возразилъ Артемій. На что-же лучше еще угощеніе? Надо-бы лучше да не куды! Дѣткамъ своимъ попрошу у васъ лепешечки.

— Положи, что осталось, замѣтилъ Фуксъ. Оно и правда: въ лѣсу-то не всякій умѣетъ такое тѣсто готовить. Сначала и жена моя портила, а потомъ научилась. Нельзя сказать, чтобы и теперь хорошо умѣла, но мы и не привычны къ хорошему-то... Вотъ нѣшто попробуете свининки нашей? Указалъ онъ на окорокъ ветчины, висѣвшей на стѣнѣ. Достань-ка, приказалъ онъ женѣ.

Артемій уже давно поглядывалъ на эту стѣну и поводилъ носомъ по воздуху.

Старуха-хозяйка нарѣзала намъ огромными кусками свинины, но я отказался ѣсть.

— Какъ можно, баринъ, не ѣсть? упрекнулъ Артемій. Да такой свиньи во всемъ Петербургѣ не сыщите... Здѣсь она на хлѣбѣ откормлена: вкусъ совсѣмъ другой.

При этихъ словахъ онъ положилъ себѣ на тарелку второй кусокъ и, похваливая его, полѣзъ за третьимъ—„кажись этотъ не такъ жиренъ; но вкусъ отминый... Эхъ, не скоро у меня поросенокъ вырастетъ. Не знаю, придется-ли попробовать его самимъ или продать людямъ.

— Не побрезгуйте кусочкомъ, предложилъ ему Фуксъ. Снесите своимъ домашнимъ нашей свининки. Отсѣките-ка кто-нибудь отъ окорока, обратилъ онъ къ сыновьямъ.

Артемій разсыпался передъ нимъ въ благодарностяхъ.

— Самъ отплачу тебѣ, чѣмъ могу, сказалъ онъ. Дровецъ-ли понадобится въ лѣсу, пріѣзжай, или одного изъ сыновей пришли. Всегда услужу. Помнишь, чай, когда я въ урядникахъ служилъ, то за мной ничего не пропадало.

— Какъ не помнѣть. Выручалъ, случалось... Дѣловъ у насъ хотя и не бывало съ полиціей, ну, а всячески было боязно, когда наѣзжалъ къ намъ.

— Извѣстно дѣло: какъ ты ни исправенъ, а всегда ты былъ въ моей власти... Чуть что,—будешь сопротивляться, ну и погубишь себя... Тутъ, братъ, не шути!

— Знамо дѣло! Какія шутки съ урядникомъ. Вотъ я имъ завсегда такъ говорю, подтвердилъ

Фуксъ, кивнувъ головой на сыновей. Да, слава Богу слушаютъ меня, старика. А то намъ теперешній-то урядникъ, какъ прїѣдетъ да и говоритъ сидя у насъ за столомъ: „угощенье-то у васъ хорошее, да понуды нѣтъ!“ Ну, сыны-то мои и примутся его упрашивать, да ублажать...

— Извѣстно, сказалъ Артемій со вздохомъ: у кого же и учиться, какъ не у васъ обращенью. Нѣмцы не то, что русскій мужикъ: у васъ согласное житье... А два полѣна и въ полѣ горятъ; одно же и въ печи гаснетъ.

Отъ такихъ похвалъ нѣмцамъ, колонистъ совсѣмъ раздобрѣлъ. Домашніе его также начали прислуживаться передъ Артеміемъ, который, тѣмъ временемъ, почти одинъ съѣлъ всю ветчину и ватрушку. Мнѣ стало совѣстно этого обжорства и обирательства. Я краснѣлъ за каждый кусокъ, который проглатывалъ Артемій, и кромѣ того, за все это, надо будетъ предложить мнѣ же свой кошелекъ для расплаты съ хозяиномъ за ночлегъ и хлопоты. Но меня возмущало главнымъ образомъ мое собственное безсиліе противъ замѣчательно наглаго умѣнья лѣсника изъ всего и изъ всѣхъ извлечь для себя пользу. Я чувствовалъ себя красной дѣвушкой, которая отъ стыда прикрываетъ глаза руками, а не мужчиной съ бичемъ противъ безстыдства.

Къ счастью завтракъ приближался къ концу. Хозяйка принесла съ ледника убитыхъ нами на тягѣ вальдшнеповъ и я сталъ прятать ихъ въ сумку. Артемій, усмотрѣвъ у меня мѣшочекъ дробивзятый въ запасъ, весьма основательно замѣтилъ:

— У васъ, чай, дома-то много припасу, а здѣсь англійской дробі не сыщешь и за сто верстъ. Куда вамъ съ собой еще тащить.

— Возьми себѣ... Кстати и изъ патроновъ вынь дробь и порохъ.

Артемій завладѣлъ моимъ ягташомъ и прочими принадлежностями охоты, освобождая меня отъ излишней тяжести.

Теперь я вспомнилъ, что вся моя закуска, привезенная изъ Петербурга и спрятанная Артеміемъ въ шкафъ, такъ и осталась у него, а на охоту не была взята. Раздраженіе мое невольно увеличилось, а между тѣмъ Артемій преспокойно добрался до моей пороховницы и ее также опорожнилъ. Я безсильно злился и радъ былъ, что онъ не попросилъ у меня еще чего-либо изъ оставшихся вещей. Покончивъ съ моими сумками, онъ вышелъ изъ комнаты и захватилъ съ собою мою собаку.

Черезъ полчаса онъ вернулся крайне встревоженный и испуганный. Собака моя весело бѣжала зади него.

— Чего ты запропалъ? спросилъ я. Да что съ тобой случилось? ты совсѣмъ испуганъ.

— Охота наша, баринъ, наконецъ вышла совсѣмъ неудачной, отвѣтилъ онъ съ сокрушеніемъ сердца. Вышелъ я съ вашей собакой на минуту въ поле посмотреть картофель, а рубежемъ, гляжу, идетъ сторожъ лѣсной дачи, гдѣ мы на тягѣ стрѣляли. Поровнялся онъ со мной, а собака ваша его цапъ за руку и укусила. Хорошо, что свидѣтелей не было. Уплатилъ я ему за собаку рубль, а онъ и говоритъ: „съ кѣмъ же ты это охотился

вчера въ моей дачѣ? Отчего же ты не зашелъ ко мнѣ, я бы свелъ васъ на хорошую тягу... Скажи своему барину, чтобы въ другой разъ прямо ко мнѣ ѣхалъ съ вокзала". Ну такъ обошелъ меня, что я и скажи ему ваше имя и фамилію. Онъ записалъ ее, да и говорить: больше мнѣ ничего не нужно... За собаку съ тобой мы помирились на рублѣ, а за то, что ты съ бариномъ охотился на арендованной моими господами землѣ, я подамъ прошеніе къ мировому. У меня свидѣтели есть что вы охотились и васъ оштрафуютъ на 25 рублей". Я давалъ ему пять рублей, чтобы онъ оставилъ дѣло, но онъ проситъ десять... Вотъ какъ злодѣй обошелъ меня. Такъ обошелъ, что и на— а! лучше не надо!

— Ну, Богъ съ нимъ: не безпокойся! отвѣтилъ я съ неудовольствіемъ. Возьми рубль за собаку.

— Ну народъ! народъ нынѣ! твердилъ Артемій, пряча деньги себѣ въ карманъ. Одни нѣмцы и честны, а русскій народъ одинъ другаго лукавѣе и хитрѣе. Ишь, какъ подошелъ ко мнѣ: я думалъ онъ намъ добра желаетъ и приглашаетъ барина къ себѣ на охоту, а вышло то, что ему нужно было просьбу писать мировому на насъ... Ну и люди же нынѣ стали: охъ, Ты, Господи!

— Будетъ тебѣ сокрушаться.

— Да, какже такъ, баринъ: вѣдь вы можете, что подумаете обо мнѣ... А я, вотъ вамъ Богъ, уплатилъ ему свой рубль и сказалъ, что дѣло миромъ окончимъ съ нимъ. Вы не подумайте, что худое про меня.

Едва онъ высказалъ свои подозрѣнія на счетъ

самого себя, какъ мнѣ вдругъ стало все яснымъ: и выдуманная чужія дачи, и сторожъ чужой, и собака, и мировой; одно было, что истиннымъ — это дневной грабежъ моего кошелька... Случайно мы остались въ комнатѣ вдвоемъ. Артёмій рѣшительно подошелъ ко мнѣ и произнесъ:

— Надо раздѣлаться съ хозяиномъ-то.

— Какъ раздѣлаться?

— Заплатить ему надо за хлѣбъ-соль. У васъ есть еще рубль, да я свои сорокъ копѣекъ прибавлю. Деньги отдать надо старухѣ... Только самому не говорите, что старуха взяла. Она мнѣ говорила: „если твой баринъ будетъ деньги давать, то старикъ не возьметъ и мнѣ не велитъ. Заворчитъ, если узнаетъ. Пушай потихоньку отъ него дать“.

Я отдалъ ему и этотъ рубль, чувствуя при этомъ, что краснѣю до ушей.

Прощаясь съ Фуксомъ, Артёмій обратился къ нему съ нѣсколькими фразами, какъ-бы пробуя: не клонетъ-ли какую изъ нихъ старый колонистъ и не попадется ли на уду.

— Хорошее ваше нѣмецкое житье здѣсь! Да, хорошее! Семейство большущее у васъ, работниковъ не надо держать. Все своими руками сдѣлаете. Съ работниками-то нынѣ не управисься; одинъ срамъ только... Гдѣ взять хорошаго народу? Весь народъ нынѣ испакостился. Вамъ бы землицы купить гдѣ. Съ такой семьей много будете собирать доходу. Есть у меня на примѣтѣ около Чудова участочекъ, какъ разъ на вашу семью и не дорого просять.

Едва онъ упомянулъ о землицѣ, какъ всѣ ко-

лонисты обступили Артемія, но ни одинъ изъ нихъ не перебивалъ старика-отца.

— Если не дорого просятъ, отчего не купить, отвѣчалъ Бернгардтъ. Можно купить. Намъ выгодноѣ имѣть свою усадьбу, чѣмъ аренду. Свои работники: ничего не будутъ стоить. Торопиться этимъ дѣломъ однако нельзя. Разузнать надо: какъ и что на мѣстѣ.

— Вѣрно вы говорите: зачѣмъ торопиться? А вотъ я съѣзжу на-дняхъ въ Чудово и разузнаю для васъ все доподлинно: какъ и что. Опять пріѣду къ вамъ! Пріѣду! Заслужу спасибо, вѣрное слово.

— Ужъ мы отблагодаримъ, какъ съумѣемъ; потрудись только для насъ.

— Я съ моимъ удовольствіемъ потружусь для васъ, чего-бы мнѣ это не стоило. Ужъ я вамъ говорю, что это мѣсто, какъ разъ для вашей семьи, лучшаго нечего и искать. Черезъ недѣлю, а то и скорѣе пріѣду опять къ вамъ. У меня ужъ правило такое: если человѣкъ, что просить у меня всегда сдѣлать для него и никогда ни въ чемъ не отказывать. Такой ужъ я человѣкъ! Знаю, что это не хорошо и никакого мнѣ интереса въ томъ нѣтъ, а ничего съ собой не могу подѣлать. Такимъ ужъ уродился!

Пока Артемій сочинялъ исторію о продажномъ участкѣ земли подъ станціей Чудово и ждалъ подъ этимъ предлогомъ новыхъ приглашеній колонистовъ бывать у нихъ почаще, я стоялъ въ сторонѣ, какъ на горячихъ угляхъ, не имѣя силъ и характера разрушить эту паутину необыкновенно ловкаго и дерзкаго человѣка.

— Неужели эта саранча, думалъ я объ Артеміѣ, является представителемъ деревенскихъ дѣльцовъ, околпачивающихъ на право и на лѣво простодушныхъ крестьянъ и господъ?

Къ довершенію моего ужаса, Артемій, простившись съ колонистами и проходя мимо сада, вдругъ остановился передъ роскошно цвѣтущей серенью и, подозвавъ Фукса, попросилъ у него позволенія наломать себѣ два букета сирени.

— Полѣнушки-то мои, жена съ дочкой, въ этомъ году ни одной вѣтки сирени не видѣли. Вотъ обрадую ихъ.

— Ломай, коли тебѣ нравится! съ видимымъ сожалѣніемъ согласился Фуксъ на изуродованіе цвѣтущихъ кустовъ бѣлой сирени.

Я ускорилъ шагъ и пошелъ одинъ. Артемій остался въ саду и я слышалъ, какъ въ его рукахъ гнулись и трещали вершины сирени. Но едва усадьба скрылась за бугромъ, я не оборачиваясь свернулъ въ сторону и направился полями прямо въ лѣсъ съ тѣмъ, чтобы никогда уже болѣе не встрѣчаться съ русскимъ мужикомъ на охотѣ.

— Видите-ли, господа, закончилъ Трунинъ свой разсказъ: я уже не молоденькій... А cadaго молодаго охотника русскій мужикъ непремѣнно эксплуатируетъ! Но не денегъ мнѣ жаль и моихъ вещей, а я простить себѣ не могу то, что въ сорокалѣтнемъ возрастѣ не умѣю „противиться злу“, такъ нагло и такъ безнаказанно насмѣявшемуся мнѣ въ глаза! До сихъ поръ я хмурю брови, какъ вспомню объ этомъ. Кромѣ того, что Артемій всего обобралъ меня и объѣлъ Фукса, я не поручусь, что онъ не разсказываетъ другимъ объ

уплатѣ собственныхъ денегъ за ночлегъ колони-
стамъ или сторожу за охоту на чужой, арендо-
ванной землѣ. Какъ пріѣзжій, я не могу доказать:
стояли-ли мы на тягѣ въ лѣсу, оберегаемомъ
Артеміемъ или въ чужомъ, принадлежащемъ со-
сѣду-охотнику. Не только карманомъ, но и име-
немъ своимъ мы платимся, когда охотимся вмѣстѣ
съ мужикомъ. Всегда онъ нарываетъ нагрѣть васъ,
выманить что-нибудь и поживиться на вашъ счетъ,
да еще прилгнуть и стороной наклеветать на го-
сподина-охотника...

Я хотѣлъ возразить Трунину, что онъ имѣлъ
дѣло не съ мужикомъ, а съ отставнымъ урядни-
комъ...

— Э, полноте! чистокровные, „синтетическіе“
мужики въ настоящее время встрѣчаются только
въ книгахъ. Я говорю о живыхъ пейзажахъ, а не
теоретическихъ!..

— Но одинъ печальный случай нельзя прини-
мать за общее правило...

Я не успѣлъ окончить свое возраженіе. Въ
этотъ самый моментъ наши взоры невольно обер-
нулись на одну изъ сторонъ горизонта и мы
схватились за ружья. Хотя солнышко еще не сѣ-
ло, но совершенно неожиданно вдоль лѣса тя-
нулъ вальдшнепъ, и вдругъ, почти подъ прямымъ
угломъ, рѣзко повернулъ на дымокъ нашего кост-
ра. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ и вальд-
шнепъ, живописно перевернувшись въ воздухѣ,
умеръ еще не прикасаясь земли. Мы вскочили съ
своихъ мѣстъ и при помощи моей Беллы отыска-
ли въ кустахъ сваливагося вальдшнепа.

Затѣмъ мы тотчасъ-же разошлись по разнымъ

полямъ вдоль ручья, жадно всматриваясь въ посинѣвшія небеса и отыскивая глазами по разнымъ сторонамъ плавный, проворный полетъ долгоносика, съ свойственнымъ ему сладострастнымъ карканьемъ и шипѣньемъ.

Началась тяга...

ПОИСКИ ЗА СТРАХАМИ.

Проживая въ Петербургѣ, я хотѣлъ Петровъ день, 29 Іюня, провести съ моей легавой собакой на дачѣ у одного знакомаго и вознаграждать мою Беллу тѣмъ, что вмѣсто настоящей охоты съ ружьемъ, разрѣшаемой у насъ съ 15 іюля, она побѣгаетъ свободно на просторѣ полей и луговъ. Едва, послѣ дождей и холодовъ у насъ установилась хорошая погода, какъ моя собака не выпустила меня изъ комнаты, безъ того, чтобы не попроситься гулять со мною. Она отлично знала, когда я собирался въ гости. Стоило мнѣ подойти къ умывальнику и освѣжиться передъ выходомъ водою, взять гребень или остановиться передъ шляпой, какъ Белла бросалась мнѣ на грудь и затѣмъ, отскочивъ къ двери, вопросительно смотрѣла въ глаза, дожидаясь разрѣшенія идти вмѣстѣ. Если я оставлялъ ее одну, она бросалась нюхать мои охотничьи сапоги, ружье и, успокоившись тѣмъ, что я ушелъ не на охоту, ложилась

.

въ зало на креслѣ, съ страшной тревогой дожидаясь моего возвращенія.

Наканунѣ Петрова дня я принужденъ былъ взять ее съ собою за городъ. Такъ трогательны были ея просьбы и ласки!

Не смотря на сильный вѣтеръ, день былъ ясный и теплый.

По желѣзной дорогѣ мы проѣхали до ст. Ланской, а въ Лѣсномъ прошли паркомъ къ мѣсту, гдѣ останавливается дилижансъ. Оказалось, что за нѣсколько минутъ до нашего прихода онъ ушелъ изъ Лѣснаго въ Мурино, а извозчики за четыре версты пути просили слишкомъ дорого.

Пока я переходилъ съ недовольнымъ видомъ отъ одного къ другому, мимо меня проѣхала согнутая фигура мужика въ бѣломъ кафтанѣ, съ бѣлымъ лицомъ, бѣлыми волосами и такими-же бѣлыми, грустно-добрыми глазами. Это былъ „желтоглазый“ чухонецъ на своей маленькой, высокой телѣжкѣ съ двумя колесами посрединѣ. Отѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ повернулъ назадъ голову и придержалъ возжи. Видимо онъ изучилъ нравы извозчиковъ, готовыхъ всегда сорвать съ запоздалаго пассажира въ тридорога за провозъ и ждалъ конца нашихъ переговоровъ.

Я, наконецъ, плюнулъ и подошелъ къ чухонцу.

— Но доѣдимъ-ли мы съ тобой?

— Садись, баринъ. Не будешь шибко гнать, такъ доѣдемъ.

— Ладно, вези.

На телѣгѣ были увязаны два небольшихъ мѣшка, крытыхъ рогожей. Чухна спустился съ нихъ

на дно телѣги, а мнѣ предложилъ забраться на эти мѣшки и держаться за веревку.

— Мы оба помѣстимся на мѣшкахъ.

— Сиди одинъ, отвѣтилъ тотъ и тронулъ лошаадь.

Свѣтло - коричневая, малорослая и лохматая лошааденка рванула изъ всѣхъ силъ и телѣга быстро запрыгала по мощенному камнемъ шоссе.

— Хороши ваши лошади... Даромъ что худыя и на видъ невзрачныя.

— Чухонскія лошади всѣ такія.

— А ты чухонецъ?

— Извѣстно чухонецъ; чай, видать.

— Финляндцы такіе-же.

— Не-е! Чухонскую рожу сейчасъ отличишь.

— А что?

— Мать такая наша: что лошаадь, что человекъ; оба оплеванные. У финляндца совсѣмъ другое обличіе.

— Что-же: лучше что-ли?

— Вифляндія-то?

— Ну, пожалуй, Вифляндія...

— Правила тамъ подтверже, серьезно отвѣтилъ онъ. Въ Россіи-то ты укради, тебя подержутъ да выпустятъ; а въ Вифляндіи законъ строгъ и люди строже нашихъ.

— Да?

— Вѣрно—слово! Ты посмотри на русскій народъ. Какъ ему и строгимъ-то быть? Ишь, все шоссе застроили нарядными дачами, а посередь дачъ-то все кабаки да портерныя. Ну, народъ, знаешь, съ измальства здѣсь гуляетъ и балуется. Въ мою-то пору: я еще тогда въ услуженіи былъ,

при Николаѣ Павловичѣ, — закуришь себѣ папироску, а какъ увидишь идетъ постарше тебя человѣкъ, такъ и прячешься, а нынѣ нѣтъ ни надѣ кѣмъ старшихъ, не отъ кого и прятаться.

— Всѣ равны?

— Равны и есть. Куды только и страхъ этотъ дѣлся передъ старше тебя человѣкомъ.

— Да зачѣмъ-же онъ тебѣ?

— А какъ-же безъ страху жить? Ну людей не боишься, Бога бойся. Вѣдь людей ты обманешь, а Бога не-е... Не обманешь! Страху у нынѣшнихъ людей нѣтъ; оттого и жизнь ослабла... Порядки хуже. А ты что, спросилъ онъ вдругъ, перемѣняя разговоръ: табакъ не куришь?

— Не привыкалъ.

— Хорошее дѣло. А вино потребляешь?

— Тоже нѣтъ.

— Совсѣмъ не пьешь?

— Совсѣмъ.

— Куда-жъ ты деньги дѣваешь? Можетъ въ карты играешь?

— Въ руки не беру.

— А жена есть?

— Я холостой.

— Гмъ! значитъ вотъ куда деньги идутъ...

Засмѣявшись, я сказалъ, что и женщины меня не разоряютъ.

— Какой-же ты вѣры, если не пьешь, не куришь въ карты не занимаешься и характеръ свой бережешь отъ женскаго пола?

Вопросъ этотъ невольно меня заинтересовалъ; тѣмъ болѣе, что во время разговора мы незамѣтно проѣхали полпути.

— Если ты правду говоришь, что православный, то видно ты Бога боишься, замѣтилъ онъ, послѣ моего отвѣта.

— А что?

— Въ законѣ твердъ; а гдѣ теперь сыщешь такихъ людей? Эхъ, кабы сегодня моя лошадь поѣла овсеца, довезъ-бы я тебя даромъ... А если-бъ до моей деревни согласился ѣхать, то вотъ - бы тебѣ сказалъ большое спасибо. Ничего-бы не взялъ съ тебя! Я страсть люблю поговорить съ человѣкомъ, который Бога боится.

— Спасибо, братъ. Но мнѣ надо скоро будетъ слѣзать, а тебѣ дальше ѣхать..

— То-то и оно! Разговоръ-то твой мнѣ по душѣ. Ужъ сколько годовъ не вижу такого человѣка, который-бы имѣлъ въ себѣ страхъ. Въ писаніи-то сказано, что придетъ время и отдѣлится Господь Богъ праведныхъ людей отъ неправедныхъ, а сатана погонитъ нечестивыхъ къ себѣ въ адъ... Да, нынѣшній народъ ничего не боится! Если-бъ здѣсь ему нагнать грозу, то можетъ онъ и вспомнилъ бы Бога; а того онъ не думаетъ, что здѣсь-то мы вотъ съ тобой говоримъ, а завтра, глядишь, оба помремъ... Ну, а на томъ свѣтѣ будешь маяться до тѣхъ поръ, пока самъ Богъ перестанетъ быть Богомъ. А когда это будетъ? Подумать страшно.

— Развѣ и Богу конецъ будетъ?

— Должно! увѣренно отвѣтилъ чухна. Все къ концу идетъ... Богъ прежде чаще съ нами былъ, а теперь почитай не видать.

— Что-же тогда съ нами будетъ?

— А что съ тобой было, когда ты еще не ро-

дился? спросилъ онъ въ свою очередь. Тоже будетъ со всѣми нами, когда все придетъ къ концу. Ты вотъ о чемъ подумай... Страсть! Конецъ всему! Сказать боязно. Я такъ каждый день жду кончины свѣта, а начну искать страха у своихъ домашнихъ, такъ имъ хоть что! Истуканы! Право истуканы! А тоже къ пастору ходятъ, да все зря: языкъ только трепать, а страху въ душѣ ни столичка...

Онъ сложилъ три пальца шепотью и выразительно поднесъ ее къ своему лицу.

— Разсудкомъ, говорятъ, я тронулся. Спасибо, что не бьютъ... А того не замѣчаютъ, что я ищу страхъ въ людяхъ, а взамѣнъ страха-то нахожу одну отважность. Вотъ отчего и раззоренье, и гоненье другъ на дружку пошло. Всѣ умны стали, одинъ умнѣе и отважнѣе другого. Ни староста не угодить мужикамъ, ни Царь — господамъ; всѣ хотятъ сами равняться. Ты ему ни братъ, ни свать, а онъ самъ себѣ господинъ. И бабы-то нынѣ такія-же! Тоже, поди, безстрашныя. Ты ей слово, а она тебѣ десять; да все наровить крикомъ... А побить и не моги. Куды! руки коротки... Сама въ бороду, кричитъ, вѣплюсь. Пакость эдакая!

Чухна сплюнулъ въ сторону.

— Значить замѣтилъ я, когда были строгіе господа, народъ болѣе страшился грѣха?

— Ты себя самого бойся, отвѣтилъ онъ рѣзко. Безъ господина бойся грѣха... Баринѣмъ нынѣ не запугаешь мужика. Господинъ у насъ одинъ Богъ. А не будешь Его бояться, чортъ станетъ твоимъ господиномъ. Завсегда гляди за собой, нѣтъ ли грѣха? А пуще хмѣльнаго въ ротъ не бери, да безстрашнаго человѣка бѣги... Со стра-

хомъ! живи Глядишь, и смерть не такъ скоро придетъ за тобой. А самое крѣпкое желаніе у человѣка остается одно: чтобы смерть не напугала его. Покойная смерть всего дороже на землѣ! Страху натерпѣлся въ жизни и смерти не испугаешься, когда придетъ за тобой. Покойная смерть всего дороже; вотъ о чемъ я говорю съ тобой. А народъ нашъ и смерти-то не боится. Ты его хоть пугай, хоть не пугай, онъ, какъ дерево... Потому страху въ немъ нѣтъ. Не найдешь въ немъ страха! Ты что? Али слезать хочешь?

— Мнѣ пора. По этой тропинкѣ короче дорога къ дачѣ моего пріятеля. Дойду пѣшкомъ.

Я слѣзъ съ телѣги и простился съ моимъ философомъ, ищущимъ спасенія человѣческаго рода въ развитіи чувства страха.

Если-бъ онъ былъ одинокъ въ своихъ поискахъ за страхами, то не стоило бы объ этомъ и говорить; но странствуя по Россіи, я чувствовалъ сильное стремленіе нѣкоторыхъ элементовъ въ народѣ ко всему страшному и угрожающему. Отсутствіе страха въ молодомъ крестьянскомъ поколѣніи пугаетъ и оскорбляетъ „отцовъ“ на столько, что они временами вспоминаютъ „господъ“ и строгіе законы съ публичными тѣлесными наказаніями и Сибирью.

Чухна, служившій въ солдатахъ при Николаѣ Павловичѣ, тоже опечаленъ отсутствіемъ въ современныхъ ему людяхъ чувства страха, но вмѣсто грознаго до-реформеннаго царствованія, онъ остановился на страхѣ Божіимъ передъ мыслію что все идетъ къ концу, а люди гуляютъ и веселятся...

Я шелъ узкой тропинкой по направленію къ дачѣ, а съ обѣихъ сторонъ у меня шумѣла рожь, и ласточки, перерѣзывая ее по всѣмъ направленіямъ быстрымъ своимъ полетомъ, съ веселымъ крикомъ налетали на самый носъ моей собаки и, рѣзко повернувъ въ сторону, исчезали въ воздухѣ. Вдали, въ небольшой рощѣ, допѣвала кукушка свою однообразную, но въ полѣ удивительно грустную и мелодичную пѣснь, какъ бы предчувствуя, что зрѣетъ ржаной колосъ, а затѣмъ ей придется оставить нашъ сѣверъ.

— Неужели на землѣ всего дороже покойная смерть? подумалъ я, вспоминая чухонца и невольно спрашивалъ самого себя: правда ли, что все идетъ къ концу?

Рожь выпрямляла передо мною свои зеленые колосья и стучала ими другъ о дружку. Чѣмъ болѣе я всматривался въ это растилагоющееся море хлѣбной травы и безоблачное надъ нимъ небо съ теплыми лучами солнца, тѣмъ сильнѣе вѣрилось, что не одна покойная смерть всего дороже человеку и не чувство страха спасетъ его отъ паденія, а также и свѣтлыя, чистыя, душевныя радости и матеріальное благополучіе...

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Тяжелыя впечатлѣнія выносишь всегда изъ лѣтняго своего пребыванія въ деревнѣ. Ъдешь туда отдохнуть душой и нервами, мечтаешь о сельской тишинѣ и кротости людей, живущихъ лицомъ къ лицу съ природой, хочешь на свободѣ поработать и почитать безъ развѣдающихъ насъ въ столицѣ споровъ и встрѣчъ, наконецъ, укрѣпившись духомъ и физически, ожидаешь конца лѣта и возвращенія въ Петербургъ „на печаль и страду“. Что же въ дѣйствительности встрѣчаетъ и ожидаетъ васъ „на лонѣ природы?“ Съ одной стороны—объединеніе народной массы и изумительная хитрость на выдумки съ голодухи лицъ изъ ея среды; съ другой стороны — „веселящіеся“ крестьянскіе „мальцы“ болѣе или менѣе зажиточныхъ и всякихъ иныхъ „отцовъ“. До чего голь хитра на выдумки, можно судить изъ того, что въ моей лѣтней резиденціи,—въ лѣсномъ погостѣ Псковской губерніи,—среди мховъ и болотъ, существуетъ, такъ сказать, цѣлая община обнищалаго народа, живущаго исключительно „выдумкой“. Я называю этихъ мужиковъ, для которыхъ земля была „мачихой“, членами общины-нищихъ потому, что всѣ они удивительно солидарны между собою, охотно помогаютъ другъ-другу, если есть чѣмъ помочь, и еще охотнѣе глумятся другъ надъ другомъ, если не на что опохмѣлиться или перекусить хлѣба въ теченіе сутокъ или двухъ. Всѣ они отвыкли отъ труда и всѣмъ онъ имъ ненавистенъ,

потому регулярно работать имъ не для кого: собственной семьи у нихъ не бывало; земля какая-то тамъ сдана, изба продана... Работаютъ они урывками и все тотчасъ же пропиваютъ въ кабацѣ весело и беззаботно. Одинъ изъ нихъ, чтобъ быть вѣчно „въ угарѣ“, выдумалъ ставить крестьянамъ банки и пускать имъ кровь. Это самый обезпеченный и лечение его самое популярное въ народной средѣ. Всякій больной, изъ крестьянъ чрезвычайно вѣритъ въ плодотворность банокъ и кровопусканья, а нашъ „дешевый лечитель“, съ пьяныхъ глазъ, валяетъ банки и здоровымъ на всякій случай, благо всегда находятся на это охотники. Со стороны можно хохотать надъ тѣмъ, какъ этотъ пьяница догадался въ одно прекрасное утро объявиться въ нашемъ Моховомъ краѣ „докторомъ“: чуть что у кого заболѣло, онъ берется за банки и, говорятъ, помогаетъ... „Рука у него легкая и счастливая... Всякую хворь сыметъ“. Вблизи же это дѣло далеко не представляется смѣшнымъ. Какъ посмотришь на этого „Петьку-хромого“: маленькаго мужичка, съ ухмыляющейся рожицей и помутившимся отъ пьянства разсудкомъ, когда онъ моетъ свои банки и собирается „на практику“, требуя отъ пріѣхавшаго за нимъ на подводѣ мужика „поднесенія“, такъ вамъ не только не смѣшно, но даже и не досадно на самого „Петьку-хромого“, а все негодованіе рвется по адресу мѣстныхъ врачей и земскихъ заправиль уѣзда, не умѣвшихъ успѣшно бороться съ деревенскимъ знахарствомъ. Чувствуешь въ то же время во-очію, что административныя и полицейскія мѣры противъ деревенскаго знахаря сдѣлали

бы его тотчасъ же въ глазахъ народа „мученикомъ“ и этотъ самый народъ еще съ большимъ довѣріемъ шелъ бы къ своимъ колдунамъ и знахарямъ, чѣмъ къ научно-образованному врачу. Къ чести нашихъ всероссійскихъ съѣздовъ врачей памяти Пирогова, надо сказать, что большинство изъ нихъ видѣли источники знахарства въ дурной постановкѣ земской медицины и неудовлетворительномъ личномъ составѣ земскихъ врачей. Кто же изъ врачей не помнитъ, какъ всѣ они единодушно возстали на д-ра Эбермана и его полицейскія мѣры противъ знахарства и какъ пріятно было услышать благородное сознаніе д-ра Эбермана въ томъ, что онъ радъ отказаться отъ своего мнѣнія, видя такую готовность врачей бороться противъ бездипломныхъ лечителей научными мѣрами, милосердіемъ и гуманностью къ страдающему населенію.

Съ „Петькой-хромымъ“ бываютъ случаи, когда онъ самъ, отъ чрезмѣрнаго пьянства, не можетъ ставить банки, тогда его банки забираетъ другой членъ общины-нищихъ, — такой-же пьяница, но проспавшійся. Этотъ, тоже дешевый лечитель, перенявъ кровеочистительное искусство отъ Петьки-хромого, подумываетъ уже отдѣлится отъ него и самостоятельно практиковать гдѣ-нибудь въ другомъ краю моховаго пространства, населеннаго по островамъ темнымъ крестьянствомъ, куда земскій врачъ иногда не можетъ, а чаще не захочетъ ни пройти, ни проѣхать. Иное дѣло Петька-хромой или его рослый товарищъ: по древеснымъ кладкамъ въ кулакъ толщины они пройдутъ самыя мокрыя мѣста на десятки верстъ и въ каж-

дой деревнѣ найдутъ желающихъ пустить себѣ кровь или поставить банки. Нѣтъ сомнѣнья, что Петька-хромой скоро научится дѣлать изъ травъ какое нибудь слабительное и примется лечить имъ всевозможные „пупы сошедшіе съ мѣста“, и т. д. Не менѣе оригинальными членами общины-нищихъ представляются и тѣ изъ нихъ, которые смотрятъ на сборъ милостыни, какъ на правильный и весьма доходный промыселъ. Они идутъ собирать ее христовымъ именемъ не послѣ пожара въ деревнѣ или неурожая хлѣба, а преимущественно тогда, когда прежній „заработокъ“ уже пропитъ ими. Именно заработокъ!

Они такъ и говорятъ, что милостыней зарабатываютъ въ день иногда по 30 и 40 копѣекъ. Деньгами, конечно, имъ никто не подаетъ; но набравъ пуда полтора или два кусковъ хлѣба, они продаютъ „куски“ помѣщикамъ, лавочникамъ, кабатчикамъ, сельскимъ учителямъ и т. п. на кормъ свиньямъ или лошадямъ. Среди этихъ оригинальныхъ торговцевъ есть также и молодая женщина, высланная изъ Петербурга за легкомысленное поведение и теперь живущая здѣсь при помощи „кусковъ“ и умѣючи пѣть въ праздники по корчмамъ шансонетки и канканировать передъ изумленными мужиками. „Питербургскія пѣсни и танцы“ даютъ ей излишекъ заработка, котораго не имѣютъ ея товарищи по торговлѣ „кусками“. Наконецъ, въ этой же обнищалой и весело живущей средѣ обрѣтается субъектъ „неопредѣленныхъ лѣтъ“, помогающій пріѣзжимъ охотникамъ разыскивать на болотахъ дичь, а мѣстной кабатчицѣ или лавочницѣ—выпроваживать кулаками за дверь перепившихся

мужиковъ. Онъ живетъ „въ услуженіи“ у двухъ дѣвушекъ, сидящихъ въ кабаѣ своего родственника и не всегда могущихъ справиться женскими силами съ пьяной публикой. За услугу вышвырнуть за дверь разбуянившагося мужика, онъ получаетъ въ день стаканъ водки, ломоть хлѣба съ похлебкой и правомъ ночевать въ кабаѣ и караулить выручку. Замѣчательно, что всѣ они: и знахари и торгаши „кусочками“, и опереточная пѣвица и охранитель кабатчицъ — очень дружны между собою и, когда одинъ имѣетъ деньги, а другіе нѣтъ, то онъ угощаетъ всѣхъ водкой, а когда самъ безъ денегъ, — его угощаютъ другіе. Слѣдовательно, всегда кто-нибудь покупаетъ водку, а другіе пьютъ и всѣ вмѣстѣ каждый день пьяны. Они также жалостливы другъ къ другу и одно и то же рубище зачастую покрываетъ по очереди нѣсколько тѣлъ отъ дождя и холода. Но жить и наблюдать этихъ людей все-таки очень тяжело: всѣ эти Петьки-хромые, Моховики, Сашка-побируха, Митька-канавщикъ, Пененокъ и цѣлый рядъ кандидатовъ въ общину нищихъ, прогорающихъ въ кабаѣ мужиковъ à la Михаилъ Ивановичъ Черногорязскій, достойны глубокаго состраданія. Ни къ одному изъ нихъ нельзя отнести съ той строгой справедливостью, съ какою мы судимъ другихъ людей. Всѣ они нуждаются въ снисхожденіи и великодушіи. При этомъ условіи они еще могли бы существовать безъ „банокъ“, „кусковъ“, „канкана“ и т. д. Но въ какомъ работодателѣ найдутъ они это снисхожденіе и великодушіе? Можно-ли требовать отъ современнаго человѣка этихъ наивысшихъ христіанскихъ добродѣтелей, когда въ

рѣдкомъ изъ насъ развито и самое чувство справедливости? А эти обнищавые люди, берущіеся у васъ работать и запивающіе, — не могутъ подлежать суду обыкновенной справедливости и законности. Они не были-бы тѣмъ, чѣмъ мы ихъ знаемъ, если-бы къ нимъ можно было относиться такъ-же, какъ къ другимъ рабочимъ. Чѣмъ справедливы вы къ нимъ, тѣмъ они несостоятельны и еще болѣе обречены на жизнь, влекомую ими въ настоящее время. Ихъ можно держать у себя и входить съ ними въ дѣловые отношенія при условіи прошенія и снисхожденія къ ихъ безхарактерности. Здѣсь не мѣсто говорить: кому нужно возиться съ такими? Нужно тѣмъ, у кого содрогается душа при видѣ этихъ людей, обреченныхъ жить „выдумкою“, а умирать въ острогѣ. При этомъ надо замѣтить, что всякій все-таки эксплуатируетъ ихъ, пользуясь дешевизной ихъ труда, когда приходитъ у нихъ фантазія или нужда работать. Затѣмъ, когда фантазія работать у нихъ проходитъ, ихъ гонять вонъ и ругаютъ. А между тѣмъ, послѣ передышки и перемѣны впечатлѣній, они могли-бы вновь работать; но, конечно, для такихъ рабочихъ найдутся хозяева въ будущемъ столѣтіи послѣ дождика въ четвергъ. Какъ жалки эти люди, у которыхъ нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ, такъ менѣе жалки и скорѣе противны многіе зажиточные и, нормально живущіе крестьяне. Конечно, эти послѣдніе трудятся за настоящей мужицкой работой и никто не упрекнетъ ихъ въ лѣни и шарлатанствѣ. Но вотъ они оставили работу и дождались праздника.

— Хочешь чаю? спрашиваешь одного изъ нихъ,

пришедшаго въ гости съ цѣпочкой на жилетѣ, но безъ часовъ.

— Чаю-то что, а ты-бы далъ праздничнаго... Онъ водку называетъ „праздничнымъ“.

— Зарокъ далъ не пить водку отъ воскресенья до перваго поднесенія.

— Пей, да дѣло разумѣй!..

То-то и оно, что вмѣстѣ съ питьемъ современный мужикъ просто „сатанѣтъ“: идетъ на „гулянку“ и запасается камнемъ... Въ эти „гуляющіе дни“ вы забываете его трудолюбіе и презираете его. А гуляющіе дни суть: „праздничное“ — день какого нибудь святого въ приходѣ или простое молебствіе въ полѣ; „ярмарочное“ — обыкновенная, деревенская ярмарка: „гулянка“ на улицѣ, „корчма“ и т. д. Не быть пьянымъ — значитъ не имѣть праздника, а быть пьянымъ значитъ раздѣлать подъ орѣхъ другого пьянаго или самому очутиться въ амбулаторіи у земскаго врача для освидѣтельствванія переломовъ и подтековъ. Молодому крестьянину мало одного хмѣльнаго; ему надо болѣе сильныхъ ощущеній, драки, крови, сраженія. Достаточно встрѣтиться въ кабацѣ длинноволосому мужику новоржевскаго уѣзда, съ мужикомъ опочечкаго уѣзда, гдѣ иногда стригутъ волосы чуть не подъ гребенку или подъ польку, какъ простыя шутки надъ „стриженнымъ“ тотчасъ-же переходятъ въ брань и драку съ камнемъ или коломъ въ рукѣ. Ничтожность предлога для драки и убійства — изумительная, а между тѣмъ въ этомъ-то вся и опасность. Парни, ребята, мальцы, — т. е. молодые люди, а также и семейные въ праздникъ превращаются въ бойцовъ съ мутными взглядами, клокотаніемъ

крови и гнѣвомъ въ головѣ и сердцѣ. При встрѣчѣ вы даете имъ дорогу и счастливы, если васъ не обругали или не привязались сначала къ вашей собакѣ: „По какой она дичи ходитъ—по мокрой или сухой“; а затѣмъ къ вамъ лично: „Кто ты такой, да зачѣмъ такъ далеко заѣхалъ?“ Если вы будете имѣть терпѣнье отвѣчать на праздное и пьяное любопытство толпы, то ея самолюбіе будетъ удовлетворено и изъ дерзко-настроенной она мгновенно дѣлается на время ласковой и услужливой. Вы не сопротивлялись ей; вы признали за ней право останавливать встрѣчныхъ и поперечныхъ для разговоровъ съ ея пьянымъ степенствомъ. Но если вы, по-горячности, пошлете ихъ ко всѣмъ чертямъ съ распросами, то, пожалуй, васъ искупаютъ въ пруду, если во время не успѣете схватиться за заряженное ружье. Это все факты, а не вымыслы. Деморализація нравовъ простого народа, въ особенности молодого поколѣнія — страшная. Стоитъ только упомянуть, что нигдѣ такъ часто не бываетъ тяжкихъ увѣчій и убійствъ, какъ на гулянкахъ и въ праздничные дни у нашего крестьянина. Гулянье—это не жизнерадостный день для него, а роковой: ему или врагу быть сегодня съ развороченной камнемъ головой... Ну, а что-же школа-то дѣлаетъ? невольно задаешь вопросъ. А управы чего-же спать и не требуютъ отъ учителей воспитанія дѣтей на лучшихъ началахъ? Неужели довольно счета и письма, которые къ тому-же съ годами крестьяниномъ забываются, и значеніе школы сводится на нѣтъ? Неужели учителямъ, а равно и прочимъ земскимъ дѣятелямъ совершенно чужда обязанность нравственно вос-

питывать молодое поколѣніе крестьянъ? На эти вопросы жизнь уже дала свои отвѣты. Лучшіе изъ учителей почему-то думаютъ, что проповѣдь и школа слабѣе жизни и вліяніе первой ничтожно передъ жизненными условіями крестьянской среды; худшіе-же изъ нихъ—сами тѣ-же мужики, только съ знаніемъ звуковаго метода. Они не считаютъ нужнымъ приучить дѣтей ни къ мылу, ни къ гребешку, ни къ домашней тишинѣ въ комнатѣ или остановить дѣтское вниманіе на жестокомъ обращеніи съ животными, когда дѣти травятъ собаками кошку или лѣснаго ежика; собаку не кормятъ, а запрягаютъ ее для забавы зимою въ салазки и катаются на ней съ горы; а отцы ихъ дуютъ несчастную, изъ силъ выбившуюся лошадь палками и кнутами среди бѣлаго дня, среди большого села. При общежитіи въ школѣ, учитель не научить дѣтей „товариществу“ и дружбѣ, не внушить болѣе зажиточнымъ дѣтямъ потребности дѣлиться достатками съ неимущими дѣтьми, а болѣе развитымъ—помогать въ наукѣ менѣе развитымъ и отсталымъ. Вся эта ланкастерія едва-ли извѣстна и самому учителю-то! Какже требовать отъ него, чтобы онъ могъ нравственно, въ бытовомъ смыслѣ, вліять не только на пребывающихъ въ школѣ дѣтей, но и на выпускныхъ: внушить имъ необходимость защищать женщину, въ томъ числѣ и собственную мать, отъ произвола и деспотизма мужика въ семьѣ; избѣгать „уличности“, выражающейся въ томъ, что мужикъ не радуется и не печалится у себя въ избѣ по домашнему, а несетъ соръ на улицу и реветъ и сквернословитъ во все горло на широкой дорогѣ, кончая „гулянкой“. Не на-

учить учитель юношу и тому, чтобы послѣдній не разрывалъ связи со школой, по выходѣ изъ нея, а продолжалъ бы пользоваться совѣтами и указаніями просвѣщеннаго педагога, бралъ бы у него или у другихъ лицъ уѣзда читать книги и газеты, чтобы знать и чувствовать конецъ свѣта не на краю своего моховаго болота или подъ навѣсомъ амбара на гулянкѣ. Трудная эта задача, но вѣдь рѣшеніе ея не требуется къ сроку. А пока народная школа, земскія собранія и управы не усвоили точки зрѣнія нравственнаго и бытоваго перевоспитанія подрастающаго крестьянства, до тѣхъ поръ еще долго будутъ торжествовать надъ школой водочные заводы да остроги.

„НЕМЫТАЯ“ ГУБЕРНІЯ.

I.

Когда мнѣ приходилось бывать въ черноземныхъ дворянскихъ губерніяхъ, то несмотря на большую нужду среди крестьянъ, эти губерніи, можетъ быть совершенно случайно, мнѣ нравились болѣе, чѣмъ часто посѣщаемыя мною Псковская, Смоленская, Новгородская и т. п. „сѣрыя“ и „немытыя“ губерніи, по выраженію мѣстныхъ крестьянъ. Уцѣлѣвшіе до настоящаго времени на черноземѣ знакомые мнѣ дворяне окрѣпли на немъ и говорятъ о землѣ съ любовью, какъ о капиталѣ,

который не горить, не тонетъ и не боится воровъ. Я именно знавалъ много такихъ аграріевъ... Они сумѣли завести у себя въ усадьбахъ не только зерновое хозяйство, но и новыя культуры, не чуждаясь поставки и переработки сырья на заводахъ и фабрикахъ. Правда, иногда они мечтаютъ о предоставленіи всѣхъ служебныхъ мѣстъ въ уѣздѣ исключительно дворянамъ и сочиняютъ эту тему проекты, но осуществленія имъ, разумѣется, не послѣдуетъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ я встрѣчалъ также значительное число образованныхъ техниковъ, докторовъ и мѣстныхъ земцевъ, не чуждающихся другъ-друга и не жалующихся на захолустное одиночество и одичанье. Живутъ интимно, выписываютъ журналы и газеты, обмѣниваются ими между собою, видятся часто другъ съ другомъ и живутъ нескучно. Конечно, такія явленія наблюдаются оазисами. Одновременно, эти дѣятельные люди озабочены и правильною постановкою умственного развитія простого народа.—Разъ дозволено доставлять народу нравственные развлечения, слѣдовало-бы разрѣшать и книгу, говорить они.—Безъ книги всякія развлечения создаютъ изъ народа „толпу“. Прогрессъ съ музыкой и пляскою, безъ книги и самодѣтельности, хуже бѣдности.

Въ этомъ году мнѣ пришлось посѣтить моихъ „земскихъ дворянъ“ всего на нѣсколько дней и я торопился отъѣхать изъ центровъ на сѣверъ, въ Новоржевскій и Холмскій уѣзды Псковской губерніи: къ „полевцамъ“ и „моховикамъ“, какъ величаютъ себя тамъ крестьяне, живущіе одни на поляхъ—суходолѣ, а другіе—на островкахъ среди

мало проходимыхъ моховыхъ болотъ. „Немытая“ губернія всегда производила на меня тягостное впечатлѣніе... Помѣщикъ Псковской губерніи почти поголовно сбѣжалъ въ Петербургъ на службу; а остающіеся торопятся продать свои села хищникамъ-арендаторамъ и евреямъ, вмѣсто того, чтобы при помощи банка переуступить земли сельскимъ обществамъ и своимъ интеллигентнымъ участіемъ помочь крестьянамъ перейти къ новымъ формамъ хозяйства. При готовомъ трудѣ въ крепостное время они заботились о возмѣщеніи земель кормовыхъ средствъ, объ удобствахъ путей сообщенія, объ ярмаркахъ и объ общемъ оживленіи края; мужика драли, но послѣдній тѣмъ не менѣе походилъ на самого себя, а не на „посадскаго“... Теперь будущее улыбается только перекупщикамъ дворянскихъ селъ со столѣтними липовыми рощами и фруктовыми садами, да молодому крестьянскому поколѣнію, воспитавшемуся на „гулянкахъ“ и мечтающему болѣе о „наживныхъ мѣстахъ“, на петербургскихъ фабрикахъ, чѣмъ о своей надѣльной землѣ...

Проводить лѣто на отдыхъ въ „сѣрыхъ“, „немытыхъ“ губерніяхъ становится уже все менѣе и менѣе привлекательнымъ. Эта сѣрость начинается подъ самымъ Петербургомъ. Въ іюль мѣсяцъ я проѣхалъ на два дня въ Новгородскую губернію, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи Любани, и мѣстная жизнь сѣраго, невѣжественнаго населенія тотчасъ-же отравила всѣ мои впечатлѣнія...

Поэтическая мыза моего пріятеля построена рядомъ съ деревней. Во время нашей съ нимъ

прогулки по деревнѣ, на самомъ интересномъ мѣстѣ нашихъ съ нимъ бесѣдъ о литературѣ и русской жизни, мы слышали въ одной избѣ крики и стоны.

— Это опять Федоръ бьетъ жену, сказали помѣщикъ съ раздраженіемъ, обрушиваясь на волостного старшину, который тутъ-же рядомъ на улицѣ возился около своей избы и спокойно чинилъ телѣгу.—Чего-же бездѣйствуете? повышая голосъ кричалъ мой благопріятель: — Около васъ увѣчатъ человѣка, а вы и ухомъ не ведете...

— Это мужъ съ женой, отвѣтилъ спокойно старшина, не кланяясь барину и не оставляя своего занятія.

— Мужъ съ женой! Не угодно-ли! И это волостной старшина!.. Что-жъ, вы думаете, что мужъ имѣетъ право изувѣчить жену? Ждете, когда онъ убьетъ ее?..

— Еслибъ было заявленіе съ ея стороны...

— Что? Заявленіе съ ея стороны? Входящую бумагу ждете? Ахъ, вы, черномазый чиновникъ! Вотъ онъ новый типъ черномазаго чиновника... Крестьяне выбрали его своимъ начальствомъ, правъ у него хоть отбавляй, а онъ умѣетъ только отписываться на бумагѣ да печать прикладывать... Это онъ умѣетъ! Быстро понялъ... Но чѣмъ-же вы тогда отличаетесь отъ всякаго мужика? Зачѣмъ-же вы шли въ волостные старшины? Входящую бумагу подай ему; онъ ее съ волостнымъ писаремъ почитаетъ и пошлетъ далѣе по инстанціямъ гулять... Онъ не хочетъ пальцемъ шевельнуть. На его глазахъ мужъ съ утра до вечера тиранитъ жену, и однажды, на зло женѣ, засыпалъ подъ рубашку

соли собственной двухлѣтней дочери. Вся деревня знаетъ о томъ, какъ дѣвочка страдала отъ разъядающей боли, а старшина ждетъ формальной жалобы!.. Вотъ гдѣ зло наше!.. Я вотъ кричу на всю деревню, что это ваше дѣло пойти въ избу къ Федору и пристращать его арестомъ, или убѣдить словомъ въ томъ, чтобы онъ рукамъ воли не давалъ надъ женой и дѣтьми! Это ваше дѣло... Если я вмѣшаюсь, то будетъ хуже!

— Пока жена не заявитъ о побояхъ мужа, произнесъ старшина, продолжая запрягать лошадь въ тѣлегу:—до тѣхъ поръ я не имѣю права...

— Врете вы! Правъ у васъ больше, чѣмъ у меня; но вы существуете въ деревнѣ только затѣмъ, чтобы отписываться да печати прикладывать... Это умѣетъ всякій мужикъ дѣлать, а вы у насъ волостной старшина, много лѣтъ выбираемый!..

Громовый голосъ разгнѣваннаго помѣщика въ-роятно достигъ до Федора, и въ избѣ послѣдняго стало тихо.

— Этотъ испугался моего голоса, пересталъ бить жену, а старшина боится газеты, произнесъ насмѣшливо мой спутникъ, возвращаясь со мной на мызу.—Онъ знаетъ, что я пишу въ газетахъ. Да и мы хороши, прибавилъ онъ съ жолчью: знаемъ всѣ мѣстные безобразія, пишемъ о нихъ и никто на свой страхъ не вмѣшается и не положитъ имъ предѣлъ собственнымъ личнымъ участіемъ. У каждаго интеллигентнаго мызника творится подъ носомъ вопіющій произволъ надъ ближнимъ—и всѣ объ этомъ разговариваютъ, какъ о пріятной новости; занимаютъ и развлекаютъ другъ друга чу-

жими слезами, а утереть ихъ никто не хочетъ и не умѣетъ. Между мѣстными помѣщиками здѣсь ничего нѣтъ общаго, и мы ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ. Одинъ самъ работаетъ въ полѣ и живетъ съ работницей скрягами; другой—изъ прикащиковъ крупнаго лѣсопромышленника обманулъ послѣдняго и сдѣлался самъ землевладѣльцемъ; третья—помѣщица одѣвается по-мужски и бьетъ изъ ружья медвѣдей, а по двору у нея, мимо дома, мужикъ не смѣй пройти въ шапкѣ. Наконецъ, есть такой, котораго его бывший крѣпостной—портной поить и кормить. Придетъ послѣдній въ барскій домъ на работу, скажетъ свою цѣну и прибавляетъ: „еще барина кормить, пока я работаю“... Вмѣстѣ они пьянствуютъ съ промотавшимся бариномъ, но послѣдній командуетъ рабомъ по-старому: заставляетъ сапоги себѣ с нимать, папиросы набивать. Тотъ повинуется ему во всемъ; такъ и бродитъ изъ господскаго дома въ господскій раззорившійся баринъ, вмѣстѣ со своимъ слугой-кормильцемъ. А новаго типа помѣщики тоже имѣются у насъ: служатъ они въ Петербургѣ, а въ имѣніе пріѣзжаютъ строить по подпискѣ церковныя школы, перессоривъ между собою всѣхъ жертвователей изъ-за того, кому первому пришла мысль о просвѣщеніи медвѣжьяго уголка. А главное... главное... Каждый изъ нихъ придерживается невмѣшательства въ деревенскія дѣла, о которыхъ говорятъ съ негодованіемъ и ужасомъ. Не съ кѣмъ соединиться за-одно противъ озвѣрѣлыхъ сердецъ.

Съ этими мыслями о немытомъ краѣ я вернулся обратно въ Петербургъ и вскорѣ поѣхалъ въ Псковскую губернію на отдыхъ. Я добрался съ

собакой и ружьемъ до лѣсовъ и мховъ не безъ препятствій. Прежде всего, сходя со станціи Островъ, приѣзжему нужно заѣхать въ полицейское управленіе за свидѣтельствомъ о томъ, что онъ ѣдетъ по шоссе не до Витебска, а гораздо ближе, чтобы съ него не взыскали шоссейнаго сбора за все протяженіе шоссе. Кажется, легко-бы этотъ сборъ взыскивать прямо у городской заставы, а теперь вы должны заѣхать въ полицію, поднять въ 4—5 часовъ утра полураздѣтаго сторожа-писаря съ постели, и получить отъ него удостовѣреніе, ѣхать все-таки мимо городского шлагбаума, чтобы уплатить сборъ карaulьному подъ квитанцію... Словомъ, прежде чѣмъ выѣхать изъ г. Острова, нужно запастись изряднымъ терпѣніемъ, и только миновавъ мостъ черезъ рѣку Великую, на парѣ почтовыхъ, можно уже слѣдовать безпрепятственно, если не считать у каждой на пути станціи мѣстныхъ вѣщихъ: „бурлаковъ“ — крестьянъ не нашедшихъ въ столицѣ заработковъ и „стрѣльцовъ“ (высланныхъ изъ столицы за неблагонадежность). На станціяхъ невозможно ни отдохнуть ни пообѣдать сносно... Свернувъ съ шоссе на проселочную дорогу къ Св. Горамъ, гдѣ похороненъ Пушкинъ, я доѣхалъ до Новоржева, въ которомъ думалъ, что у меня сдѣлается заворотъ кишекъ; городскія улицы вымощены крупнымъ булыжникомъ и мою таратайку бросало во вѣ стороны съ страшной силой. Но миновавъ благополучно „городъ“, я вскорѣ добрался до волостей, гдѣ дороги изрыты глубоко-выбитыми колеями, или починены при помощи огромныхъ кучъ земли, которыя приѣзжіе и должны выравнивать колесами своей телѣжки. По

такимъ дорогамъ, особенно послѣ дождей, можно ѣздить только въ мѣстномъ экипажѣ, сохранившемся здѣсь отъ временъ переселенія народовъ; онъ называется „рогуля“ или „бѣда“. Это два дерева, очищенные отъ вѣтвей и оканчивающіяся корнемъ, въ видѣ рога. Двѣ такихъ рогули соединяются поперекъ и въ высоту палками и телѣга готова, на двухъ колесахъ посрединѣ. „Бѣда“ наложить возъ болѣе напередъ, такъ-какъ тогда хомутомъ давить лошадь книзу; „бѣда“ наложить возъ назадъ, такъ-какъ тогда передняя часть „рогули“ подымется кверху и хомутомъ тянетъ туда же лошадь. „Бѣда“ въ обоихъ случаяхъ, если возъ великъ; но мѣстные крестьяне постоянно ѣздятъ на „рогулѣ“ въ полѣ за рожью и т. д. Но даже и эти рогули, и эти дороги съ камнями, развороченными мостами и объѣздами — все-таки лучше, чѣмъ совсѣмъ бездорожный моховой край за Новоржевскимъ уѣздомъ, куда нельзя ни на лодкѣ, ни на лошади проѣхать, а жители сообщаются между собою „по кладкамъ“, т. е. по брошеннымъ на мокрые и топкіе мхи бревнамъ на протяженіи иногда многихъ верстъ. Бревна бываютъ и толстыя, но чаще простыя жерди, которыя тонутъ подъ ногой, вертятся, и нужно большое умѣнье, чтобы не оборваться и не свалиться въ болото.. А тутъ еще налетаютъ на васъ комары, летучіе муравьи и зеленныя мухи-кусачки въ то время, когда обѣ руки заняты дубинками... Опираясь на эти дубинки и балансируя, вы ступаете съ одной кладки на другую, не спуская съ нихъ глазъ и проклиная тотъ день, въ который охотничья страсть потянула васъ изъ Петербурга на эти кладки... Но

даже и такія кладки не вездѣ имѣются и приходится вспоминать о нихъ съ сожалѣніемъ, когда дорога тянется на десять верстъ по голому мху. Ходьба по глубокому песку только въ слабой степени напоминаетъ тяжесть путешествія безъ кладокъ по мокрому мху, который такъ засасываетъ ноги, что длинные охотничьи сапоги часто слѣзаютъ и остаются въ грязи, если не перевязаны нарочно ремнемъ на подъемѣ и пяткѣ.

Такими путями сообщенія пользуются не одни охотники, но главнымъ образомъ мѣстные жители.—Гдѣ бѣсъ живетъ, тамъ и мы, говорятъ моховые жители про свои островки.

Меня, однако, всякое лѣто тянетъ къ этимъ „моховикамъ“ и, проѣхавъ на лошадахъ отъ Острова полтора ста верстъ, я и въ этомъ году остановился на погостѣ Марыни, за которымъ тотчасъ начинаются „лѣса“ и „мха“. Меня встрѣтилъ мѣстный крестьянинъ Василій Лукичъ Моховикъ и Антонъ изъ Мошницы, обычные мои спутники по кладкамъ и мхамъ.

— Давно поджидаемъ васъ, привѣтствовали они меня. Утокъ гибель, прямо черезъ мостъ летятъ въ деревнѣ Порховокъ... Успѣвай только ружье заряжать.

Антонъ отправился въ свою деревню, а къ вечеру и я туда прибылъ, заставъ у него другихъ моихъ сотоварищей по ружью — Максима изъ Черемши и Степана изъ Крутца. Вся наша компанія была въ сборѣ, прекрасно мною выдрессированная за четырнадцать лѣтъ совмѣстной охоты за тетеревами и куропатками. Плечо въ плечо мы двигаемся за собаками, держа ружья свѣчкой, ни-

когда не расходясь и не окружая кольцомъ найденный выводокъ, а стрѣляя по молодыкамъ, выстроившись въ линію...

За стаканомъ чая мы разговорились прежде всего о мѣстныхъ недоросляхъ изъ дворянъ, о которыхъ мои спутники судили весьма резонно:—возьметъ иной богатую барышню за себя и какой еще будетъ баринъ-то! У насъ для богатыхъ невѣстъ жениховъ здѣсь нѣтъ.

Эти простые мужицкія слова показали мнѣ трагизмъ дворянской семьи въ „сѣрой“ мужицкой губерніи. Я зналъ такіе случаи, когда прелестныя дѣвушки аристократической фамиліи влюблялись здѣсь въ трактирщика, не смотря на то, что этотъ кавалеръ все-таки предпочелъ имъ крестьянскую дѣвку. Правда, случается, что и петербургская барышня, заѣхавъ въ „немытую“ губернію, заявляетъ, что ей въ столицѣ надоѣли „сложные“ люди и что она хочетъ „простого“ человѣка, выходя замужъ за волостного писаря...

Въ этомъ-же „немытомъ“ краѣ я знавалъ старушку-помѣщицу. у которой были двѣ дочери. Одна изъ нихъ училась въ Петербургѣ на педагогическихъ курсахъ и кончила ихъ; но обѣ онѣ въ деревнѣ, разумѣется, гонять гусей въ поле не умѣли, а слѣдить за маленькимъ хозяйствомъ — было нечего. Я вполне понималъ удовольствіе ихъ, когда по близости устраивался деревенскій „балъ“ и имъ приходилось всю ночь напролетъ танцевать съ лавочниками, сельскими учителями и бывшими ротными фельдшерами. Вокругъ нихъ эти молодые люди были мѣстной аристократіей но присутствіе ихъ въ комнатѣ съ гармоніей;

скрипкой, пѣснями, лѣсными орѣхами и бутылками съ пивомъ—несомнѣнно понижало требованія интеллигентныхъ дѣвицъ. Для нихъ было большимъ счастьемъ устроиться одной учительницей въ сельской школѣ, а другой — вернуться въ Петербургъ.

— А ихъ братъ гдѣ, поручикъ въ запасѣ? спросилъ я Моховика. — Вѣдь село свое они продали?

— Продали за пустое, отвѣтилъ тотъ. — А братецъ живетъ у одной старухи, которая была крѣпостной у нихъ прежде. У старухи-то есть изба въ деревнѣ. Вотъ онъ и проживаетъ у нея... Ребятъ нянчить!...

— Платить что-то онъ ей... Сестры даютъ малость, поправилъ его Тимофей, отецъ Антона.

— Что ему дѣлать съ малостью? иронически произнесъ послѣдній. — Плохое его житіе съ мужиками.

— А и баринъ-то какой разумный, продолжалъ Тимофей. — Разговоры все хорошіе у него... Придетъ къ тебѣ въ гости — знай подавай ему водки, селедки, огурцовъ... Выпьетъ, закуситъ огурцомъ, походить и поговорить съ тобой, а потомъ опять за рюмочку... Пьетъ не по мужицкому, а съ закуской и разговорцемъ.

— Моховикъ — такъ тотъ стаканъ съ водкой проглотить, съострилъ Антонъ, — а баринъ по маленькой рюмочкѣ пьетъ и опять за новой бутылкой посылаетъ. Всю ночь хороводится у насъ въ избѣ и на дорогу сороковку выпросить. Женскаго пола ему не нужно, а водки сколько ни дай, все мало... Намъ мужикамъ не перепить его: ты

стаканомъ, а онъ рюмочками больше твоего выпьетъ. Ты будешь подъ лавкой лежать, а онъ будетъ еще просить.

— Нѣтъ такого молодца, который одолѣлъ-бы винца, съострилъ. Степанъ Крутецкій. — Оно всякаго завалить и хотъ какого богача приставить нянчить мужицкихъ дѣтей... Промотаетъ село и теперь уже заплакавши будетъ нянчить моихъ ребятъ.

Окружающіе его мужики искренно посочувствовали его насмѣшкамъ надъ бариномъ, а степенный Тимофей резонно замѣтилъ:

— Мужикъ—деревенскій—и тотъ въ грѣхъ лѣзетъ подумавши, а не то что баринъ... Какъ-же вы будете жить-то? спрашиваю его... „Что-жъ, вѣдь люди собираются, и мнѣ можно, отвѣтилъ.— Полно бояриться: крестьяниномъ надо быть... Щи сѣрия хлебать, ботву ѣсть!“... Глупецъ! Чистый глупецъ! Вѣдь баринъ какъ сойдетъ съ толку, такъ и мужикомъ назвать его нельзя... Первый его барышъ—хлѣба дома не ѣшь; во-вторыхъ—посматривай, что чужая хозяйка дѣлаетъ для него: кашу или яишну, и въ-третьихъ—бабы не бранятъ дома... Вотъ его какая жизнь. Чѣмъ плоха? Лучше моей!...

— Ишь, расписалъ важно, иронически поддакнулъ ему сынъ. Хоть годокъ такъ пожить.

— Не приведи Богъ, отвѣтили всѣ сочувственно.

Странно мнѣ было слушать искреннее негодованіе крестьянъ на офицера, который опустилсѣ и видимо совершенно растворилсѣ въ ихъ средѣ. Но удивительнѣе, конечно, то, что никто изъ мѣстныхъ интеллигентныхъ лицъ не сдѣлаетъ попытки по-

мочь ему подняться, хотя всѣ знаютъ, что онъ кончилъ курсъ въ Артиллерійскомъ училищѣ, молодъ и ставить крестъ надъ нимъ преждевременно... Удивительное безучастіе! Сѣрая, немытая губернія! Въдѣ у самого этого офицера и его сестеръ было село, которое купилъ мѣстный дворянинъ, перепродавши съ барышомъ село тотчасъ-же крестьянамъ сосѣднихъ деревень. Но уплативши ему въ задатокъ тысячу рублей, крестьяне не могли собрать нужныхъ денегъ въ крестьянскій банкъ и пришли просить обратно задатокъ. „Мертвыхъ съ погоста, не носятъ, отвѣтилъ землевладѣлецъ имъ.— А вотъ, чтобы не пропадать совсѣмъ вашимъ деньгамъ, можете за эту тысячу взять себѣ весь хлѣбъ на поляхъ“. Я видѣлъ этотъ хлѣбъ, выросшій безъ „позема“ и, конечно, на деньги онъ будетъ стоить гораздо менѣе тысячи рублей. Между тѣмъ, университетски-образованный землевладѣлецъ могъ-бы въ данномъ случаѣ не подражать обычнымъ перекупщикамъ и уступить эту землю, купленную имъ у нуждающихся барышень,—нуждающимся крестьянамъ безъ барыша. Нужда въ землѣ у крестьянъ страшно велика. „Мы люди слѣпые, говорятъ они. Безъ пахоты жить не можно. Если-бы мы были произведены въ кузнецы или въ грамоту, а то мы только около земли... А какъ тутъ жить крестьянину... Тѣснота! Земля барская подошла подъ самые наши огороды, а сбоку еврей купилъ полосу съ лѣсомъ. Скотинѣ и птицѣ нельзя показаться въ полѣ: либо къ барину попадутся, либо къ еврею“.

II.

Долго я не могъ заснуть отъ этихъ мыслей, когда мы всѣ разошлись на отдыхъ. А на зарѣ Моховикъ разбудилъ меня горькими упреками за то, что солнышко уже высоко и тетерева забегутся съ лядинъ опять въ мохъ.

— Что за охотникъ!.. кричалъ онъ, оставаясь на одномъ мѣстѣ передо мною и не давая мнѣ вновь заснуть.—По утрамъ не добудиться его, а по вечернимъ зарямъ—ходить по суходолу.

— Будетъ тебѣ на томъ свѣтѣ, Моховой, замѣтилъ ему Антонъ:—убавилъ ты барину много вѣку съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ тобой связался шляться по нашимъ лѣсамъ и болотамъ.

— Грубъ сталъ, Анатолій Ивановичъ... Ходъ не тотъ, что прежде, отвѣтилъ тотъ съ сожалѣніемъ.— Смялся... А бывало болѣе меня выходитъ.

Эти упреки возбудили во мнѣ энергію, и я тотчасъ-же одѣлся.

Выйдя изъ дер. Мошницы и миновавъ Хвошню, мы свернули вбокъ къ Галямъ и скоро вышли на чистый мохъ. Шли мы имъ версты три-четыре и, кромѣ журавлей, ничего на немъ не видѣли... Солнышко ужъ сильно грѣло, а мы все еще не выбрались на сушу.

— Какъ только живутъ здѣсь люди! жаловался Максимъ-полевецъ, еле поспѣвающій за нами.— Въ этакой-то глуши—какъ не сгрустнуть? Ну, какъ тутъ сообщаться людямъ? Да бабѣ въ оборлахъ и лаптяхъ тутъ и ногъ не вытащить... Ишь воды налито... Ухъ... Увязъ!.. Погодите!.. Зналъ-бы,

босый шель, да боюсь, гадъ укуситъ ногу безъ сапогъ.

— Къ тому берегу хуже будетъ, отвѣтилъ ему Антонъ.—Моховые привыкли, а ты утонешь на кладкахъ... Вонъ онѣ бѣлѣются на мху.

— Да скоро-ли? Давно уже онѣ бѣлѣются, крикнулъ и я, начиная терять терпѣніе и чувствуя, что я промокъ подъ самый шагъ.

— Идемъ въ Гали, а они все вдали! съострилъ Степанъ.—У насъ на каждую деревню и рѣчку есть свои пѣсенки...

А и кладки—не сладки...

А и мохъ, чтобъ ты сдохъ!

А рѣка Коротецъ—вѣку укоротецъ;

А Муравейка—тащи лодку, не робѣй-ка...

А деревня Ломки—все прямо вали:

Да нѣтъ... Припасы тяжелы!

Мѣстная поэзія весьма ярко изображаетъ пути сообщенія въ данномъ краѣ не только для охотниковъ, но для cadaго пѣшехода изъ деревни въ деревню. А добраться до рѣки Коротецъ, вытекающей изъ озера Цевельскаго—можно только рыболовамъ да охотникамъ; а по рѣкѣ Муравейкѣ, мѣстами въ аршинъ ширины, лодку нельзя пропихнуть весломъ и необходимо тащить ее руками, переступая по плавучему берегу, подъ которымъ протекаетъ глубокая рѣка и, можетъ быть, часть того-же Цевельскаго озера. Мои моховые мужички преодолевали тяжесть пути, каламбуря и забавляясь стишками; но я съ Максимомъ были измучены и торопились на кладки, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ.

— Хотятъ осушить наши мхи, замѣтилъ Антонъ.—Теперь за нихъ податей никто не платить и земля пропадаетъ безъ пользы и для казны, и для мужика. Чугунку проводятъ въ Новоржевскомъ уѣздѣ, а для насъ нужно приказать по волостямъ вездѣ положить хорошія кладки...

— Самъ мужикъ не догадается, поддержалъ его Максимъ, болѣе всѣхъ пугавшійся мокраго берега къ Галямъ.—Меня-бы начальникомъ поставить, такъ вездѣ были-бы дороги исправныя. А теперь весь уѣздъ безъ дорогъ и безъ кладокъ на мху... Погибать приходится людямъ, и только журавлямъ гулять хорошо... Ишь, курлычатъ въ кустахъ! Пулькой-бы достать ихъ.

Журавли, видно, смекнули его намѣреніе и снялись съ мѣста. Наконецъ, мы добрались до кладокъ, но онѣ лежали безпорядочно, неплотно одна къ другой, и между ними надо было нащупать дубинкой крѣпкое мѣсто, чтобы при новомъ шагѣ не завязнуть по шею въ жидкое болото. Максимъ не догадался запастись палкой и чуть не со слезами двигался за нами, боясь сорваться съ кладокъ. Новые и длинные его сапоги всего болѣе ему мѣшали.

— Скидывать буду, закричалъ онъ наконецъ, чувствуя, что впереди непремѣнно придется въ сапогахъ оборваться въ грязь.—Антонъ, подожди меня... Дай, обопрись на тебя. Тащи сапогъ! Босому лучше идти по кладкамъ.

Антонъ ухитрился стянуть съ него полсапога, но затѣмъ у Максима на ногѣ подвернулася портянка и сапогъ не шолъ ни впередъ, ни назадъ.

Между тѣмъ, кладки подъ обоими шатались и Максимъ кричалъ благимъ матомъ:

— Ножомъ отрѣжь голенищу! Ножомъ! Смеретка пришла моя.

Къ несчастью Моховикъ былъ далеко впереди и съ нимъ мой охотничій ножъ. Всѣми нами овладѣлъ неудержимый хохотъ, но когда Максимъ завалился, вмѣстѣ съ Антономъ и ружьями, въ трясину, всѣ перепугались и насилу вытащили ихъ перепачканными съ ногъ до головы. Въ этомъ видѣ мы вышли къ Галямъ и потомъ прошли въ Порховокъ.

— „Рабскимъ“ только здѣсь и жить, ругался Максимъ.—Старовѣровъ мы такъ зовемъ: они себя величаютъ „рабами божіими“. Антонъ, давай купаться, сказалъ онъ и прямо въ одеждѣ полѣзъ въ чистую воду.

Антонъ, однако, предпочелъ остаться въ грязномъ платьѣ, а Максимъ вышелъ чистымъ и скоро высохъ.

Вотъ, думалъ я,—какъ лѣтомъ здѣсь въ деревняхъ люди сносятся между собою! И какъ представишь себѣ, что въ такомъ положеніи находятся крестьяне въ каждой „немытой“ губерніи, такъ невольно вспомнишь покойнаго профессора А. Н. Энгельгардта, который называлъ русскаго крестьянина въ этомъ случаѣ „непобѣдимымъ“, предсказывая гибель Бисмарку и Мольтке, если-бы тѣ вздумали забраться къ нему въ Смоленщину.

Охота на утокъ въ Порховкѣ съ мосту была не изъ удачныхъ. Уже поздно мы съ трудомъ нашли въ старовѣрческой деревнѣ избу, гдѣ насъ приняли съ собаками и поставили самоваръ.

— Напиши, пристаѣ ко мнѣ потомъ хозяинъ,—
прошеніе къ земскому, чтобы тотъ приказалъ му-
жикамъ въ Галѣ и Хвошнѣ положить кладѣ на
мохъ... Самъ видѣлъ, какъ тутъ намъ жить безъ
кладокъ.

Я исполнилъ его просьбу на другое утро, и
вся изба наполнилась народомъ съ признатель-
ностью ко мнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ принесли
мнѣ изъ своихъ садовъ еще незрѣлыхъ яблоковъ,
но на охотѣ и такія яблоки хороши. Изъ Порхов-
ка я двинулся съ охотниками далѣе въ Холомщи-
ну, желая навѣстить въ погостѣ Цевлѣ знако-
маго мнѣ священника.

— Зимой прямо по льду ѣздимъ въ Цевло, за-
мѣтилъ мнѣ Антонъ.—На саняхъ по озеру.

— У кого лошади остались цѣлыми, тотъ и
ѣздитъ, поправилъ его Моховикъ.—Такой былъ
позапрошлый годъ, что у рѣдкаго хозяина коня
не уводили.

— Ау! что говорить! Шибко боялись тогда ко-
нокрадовъ; да слава Богу, переловили ихъ всѣхъ
и осудили на поселеніе.

— Не всѣхъ переловили! Гдѣ-же всѣхъ пере-
ловить? И конокрады умнѣе стали: прежде они
уведутъ лошадь и идутъ къ хозяину за выкупомъ.
А какъ одного изъ нихъ у насъ въ Новинской
волости измолости въ лѣсу... Всѣ косточки пере-
ломали шкворнемъ, такъ конокрады болѣе выкупа
не берутъ. Уведутъ лошадь и какъ сквозь землю
пропадутъ съ ней... Одну лошадь не могли увести
въ другой уѣздъ, такъ взяли, зарѣзали ее въ лѣ-
су и шкуру ободрали; а жеребца не удалось вы-
вести изъ конюшни у барина, такъ они, что-же,

проткнули косу въ окно и косою всего изрѣзали жеребца... Ни намъ и ни барину!

— Живодеры! вырвалось у меня восклицаніе.

— Народъ такой сталъ, перебилъ меня Моховикъ. — Не добьютъ до смерти лошадь, сдираютъ съ нея кожу... Съ живой-то легче драть! Въ деревнѣ Волколаихѣ нашли въ лѣсу гнѣздо волчицы... Такъ мужики прибили гвоздями лапы волчанятъ къ доскѣ и спустили ихъ съ доскою въ озеро... „Ваша matka разоряла насъ, такъ и мы разоримъ ее гнѣздо... А вы мучайтесь на водѣ... Волчица не жалѣла насъ, а мы васъ“... Ей-ей, не вру... Какъ было, такъ и рассказываю. Да теперь и чело-вѣка убьютъ за самое пустое... Въ деревнѣ Выдрино недавно братъ брата убилъ изъ-за лыка. Стали они дѣлиться и разошлись по-хорошему. Вдругъ одинъ изъ нихъ бѣжитъ къ другому и кричитъ: „Гдѣ мое лыко дьяволъ?“ — Получай твое лыко, крикнулъ тотъ. — „Свое получаю, дьяволъ...“ Слово за слово, — и братъ хватилъ брата по головѣ топоромъ на глазахъ всей деревни. Звѣрь-наролъ,.. Не связывайся и не прицѣпляйся къ нему. Шелъ я такъ изъ Канина въ Марыни, а впереди малецъ, а за нимъ другой и ругаются... Послѣдній обернулся и говоритъ: я иду своей дорогой и не мѣшаю тебѣ... „Ну, иди, да не разговаривай много...“ — А что ты за баринъ? Ужъ не наkostenяешь-ли ты мнѣ въ шею? „Голову всю разворочу, если не уйдешь!..“ — Есть кого бояться! Видали не такихъ! — Гляжу, какъ другой деревнетъ его въ лобъ кулакомъ, а въ кулакѣ-то должно быть пятакъ былъ... Малецъ такъ и ткнулся на дорогу, да только къ утру и отлежался. А все

изъ-за пустого! Вотъ народъ сталъ нонѣ-какой! Изъ-за ничего! Загомонятъ вдругъ между собой, завопятъ... Ну, и хлопбынетъ какой другого!..

— Вотъ худо, что не съ пустыми руками бьются, прибавилъ Степанъ.—Вооруженные на гулянку ходятъ, и чѣмъ моложе мужикъ, тѣмъ болѣе онъ боится. Судовъ нѣтъ строгихъ, а стариковъ молодые не боятся.

Степанъ разразился обычной своей философией въ пользу розогъ, ссылки въ Сибирь и отдачи въ солдаты cadaго провинившагося крестьянина; возмущался современными судами, ихъ гуманностью и сожалѣлъ о крѣпостномъ правѣ.

— У тебя, говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—въ Марыняхъ у барышень въ школѣ живетъ собачка... Мильтономъ зовутъ. Вотъ эта собачка понимаетъ нынѣшній народъ! Если она идетъ съ барышнями въ лѣсъ и завидитъ впереди толпу мужиковъ, то сейчасъ заляжетъ въ рожъ и хоронится. Пока не пройдутъ мужики,—не выйдетъ на дорогу, а будетъ прятаться. Наши деревенскіе парни и ребятишки швыряютъ для забавы камнями въ чужую собаку, пока на смерть не забьютъ... Тотъ-же Мильтонъ никогда не хоронится, если идутъ по дорогѣ бабы. Отчего это, скажи ты мнѣ на милость? Значитъ собака чувствуетъ, какіе теперь парни. Не Мильтошкѣ одному, а всѣмъ приходится сворачивать отъ озорниковъ. Одинъ грѣхъ съ нашимъ народомъ... Лучше въ избѣ сидѣть, чѣмъ на улицѣ послѣ того, какъ всѣ стали свободны и про старъ забыли.

— Не хвали ты свою старину, выругался на него Антонъ. Разбойниковъ прежде было боль-

ше, а суды были съ розгами и смертной казнью; тебя самага господинъ могъ смѣнять на собаку... А ты хвалишь старину! Какой ты такой крестьянинъ!

Я отошелъ съ Томомъ и Беллой въ сторону по слѣдамъ бѣлыхъ куропатокъ и не слышалъ дальнѣйшій, всегда для меня интересный споръ мужиковъ объ „отцахъ и дѣтяхъ“ въ современной деревнѣ.

Скоро мы пришли въ погостъ Цевло къ мѣстному священнику, и послѣдній встрѣтилъ насъ съ живымъ радушіемъ.

— А и напугали вы меня, признался онъ мнѣ:— какъ получилъ въ прошломъ году вашъ фельетонъ „Изъ нравовъ современной деревни“. Ну, думаю, пріѣдутъ и заберутъ меня... Священнику не полагается говорить, что у него „кавказскіе нравы“ въ приходѣ.

— Ахъ, батюшка, перебилъ его Степанъ, гдѣ-то успѣвшій уже малость выпить:— да чего-же ты испугался? У насъ съ Антономъ наговорено ему больше твоего, а отъ словъ своихъ мы не отопремся...

— Вы простые люди, а я въ санѣ, отвѣтилъ священникъ.

На другое утро мы стали собираться въ обратный путь. Священникъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ:

— Вы интересуетесь бытомъ крестьянъ, и я хочу познакомить васъ съ распространеніемъ въ нашей мѣстности гражданскаго брака вслѣдствіе экономическихъ и юридическихъ условій жизни.

Я заинтересовался.

— Видите-ли у насъ пока дѣвка живетъ съ отцомъ, она обезпечена отцовскимъ надѣломъ; послѣ его смерти, если она не вышла замужъ, этотъ надѣлъ также числится за нею и она сохраняетъ его. Но какъ только она выходитъ замужъ, надѣлъ отъ нея отходитъ по мѣстнымъ обычаямъ. Вотъ наши дѣвушки въ Цевельской волости и придумали внѣбрачное сожителство съ мужикомъ, чтобы сохранить отцовскій надѣлъ. Гражданскій бракъ заключается у нихъ съ нѣкоторою торжественностію. Родственники брачующихся берутъ икону, зажигаютъ передъ нею въ избѣ свѣчу, а молодые „кусаютъ землю“, т.е. берутъ пятачку земли и глотаютъ ее въ знакъ вѣрности и любви между собою. Такъ вотъ и обходятъ церковный бракъ изъ-за земельныхъ выгодъ, но ихъ дѣти, какъ незаконнорожденные, лишены крестьянскихъ правъ. Между тѣмъ, законъ могъ-бы сравнять ихъ съ законнорожденными, и вотъ объ этомъ-то я и хлопочу, и прошу васъ помочь мнѣ.

— Какъ-же законъ можетъ сравнять такихъ дѣтей? спросилъ я.

— Въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, отвѣтилъ священникъ, — было разъясненіе того, что по закону тестъ можетъ передать свою землю „примаку“, т.е. молодые люди могли-бы вѣнчаться и тестъ могъ-бы передать свои права на надѣлъ, послѣ своей смерти, зятю... Разъясненіе это было какое-то запутанное и мало доступное для крестьянскаго пониманія; наши конторы его не принимаютъ къ руководству. А между тѣмъ, чтеніе такого закона должно быть въ конторѣ обязатель-

нымъ на волостномъ сходѣ, съ разъясненіемъ волостнымъ начальствомъ всѣхъ подробностей, и, можетъ быть, это приостановить зарожденіе въ нашихъ деревняхъ на экономической почвѣ гражданского брака, съ обезземеленіемъ и безправіемъ потомства.

Я обѣщался священнику записать его разсказъ и къ вечеру отправился съ моими мужиками далѣе по „немытой“ губерніи за тетеревами и куропатками.

ИЗЪ ПРАВОВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

Изъ Старой Руссы мнѣ захотѣлось вернуться въ Петербургъ не обычнымъ путемъ—на станцію Чудово, по Николаевской желѣзной дорогѣ, но проѣхать на почтовыхъ лошадяхъ къ Холму, уѣздному городу Псковской губерніи, свернуть на полпути, со станціи Поддарья, на Захарово, оттуда въ погостъ Палисто и озерами, уже на лодкѣ, проѣхать изъ Холмскаго уѣзда въ Новоржевскій и оттуда на станцію Островъ, Варшавской желѣзной дороги. На озерахъ меня ждали утки и, захвативъ ружье, я съ удовольствіемъ возвращался новымъ путемъ въ столицу. Озера Палистское, Цевельское и Дервенецкое соединены между собою рѣками-межтоками и занимаютъ протяженіе, вѣроятно, верстъ на двадцать. По мѣрѣ того, какъ двигается по водѣ лодка, впереди ея и съ боковъ „вздымаются“ утки и тутъ же падаютъ подъ вы-

стрѣлами; но изъ десяти убитыхъ найдешь 2—3, а прочія пропадаютъ въ густой травѣ, между кочками, если собака отказывается, въ поискахъ за уткой, рѣзать себѣ носъ объ осоку. Свернувъ изъ Цевельскаго озера въ первый „заколъ“ и придерживаясь лѣваго протока, Дервенецкое озеро остается въ правой сторонѣ, а лодка въѣзжаетъ на рѣку, къ деревнѣ Трахново. Здѣсь, на зеленомъ островѣ, гдѣ, по преданію, псковскіе богатыри Симеонъ, Дорофей и сестра ихъ Дарья были убиты „литвой“, можно встрѣтить одинъ-другой выводокъ тетеревей, и вотъ это обстоятельство заманило меня на нѣсколько дней въ здѣшнюю глушь.

Я сильно рассчитывалъ на пріятный путь въ лодкѣ среди огромныхъ озеръ, поросшихъ по берегамъ травой и лѣсомъ; но едва мы двинулись съ мужикомъ на долбленкѣ, какъ вода начала хлестать въ лодку съ такой силой, что мужикъ пересталъ успокаивать меня словами: „ничего, цѣль будешь!“ и направилъ лодку къ берегу, вдоль котораго мы добрались до рѣки. Здѣсь волненіе совершенно отсутствовало и мы спокойно плыли до погоста Цевла, выпугивая изъ „тросты“ утокъ и подстрѣливая ихъ.

Въ погостѣ меня ждалъ мѣстный священникъ и уговорилъ провести у него день-другой.

— Посмотрите и наши достопримѣчательности, — сказалъ онъ. — Можетъ быть, что-нибудь и напишите... Нашихъ „отцовъ и дѣтей въ современной деревнѣ“ стоитъ наблюсти. Вы думаете, — продолжалъ онъ, — эти „дѣти“, съ камнемъ и гирькой въ карманѣ, только въ Новоржевскомъ уѣздѣ

водятся? Вездѣ развелись эти „лобаны“, съ картузомъ на ухѣ, ломающіеся въ пьяномъ видѣ пополамъ среди улицы и оглашающіе поля своимъ „безконечнымъ“ на гармоніи. Грусть одна смотрѣть на современную деревенскую молодежь.

Пока мы занялись разговоромъ о деревенской молодежи, мой мужикъ сходилъ въ кабакъ и разсказаль, что тамъ хотѣлъ угостить его стаканчикомъ вина охотникъ изъ Трахнова.

— Онъ смолилъ у меня лодку, но за это ему было дадено отъ меня. Хитрецъ этотъ трахновскій мужикъ! Поднесетъ рюмку, а потомъ поставъ ему сороковку... „Ты пилъ мое вино, теперь—самъ угости!“ Я знаю всѣ его выверты.

— Что же ты отвѣтилъ ему?

— Безо времени, говорю, не стану пить. Я теперь при дѣлѣ. На водѣ съ бариномъ.

Я хотѣлъ похвалить его, но въ тотъ же моментъ увидѣлъ изъ окна, что на дворъ къ священнику вошелъ тотъ самый мужикъ изъ Трахнова, про котораго у насъ шла рѣчь. Я не безъ опасенія поглядѣлъ на рослаго мужичину, вваливагося незваннымъ въ нашу компанію. Его сѣрые и проницательные, какъ у ястреба, глаза сверкали угрожающимъ образомъ, когда онъ обратился къ священнику.

— Я тебѣ принесъ долгъ. Получи пяталтынный.

— Хорошее дѣло... Спасибо,—кратко отвѣтилъ тотъ.—Садись къ столу.

— То-то! — крикнулъ мужикъ. — Ладно, что пригласилъ. Налъешь водки-то?

— Изволь рюмку.

— Другую.

— Налью другую.

— Третью...

— Ты никакъ принеси пятнадцатый затѣмъ, чтобы выпить на двугривенный?—все еще ласково сказалъ священникъ.

— Что-о?! Какъ ты мнѣ говоришь! Я могу принести тебѣ двугривенный за твою водку. Картузъ заложу тебѣ, коли ты такъ разговариваешь со мной.

— Не ругайся! не ругайся! Не хорошо такъ...

— Нѣтъ, ты получай деньги за водку.

— Я не торгую ею, а вотъ ты выпей еще и уходи.

— Я выпью, а прихожанина ты не смѣешь гнать отъ себя

— Я не гоню тебя, но дѣлать тебѣ у меня больше нечего. У меня гости и ты мѣшаешь намъ.

— Гость твой изъ Питера и меня попотчуетъ... Потому должонъ попотчивать! Ходить по моимъ пустошамъ и бьетъ мою дичь.

— У тебя и пустоши нѣтъ...

— Я пустошникъ! — гордо перебилъ его мужикъ. Собственность имѣю!

— Заложена,—презрительно отозвался священникъ.—Завтра могу купить ее въ банкѣ.

— Безъ моего согласія-то? Не купить никому! Пустошникъ я, и гость твой попотчуетъ меня... Не какой-нибудь надѣльный мужикъ, а собственникъ я... Свой глазъ—алмазъ! Черезъ капиталъ землю имѣю.

— Пропито, братецъ, давно все.

— Я и теперь, батюшка, пью... Каждое утро выпиваю по чашкѣ водки и спать ложусь, выпивши. Всегда въ моемъ домѣ есть водка!—горделиво продолжалъ онъ.—Потому что я собственникъ и во всякомъ кабацѣ мнѣ повѣрятъ. Налей-ка, баринъ!

Воскличаніе относилось ко мнѣ, но я уже былъ достаточно возмущенъ и замѣтилъ ему, что на его пустошахъ я не бываю и не привыкъ угощать водкой нахаловъ.

— Не у тебя въ дому, а у священника! Чего ты?!

— Тѣмъ хуже... У священника кричишь и ругаешься.

— Я собственникъ!—продолжалъ онъ.—А выгнать ты меня не посмѣешь... Не даешь водки, такъ давай поборемся. Ты баринъ, а я пустошникъ и не боюсь тебя..

Священникъ былъ переконфуженъ дерзостью прихожанина и началъ его усовѣщевать:

— Ты не хочешь попросить, а требуешь водки, точно имѣешь на это право. Никто не обязанъ тебя поить, потому только что ты пустошникъ и зашелъ въ чужой домъ.

— Ну, помни!—закричалъ тотъ, выходя отъ него съ угрозой.—Не попотчивалъ ты меня и помѣшалъ съ бариномъ побороться... Помни это!

— Пустыя твои угрозы... Поѣзжай домой, да не утони въ озерѣ.

— Цѣлъ ли самъ будешь?—кричалъ буянъ.—А меня и водяной житель боится! Собственникъ я, а у тебя и лошадь испорчена подачками: у каждой избы останапливается.

— Вотъ она, наша священническая жизнь въ деревнѣ,—грустно замѣтилъ ему вслѣдъ мой хозяинъ.—Въ праздники великіе, въ разѣздахъ по деревнямъ съ водосвятиемъ, приходится останавливаться у каждой избы. Лошадь потомъ и привывается свертывать съ дороги къ воротамъ, какъ только нечаянно опустишь возжи. Вотъ и корятъ насъ этимъ! А что же? Развѣ мы виноваты?.. Тяжело жить съ такимъ народомъ, который попрекаетъ кускомъ хлѣба и въ тоже время не можетъ обойтись безъ насъ и въ горѣ, и въ радости. Хамы еще! Этотъ подвыпившій изъ Трахнова грубіянтъ все больше и больше попадается теперь въ деревняхъ. Вы думаете онъ пьянъ? Прикидывается больше. Видѣли, какъ онъ твердо пошелъ по улицѣ, когда пришлось уйти изъ дому? Нѣтъ, это не вино въ немъ играетъ, а наглость. „Хочу выпить, хочу цѣлый день гулять“—и вотъ начинается угощенье рюмкой съ его стороны прохожаго крестьянина и требованіе потомъ съ того бутылки; дерзости пріѣзжимъ людямъ и самовольный присѣсть къ ихъ компаніи за столъ. Отъ грубости онъ идетъ къ дракѣ, а иногда и увѣчью. Вѣдь въ карманѣ у него либо камень, либо ножъ... Идете вы съ ружьемъ мимо его пустоши—онъ привязывается къ вамъ за угощеньемъ; выкупали собаку въ пруду, онъ кричитъ, что вы испортили ему воду, которую онъ беретъ на кушанье, и все вреть, лишь бы выпить водки; ѣдете по деревнѣ, мимо гулянки, мальцы хотятъ „потѣшиться“ и повеселить своихъ дѣвокъ: кто-нибудь пустить въ догонку камень, либо остановить лошадь и за волосы потаскаютъ проѣзжаго. Даже ребятишки

бѣгутъ отворять вамъ ворота къ яровому полю и кричатъ, чтобы имъ было „дадено“, а не то тоже камнемъ шаркнутъ или обругаютъ. Господь пока еще боялся трогать, а сосѣднихъ крестьянъ или духовенство ни почему обидѣть. Этотъ вотъ, трахновскій-то, уже лѣзетъ и въ домъ. Не одинъ онъ такой... Скоро въ своей собственной квартирѣ закричишь: „караулъ“! И кричатъ уже! Кричатъ подъ ударами по головѣ шкворнемъ отъ телѣги. Вонъ у насъ въ Язвахъ перебили цѣлую семью и недавно въ Холмѣ судили убійцъ... Вѣдь что ужасно здѣсь: этотъ десятокъ убійцъ нисколько не хуже трахновскаго мужика. Многіе изъ нихъ пристали къ убійству по простому приглашенію, будучи за нѣсколько часовъ обыкновенными мужиками. А такъ, одному рассказали, что идутъ въ Язвахъ деньги добывать у богатаго мужика и попросили идти съ ними „потрясти“ его, другого поставили стеречь въ „прогонѣ“, чтобы проѣзжіи какой не помѣшалъ разбою, третій укрывалъ награбленное, четвертый и пятый лѣзли въ избу со шкворнями въ рукѣ; а послѣ грабежа, одни отправились кутить по кабакамъ, а другіе опять взялись за соху и борону. Обычнымъ чередомъ они пойдутъ на работу, въ праздничный день въ церковь, и снова пойдутъ на разбой, если за ними заѣдетъ разбойникъ. Вотъ вѣдь что уже замѣчается у насъ въ деревняхъ: работающаго мужика легко сдѣлать воромъ, укрывателемъ и даже грабителемъ, если посулить „авоську“ да „небоську“ съ деньгами. Нельзя жить стало въ деревнѣ человѣку съ капиталомъ: убьютъ! Непремѣнно убьютъ!

— Безотрадный же у васъ взглядъ на деревню,—замѣтилъ я ему тихо.—Неужели ничего въ настоящее время не воспитываетъ мужика въ деревнѣ къ лучшему?

— Ничего не осталось въ деревнѣ!—отвѣтилъ онъ.—Вмѣстѣ съ крѣпостничествомъ исчезли и господа, у которыхъ крестьяне находили и матеріальную помощь и судъ, а у барышень—лекарства и ласку для больныхъ. Незову я ихъ обратно назадъ, а только послѣ буйнаго или больного квартиранта нельзя домъ оставлять не топлённымъ и не жилымъ. А деревня теперь осталась безъ культуры и жильцевъ.

— Ну, а церковь, школа? Вѣдь это все осталось.

— По маленьку дѣлаемъ, что можемъ! Да дьяволъ сильнѣе насъ. Прихожане посѣщаютъ церковь, а за походомъ идутъ рядомъ въ кабаки. Вѣдь у насъ въ губерніи нѣтъ погоста, гдѣ бы не было кабака. Это ужъ непремѣнное условіе: гдѣ храмъ Божій, тамъ и ярмарки, и кабаки.

— Вотъ вводится въ Псковской губерніи винная монополія и кабаки будутъ уничтожены,—сказалъ я.

— Дай Богъ, чтобы они не замѣнились уличнымъ пьянствомъ или по банямъ у мужиковъ, и не возродились бы въ трактирныхъ и пивныхъ заведеніяхъ частныхъ лицъ. Дай Богъ! Это монополія яда, опиума, водки... Тутъ не годится свободный промыселъ, а нуженъ контроль. Вотъ только бы подальше отъ школъ и церквей эти казенныя лавки и частныя трактиры... Не на 20 или 100 сажень, а совсѣмъ вонъ изъ погоста этотъ ядъ!

— Да,—прибавилъ я,—водка опоганила и храмъ, и школу. Уничтоживъ частный промыселъ водкою, придется впослѣдствіи ограничить и казенные доходы съ этой погани — съ этого яда!

— Охъ, какая погань! — воскликнулъ священникъ.—Какъ опоганила она и дѣтство крестьянина, и старость его. Ни въ школѣ, ни въ храмѣ онъ не свободенъ отъ сосѣдства съ кабакомъ. Вотъ кабы винная монополія освободила насъ отъ этого сосѣдства! За водкой народъ не пожалѣетъ своихъ ногъ. Не версты пьяны, а люди. Но только церковь и школы не хотятъ быть съ ними въ добромъ сосѣдствѣ. У всякаго свои права и чья возьметъ—еще вопросъ. Погосты со школами, а не съ кабакомъ и ярмарками должны быть. Даже учителя и причтъ церковный будутъ тогда трезвѣе и лучше, чѣмъ теперъ. Вѣдь это прямо безбожіе, что противъ церкви и школы въ нѣсколькихъ саженьяхъ непремѣнно распивочное, сквернословіе, притонодержательство, ростовщичество, сговоръ и убійства... Вотъ онъ до-реформенный кабакъ! Страшно было не то, что мужикъ шелъ въ кабакъ... Онъ шелъ не затѣмъ, чтобы спиться, заложиться и съ разбитой головой вернуться домой. Всѣ идутъ въ кабакъ веселыми и не думаютъ объ эксплуатаціи населенія лицами, производящими частную питейную торговлю. Страшно съ того момента, когда человѣкъ пришелъ въ кабакъ и какъ онъ оттуда уйдетъ на четверинкахъ. Ну, да въ казенной лавкѣ его не разуютъ и водки ему не дадутъ ни въ долгъ, ни подъ залогъ. Его и не пустятъ туда гулять около „выручки“. Кто знаетъ въ частныхъ рукахъ кабацкій строй нашей

деревни, тотъ пойметъ и торжество повсюду водки съ примѣсами, и благодѣяніе даже настоящей реформы съ попечительствами о трезвости. Лучше казенная лавка, чѣмъ кабакъ; а еще лучше, если само населеніе откажется отъ нея... Оставьте что-нибудь чистымъ и не загрязненнымъ въ деревнѣ. Всюду вѣдь оскотинившіеся отъ водки люди: угла свободнаго отъ нихъ нѣтъ въ деревнѣ... Какое ужъ тутъ вліяніе церкви или школы на народъ! Да и учителя-то наши—тотъ и хорошъ изъ нихъ, у котораго болѣе учениковъ окончило курсъ съ наградами, въ Новоржевѣ даже даютъ учителю изъ управы по пяти рублей особо за каждаго такого ученика; а по мнѣ—тотъ учитель лучше, у котораго ученики приучены сморкаться въ чистую тряпку, „не искаться“ въ головѣ другъ у друга, а имѣть голову чистую, вычесанную гребнемъ, не упоминать въ гнѣвѣ своемъ и брани собственныхъ родителей, не расквашивать носы до крови кулаками, не воровать въ школѣ и хотъ нѣсколько привыкнуть къ доброжелательству и услугамъ изъ любви къ ближнему. Но это не входитъ въ школьную программу и общій видъ школьниковъ — не занимаетъ педагоговъ. Экзамены по учебникамъ сданы—и дѣлу конецъ. А вѣдь дѣло то о возрожденіи въ человѣкѣ Христа—еще и не начиналось въ школьникѣ. Объ этомъ бы думать да думать надо и духовнымъ и свѣтскимъ пастырямъ.

Эти слова о ничтожествѣ современной школы въ жизни народа и объ утратѣ въ послѣдней всѣхъ воспитательныхъ элементовъ заставили меня спросить священника о реформѣ 19-го февраля.

— Я, — сказалъ онъ, — благословляю ее, какъ

начало великаго дѣла. Я самъ изъ крестьянъ и хорошо помню крѣпостное право. Не повертывайте мои разговоры о народѣ къ возрожденію крѣпостныхъ началъ. Неужели зло необходимо лечить только крѣпостническими мѣрами? Нѣтъ, я противъ нихъ. Но я не хочу скрывать того, что вижу въ современной школѣ. Въдѣ повсюду ихъ строятъ и въ Новоржевскомъ, и Холмскомъ уѣздахъ, и что же? Учителя изъ того же народа, кончившіе курсъ въ семинаріяхъ, какіе то „вареные“, безъ призванія и безъ всякихъ идеаловъ... По вкусамъ и міросозерцанію тѣ же мужики, только съ знаніемъ звукового метода! Знаете ли почему наша волость зовется Цевельской, а погостъ Цевло?

— Не знаю...

— Навѣрное и я не знаю,—сказалъ священникъ,—но думаю, что въ этомъ виновато мѣстное произношеніе. Слышите здѣсь всѣ „цевокаютъ“ и „цокаютъ“. Всюду букву *ц* выговариваютъ, какъ *ц*: „цего?“ вмѣсто чего и т. д. Кончивъ курсъ въ школахъ, мужикъ долженъ былъ бы перестать быть „цевельскимъ“ и отвыкнуть „цевокать“, а между тѣмъ рѣчь его, какъ вы сами знаете, остается такой же, какъ и у неграмотнаго крестьянина. Школа не измѣнила произношенія и по слогу узнаешь человѣка. Такимъ образомъ, и по грамотности я не высоко цѣню современную школу въ деревнѣ и не замѣчаю большого вліянія школы на нравахъ ея питомцевъ... Не замѣчаю. Для васъ сельская школа—кумиръ, а я кричу объ ея недостаткахъ и безсиліи. И купцы, и евреи всѣ грамотны, а какая сласть въ нихъ?

— Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ рекомен-

довать вмѣсто школъ „осиновки“ (мѣста заключенія для мужиковъ при волостныхъ правленіяхъ)?

— Конечно!—отвѣтилъ онъ.—Я вѣдь и не берусь поправлять положеніе дѣлъ. Я только рассказываю вамъ то, что знаю и вижу. Вотъ будете въ лѣсу тетеревей искать, такъ сами увидите, какъ за послѣдніе годы одичалъ нашъ край, заросло все въ немъ и села господскія опустѣли. Въ лѣсахъ найдете старыя дороги, борозды, гдѣ прежде рожь росла, канавы и т. д. Теперь тамъ утки полощатся, да тетерева прячутся. А при крѣпостномъ правѣ это все были барскія села, съ торговыми путями и заводами. Много было здѣсь селъ, и вы сами слышали въ Новоржевскомъ уѣздѣ, что изъ Цевла на Мошницу былъ трактъ для разбойниковъ: было что пограбить молодцамъ-удальцамъ; а теперь не найти села съ богатымъ баринномъ. Легенды про цевельскія могилы свидѣлствуютъ также бывшее богатство нашего края: на „Кулигѣ“ черти деньги давали въ долгъ... Такъ прозывается старая сосна, растущая на двѣ вилки на кладбищѣ за цѣрковью. Здѣсь-то старики и зарывали свои деньги. Кому нужны онѣ на водку и кутежи съ женщинами, тому черти охотно давали ихъ. Только обмануть нельзя было чорта... Былъ такой случай, что два мужика задумали на „Кулигѣ“ взять отъ чорта деньги на хозяйство. Тотъ далъ имъ денегъ, но только стали мужики спускаться съ сопки, куда не повернутся, вездѣ вода: кругомъ цевельское озеро и береговъ не видать. Такъ вѣдь мужики и принесли обратно деньги чорту и бросили ихъ въ яму подъ сосной. А теперь сильно понарыли этихъ ямъ на кладбищѣ,

а все денегъ не найдутъ даже у самого чорта. Все было прежде богаче здѣсь... Самые древніе владѣльцы Цевла были Сумароковы, предки извѣстнаго писателя. Вотъ и про нихъ существуетъ преданіе, что Сумароковъ однажды сжегъ у себя въ селѣ нѣсколько тысячъ ассигнацій; какой-то ярыжка подсмотрѣлъ это и донесъ объ этомъ императрицѣ. Но та признала деньги за правительственныя росписки, уничтоженіе которыхъ выгодно правительству и приказала спросить Сумарокова:—чѣмъ ей наградить его за это? Онъ просилъ у нея позволенія открыть въ Цевлѣ ярмарки. Вотъ съ тѣхъ поръ и пошли здѣсь ярмарки, на которыя пріѣзжали прежде купцы изъ Питера и изъ Москвы, а теперь никто не ѣдетъ. Съѣдутся мужики и торгуются другъ съ другомъ—вотъ и вся наша теперь ярмарка. Падаютъ съ каждымъ годомъ и цевельскія ярмарки. Селъ не стало! Послѣ Сумароковыхъ „укоренились“ здѣсь Креницины. Можетъ быть, это тѣ же Сумароковы, да ихъ мужики прозвали Кренициными за то, что всѣ села принадлежали имъ. А послѣ Кренициныхъ пошли Корфы, а за Корфомъ—еврей Гуревичъ изъ Витебска. Прежде мы и не знали евреевъ, а теперь Цевло куплено ими.

— Вы знаете, — сказалъ я, — что и въ Новоржевскомъ уѣздѣ, ашевскими помѣщиками, Дерюгиными, продана земля около Мошницы тоже еврею Вязьминскому, изъ Великихъ-Лукъ; въ Красномъ, около погоста Марыни, помѣщикъ Душилихинскій продалъ весь лѣсъ евреямъ; село Боровичи тоже продается господами Бояновскими тому же Вязьминскому; у васъ евреи изъ Витебска пріѣз-

жаютъ въ село Ратча, и тоже торгуютъ его у доктора и юриста фонъ-Глауера. Не правда ли, стыдно! Въдѣ нѣкоторые изъ этихъ господъ со средствами, учились въ университетахъ и продаютъ землю не изъ-за нужды. А между тѣмъ сами не умѣютъ ни хозяйничать, ни продать село тѣмъ, кто нуждается въ немъ и могъ бы улучшить его. Еврей-торгашъ сорветъ съ лѣса и земли верхніе плодороднѣйшіе пласты ея по рецепту купца-барышника. Но господамъ нѣтъ до этого дѣла; имъ также только бы сорвать деньги, а къ нуждамъ окружающаго крестьянства—они равнодушны. Либо продажа еврею своего села, либо винокуренный заводъ и корчмы въ немъ. А между тѣмъ, умѣлъ же въ Холмскомъ уѣздѣ генераль Евреиновъ продать село Смородовникъ крестьянской артели изъ 24 семей, въ трехъ деревняхъ; другіе господа продали села Макарино, Овсищи такимъ же артелямъ, а на югѣ, въ Херсонской губерніи, въ гор. Елизаветградѣ, присяжный повѣренный Н. В. Левитскій поднялъ цѣлое движеніе въ пользу продажи имѣній крестьянскимъ артелямъ и призываетъ интеллигентныхъ людей на помощь артельнымъ мужикамъ и ихъ самоуправленію. Въдѣ какое это благородное дѣло: пока фабрикъ еще не хватаетъ на такую обширную страну, какъ Россія, и пока онѣ еще не страшны для общинъ и артелей—заняться нашимъ господамъ постепенной продажей своихъ сель не евреямъ и купцамъ-барышникамъ, а крестьянскимъ деревнямъ на артельныхъ основаніяхъ, съ участіемъ интеллигентныхъ и безкорыстныхъ лицъ для надзора и руководства. Въдѣ это гораздо почетнѣе торговли

прадѣдовскимъ состояніемъ, съ пренебреженіемъ къ нуждамъ населенія.

— Еще какъ почетнѣе-то, — поддержалъ меня священникъ радостно. Вѣдь какъ необходимо это интеллигентное участіе въ крестьянской артели и для мужика, и для барина. Теперь у насъ всѣ крестьянскія артели только тогда и процвѣтають, когда онѣ купили маленькое село. Поменьше село — и артель поменьше; можно землю раздѣлить безобидно, черезполосно, какъ надѣльную. А въ большой артели, при большомъ селѣ, черезполосность не выгодна тѣмъ, кому придется на свою полосу далеко ѣздить отъ избы, далеко навозъ возить и т. д. Вотъ Богъ помогъ крестьянамъ купить Смородовникъ, а чортъ мѣшаетъ жить: некому научить ихъ артелью хозяйничать, подѣлили они землю кусками и не угодили другъ-другу, ссорятся теперь, а тутъ еще круговая порука за бездѣльниковъ, которые смекнули, что за неплатежъ ими денегъ въ банкъ все равно будетъ платить артель... Вотъ изъ-за двухъ-трехъ такихъ людей страдаютъ 200 человѣкъ! Всего и не пересказать, что творится въ артели, гдѣ нѣтъ авторитетнаго лица. Но молодые помѣщики, часто университетскіе, не помышляютъ о томъ, кому слѣдовало бы продавать землю. „Молодой паньчъ, говорятъ крестьяне: не заводить, а остатки проводить...“ Всѣ бѣгутъ на службу, какъ только купецъ или жидъ поможетъ имъ развязаться съ селомъ. Да, нѣтъ теперь ихъ у насъ, этихъ просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ! Все меньше и меньше.. Заколочены ставнями дома барскіе, обвалилась штукатурка и обои внутри; бібліотеку

разворовали мужики на папиросы, а остатки мыши съѣли. Хотите, предложилъ онъ мнѣ,—посмотрѣть барскій домъ у насъ въ Цевлѣ?

— Развѣ тамъ никто не живетъ?

— Никто. Еврей управляющій поселился во флигелѣ, а домъ пустуетъ.

Я охотно согласился сдѣлать прогулку къ усадьбѣ на высокомъ берегу озера. Она была чрезвычайно красива. Аллея изъ старыхъ липъ несколько не скрывала горизонта, который тянулся черезъ озеро въ Новоржевскій уѣздъ на нѣскольکو десятковъ верстъ. Волны сильно шумѣли у береговъ, а по озеру тянулись вереницы утокъ и пищали рыболовы. Солнце опускалось къ низу и заливало собою лѣса въ отдаленіи. А самый домъ, съ балконами по обѣ стороны, былъ заколоченъ. Еврей любезно отперъ намъ двери дома, и мы молча прошли по его обширнымъ комнатамъ. Въ одной изъ нихъ священникъ обратилъ мое вниманіе на камышевыя трости, въ мизинецъ толщиною, связанные попарно.

— Этимъ,—сказалъ онъ,—сѣкли здѣсь крѣпостныхъ людей. Стулья плели изъ этого камыша, и пороли имъ же несчастныхъ мужиковъ.

— Видите,—отвѣтилъ я,—какъ же не радоваться тому, что эти трофеи теперь заброшены и стали всѣмъ омерзительны.

— Да я и не говорю о нихъ,—отвѣтилъ священникъ.—Я говорю о томъ, что настоящее очень плохо. При господахъ здѣсь были и дороги, и каналы, и деньги, и торговля, а теперь одно воспоминаніе... Не хотите ли поглядѣть нашу церковь? Обыкновенная она, а только сохранился деревян-

ный крестъ, когда она строилась, съ фамиліей на немъ и громкими чинами Самуила Спиридоновича Сумарокова, да еще нерукотворенный образъ Спасителя, на которомъ имѣется дощечка съ маленькимъ замочкомъ и надписью, что за дощечкой въ самомъ образѣ вложенъ крестъ золотой, который „пожалованъ изъ милости императрицы Елисаветы Петровны оберъ-штальмейстеру, сенатору орденъ российскихъ—апостола Андрея, Александра Невского и святая Анна кавалеру Петру Спиридоновичу Сумарокову“. Можетъ быть,—добавилъ священникъ,—этотъ Петръ Спиридоновичъ былъ отцомъ знаменитаго Александра Петровича Сумарокова. Здѣсь его и родословная значится на церковныхъ украшеніяхъ... Такъ говорятъ у насъ...

Я дѣйствительно нашелъ на крестѣ и образѣ все, что говорилъ священникъ.

— А теперь пройдемъ на кладбище. Мужиковъ мы хоронимъ на „кулигѣ“, гдѣ черти деньги давали раньше въ займы на кутежи, а поблагороднѣе кто, тѣхъ мы хоронимъ вокругъ церкви. Вотъ памятникъ Ник. Сав. Креницыну. Сюда крестьяне ходятъ смотрѣть эту „Плакуду“: плачущаго на могилѣ надъ урной ангела, а прочія могилы съ простыми деревянными крестами. Скоро и „Плакуда“ свалится. Вѣдь она поставлена здѣсь въ 1820 году и скоро некому будетъ смотрѣть за ней. Не надолго укоренились здѣсь Креницины, а Корфы еще скорѣе вытѣснены отсюда евреями. Вотъ, какъ оглянешься на прошлое нашего края подъ Цевломъ и на то, какъ теперь все тутъ оскудѣло, станешь и самъ „плакудой“. Не о камышевыхъ розгахъ я плачу, но о безсиліи передъ кула-

комъ и кабакомъ нашей церкви и школы. Ничего не осталось въ деревнѣ, что могло бы бороться съ кулацкими идеалами народа: и учится крестьянинъ затѣмъ, чтобы получить званіе почетнаго гражданина, потомъ купца, а купеческіе сынки уже совсѣмъ благородятся и козыряютъ награбленными капиталами не хуже настоящихъ господъ... Все въ нищету обращается и народъ за одно бѣднѣетъ и грубѣетъ.

Въ возбужденномъ голосѣ священника, мнѣ слышались слезы.

ОТЦЫ И ДѢТИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНѢ.

I.

Опять мнѣ не пришлось это лѣто полѣчить свои нервы за границей, а нужно было ѣхать въ болотистые уѣзды Псковской губерніи (новоржевскій и холмскій) и здѣсь развлекать себя во мху и лѣсахъ охотою на тетеревей и мошниковъ. Чтобы эта охота изо дня въ день не утомляла меня своимъ однообразіемъ, я уже давно придумалъ оживлять ее разговорами съ мужиками по вопросамъ бытоваго характера, и эти разговоры были иногда не безынтересны. На берегу „глушака“ (общее названіе озеръ въ лѣсу) или за стаканомъ чаю въ избѣ крестьянина, безъ всякихъ предисловій, я запросто спрашивалъ моихъ

случайныхъ пріятелей о томъ, чья совѣсть тверже—мужичья или бабья; кто изъ нихъ лучше—отцы или дѣти? и т. д. Все тѣ же мои спутники: Моховикъ изъ погоста Марыни, Антонъ изъ дер. Мошницы, Артюха изъ Желнина, Степанъ изъ Крутца, Максимка изъ Черемши и Миронъ съ Крутошекъ составляли мое общество, смотря по тому, въ чью деревню я попадалъ и кто изъ нихъ сопутствовалъ мнѣ въ моихъ странствованіяхъ по болотамъ и лѣсамъ. Они-то и возбудили нынѣшнимъ лѣтомъ, между собравшимися крестьянами въ избѣ, споръ объ „отцахъ“ и дѣтяхъ“ въ современной деревнѣ. Большинство склонялось въ пользу стариковъ и дореформеннаго времени. Меня это очень поражало, и я внимательно относился къ спору обѣихъ сторонъ.

— Мои родители, — ораторствовалъ Степанъ изъ Крутца, — прожили полвѣка, а рѣдко слыхивали про убійства и драки съ увѣщемъ, а теперь это случается каждую недѣлю... Прежде, бывало, люди возьмутся за волосы, поводятъ одинъ другаго, какъ пѣтухи, и отпускаютъ, а теперь малецъ хвастается: „я какъ хлеснулъ его, такъ онъ сразу и не пикнулъ... Вотъ я какой“! А хлеснулъ-то онъ его коломъ, либо камнемъ по головѣ. А суды наши его выпускаютъ... Вмѣсто того чтобы въ Сибирь ему идти, судьи говорятъ, что это обоюдная драка... Это ужъ не драка, если съ коломъ или камнемъ, а убійство. У насъ теперь и дракъ нѣтъ безъ камня или гири въ карманѣ. Помилуй Богъ, какъ дерутся! Идетъ малецъ на гулянку, а въ карманѣ у него ножикъ, пистолетъ, камень, точно на войну идетъ и похваляется: „Ишь, гля-

ди, съ какимъ я орудіемъ... Теперь никто меня не тронетъ"! Какъ же онъ не убійца, если онъ такъ вооруженъ и затѣваетъ драку?

— Да развѣ всѣ нынѣ такъ ходятъ на гулянку, какъ говоришь ты?—спросилъ я.

— Всѣ малыцы въ новоржевскомъ уѣздѣ! „Слава богу,—говорить отецъ:—обрядилъ своего сына! Сшилъ ему черную пару, сапоги съ калошами, купилъ гармошку, часы... Теперь надо раздобывать ему *левольверъ*“... Это самъ родитель даетъ каждому сыну, когда тотъ вырастетъ.

— Неужели же всѣ они способны убить человѣка?

— Если на гулянкѣ „левольверъ“ въ карманѣ, такъ долго ли убить!

— Можетъ быть, такъ носятъ... для острастки?—Носятъ для острастки, а зачѣмъ они дерутся-то имъ? Если съ камнемъ да съ пистолетомъ, то ужъ это не драка. Пистолеты у насъ недорогіе и даютъ промахи; а и попадетъ, то не на смерть... Намѣреніе же было—смертоубійство учинить. Какъ же иначе? Вѣдь онъ пулькой стрѣлялъ или камнемъ билъ въ високъ. Какъ же это не убійство? А судьи говорятъ драка и выпускаютъ отчаяннаго человѣка на свободу. Если же и посадятъ его въ арестантскія роты, то вѣдь и тамъ хлѣбомъ кормятъ. Вотъ если-бы снять съ него шкуру, да отдать на пятнадцать лѣтъ въ солдаты—вотъ сдѣлался бы человѣкомъ. Строгихъ судовъ, баринъ, нынѣ нѣтъ—народъ и балуется. Оттого прежде въ острогахъ сидѣлъ мужикъ съ бородой, а нынѣ все молодые.

— Прежніе суды не были строже для тѣхъ, кто имѣлъ деньги, — замѣтилъ я. — Ты не знаешь бывшихъ городничихъ и уголовныхъ палатъ. Прежде виновный говорилъ о судѣ: „пушу деньги въ бѣду, а самъ мимо бреду“...

— А мнѣ думается, — убѣжденно возразилъ Степанъ: — старые суды подкупить было нельзя... Какъ ты подкупишь барина-то? Старые суды изъ господъ состояли... Вотъ ты и подкупи ихъ! Нашему брату не подкупить; оттого господскій судъ былъ праведный къ намъ. Подкупи-ка тебя... Такъ нечѣмъ! И радъ бы... А теперь мы сами себя судимъ. Мужикъ мужика судить. Сами худо дѣлаемъ и сами же разсудимъ... Это самосудъ. Ну, за бутылку вина и правъ! А господину и ста рублей мало... По судамъ мужику надо вспоминать господъ. Теперь у насъ пошли „дорожки прямые, а суды кривые“. Все новое умно: дороги — желѣзныя, телеграфы — прямые, а люди-то кривые и суды ихъ такіе же. А и осудить человѣка, такъ что это ему за наказаніе: посидѣть въ тюрьмѣ на готовыхъ хлѣбахъ? На господскомъ суду онъ на лавку не сѣлъ бы съ мѣсяцъ и спать на боку не могъ бы... А теперешнее наказаніе ему ни во что...

— Тебя слушать тяжело, Степанъ. Умный разберетъ, а дуракъ подумаетъ, что такъ и надо драть до безчувствія виноватаго и въ собственномъ дѣлѣ болѣе полагаться на барина, чѣмъ на свой разумъ. Развѣ лучше жилось при господахъ съ судами на конюшняхъ не по закону, а по собственному ихъ усмотрѣнію?

— Ты правъ, баринъ, что теперь на все законы и безъ нихъ не осудятъ человѣка. Только

ихъ и боятся, но совѣсти-то совѣмъ ужъ не стало.

— Да знаешь ли ты самъ-то, чтò такое совѣсть?

— Кто? Я-то?

— Ну, да... чего ты переспрашиваешь!

— А вотъ что,—смѣло отвѣтилъ онъ:—прежде я бралъ деньги и писалъ расписку: „отдамъ въ такой-то срокъ, а если не отдамъ, то будетъ мнѣ стыдно“... А теперь стыда нѣтъ... Прежде давали деньги тайно, на стыдъ и совѣсть, а теперь все на векселя да на суды. Ну, совѣсть и стала не нужна... Много завелось законовъ и каждый генералъ хочетъ свои прибавить, а совѣсть пропала. А прежде безъ судовъ было больше правды, чѣмъ теперь. На слово не стало болѣе вѣрныхъ людей. А старые-то люди давали деньги, векселей не брали, не надо было и свидѣтельствовать. А теперь не найти и мужика-то богатого, при деньгахъ.

— Не болтай ты про старь,—возразилъ ему Антонъ изъ Мошницы, всюду сопутствующій мнѣ на охотѣ.—Ну, чего ты звонишь про стариковъ! Мнѣ самому больше двадцати пяти годовъ, а я ни разу не дрался и холостымъ на гулянки не ходилъ. И много такихъ, не всѣ пьяны въ гулящіе дни. Если тебѣ жаль водки, то уничтожь прежде кабаки,—тогда и ругай пьяницъ. А то нѣтъ.. Казенные склады въ деревняхъ заводятъ и въ вагонахъ по желѣзнымъ дорогамъ строятъ буфеты. По твоему не будетъ... Да и встарь пили не меньше, а дрались не въ примѣръ больше. Разбойниковъ въ старые годы было больше... Цѣлая шайка заводились, а теперь не слышать.

— Теперь, Антонъ, каждый крестьянинъ—разбойникъ, да некого стало грабить... Никто теперь

не ѣздить мимо деревень, а все по желѣзнымъ дорогамъ. Вотъ отчего и шайки вывелись. Прежде люди были съ деньгами, ихъ и грабили. Разбойники были тоже дружные ребята, какъ одно сердце; а теперь сойдутся три-четыре человѣка, сейчасъ же кто нибудь изъ нихъ же и донесетъ на товарищей. Дружбы не стало и у разбойниковъ. Богатыхъ людей много было встарь, а разбойники, какъ братья, жили между собой.

— Не гомони ты про разбойниковъ,—перебили его представители молодаго поколѣнія въ избѣ.—Всѣ разбойники—худой народъ, а изъ богатыхъ людей и прежде мало было честныхъ... Въ нашемъ уѣздѣ самый богатый мужикъ разбогатѣлъ обманомъ. Онъ былъ управляющимъ у барина въ имѣніи и скрывалъ отъ него доходы. Много тысячъ наворовалъ отъ него, а прятать деньги было некуда. Банковъ тогда мужики не знали, а баринъ могъ пріѣхать, позвать управляющаго къ отвѣту и отобрать у него свои капиталы. Вотъ управляющій и отдавалъ деньги на храненіе вѣрному человѣку изъ крѣпостныхъ же, а вѣрный человѣкъ на повѣрку-то оказался плутомъ и мошенникомъ. Когда пособралъ онъ на храненіе, можетъ быть, не одну десятку тысячъ, тогда и дружбу повелъ врозь съ управляющимъ. А въ это время царь далъ всѣмъ свободу и воръ у вора дубинку укралъ безъ всякаго за это наказанія. Оттого и пошло его богатство. Вотъ какіе у насъ старики-богачи. „Богъ счастья послалъ ему,—говорять у насъ про богатаго;—купца зарѣзалъ и сталъ съ капиталомъ“. Старые люди рассказываютъ, что подъ Цевломъ встарь селъ было мно-

го; ну, молодцы-удальцы соберутся туда, перерѣжутъ господъ, да мѣхами деньги и таскаютъ... На Мошницу изъ-подъ Цевла и трактъ былъ имъ. И теперь говорятъ еще, что на цевельскихъ могилахъ черти даютъ деньги взаймы; только къ сроку возвращать надо, а то черти покою не дадутъ.

— Это вѣрно,—подтвердили и другіе, сидѣвшіе за самоваромъ, крестьяне.—У насъ и теперь еще богатѣютъ черезъ цевельскихъ чертей.

— Какъ же это?—спросилъ я.

— Надо найти,—ухмыляясь иронически, замѣтилъ на это Антонъ:—три ключа воды на одной линіи. Промежъ ключей и деньги подадутъ тебѣ... На одномъ изъ нихъ утки прилетаютъ вечеромъ воду пить и не вздымаются до самого утра. Тутъ и жди чорта съ кладомъ.

— Дождись прежде всего утокъ, а безъ нихъ и не пытай счастья,—также скептически вторила молодежь. — Старикамъ-дуракамъ, — продолжали они,—все снятся клады въ сопкахъ. Многіе гонялись тамъ за ясными змѣями, которыя поѣдаютъ котлы съ золотомъ. Эти змѣи—тѣ же утки на ключѣ—черти... Вотъ и попроси у нихъ горстку золота.

— Это не брехня,—съ упрекомъ перебилъ Степанъ.—Когда снятся человѣку сопки бочкой, тогда ищи такую сопку одинъ и увидишь ты на этой сопкѣ змѣю; только ты не бойся ея, а стебани дубинкой хорошенько: изъ нея и посыпется золото.

— А мнѣ хоть каждую ночь бочка снись,—возразилъ Антонъ,—не пойду я ворочать „суборъ-

каменя“ на пашнѣ или искать ясную змѣю на сопкѣ. Брехня одна эти ясныя змѣи и котлы съ золотомъ!

— Вотъ молодые-то не вѣрятъ въ старину, а своей Еленкѣ *) повѣрятъ,—обратился ко мнѣ Степанъ съ сожалѣніемъ о молодежи.—Старики худо только деньги прятали въ землю, а совѣсти было у нихъ больше. Приѣдешь, бывало, на улицу съ возомъ, выпрягай конь—все будетъ цѣло. А теперь нѣ... деньги запрячутъ въ землю и своимъ даже не скажутъ, точно отъ Литвы прячутъ. Это напрасно, а больше ничего худаго не сказать про нашу старь.

— Ай-да, что это ты, Степанъ, говоришь! Да и стариковъ нынѣ не стало такихъ-то,—запротестоваль снова Антонъ.—Прежде дубъ прибавляли въ хлѣбъ, пушной—ѣли, и всегда было голодно. „Дубомъ кишки драли, а деньги въ землю зарывали“—вотъ всего и хорошаго было тогда. А теперь умереть не дадутъ: по желѣзнымъ дорогамъ хлѣбъ подвезутъ; старыя бабы прежде не умѣли ткать ни въ восемь, ни въ двѣнадцать, ни въ шестнадцать нитокъ, а теперь молодухи какіе угодно узоры выведутъ. Много ли старики-то понадѣлали машинъ? Все молодые придумали машиной и ленъ мять, и шерсть чесать. Ничему старики насъ не научили. И прежде они были слѣпыми, а теперь и подавно: какъ Петръ взялъ въ плѣнъ нѣмцевъ, такъ и образованіе пошло отъ нѣмцевъ, а не отъ стариковъ. Одно слово: старина—это

*) „Еленовцы“—недавно возникшая секта въ псковской губерніи, съ отгнкомъ раціонализма.

безграмотность, слѣпота, тьма... Видалъ ты,—обратился онъ ко мнѣ,—въ Борахъ могилки тутошнихъ богатырей Симеона и Дорофея? Всякій годъ мы съ бариномъ ходимъ туда, чрезъ Язвы и Селища, шелкать тетеревей... Такъ вотъ наши старики до сихъ поръ думаютъ, что если не сходить въ троицынъ день на эти могилки съ блинами и водкой, такъ градомъ хлѣбъ у того выбьетъ. Сперва молятся около могилкохъ, а потомъ всѣ перепьются, и блины зарываютъ въ землю для покойниковъ, чтобы они ночью покушали... Вотъ слѣпота-то!

— По твоему,—перебилъ Степанъ строго:—и могилкохъ съ богатырями у насъ нѣтъ? Такъ погляди, да послушай, кто постарше тебя.

— Нечего слушать-то! Скотъ хоронили въ ямахъ, да угли обжигали—вотъ ваши богатырскіе могилы.

— Ахъ, тошнехонько! Свезутъ тебя, Антошка, за эти рѣчи въ станъ.

— Вы, старые люди, неграмотные,—продолжалъ тотъ:—что подъ поломъ, то и у васъ въ головѣ. Ничего не видно тамъ... Всѣ старики—безъ ума, что дырявая сума... Только носы табакомъ и умѣете набивать. Понюхалъ табачку и легъ на бочку.

— Что говорить: молодые умнѣе стали. Вонъ и баринъ скажетъ, что въ первые годы, какъ онъ сталъ сюда ѣздить, и дичь была поглупѣе въ лѣсу... А теперь хоть разсвистись въ лѣсу, а не подманить тебѣ ни старку, ни молодиковъ. Птица, и та поумнѣла, а люди и того больше. Проворнѣе стали съ грамотой... Стащить что нибудь; пьяного обобрать; цѣлую недѣлю работать, чтобы

на гулянкѣ лучше всѣхъ одѣться: въ горшкѣ-то у него рѣдька кипитъ, а на ногѣ сапогъ скрипитъ... Ну, а послѣ перегонятъ на спиртъ всѣ деньги, а потомъ и одежонку. Куда какъ стали они умнѣе на эти дѣла. У моего свояка сестра живетъ въ богадѣльнѣ въ Петербургѣ и деньги имѣетъ при себѣ. Онъ и звалъ ее домой доживать свой вѣкъ, такъ она ему въ отвѣтъ написала: „боюсь, братецъ, ѣхать къ тебѣ въ деревню... Зарѣжутъ! Не дадутъ умереть своей смертью за мои пятьсотъ рублей“. И правда... Провѣдаютъ молодые ребята про ея деньги и задушатъ старуху ночью... Какой народъ-то теперь! Судовъ онъ не боится, стариковъ не слушаетъ, а на все хочетъ самъ отвѣтить. Я, бывало, по пятамъ родителей такъ и хожу вслѣдъ; а теперь у сыновъ свои капризы и они же насъ стариковъ учатъ жить по своему! Прежде баринъ снялъ бы съ него шкуру за это, а теперь надъ нимъ никакой нѣтъ грозы.

Тотъ же Антонъ отвѣчалъ ему съ достоинствомъ:

— Человѣкъ—не гадъ и не лягуха, Степанъ, а божье созданіе. Нельзя его стება... Чемунибудь Христось-то училъ насъ, когда жилъ съ нами. Онъ и Петру не велѣлъ рубить евреевъ, когда они пришли за нимъ. „Развѣ у моего Отца Небеснаго не хватило бы милліона ангеловъ, чтобы защитить меня?“ — сказалъ Христось, и велѣлъ не драться. Застебать человѣка и царю не выгодно: какое же будетъ у дранаго человѣка потомство? Какіе будутъ у царя солдаты? Все хилые да робкіе... Розги кого угодно старцемъ сдѣлають. Ничего, что мальцы между собой де-

ругся... Такихъ-то и на войну пустить не страшно! А передери ихъ разъ да другой—ты вмѣстѣ съ шкурой и душу отымешь у нихъ. Теперь наши мальцы дерутся и убиваютъ другъ друга; а разбери ихъ—окажется, что иному за дѣло голову проломили. А прежде застебаютъ человѣка—и все тутъ. Баринъ его судиль и миловаль, а барина никто не судиль... Вотъ и всего хорошаго въ старыхъ судахъ.

— Да барина не за что было и судить-то,—не менѣе горячо запротестовалъ Степанъ, но Антонъ на полусловѣ перебилъ его:

— Молодыхъ и теперь ссылаютъ, когда они неправы—и за дѣло... Всѣ знаютъ зачѣмъ, а встарь ссылали людей ни за что: за господскую собаку можно было погибнуть. Теперь въ дракѣ убьютъ одного, а убійцу осудятъ; а прежде вся деревня пропадала, если баринъ былъ на нее горячъ.

— Гдѣ гроза, тамъ и милость,—поправился Степанъ въ ходѣ своихъ мыслей, припертый было къ стѣнѣ примѣрами изъ жизни.—Если тогда было хуже,—спросилъ онъ,—то отчего же теперь въ Сибирь идетъ больше народу?

— Сибирь тоже нашего царя и солнышко вездѣ одно...

— Ахъ, тошнехонько мнѣ!—воскликнулъ изумленный Степанъ.—Солнышко вездѣ одно, говоришь ты; а вотъ я бы подумаль о дѣткахъ, да о родительскихъ могилахъ... Человѣкъ, гдѣ родится, тамъ и пригодится... На чужбинѣ—грусть! И слышко тамъ восходить не въ одно время съ нашимъ, и не научусь я въ Сибири вставать

вмѣстѣ съ нимъ. А молодому все нипочемъ... Онъ глупой и не знаетъ своего сердца.

— Много ли ты знаешь чего?—обидчиво возразилъ Антонъ. — Знаешь ли ты, спрошу я тебя: какъ за границей хлѣбъ родится и какая тамъ обработка?

— Родится, какъ Богу угодно, а обработка, извѣстно, руками...

— Вѣдь ты, — не унимался Антонъ, — еслибъ былъ грамотнымъ, могъ бы служить по хорошимъ мѣстамъ, приказчикомъ гдѣ нибудь... А теперь ты не ученъ и можешь только сапоги шить, да на озерѣ шукъ и व्यюновъ ловить...

— Въ крестьянскомъ быту, опять тебѣ отвѣчу, Антошка, съ грамотой тяжелѣе жить... Обмой меня до-бѣла—сѣсть ворона... У насъ кто грамотенъ, идетъ въ фельдшера или учителя... Голову ломать и заботу брать! Проходитъ онъ съ ребятишками учебу съ напоромъ и помираетъ до срока... Самъ-то онъ ничего при жизни не говоритъ и живетъ будто чисто, по господски; а хозяйка потомъ и жалуется: „чахъ у нажилъ и померъ“... А если онъ ученъ не до тонкости, то все жъ выберутъ въ сельскіе старосты—казенныя деньги собирать у мужиковъ. У денежекъ... у каждой монетки есть крылышки; глядишь, нѣсколько рублей и улѣтело изъ кармана... А безъ грамоты никуда меня не выберутъ мнѣ никто не нуженъ. Самъ я себѣ господинъ!

— Да какой же ты господинъ, если долженъ каждый разъ прибѣгать ко мнѣ, чтобы узнать, что я прочелъ въ книгахъ.

— Да вѣдь и тебѣ, Антоша, каждый разъ

книги нужно присылать изъ города. Вотъ еслибы ты самъ ихъ писалъ, а то и тебѣ Натолій Иванычъ высылаетъ ихъ изъ Питера. Выходитъ все одно... А вотъ если ты грамотный, то Расскажи мнѣ исторію такъ, чтобы я не могъ переправиться и отвѣтить тебѣ на слово... Кто кого перекапризить? Ты видѣлъ Питеръ, а я и Псковъ видѣлъ... Былъ я помоложе—былъ рублемъ дороже, а постарѣлъ, такъ на молодыхъ, какъ ты, и не глядѣлъ бы... Какой толкъ въ твоей грамотности, если я не ученъ и книжекъ не читаю, а не глупѣе тебя? Твое знаніе ни къ чему... Еще хуже грамотные-то гуляютъ и озорство оказываютъ. „Бмъ мякину, кричить: а водку пить не кину!“

— Ты приговаривать хорошъ, а не работать, тихо отвѣтилъ Антонъ, но потомъ вдругъ оживленно воскликнулъ. Какъ же ты не глупѣе, если ты не знаешь, что земля вертится, а солнышко стоитъ; что звѣздочки больше-земли и находятся отъ насъ на миллионъ верстъ?.. Ты вѣдь этого не знаешь, а я знаю.

— Это не къ чему намъ, Антонъ! Пусть въ школахъ учать ребятъ не пить водку, не „гамкать“ пѣсни на улицахъ, не драться и не воровать; а сколько верстъ до солнышка—ни къ чему намъ... Этому вѣрить нельзя, Антонъ, что оно стоитъ на одномъ мѣстѣ, когда я вижу его каждый день въ разныхъ сторонахъ. Ты тоже не вѣрь... Дуракомъ назовутъ! Вонъ Крутецъ съ Мошницей на одной линіи стоятъ, а если бы земля вертѣлась, то Мошница бы сегодня была спереди Крутца, а завтра сзади, и ва головѣ бы у всѣхъ вертѣлось... А то

у одного у тебя вертится! Смотри: свяжутъ тебя и отвезутъ къ становому.

II.

Антонъ былъ осмѣянъ всѣми сидящими за столомъ и не тотчасъ отвѣтилъ Степану.

— Старому человѣку, — произнесъ онъ, наконецъ, — кричи „лѣвѣй“, а онъ все ѣдетъ прямо, пока не потыкаешь его въ шею... Онъ глухой и, хоть раскричись ему въ пути, — не свернетъ въ сторону. Такъ и ты, Степанъ. Всѣ прежніе люди глухи къ ученью: ихъ и само начальство не хотѣло учить прежде, а для молодыхъ теперь всюду заводятъ школы.

— Старики, Антонъ, не учились потому, что самъ государь зналъ, что они и такъ умны, а теперь видитъ, что дѣти ихъ глупы и велѣлъ учить всѣхъ. Хотятъ всѣхъ обязательно сдѣлать грамотными, а то всѣ дураки... У стариковъ была природа умная. А природа лучше науки: постарше... Гусенокъ, какъ родится, такъ и прочь отъ берега на воду, а кто его училъ плавать? Никто... Сама природа учитъ всякую тварь, а нынѣшнихъ ребятъ никто ничему не научить. У нихъ природы своей нѣтъ, такъ какъ же ты хочешь въ школахъ сдѣлать ихъ умнѣе стариковъ?

— И природой прежніе люди были похуже, — не соглашался Антонъ. — Отчего, скажи, солдаты жаловались на старую службу? Потому что они сами были природными дураками и не обучить ихъ

скоро... Теперь въ четыре года солдатъ знаетъ по военному дѣлу, а тогда надо было двадцать пять лѣтъ учить его.

— Ничего ты не знаешь о старыхъ солдатахъ! Прежде надѣнуть ему шапку въ двѣнадцать фунтовъ, тѣсные сапоги съ мыломъ на ногу, узкую одежду, и выдетъ онъ въ полѣ—идетъ молодцомъ и героемъ.

— Только эту тѣсноту онъ и зналъ, а службы не понималъ... Правый сапогъ мѣтилъ мѣломъ или углемъ и не зналъ, на какую ногу его надѣвать; а придетъ въ деревню—бьетъ родителей и всѣхъ пугаетъ...

— Зря говоришь! Прежде онъ одинъ за пять братьевъ могъ служить царю, а теперь всѣхъ беруть...

— Да развѣ прежде въ солдаты отдавали самага умнаго, чтобы онъ за пятерыхъ братьевъ могъ отслужить царю? Вотъ ты и этого не знаешь, что баринъ отдавалъ въ солдаты когонибудь поплоче и то ладно; а то по злобѣ сдавалъ мужика подъ красную шапку. И у барина мужичку было плохо, и на службѣ будетъ носить шапку въ четверть пуда—ну и станетъ дуракомъ... А ты все хвастаешь про старь!

— Никогда не сравню!—увѣренно воскликнулъ Степанъ.—Прежніе люди и такъ были умны, а васъ за то, что вы дураки, всѣхъ берутъ и въ солдаты, и въ школы. Теперь стариковъ никто изъ молодыхъ не слушаетъ, такъ ихъ всѣхъ и берутъ въ солдаты. Отца не слушаешь, такъ, можетъ быть, царя послушаешь. „Отцу дѣлать нечего съ тобой,—разсуждаетъ начальство,—такъ

дай я тебя научу почитать законъ и жить въ страхѣ божьемъ. Пробудешь четыре года въ солдатахъ, поѣшь казеннаго хлѣба, помокнешь на дождю и снѣгу, такъ будешь любить родительскій харчъ и отца почитать“.

— Было бы за что почитать, Степанъ! По чему и не почитать старика, если онъ водки не пьетъ и самъ не ругаетъ меня такъ и перетакъ; а то нѣтъ... Таковского отца надо почаше въ шею потыкать. Молодымъ будетъ прощенье, если они худо дѣлають: они успѣють исправиться; а старику никогда не простится. Поминаетъ родителей и на курицѣ. Молодые жарчѣй и сдержатъ ихъ труднѣе, чѣмъ огонь. А все же годъ отъ году они лучше, чѣмъ дрянные и безграмотные наши старики. И въ писаніи сказано: „не вливай вина молодаго въ мѣха старые“.

— Да лучше ли, Антонъ, молодое-то вино? Лучше ли оно стараго? Вѣдь прежде были у насъ и богатыри, и святая мощи, а изъ нынѣшнихъ молодыхъ ничего не выходитъ.

— Богатырей не было,—коротко отвѣтилъ ему Антонъ.—Это сказки: Илья Муромецъ или нашъ Дорожей съ Симеономъ*), а мощи ты самъ не видѣлъ...

— Ахъ, тошно мнѣ! А что земля вертится и я кручусь вмѣстѣ съ ней—это не сказки и ты самъ это видѣлъ? Ты можешь доказать, что звѣзды больше моей избы, когда всѣ видятъ въ небѣ свѣчку? Все ты врешь и больше съ тобой гомонить не стоитъ.

*) См. „Богатыри Псковской губерніи“. Стр. 83.

Спорящія стороны волновались и каждая имѣла своихъ сторонниковъ. Большинство съ Степаномъ встрѣтило въ Антонѣ сильнаго противника.

— Что ты понимаешь въ любовномъ грѣхѣ,— горячо говорилъ онъ Степану, когда разговоръ перешелъ на „женскій вопросъ“:—богдановичей прежде было больше, чѣмъ теперь... Все богдановичи да богдановичи шли, а теперь у каждаго есть отецъ. Любовный хмѣль проходитъ... Ничего, что теперешнія дѣвки смотрятъ на мальцевъ, который изъ нихъ умѣетъ лучше „переломиться пополамъ“, а ты слыхалъ ли, что говорятъ про прежнихъ бабъ? Везли человѣка на висѣлицу, а еврей встрѣтился на дорогѣ... „Что такое? За чѣмъ его везутъ и куда его везутъ?“—Вѣшать, говорятъ... — „А за что его вѣшать?“ — Человѣка убилъ...—„А, убилъ! Лучше бы преступника женить... Вѣкъ бы мучился; а то удавятъ разъ—онъ померъ и шабашъ“... Анекдотъ этотъ старинный, Степанъ; а теперь и жалобъ такихъ нѣтъ на женщинъ... „Меньше дѣвкой—молодухой больше“—вотъ и все. Жить стало можно съ бабой. Выбираешь по вкусу... А прежде другіе выбирали тебѣ жонку и ты долженъ былъ „немилую цѣловать—что несолено хлебать“.

— А теперь все пробныя жоны,—съ насмѣшкой поддакнулъ Степанъ.—Пристрѣленные! А вотъ меня отецъ женилъ, такъ я первое время не зналъ имени своей жонки. А когда она умерла, я все думалъ: жениться мнѣ второй разъ или нѣтъ. Первый годъ я не женился, потому что всѣ хорошія женщины къ тому времени перемерли... „Пѣтуха всѣ куры боятся, а теперешняя женщи-

на не хочетъ бояться одного мужа. Что же это за порядки?“ думалъ я и не торопился со свадьбой. На второй годъ—у меня лошади не было, не на чѣмъ было ѣхать за невѣстой; на третій годъ—купилъ хорошую лошадь, свинины не стало; а потомъ и свинина была, да годъ неурожайный... Хлѣба не было! А вотъ теперь, когда я поправляюсь, я и женюсь... Вотъ какъ старинные люди женятся, а нынѣ на гулянкахъ...! Помѣшка не замной, но только я не хочу дурака строить. „Жениться хочешь, а хлѣба просишь“—такого выговора я не заслужу. А будешь выбирать дѣвку по вкусу и искать съ ней—„полвѣнца“, такъ за умъ никогда и не возьмешься... Да и какой же умъ у молодого парня? За него должны родители думать и не допускать на гулянкахъ „полубраки“. А теперь сами парни строятъ себѣ пару: женятся на „посестріяхъ“ и между собой все „свои“... Да гдѣ тутъ умъ-то? Вотъ теперь мнѣ уже болѣе 50 лѣтъ и я живу съ умомъ:

Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ бѣжкомъ,
Черезъ пожку цонемножку,
Перекулишься—все къ дому ближе...
А къ своему двору—
Какъ подъ гору!

Шутовское заключеніе рѣчи Степана произвело рѣшающее впечатлѣніе въ спорѣ. Большинство присутствующихъ, очевидно, было на его сторонѣ и консерваторы торжествовали. Моховикъ, другой мой спутникъ по лѣсамъ, видя, что я записалъ нѣсколько словъ изъ слышаннаго, выдалъ меня головой:

— Всѣмъ ты хорошъ, — воскликнулъ онъ, — а только ябедникъ: что ни скажешь, все записываешь и везешь въ газету. Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Въ аду за это будешь... „Отъ словъ своихъ осудишься“. У кого больше рѣчей, тотъ и виноватъ будетъ на томъ свѣтѣ.

— Ну, а я хочу, чтобы всѣ знали, какъ вы тутъ хвалите стариковъ и ругаете молодыхъ.

— А Расскажи, Расскажи о насъ, — повторили хоромъ присутствующіе. — У насъ заплатокъ много, и за всякой заплаткой есть исторія. Станешь надѣвать платье и непременно попадешь рукой въ заплатку и тотчасъ же вспомнишь: „Э, да здѣсь была исторія вотъ какая“... А ты запиши ее и дай Богъ тебѣ жить и радоваться.

Съ этимъ напутствіемъ я сталъ собирать въ избѣ свои вещи и торопиться на охоту, какъ вдругъ Степанъ испортилъ торжество своей партіи неосторожнымъ замѣчаніемъ:

— Если встарь что и было худаго съ нами, такъ баринъ и поправить могъ твою бѣду. А теперь некого и попросить, если нѣтъ хлѣба или волкъ скотинку зарѣзалъ. Некому позаботиться о насъ и живешь, какъ безпастушное стадо.

Антонъ съ негодованіемъ перебилъ его:

— Да ты человѣкъ или скоть? О скотинѣ, знамо, хозяинъ заботится и кормъ ей засыпаетъ, и бьетъ ее. Не позаботься о ней, такъ она издохнетъ... Ишь, тебя берутъ какія завидки! Кто же ты такой? А если человѣкъ, то зачѣмъ же тебѣ пастухъ?

Не давая времени отвѣтить ему, онъ обратился ко всѣмъ своимъ противникамъ:

— А если наши дѣти плохи, такъ мы сами учимъ ихъ дурному. Потому что у стариковъ разума нѣтъ... Дай-ка намъ побольше разума, такъ и дѣти будутъ хороши, и безъ пастуха проживемъ хорошо. Мы не скотина, а крещенные люди. Кто бы теперь захотѣлъ ходить на барщину?

— Ну, ее!—дружно отозвались присутствующіе.

— Барщины-то, пожалуй, не надо,—согласился и Степанъ, но тотчасъ же прибавилъ:—а безъ розогъ тоже нельзя... Начальство слабо стало.

— А кто сѣчь-то будетъ?—спросили его.— Опять надо барина, чтобы сѣчь насъ.

— А въ конторѣ... на волостномъ судѣ.

— Судьи опять же мужики, Степанъ. Сегодня онъ судья, а завтра его самого выдерутъ... Безрезняку не хватитъ на всѣхъ.

— Правда, Антоша!—разсмѣялись около него многіе.—Безъ барина некому драть.

— Ну его!—запротестовали остальные.— Въ молитвахъ своихъ поминаемъ царя, что освободилъ насъ отъ господъ. Степанъ-то вспоминаетъ про старь одно хорошее, а онъ бы спросилъ другихъ стариковъ, что они испытали и хуже ли имъ теперь. Никто не похвалить! Кто изъ господъ-то въ святцы попалъ? Да никто... А мужичковъ и самъ Спаситель любилъ, и царь изъ мужичковъ новые суды завелъ, и войско съ народомъ стало крѣпче дворянскаго. Сдѣлай-ка ты теперь полки изъ господъ, какъ встарь, такъ они всѣ перерѣжутся... Одинъ дворянинъ не захочетъ повиноваться другому, а этотъ—тому... Почему же господа на дуэль выходятъ?

Антонъ вставилъ въ споръ мудреное для остальныхъ слово, и оно осталось послѣднимъ. Онъ уже не встрѣчалъ возраженій и кричалъ на порогахъ избы, перетягиваясь поясомъ съ патронташемъ:

— У Степана языкъ мягкій и болмочеть онъ о насъ, какъ глухарь весной на току... А ты погляди, умная голова, да прислушайся: отчего теперь въ деревняхъ и водку пьютъ безъ памяти и съ торбой ходятъ по міру... Землей мы стѣснены!

— Вотъ правда, Антонъ,—подтвердили всѣ въ одинъ голосъ.—Тѣсно! Государственные крестьяне и теперь живутъ хорошо, а господскимъ тѣсно: ложка упадетъ съ окна, такъ не на свою — а на чужую землю. Народу умножилось, а земля все та же... Прежде въ деревнѣ было скота головъ сто, а теперь двадцать: сѣна не хватаетъ, покосы уменьшились, а нѣтъ сѣна — и навозу не стало... Изъ-за этой тѣсноты, молодой народъ шалости дѣлаетъ; сельскій судъ штрафуетъ молодыхъ людей и подъ арестъ сажаетъ... А разоряются-то все старики-отцы! Надо внести штрафъ за сына, да кормить въ арестантской... Иной разъ лучше бы розги, чѣмъ эти штрафы да аресты! Такъ разоряютъ тебя по суду за худаго сына, что пошлешь самъ его въ городъ. А въ городѣ не стало работы, — будешь бродягой, научишься водку пить и рамы въ домахъ выставлять... Вора-то слѣдовало бы въ рабочій домъ отправить... — пусть бы онъ, подъ присмотромъ солдата, изучалъ ремесло. Чего солдатамъ одно и то же повторять въ казармахъ? Пусть лучше они обучаютъ бродягъ въ рабочихъ домахъ... А теперь судъ только портитъ виноватаго, — высылаетъ его опять на родину въ тѣсно-

ту. Дай-ка намъ на душу опять столько земли, сколько было ее у насъ, когда отошли отъ господъ, такъ мы въ три года поправимся... Не узнаешь насъ! Будетъ веселый народъ, а не те перешніе тумакі въ деревняхъ и бродяги по столицамъ.

Я уже былъ съ Антономъ на улицѣ, когда замолкали эти голоса въ избѣ. Прямо за деревней тянулись мхи съ островками и борками, населенными дичью. Не скоро я выбрался изъ мховъ на суходоль, но когда попалъ въ погостъ Марыни, то разговорился съ священникомъ Алексѣемъ Колиберскимъ о тѣхъ же „отцахъ“ и „дѣтяхъ“ въ современной деревнѣ.

III.

— Нравственность падаетъ на моихъ глазахъ,— сказалъ онъ.—Молодежь тридцать лѣтъ тому назадъ и современная совершенно не похожи между собой. Теперь она не страшится никакой отвѣтственности за свое поведеніе и не боится ни барина, ни судьи, ни родителей, ни священника. Однимъ словомъ, крестьянская молодежь признаетъ только силу камня, гирьки отъ вѣсовъ или пистолета въ карманѣ.

— Вашъ отзывъ о молодежи совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что я слышалъ о ней „во мхахъ“...

-- Нехороша! Нехороша! — повторилъ онъ. Школы въ Новоржевскомъ уѣздѣ прекрасныя,

каждый годъ земство строить новыя, а молодежь все хуже да хуже... Вотъ я приведу вамъ примѣръ: я живу здѣсь со спокойной совѣстью уже много лѣтъ, а испортить и отравить эту жизнь могутъ въ одинъ вечеръ и, какъ вы думаете, кто? молодые люди, которые должны бы особенно почитать и беречь меня. Я ихъ всѣхъ знаю съ дѣтства, и они мнѣ обязаны многимъ; а между тѣмъ, передъ самымъ моимъ окномъ, они каждый праздникъ устраиваютъ гулянку. Мальцы и дѣвки собираются сюда со всѣхъ деревень съ гармоньями, пѣснями, пляскою, драками и бранью. Нынче они уже не поютъ ни „цвѣточка“, ни „кровинушки“, а сочиняютъ свои собственные пѣсни о томъ, какъ дѣвка просить тятеньку купить ей наряды, чтобы богачи ей были рады и т. п. Не заснуть мнѣ всю ночь отъ этого гаму и сквернословія у себя подъ окномъ. У меня дѣти, дочери—и всѣ принуждены слушать и смотрѣть на потерявшую стыдъ молодежь... Инаго бы молокососа разорвалъ пополамъ... Такъ онъ гадокъ!.. А поди уговаривать его, онъ тебя же окрестить всячески, похваляясь: „не вдарись! Силъ не хватитъ“!.. Пожалуйся я становому, чтобы тотъ присылалъ по праздникамъ сотскаго или урядника разгонять этихъ ночныхъ гулякъ,—такъ будетъ открытая война со мной. Придется сказать: „прощай, мирная сельская жизнь; небитыя стекла въ окнахъ дома; необломанныя яблони въ саду и неразворованная капуста въ огородѣ“... Вотъ мое мнѣніе. Эта молодежь никого не любитъ, не знакома съ чувствомъ уваженія и между собою все наровитъ обмануть да сгруппировать. Повѣрьте мнѣ, какъ только эти „лобаны“,

съ картузами на затылкѣ, съ усвоенной походкой подгулявшаго челоуѣка и серебряной цѣпочкой черезъ шею, поймутъ всѣ свои права, что ихъ нельзя ни ругать, ни ударить, и что они вправѣ отвѣтить на ваше негодованіе тѣмъ же—такъ и послѣдніе помѣщики убѣгутъ изъ своихъ усадебъ въ города: въ деревнѣ нельзя будетъ жить. Только бы „лобаны“ поняли свои права... всѣ свои права. Конецъ тогда интеллигенціи въ деревнѣ!

— Но вѣдь это ужасно, что вы говорите! Что же ваши прекрасныя школы-то? Неужели никакого вліянія?

— Ахъ, какъ многого вы хотите отъ нихъ! Точно эти школы находятся въ рукахъ самыхъ способныхъ педагоговъ, трудъ которыхъ оплачивается хорошимъ жалованьемъ, пенсіей и чинами; точно эти школы снабжены широкой программой и отличными книгами, а главное—точно трехъ зимъ, въ теченіе которыхъ учатся дѣти, достаточно и для образованія ихъ ума и для воспитанія въ нихъ благороднаго характера. Нельзя дѣлать маленькую земскую школу отвѣтственной за крестьянскую жизнь въ деревняхъ. Что-то посильнѣе господствуетъ надъ уѣздами, чѣмъ эти школки... Даже досадно, когда въ деревнѣ чуть что дурно,—сейчасъ же привлекаютъ къ отвѣту земскую школу. И черезъ сто лѣтъ она будетъ въ уѣздѣ нуль, пока прежде всего сами хулители ея не станутъ лучше. Мы здѣсь живемъ „на куличкахъ“ и ждемъ свѣта изъ столицы и городовъ... Тогда и у насъ будетъ земская школа съ благотворнымъ вліяніемъ на подростковъ въ ея стѣнахъ.

— Это очень умный взглядъ,—замѣтилъ я.—

Мнѣ хочется поговорить о школѣ поподробнѣе съ учителями.

Въ Чихачевской школѣ, въ томъ же погостѣ Марыни, я засталъ мѣстную учительницу и приѣхавшаго туда учителя изъ погоста Дубровы. Къ моему удивленію, они оба были совершенно несогласны съ мнѣніями, которыя я слышалъ о крестьянской молодежи и, въ частности, о народной школѣ. Скромные педагоги, правда, признали, что трехлѣтній курсъ преподаванія въ школѣ равняется въ сущности только тремъ зимамъ и подтвердили трудность въ такой короткій срокъ достигнуть значительныхъ успѣховъ съ крестьянскимъ—иногда малолѣтнимъ—мальчикомъ; но они оба все таки вѣрили въ благотворное вліяніе народной школы на способную къ развитію молодежь и относились къ молодому поколѣнію въ высшей степени сочувственно.

— Вѣдь ребенокъ первые дни въ школѣ рта не раздѣваетъ,—говорили педагоги.—Отъ него трудно добиться слова. Звѣренокъ да и только. Потомъ приучаешь его къ азбукѣ. Назовешь букву и ученикъ повторить ее. Перевернешь эту же самую букву въ своей рукѣ или переложить въ другую руку и покажешь ему тотчасъ же: что это?—„Ня знаю“... „Зябыль“... Черезъ нѣсколько времени, когда онъ пройдетъ всю азбуку, спрашиваешь: а много ли ты буквъ знаешь?—„сорокъ шесть“... А еще много осталось?—„много еще“... Вотъ и проходи съ нимъ азбуку опять вновѣ.—Какъ тебя зовутъ?—спрашиваешь.—„Васькой“... А тятю?—„Ванькой“...—А какъ по отчеству тебя звать?—„Ня знаю“.—А по батькѣ?—Василій

Иванычъ "... Учишь его дѣленію русскаго государства на губерніи, уѣзды, волости, и потомъ спрашиваешь: какъ то государство зовется, гдѣ ты живешь?—„Новоржевское“...—Кто начальник губерніи?—„Земскій начальник“...—А начальник волости?—„Губернаторъ“... Вотъ и толкуй съ нимъ цѣлую зиму про бѣлаго бычка. А, кромѣ того, его надо отучить браниться, чесать спину и гнуться въ сторону во время разговора, приучить вмѣсто *х*—говорить *ѡ* (не „хартукъ“, а фартукъ и т. д.); вмѣсто *а* и *я*—говорить *е* (не таперь, а теперь...), вмѣсто *онъ*—*онѣ* и т. д. Это вѣдь мука передѣлывать языкъ. Однако, въ школѣ мальчикъ отвыкаетъ отъ недостатковъ мѣстнаго выговора, но какъ только онъ возвращается въ свою родную семью, надъ нимъ смѣются, называютъ его за произношеніе „прощалыгой“ и онъ опять начинаетъ говорить по общепринятому. На другую зиму его опять налаживаешь по литературному. А вѣдь съ нимъ еще нужно пройти ариѳметику, географію, церковное пѣніе и, наконецъ, приучить различать добро отъ зла,—словомъ, добиться, чтобы ученикъ былъ тѣмъ же, чѣмъ и самъ учитель, и могъ бы въ свою очередь научить другихъ тому, что самъ знаетъ. Вотъ идеалъ земской школы, и это все въ три зимы съ хвостикомъ!

— Ну, а что же, въ остальное-то время, вы сами дѣлаете?—невольнo вырвалось у меня.—Отчего только три зимы вы съ дѣтьми, а не приучаете ихъ къ школѣ и лѣтомъ; не заводите лѣтомъ игръ, театра, бесѣдъ, чтеній; почему съ окончившими курсъ порываете связь на будущее время?

На мой вопросъ я не получилъ отвѣта, но самое продолженіе разговора свидѣтельствовало, что и учитель, и учительница были довольны и тѣмъ, что есть въ современной земской школѣ.

— На третью зиму,—говорила учительница,—дѣти отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ по программамъ, и юношу, посѣщающаго школу, я сейчасъ узнаю. Но окончивъ ее приличнымъ мальцемъ, правильно произносящимъ слова, читающимъ внятно, съ хорошей дикціей, знакомымъ съ гребешкомъ, онъ со временемъ, у себя уже дома, отвыкнетъ красиво писать, его почеркъ мѣняется; но писать онъ все таки будетъ всегда. Въ чтеніи онъ будетъ произносить слова такъ, какъ они написаны, безъ всякаго измѣненія, по семинарски, но читать онъ никогда не разучится. Дѣтей своихъ онъ пошлетъ въ школу безъ колебаній и грамотность въ нихъ будетъ цѣнить высоко. Если же въ своей жизни, исполненной по горло физическаго труда, онъ забудетъ совсѣмъ грамоту и усвоить опять недостатки своей среды, то спрашивать отвѣта со школы, право, жестоко или смѣшно...

— Я скажу болѣе,—присоединился учитель изъ Дубровы:—процентъ безграмотныхъ въ нашемъ уѣздѣ вовсе не такъ великъ, какъ объ этомъ кричатъ въ укоръ прекраснымъ школамъ и приличному содержанію мѣстныхъ учителей. Конечно, ничего нѣтъ удивительнаго, что масса невѣжественна... Мы выпускаемъ изъ каждой школы въ годъ 10—15 человѣкъ грамотныхъ на многотысячное населеніе съ ежегоднымъ приростомъ новорожденныхъ. Удивительно ли, что грамотные

тонуть въ общей массѣ и незамѣтны... Но вѣдь это не рецидивъ безграмотности и не роняетъ значенія школы. Я вообще не вѣрю также и въ эти „рецидивы“, о которыхъ много говорятъ въ связи съ значеніемъ школъ. Встрѣтитъ иной господинъ „рецидивиста“ въ народѣ и думаетъ, что школа дурная; а этотъ, такъ называемый, рецидивистъ и въ школѣ-то ничему не учился и былъ выгнанъ изъ нея; а если и кончилъ курсъ, то его познаній хватало только на выпускной экзаменъ... Но такихъ учениковъ у насъ всегда очень мало. Къ несчастію, они-то и обращаютъ на себя вниманіе, когда, послѣ выхода изъ школы, дѣлаются безграмотными. Слѣдовало бы въ этихъ случаяхъ справиться о томъ, какъ эти мужики учились раньше въ школахъ. Тогда бы никто не удивился, что они скоро забыли грамоту. Вѣдь и въ столицѣ многіе кончаютъ курсъ наукъ въ университетѣ съ самыми возвышенными намѣреніями; а потомъ заведутся семьей, станутъ дѣлопроизводителями въ департаментахъ и ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ чиновниковъ, которые и не нюхали университетской науки. Однако, никто не говоритъ о „рецидивистахъ-студентахъ“, потому что, кромѣ нравственнаго ничтожества, университетъ даетъ людей общественныхъ, со вкусомъ, и преимущественно гордится послѣдними. Отчего же никто не поинтересуется хорошими учениками нашихъ школъ?! Вѣдь изъ нихъ никто не сдѣлался рецидивистомъ... Ни за что не повѣрю, чтобы мои лучшіе ученики забыли потомъ читать и писать! Это клевета на школу. А вотъ попадаютъ иногда бракованные ученики и даже со свидѣтельствомъ

объ окончаніи курса, забывающіе потомъ все, чему они учились. Такъ мы сами и раньше знали, что толку изъ нихъ никакого не будетъ.

— Ну, хорошо... Я не стану васъ оспаривать. Мнѣ пріятнѣе вамъ вѣрить, чѣмъ другимъ. Говорятъ, однако, что на призывѣ къ воинской повинности многіе мальцы, со свидѣтельствами объ окончаніи курса въ школѣ, не умѣютъ подписать своего имени и фамиліи.

— Я этому не вѣрю... Какой нибудь отдѣльный несчастный случай...

— А что вы думаете о рѣчахъ Степана изъ Крутца о деревенской молодежи?

— То же, что о „рецидивистахъ“... Все это преувеличено, а—главное—люди не умѣютъ наблюдать факты. Выдающіеся случаю придаютъ значеніе, а всего прочаго не хотятъ замѣтить. Пьяныхъ видятъ, трезвыхъ—нѣтъ... Нашъ народъ не смытарилъ еще своихъ силъ на гулянкахъ и плутовствѣ. Пьетъ онъ въ гулящіе дни, а близорукіе люди думаютъ, что онъ и всегда пьетъ. Но кто бы тогда выплачивалъ содержаніе чиновникамъ, военнымъ, ученымъ и давалъ барыши купцамъ?! Постоянно же пьянствуютъ только нѣсколько лицъ въ волости: ихъ немного, но они всѣ безпокойные, противные, и мозолятъ всѣмъ глаза. Каждый видитъ этихъ пропойцъ ежедневно и заключаетъ о пьянствѣ всего народа. Да развѣ это логично? То же самое и объ осторожномъ характерѣ нашихъ „лобановъ“. Затѣваютъ ссоры и драки, иногда съ увѣчемъ, все одни и тѣ же лица... Эти наглецы, иногда посидѣвшіе въ острогахъ, тоже на перечетѣ въ каждой волости. Бьетъ

онъ себѣ равныхъ и не боится господъ; скорѣе послѣдніе понимаютъ, что ему ничего не значить мимоходомъ сунуть имъ въ сарай „сѣрянку“... Спички дешевы! На гулянкахъ такіе наглецы замѣтны по развязному и дерзкому тону, съ какимъ они себя держатъ и придираются къ каждому, чтобы подраться. Но развѣ все молодое поколѣніе крестьянъ такое? Помилуй Богъ! Это поколѣніе грамотное, съ развитымъ чувствомъ законности и робкое въ сознаніи недостатковъ своего образованія. Оно жаждетъ его и тотчасъ же заявляетъ это тамъ, гдѣ устраиваютъ для него,—какъ вы сами говорите,—народныя чтенія, театры, бібліотеки и т. д. Наша молодежь въ денежныхъ дѣлахъ также честна. Спросите объ этомъ помѣщиковъ и подрядчиковъ, какъ они ведутъ денежные дѣла съ народомъ? Все на словахъ... Никакихъ росписокъ и свидѣтелей. Работнику поручаютъ снести деньги на почту, получить цѣнную посылку, отослать вексель въ судъ ко взысканію и никогда среди работниковъ не было „червонныхъ валетовъ“. А многимъ ли якобы интеллигентнымъ лицамъ можно ввѣрить капиталы изъ рукъ въ руки, съ глазу на глазъ? Безъ вѣры въ честность молодаго поколѣнія и готовность его къ просвѣщенію нельзя жить народному учителю, и мнѣ легко съ ней въ моей школѣ при всѣхъ несовершенствахъ.

— Ну, спасибо вамъ,—отвѣтилъ я, крѣпко пожимая руки обоимъ педагогамъ.—Можетъ быть, вы и несовсѣмъ правы... увлекаетесь въ другую сторону; но важно уже то, что и снизу, въ лицѣ Антона изъ Мошницы, и сверху, отъ васъ слы-

шится бодрый взглядъ на школу и ея питомцевъ. Утѣшили вы меня своими отзывами о подрастающемъ поколѣнїи крестьянъ, вступающемъ въ жизнь черезъ школу... Я внимательно слушалъ защитниковъ старины и очень доволенъ встрѣтить въ вашихъ взглядахъ противовѣсъ нападкамъ на пореформенное поколѣнїе... Меня заинтересовали по этому вопросу „живыя рѣчи“ обѣихъ сторонъ, и я былъ бы доволенъ воспроизвести ихъ въ печати.

МОИ МУЖИКИ О ПУШКИНѢ *).

I.

Я уже лѣтъ пятнадцать ежегодно ѣзжу въ Новоржевскій уѣздъ, мимо памятника Пушкина въ Святыхъ Горахъ, и отлично помню, что до недавняго учрежденія въ Святыхъ Горахъ богадѣльни и читальни имени Пушкина, крестьяне не подозревали и существованія великаго памятника въ ихъ монастырѣ.

Проѣзжая мимо памятника, ни одинъ ящикъ не могъ мнѣ сказать даже фамиліи поэта, когда я спрашивалъ о немъ. Посѣщали памятникъ прїѣзжіе помѣщики и влюбленные парочки, всегда оставлявшія на немъ карандашемъ увѣренія о томъ,

*) Извлечено изъ моей брошюры: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и чествованіе его памяти“.

что они поклялись другъ другу именемъ поэта въ неизмѣнной любви, а иногда признававшіяся и въ болѣе интимныхъ обстоятельствахъ того же чувства.

— Кто-жъ его знаетъ, кто тутъ похороненъ,—лѣниво отвѣчали и крестьяне.

Однажды, я сказалъ, что здѣсь погребенъ писатель...

— У насъ много теперь писателей,—отвѣтилъ сопутствовавшій мнѣ Моховикъ. Сынъ Василія кабатчика тоже писатель... Имѣетъ свидѣтельство объ окончаніи народной школы.

Такое представленіе о писателѣ остается до сихъ поръ и въ мѣстномъ населеніи.

Послѣ того, какъ въ 1885 году великій князь Владиміръ Александровичъ, путешествуя по Псковской губерніи, посѣтилъ памятникъ Пушкина и на его могилѣ служилъ панихиду, все населеніе вдругъ заговорило, что здѣсь похороненъ „свитскій“ генералъ Пушкинъ, бывший крестнымъ отцомъ великаго князя. Прошло нѣсколько лѣтъ, и крестьяне слободы Таболенца выстроили здѣсь богадѣльню и читальню имени Пушкина, но это мало помогло уясненію или значенію пушкинскихъ идеаловъ и вѣрнаго о немъ самомъ представленія. За мѣсяцъ до пушкинскихъ торжествъ, я нарочно поѣхалъ въ Псковскую губернію для ознакомленія съ настроеніемъ народа, вызваннымъ приготовленіемъ къ чествованію памяти поэта, и мнѣ пришлось отъ 9 мая писать въ „Недѣлю“ 1899 г. за № 19 слѣдующее:

— Что-то будетъ!—удивленно замѣчалъ ямщикъ, погоняя почтовыхъ лошадей.

Я молчалъ.

— Ломка такая—не приведи Богъ!—разговариваетъ онъ самъ съ собою, пока, наконецъ, я не спросилъ его:

— О какой ломкѣ ты говоришь?

— Да 26 мая-то... слышали?..

— А ты что слыхалъ?

— Всѣ говорятъ разное, а что будетъ—никто не знаетъ,—растерянно отвѣтилъ онъ.—Сѣѣздъ господъ въ Святыхъ Горахъ... Лошадей заготавлиють по станціямъ. Великій князь поѣдетъ въ штатскомъ платьѣ... Сказываютъ такъ.

Черезъ минуту онъ опять повернулся ко мнѣ лицомъ и, не обращая вниманія на привычныхъ къ почтовому тракту лошадей, произнесъ:

— Именитыя лица со всего свѣта сѣѣдутся—солдаты нужны будутъ... Въ Новоржевскомъ уѣздѣ въ волостныхъ правленіяхъ земскіе начальники читали волостнымъ старшинамъ бумагу.

— О чемъ?

— Чтобы, значить, билетные солдаты никуда не отлучались изъ деревень, а чтобы каждую минуту имѣли бы при себѣ пару смѣннаго бѣлья. Когда позовутъ ихъ въ Святые Горы охранять именитыхъ лицъ,—чтобы задержки не было.

Меня заинтересовало это сообщеніе, но проѣздомъ по Новинской волости, Новоржевскаго уѣзда, я былъ уже самъ опрошенъ Антономъ и Тимофеемъ изъ Мошницы и многими другими крестьянами по этому обстоятельству, которое они истолковали въ томъ смыслѣ, что Россія готовится скоро къ войнѣ съ Китаемъ.

— На войну готовятъ ихъ,—увѣренно тверди-

ли они.—Мы теперь все лень будемъ сѣять въ этомъ году... Когда война, всегда требуется въ казну лень.

Мое замѣчаніе о неосновательности ихъ хозяйственныхъ расчетовъ и что солдаты могутъ понадобится для мѣстной повѣрки ихъ подвижности и исполнительности къ военному дѣлу—они встрѣчали съ неудовольствіемъ и предпочитали войну съ Китаемъ ради высокихъ цѣнъ на лень.

Итакъ, Пушкинскія торжества и солдатскіе приказы крестьяне принимаютъ за войну съ Китаемъ, думалъ я, подѣзжая къ погосту Дубровы въ 15-ти верстахъ отъ Святыхъ Горъ, въ мѣстную школу, гдѣ засталъ учителя за урокомъ о Пушкинѣ съ дѣтьми младшаго отдѣленія.

Учитель приступилъ къ своему дѣлу издалека. Зная отлично, что народу часто незнакомы наши общеупотребительныя слова, онъ постепенно началъ приучать учениковъ къ сознательному пониманію исторіи происхожденія на свѣтъ всякой книги и самаго понятія о писателѣ. Ознакомивъ ихъ кратко съ процессомъ рукописной работы и передачею ея въ типографію для набора, онъ показалъ экземпляръ книги и спросилъ:

— Какъ назвать человѣка, который написалъ эту книгу?

Среди цѣлаго класса поднялась кверху рука одного мальчика.

— Ну, скажи.

— Царь!—храбро отвѣтилъ онъ.

Поднялась другая рука.

— Богъ!

Я видѣлъ, что и дѣвочки подняли руки.

— Ну, скажи ты, Люба...

— Недобрикъ!—крикнула она и обернулась къ мальчикамъ побѣдоносно.—Нечистикъ!

— Вотъ и учи ихъ,—замѣтилъ я, смѣясь,—никакихъ дѣйствующихъ силъ они не признають, кромѣ царя, Бога и чорта.

Учитель заново принялся толковать о томъ, что лица, которыя пишутъ книги, гдѣ описывается ими наша жизнь и дается наставленіе для отличія въ ней добра и зла,—называются писателями и что такимъ писателемъ былъ А. С. Пушкинъ, на могилѣ котораго въ Святыхъ Горахъ 26 мая будутъ чествовать столѣтіе его рожденія.

Но прежде, чѣмъ они усвоили это представленіе о писателѣ, было нѣсколько курьезовъ. Я попросилъ вызвать къ доскѣ ту же дѣвочку Любу и продиктовалъ ей нѣсколько строкъ.

— Вотъ ты написала ихъ на доскѣ, а писательница ли ты?—спросилъ учитель.

— Да... Я писательница.

Нѣсколько рукъ поднялось кверху, и одинъ изъ мальчиковъ старшаго отдѣленія пояснилъ, что писатель'пишетъ по-своему, а не по-чужому, и такимъ писателемъ былъ Пушкинъ.

— Ну, принеси мнѣ его... У меня на столѣ въ моей комнатѣ увидишь его книгу.

Мальчикъ вернулся съ книгой маленькаго формата, но Люба сердито остановила его:

— Большую книгу принеси!—закричала она.—Это маленькая книга, а учитель говоритъ, что Пушкинъ большой писатель.

Она сама побѣжала помогать ему, но не нашла „большой книги“, и учитель объяснилъ ей, что мысли писателя мѣряются не количествомъ страницъ, а качествомъ.

— Со смѣху можно умереть, — сказалъ онъ мнѣ: — если послушать, какъ они перевираютъ слова и понятія. Что такое художникъ?—спрашиваю. „Самый что ни на есть худой человѣкъ“, отвѣчаютъ. Что такое чиновникъ? „Который все, что ни на есть, починаетъ“. Послалъ мальчика къ доктору попросить прислать мнѣ хины, а онъ требуетъ прислать мнѣ Оеньку и т. д. Вѣдь сто разъ растолкуешь, объяснишь и, кажется, всѣ поняли, а черезъ полчаса спросишь: кто написалъ эту книгу? „Недобрикъ!“ Такъ непривычно для нихъ новое мышленіе съ новыми словами. Легко предлагать учителямъ познакомить дѣтей съ біографіей Пушкина, но выполнить это въ короткій срокъ очень трудно. Самыя понятія о книгѣ, о писателѣ или о стихахъ для нихъ цѣлая наука.

Съ своей стороны и я самъ скоро убѣдился, что не только дѣти, но и взрослые люди весьма мало знакомы здѣсь съ именемъ и значеніемъ Пушкина.

— Что же это, святой, что ли, новый? — спрашивали меня постоянно крестьяне. — Почему назначенъ къ нему на могилу господскій съѣздъ?

— Это писатель...

— А... въ родѣ Балакирева?—допытывались болѣе образованные.

Въ журналѣ „Наблюдатель“ заявлено, что такія понятія могли высказывать гутtentоты, а не псковичи — крестьяне, живущіе по сосѣдству съ

Петербургѣмъ. Но вѣдь я называю и мѣсто и людей. . легко провѣрить меня тѣмъ, кто не знаетъ темноты русскаго народа и судить о немъ изъ петербургскихъ редакцій.

Этотъ народъ у подножья могилы поэта болѣе освѣдомленъ о величественныхъ горахъ Судомѣ и Дубовской, въ Псковской губерніи, чѣмъ о Пушкинѣ.

Здѣсь рѣдкій знаетъ Пушкина по его значенію, но всякій крестьянинъ расскажетъ вамъ подробно про старинный судъ на горѣ Судомѣ, какъ съ неба спускалась цѣпь на гору и тотъ, кто былъ правъ, доставалъ ее рукой, а кто былъ не правъ, къ тому цѣпь правосудія не спускалась съ неба; какъ люди обманули Судому и какъ съ тѣхъ поръ не стало правды на ней *).

*) Одинъ человѣкъ занялъ у другого деньги и, отказавшись платить долгъ, пошелъ судиться съ кредиторомъ на Судому. Должникъ сдѣлалъ себѣ палку съ пустотой внутри, куда и спряталъ занятыя деньги. Пришли они на вершину горы и кредиторъ тотчасъ-же досталъ цѣпь рукой. А когда настала очередь должника, послѣдній сказалъ: „Подержи-ка ты мой костыль“... Пока кредиторъ держалъ костыль съ деньгами, цѣпь должна была опуститься съ неба и должникъ досталъ ее. Всѣ удивились, что оба они оказались правы; но, послѣ суда, должникъ опять взялъ свой костыль съ деньгами обратно и такимъ образомъ обманулъ и людей, и Судому. Зато цѣпь правосудія, какъ подвѣсилась на небо, такъ съ тѣхъ поръ ни разу уже не спускалась на Судому, когда люди вновь приходили къ ней искать правосудія.

II.

Находясь на юбилеѣ Пупкига въ кругу крестьянъ, я былъ пораженъ ихъ разговоромъ о Пушкинѣ.

— Большая радость господамъ! — насмѣшливо, замѣтилъ молодой парень. — Народъ съ хлѣбомъ-солью встрѣчаетъ ихъ... Теперь каждый годъ служить будутъ обѣдню и панихиду объ эту пору въ Святыхъ Горахъ.

— Царя ждали, — отвѣтила ему молодуха, и сконфузилась за себя.

— Чистоту производятъ такую вездѣ, — что Боже мой! — крикнулъ онъ ей веселымъ и довольнымъ тономъ. — Для святого все!..

— Кто-жъ это святой?

— Пучкинъ прозывался... Какъ же не святой, если винныя лавки закрыли, чтобы было потише?

— Это точно! — согласились старики. — Грѣхъ пить сегодня.

— Грѣха нѣтъ, а господъ стыдно, — крикнулъ голосъ въ толпѣ.

— Какъ же онъ не святой, — продолжалъ тотъ же парень: — если онъ зналъ, что умереть на этой самой стрѣльбѣ, а если-бъ онъ захотѣлъ, то былъ бы живъ... А вотъ не захотѣлъ идти противъ судьбы и воли Божіей... За это и почетъ ему черезъ сто лѣтъ. Горькія слезы онъ лилъ передъ кончиной, когда пошелъ стрѣляться на счастье... Его убивали, а жена въ гостяхъ была... Ну, онъ и заплакалъ... Съ досады!..

— Откуда ты это знаешь?—спросилъ я краснбая.

— Въ господахъ слыхалъ... Разговоръ былъ.

— Ты грамотный или нѣтъ? Читалъ книги о Пушкинѣ?

— Въ приходахъ учили по-печатному читать, а книгъ мы не знаемъ. Старики сказываютъ, что Пучкинъ святой, а намъ онъ не извѣстенъ. Можетъ, хорошій былъ господинъ, а, можетъ, и дурной...

— Этого ты не говори,—перебилъ его пожилой торговецъ.—Баринъ былъ онъ и жилъ въ селѣ Зуевѣ... Нишенка тутъ старая шляется и говоритъ, что баринъ былъ добрый. Ребятишки бѣгали за нимъ и дразнили его: Пучкинъ! Пучкинъ! А онъ палочкой поигрываетъ, да съ нищими разговоры водить и дѣвкамъ пѣсни пѣлъ въ хороводѣ. Добрый господинъ!

— Надо думать,—поддакнулъ я ему.—А правду ли говорятъ у васъ, будто сегодня будутъ разрывать его?

— Сказываютъ! Нетлѣнная голова!

— Почему такъ?

Пріѣзжій откуда-то крестьянинъ, необыкновенно смирнаго вида, подвинулся ко мнѣ ближе и почти шопотомъ сталъ говорить:

— Пучкинъ заспорилъ съ однимъ графомъ, что черезъ сто лѣтъ разроютъ его могилу и найдутъ его голову цѣлой. Сегодня эту нетлѣнную голову и будутъ разрывать. Самъ священникъ изъ Кронштадта пріѣдетъ... Вотъ народъ изъ деревень ѣдетъ и идетъ встрѣчать батюшку. Хочется

поглядѣть, какъ онъ будетъ вскрывать нетлѣнныя мощи.

— Ты такъ объясняешь себѣ этотъ съѣздъ господъ на могилу Пушкина?

— Я пріѣхалъ священника посмотрѣть, — отвѣтилъ онъ мнѣ. — Другіе по-своему толкуютъ... Всѣ разнo. Вчера не было отца Ивана... Дождемъ смочило... Мощей и не вскрывали безъ него.

— А если онъ совсѣмъ не пріѣдетъ? Безъ него не будутъ вскрывать могилу?

— Безъ него никакъ нельзя...

— Это все больше бабенки толкуютъ, — перебилъ насъ другой мужикъ. — Вотъ доподлинно знаю, что Пушкинъ наспиртованъ, потому и цѣлъ до сихъ поръ въ могилѣ, а теперь его хотятъ изъ Святыхъ Горъ перенести въ Зуево — село Михайловское. Вынутъ тѣло, переспиртуютъ и перенесутъ памятникъ.

— Денегъ большихъ все это стоитъ, — перебилъ энергично парень:—лучше бы на эти деньги построить постоянный мостъ черезъ рѣку Великую въ Селиховѣ. А то казенную весну мостъ водою сносить, и надо наводить паромъ. Съ насъ все взыщутъ, что израсходовано на господъ.

— Эти деньги дворянскія,—поправилъ я его.— Много тысячъ пошло на празднество Пушкина, но сами дворяне обложили другъ друга и на свои денежки принимаютъ гостей. А не земство...

— Все съ насъ же возьмутъ!—увѣренно протестовалъ онъ. — Начальство теперь себя выхвалить хочетъ, вотъ и украшаетъ наши горы и зданія строить... А уѣдутъ — пойдутъ всѣ эти укра-

шенія на сломъ! Что денегъ брошено... Лучше бы намъ на рожъ!

— А ты не дери глотку-то! Не дери! Чего гамкаешь, не разузнавъ дѣло? — напали на него вдругъ разомъ нѣсколько крестьянъ. — Пушкинъ святой человѣкъ... какъ же не святой, если говорятъ... можетъ тоже зря болтаютъ! — что онъ, раньше всѣхъ господъ, своихъ крестьянъ пустилъ на волю. Какъ же этому не вѣрить? Онъ святой!.. Вотъ господа съѣдутся, можетъ, посовѣтуются между собой и землицы намъ прибавятъ.

— Землицы не прибавятъ, а съ насъ взыщутъ все, что израсходовано! Да еще прочія державы пріѣдутъ сюда, рассмотрятъ все въ Россіи и завоюютъ насъ... Вотъ тебѣ и земляца!

— Что съ тобой языкъ чесать!—отвѣтили ему съ неудовольствіемъ тѣ, которые ждали прибавки землицы.

Пока мы разговаривали между собой, мимо насъ, въ толпѣ пробивался совсѣмъ старый крестьянинъ.

— Куда ты, старый хрѣнъ?—кричали ему, но онъ, не обращая ни на кого вниманія, подвигался впередъ.

Наконецъ, замѣтивъ меня и указывая рукой на гору, гдѣ стоялъ павильонъ, онъ задыхаясь произнесъ:

— Что тамъ такое—баринъ?! Правда, что цареву ручку цѣлуютъ?

— Правда, но тебя не пустятъ... посмѣялся я.

— Что такъ?! Бабъ пускаютъ, а мужику нельзя... Врешь ты!

Онъ полѣзъ далѣе, но съ боку меня вскорѣ послышался еще болѣе интересный голосъ.

— Иди, братъ, книжку братъ на цыгарки... Сказываютъ, раздають какія-то книжки.

Оба мужика спустились съ горы и пошли по направленію къ волостному правленію.

— Стихотворецъ онъ былъ,—слышу я разговоръ въ новой толпѣ мужиковъ.

— Что же это такое?—спрашиваю.—Стихи творилъ, значить?

— Должно такъ...

— Это вещи, что ли? Самые стихи-то? Ты видалъ ихъ когда нибудь?

— А Господь вѣдаетъ, — отвѣчаетъ крестьянинъ.—Говорятъ, что былъ стихотворецъ.

— Въ родѣ купца, что ли?

— Воинъ, думать надо,—глубокомысленно отвѣтилъ тотъ.—Именитый воинъ...

— Краснофѣвецъ!—перебилъ его молодой крестьянинъ и сталъ разяснять мнѣ, что стихи—это складныя пѣсни. Красныя пѣсни—что дѣвки хорошія.

— Царство ему небесное,—пожелала ему одна изъ такихъ.

— Вотъ до чего дошелъ,—со смѣхомъ подхватили другія:—краснофѣвцемъ былъ и мужичкамъ нашимъ въ это время заработокъ далъ черезъ столѣтъ.

Мужики похвалили дѣвокъ и степенно сказали:

— Міру православному потрудились славно эти дни... Столбики вбивали, плотничью работу справляли, землю ровняли... Поденщики у насъ стоятъ

15 коп., и то не надо! А теперь и восемь, и девять гривенъ получали отъ господъ, и лошадки наши заработали себѣ на кормъ. Спасибо краснопѣвцу... Правильный человѣкъ!

Я начиналъ уже уставать въ этой разноголо-сой толпѣ и хотѣлъ выйти изъ нея на дорогу къ дому. Но прилично одѣтый мужикъ остановилъ меня за руку и вновь собралъ вокругъ меня народъ.

— Ты самъ знаешь больше нашего баринъ, а все спрашиваешь... Я давно гляжу за тобой, а вотъ никто тебѣ не скажетъ того, что я скажу про господскій съѣздъ.

— Сдѣлай милость... Буду радъ.

— Что тебѣ про Пушкина говорятъ, то въ одно ухо впускай, а въ другое выпускай,—продолжалъ онъ.—Мы по торговой части, думаемъ, что господа прѣхали за барышами, а не къ Пушкину.

Я ничего не понималъ, но купецъ былъ совершенно трезвымъ и глядѣлъ умнымъ человѣкомъ.

— Между Тригорскимъ и Михайловскимъ,—продолжалъ онъ:—находится погость Вороничъ, а прежде здѣсь былъ городъ, да Литва его разрушила... Вотъ у насъ на купеческомъ положеніи и сказываютъ, что господа съѣзжаются въ Святые Горы будто для Пушкина, а сами, на самомъ дѣлѣ, сперва въ Тригорскомъ, а потомъ во Псковѣ станутъ совѣтоваться, какъ опять построить городъ на мѣстѣ, гдѣ былъ Вороничъ, до самыхъ Святыхъ Горъ. Уже двѣсти купцовъ изъ Москвы подписали бумагу въ томъ, что будутъ строить

здѣсь лавки и торговать; да еще два полка солдатъ пригонять.

— Тоже бабы—толкуютъ!—возразилъ ему дѣггой булыня (скупщикъ льна).—Въ нашей мѣстности все бабы... Такіе языки! Пока мужикъ съ лавки валится на полъ, баба семь думъ обдумаетъ, да еще такого, чего и не было... Такіе языки! Такіе языки!

— Чего тебѣ онѣ сдѣлали? Бабы, какъ бабы... Всякій народъ есть и среди нихъ.

— Это правда, что всякія есть, — согласился женоненавистникъ.—Есть и праведныя женщины, такъ тѣ глупости не говорятъ.

— А какія глупости? Что онѣ говорятъ?—перебилъ я споръ купцовъ.

— Видишь ли,—вмѣшался въ разговоръ какой-то полунищій:—между городомъ Вороничъ и рѣкою Соротъ была давно уже большая битва... съ литвою или французомъ—не знаю. Городъ они разрушили, но ихъ богатырь въ этихъ горахъ шапку свою потерялъ, а безъ шапки онъ не хотѣлъ возвращаться въ свою страну и остался здѣсь... Такъ бабы наши толкуютъ, а станешь смѣяться, такъ онѣ скажутъ, что сами видѣли этого богатыря здѣсь и встрѣчались съ нимъ. Вотъ теперь, какъ понаѣхали сюда господа, наши бабы и льютъ колокола о томъ, что за этой богатырской шапкой опять придутъ народы воевать насъ. Господа съѣхались, чтобы защититъ себя... Тайный совѣтъ у нихъ здѣсь. Бабы все плетутъ... Что сороки въ кустахъ!

— Это и не бабы, а и мы слышали отъ своихъ стариковъ про богатыря-то, — сказали мужики.—

Тутъ онъ и оставленъ. Когда придутъ народы за нимъ, онъ имъ укажетъ, гдѣ отыскать его шапку; а безъ нея у него нѣтъ такой силы... Неизвѣстно только когда придутъ искать его шапку. Господа понаѣхали сюда, бабы и вспомнили про шапку... Кто что: иной—городъ строить отъ самаго Воронича до Святыхъ Горъ, а другой войны ждетъ изъ-за богатыря. А Пушкинъ, какъ былъ добрый баринъ, и больше ничего...

— А гдѣ же этотъ богатырь, скрывается?

— Да и богатыря, можетъ, нѣтъ,—съ досадой отвѣтилъ скептически настроенный купецъ.

— Какъ же такъ нѣтъ?

— А такъ нѣтъ и просто!

— Всякій тебѣ скажетъ,—перебили насъ голоса:—гдѣ скрывается богатырь... На высокой горѣ въ Вороничѣ, гдѣ церковь Егорья. На пасху, въ Свѣтлое Воскресенье, между утренней и обѣдной, счастливымъ людямъ богатырь показывается. Явится на горѣ и ведетъ коня внизъ на водопой къ рѣкѣ. Богатырище... страхъ беретъ глядѣть на него. Можетъ, господа помолятся на могилѣ Пушкина, да и поймаютъ богатыря... А то быть войнѣ изъ-за него.

Таковы представленія народа о Пушкинѣ у подножья его могилы. Одинъ изъ писателей былъ совершенно правъ, сказавъ во Псковѣ, во время чествованія Пушкина, слѣдующіе свои стихи:

Я видѣлъ ихъ, Святые Горы...

Тамъ ароматенъ яблонь цвѣтъ,

И соловьевъ тамъ звучны хоры...

Тамъ жилъ великій нашъ поэтъ.

Но все тамъ дышетъ грустью сонной.
Тамъ темень умъ, мертвы сердца,
И нашъ народъ непросвѣщенный
Не знаетъ русскаго пѣвца!

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧА.

I.

Псковская губернская земская управа, озабоченная появленіемъ въ Европѣ холерной эпидеміи, постановила весною 1885 года пригласить на лѣтнее время нѣсколько врачей и командировать ихъ въ уѣзды для борьбы съ могущей быть эпидеміей. Въ это число временныхъ врачей удалось поступить мнѣ и нѣкоторымъ моимъ товаркамъ, женщинамъ-врачамъ, окончившимъ курсъ вмѣстѣ со мною. Явившись въ губернскую управу, мы были немедленно отправлены въ распоряженіе уѣздныхъ управъ для изученія уѣздовъ въ санитарномъ и медико-статистическомъ отношеніяхъ и для принятія предварительныхъ противухолерныхъ мѣръ.

— Жить вамъ придется въ телѣгѣ, напутствовалъ насъ предсѣдатель губернской управы, — круглое лѣто въ телѣгѣ, а если будетъ холера, то и дольше.

Съ этою цѣлью для насъ составили планы волостей съ обозначеніемъ въ нихъ всѣхъ деревень и селъ, которыя мы, въ качествѣ врачей-статисти-

ковъ, должны были объѣздить, чтобы собрать свѣдѣнія по заранѣ выработанной программѣ.

Моимъ мѣстопробываніемъ назначенъ былъ городъ Новоржевъ.

Прежде чѣмъ найти квартиру, я рисковала въ день пріѣзда переночевать въ полицейскомъ управленіи. Нѣскольکو свободныхъ номеровъ для пріѣзжающихъ случайно оказались занятыми; квартиру въ городѣ никто не отдаетъ, а приходится ждать, чтобы кто-нибудь выѣхалъ изъ города или умеръ. Одну комнату никто никогда не сдавалъ. На мой вопросъ, гдѣ найти помѣщеніе, мнѣ указали зданіе предварительнаго заключенія. „Помѣщеніемъ“ здѣсь называютъ именно это зданіе. Свадьба двухъ молодыхъ людей, бросившихъ свои холостыя квартиры, дала мнѣ возможность устроиться, сверхъ ожиданія, по-питерски, т. е. найти комнату съ прислугой и обѣдомъ. Мебель ссудили мнѣ на время какія-то старушки, жившія въ томъ-же домѣ. Съ обѣдомъ возни было также немало: хозяйка не знала, что запросить, и порѣшила въ концѣ мѣсяца свести счетъ.

— Я никогда нахлѣбниковъ не держала, и не знаю, что стоитъ въ мѣсяцъ прокормить человѣка. сказала она.

Мнѣ еще предстояло найти лошадь для разѣздовъ по уѣзду. Почтовые лошади для этой цѣли не годились; онѣ держали сообщеніе по почтовому тракту отъ станціи до станціи, не останавливаясь и не дѣлая въ сторону крюковъ; между тѣмъ, деревни и села оказались разбросанными по разнымъ сторонамъ и объѣзжать ихъ надо было огромными кругами, останавливаясь въ каж-

дой по нѣсколькѣ минутъ. Ъздить на земскихъ лошадяхъ съ такъ-называемымъ „открытымъ листомъ“, т. е. отъ деревни до деревни, перепрягая лошадей въ каждой волости,—неудобно, особенно въ лѣтнюю рабочую пору. Это отнимаетъ массу времени и вмѣсто опредѣленнаго часа приходится выѣзжать, когда попало. Увѣренной въ точномъ исполненіи своего требованія тутъ никогда нельзя быть. Мнѣ посчастливилось найти въ городѣ торговца-старовѣра, подрядившагося возить меня круглыя сутки за 1 р. 30 к. Такимъ образомъ, въ два-три дня я устроилась сносно и приготовилась ѣхать въ уѣздъ.

Жутко было думать мнѣ, холерному врачу, объ этомъ выѣздѣ. Преданія о холерныхъ бунтахъ очень распространены въ нашемъ обществѣ. Еще въ губернскомъ городѣ мнѣ говорили о суевѣрности мужика, его подозрительной придирчивости и обилии вымысловъ по поводу холерныхъ врачей. Самъ предсѣдатель новоржевской управы предупреждалъ меня о „сноровкѣ“, чтобы заслужить народное довѣріе. Словомъ я такъ была напугана разказами о дикомъ самоуправствѣ псковскаго мужика, живущаго на „бѣлугѣ—подзолѣ“, на „хверщѣ“, „синюгѣ“ и „дубовинѣ“, бѣдно и сѣро, что совершенно забыла о могуществѣ официальной бумажки или просто словеснаго приказанія отъ начальства; еслибъ мнѣ налѣпили кокарду, то и она не казалась бы мнѣ такой всесильной, какою считаетъ ее простой народъ. Ночью, передъ выѣздомъ, частенько рисовались мнѣ свирѣпыя мужицкія лица. Я плохо спала и все сочиняла про себя рѣчи и „под-

ходцы“, съ которыми я должна буду являться въ крестьянскія избы съ программой для „свѣдѣній“; но такъ ничего и не придумала, и сѣла въ телѣгу, положившись во всемъ на слѣпой случай.

Пріѣхавши въ первую деревню, оршанской волости, ближайшей къ Новоржеву, мой возница Петръ спокойно и немного насмѣшливо крикнулъ высунувшейся въ окно бабѣ:

— Гдѣ у васъ тутъ старшина „деревенный?“

— На краю! на краю! Тесовая крыша...

— Ладно! Но-о-о, что стала!

— Лошадь дернула и скокомъ пробѣжала улицу.

— Всегда на краю живетъ „деревенный“ старшина, пояснилъ Петръ, останавливаясь у крайней хаты.

Хозяева, оставивъ обѣдъ, привѣтливо поздоровались со мною и торопливо очистили мѣсто у стола.

— Вы куда? зачѣмъ? пошли вонъ! крикнула старая баба на ребятъ, которые со всей деревни лѣзли въ избу.—Ту-у! Гони ихъ, Егоръ... меня не слушаютъ.

— Хворостиной, посовѣтовалъ Егоръ-старшина.

Мальчишки и дѣвчонки гурьбой выбѣжали изъ избы и, рассыпавшись у воротъ, остановились.

Одни жались другъ къ другу изъ боязни пріѣзжей, другіе, постоявъ нѣкоторое время, бросились на бревна, чтобы хоть однимъ глазомъ проникнуть сквозь окно во внутрь избы. Но прошло не болѣе пяти минутъ, и они опять налѣзли въ избу, уже не обращая вниманія на крикъ и хворостину.

Между тѣмъ, безъ всякаго предисловія, я развернула вѣдомость и принялась записывать отвѣты,

которые мнѣ охотно давала разомъ вся семья старшины. Кончивъ это, я, въ сопровожденіи старшины, сходила къ колодцу, осмотрѣла и вымѣрjala избы; въ заключеніе спросила о больныхъ.

— Ты, значить, будешь „докторина?“ освѣдомились у меня.

— Да.

— А мы думали, не насчетъ ли ты земли... Землица-то у насъ дюже плоха...

— Я не по этой части, я докторъ.

— Такъ!.. А мы думали — насчетъ землицы.. У насъ все тихо: не слышать, чтобы кто хвораль. Богъ милостивъ!

Я вышла на улицу, и вся семья за мною. Старшина, съ непокрытой головой, проводилъ меня до телѣги и обязательно рассказалъ возницѣ кратчайшую дорогу до слѣдующей деревни, пожелавъ намъ „счастливо оставаться“.

Въ другой деревнѣ я также, безъ всякаго вступленія, развернула вѣдомость и спросила старшину о землѣ, водѣ и прочихъ медико-статистическихъ данныхъ. Въ третьей деревнѣ, четвертой, пятой — то-же самое: никто не спросилъ меня о моей личности и о моихъ правахъ, но всѣ охотно давали отвѣты, поправляя другъ друга и единогласно жалуясь, съ какою-то заднею мыслью, на землю:

— Подзолъ! не родить ничего. Сѣрая наша земля! Возьми ты ее въ руки — она, какъ зола: разсыпается. Нешто можетъ она хлѣба дать?.. Ты ужъ запиши... плохая наша земля.

— Бѣлуга, говорили въ другихъ деревняхъ о той же землѣ, — подзолъ. Это такая, значить, что ни жару она не держитъ, ни воды не держитъ...

Обидѣли насъ землей. Некому за насъ заступиться.

— Хверщъ! съ камнемъ наша земля, какъ дробь. И „суглей“ есть, есть и „дубовина“. Ты ее сохой не раздерешь: крѣпка, какъ дубъ... Заступись...

Когда я считала количество народонаселенія, то „деревенный“ старшина часто останавливалъ меня:

— А вотъ мы такого-то забыли; ты ужъ, пожалуйста, его запиши. У него народилась большая семья, а земля все та-же, малая.

— Вы напрасно думаете, что я тутъ что-нибудь могу сдѣлать.

— Зачѣмъ же ты избы мѣряешь и жихарей *) считаешь? Не пришлютъ же докторовъ туда, гдѣ тѣсно жить: тутъ другое что...

Разъясненіямъ настоящаго моего назначенія они не давали вѣры.

— Ты вотъ все съ нами возишься, спорили они,—а не въ дому у себя: какъ же такъ? Безпремѣнно другое тутъ... Вотъ, ты и ѣздишь по нашей землѣ и пытаешь все. Ты ужъ не минуи нашу деревню своимъ словомъ... А за больныхъ, что ты ихъ такъ ухомъ слушаешь и смотришь, мы тебѣ отвѣтимъ; дай срокъ — яблоко поспѣетъ или пчелка меду наготовить...

Однажды, не успѣла я расположиться въ избѣ, какъ она наполнилась бабами съ грудными ребятами.

*) Жихарь—житель.

— А мы думали, ты бобушки прививаешь, обратились онѣ ко мнѣ, когда я спросила о больныхъ.

— Такъ ты „докторина“, а не бобушешница? *) Гдѣ же ты живешь и какъ тебя найти?

— Въ городѣ... Но если есть больные, показывайтесь теперь.

— Какъ же, покажутся! со смѣхомъ отвѣтили мнѣ мужики. — Они есть, больные-то... какъ не быть! да не скажутся... Стыдятся при людяхъ-то, особливо дѣвки... А ты вотъ скажи, какъ тебя застать на дому?

— Въ воскресенье — всѣ другіе дни я въ уѣздѣ.

— Такъ... Ну, что жъ! въ воскресенье придемъ. Сколь рано-то?

— Не больно рано... а то вы заберетесь до солнышка: въ городѣ поздно встають.

— Извѣстно, смѣялись мужики. — Не по-деревенски живутъ!

— Зайди-ка ко мнѣ, старуху поглядѣть, предложилъ внезапно одинъ изъ присутствующихъ, — дай въ аптеку расписочку; легче не будетъ, а все жъ хочу старуху потѣшить.

— Почему ты думаешь, что не будетъ легче?

— Былъ въ дохторахъ-то! да безъ толку... Не угадываютъ ея хворь, и зелье попусту даютъ.

— Что же съ ней? Пойдемъ, покажи.

Проходя по деревнѣ, мы наконецъ приблизились къ избѣ, до того жарко натопленной, что

*) Вобушки — оспа; бобушешница — оспопрививательница.

еще издали чувствовались духота и хлѣбный запахъ. Мухи назойливо, цѣлыми роями, летали въ сѣняхъ, и крѣпко садились намъ на лицо, когда мы вошли. Около стѣны, съ вырубленнымъ въ бревнѣ, вмѣсто окна, отверстіемъ, лежала больная, жадно вдыхая свѣжую струю воздуха. Мухи липли ей на волосы, руки и ноги; но это, повидимому, не причиняло ей безпокойства.

Я наклонилась надъ больной.

— Ну, что у тебя? Гдѣ болитъ? покажи.

— Вся больна, простонала она, не повертывая ко мнѣ своего лица.

Послѣ осмотра, я сказала, что дома ее нельзя излѣчить.

— Надо положить въ больницу и слѣдить за ея болѣзнью. Видишь, какая опухоль въ колѣнномъ суставѣ; отъ этого она сама вся хвора. Надо повязку наложить на ногу — дома этого нельзя сдѣлать.

Родные и сама больная рѣшительно воспротивились моему совѣту.

— Тамъ, въ больницѣ, нашего брата, бѣдныхъ, не жалѣютъ, простонала она.

Родные же, какъ только услышали, что лѣчить надо долго, сейчасъ-же примирились съ мыслью о ея болѣзни и смерти.

— А какъ помретъ, такъ слава Богу; а не помретъ — долго маяться будетъ... Связа одна съ нею! пушай помираетъ...

— Отчего же ты не хочешь лѣчить ее?—спросила я мужика, который меня привелъ.—Она тебѣ мать?

— Мать-то мать... да что? вишь!.. Кабы ты за-

говорила ее сразу или дала зелья, чтобы съ одного порошка полегче стало... А то—что? ходилъ я къ дохторамъ то: давали ей зелья, да не въ пользу... Два раза ходилъ съ ней къ дохтору: ничего не помогаетъ—нечего и ходить туда.

— Эту болѣзнь нельзя сразу вылѣчить.

— А нельзя — пушай, что Богъ дастъ... Всѣ помремъ, когда срокъ придетъ.

— Помремъ! помремъ! дай Господи, отозвалась больная, безъ всякой горечи, на слова сына.

Остаться въ избѣ долѣе было незачѣмъ, и хозяинъ радушно проводилъ меня опять обратно до телѣги.

— Неравно Лыска сорвется, сказалъ онъ, выходя со мною на дворъ, и замахнулся рукою на цѣпную собаку, злобно метавшуюся на привязи у амбара.

Я отправилась далѣе. Солнце жгло немилосердно. Рожь и деревья не колыхались, точно придавленные жарой. Пыль, поднимаемая лошадыю, стояла по дорогѣ, не двигаясь и не опадая,—моя спина, шляпа и лицо были покрыты ея слоємъ. Я боялась сдѣлать движеніе рукой или головой. Пронизанная знойными лучами, я неподвижно смотрѣла впередъ, провѣряя иногда свой путь по верстовымъ столбамъ. Скоро мы свернули съ большой дороги на узкую, окруженную рожью и оканчивающуюся болотнымъ черноземомъ. Травяное пространство было безжизненно: не слышалось ни крика перепеловъ, ни пѣнья жаворонка, ни сердитой возни сорокъ по кустамъ; даже плавный полетъ ястреба не нарушалъ скучнаго вида яровыхъ полей. Привыкнувъ на Волгѣ къ „живой

степи“, я поражалась здѣсь однообразіемъ и мертвенностью мѣстности. Это однообразіе дороги и тряска грубой телѣги укачивали меня, и я едва держалась, чтобы не свалиться сонной на землю.

Въ слѣдующей деревнѣ, черезъ пятнадцать верстъ, я рассчитывала основательно отдохнуть, т. е. найти самоваръ, выпить чаю и съѣсть пару яицъ. Обратный путь въ городъ слѣдовало совершить съ нѣкоторыми значительными поворотами въ разныя стороны отъ почтоваго тракта; такимъ образомъ, больше тридцати верстъ ѣзды на каждый разъ было совершенно достаточно. Если каждый день — думала я, — исключая праздники, объѣзжать по 10—15 деревень, среднимъ числомъ по 30—40 верстъ, на мужицкой телѣгѣ, по жарѣ,—то къ концу лѣта, можно ожидать, отъ меня останутся кожа да кости. Размышленія мои были прерваны крикомъ возницы, который, задремавъ, выронилъ возжи.

Послушная лошадь стала.

— Майно, барышня! сказалъ Петръ, соскочивъ съ телѣги на землю и опять взбираясь на передокъ.— Такъ и клонить ко сну... такъ и клонить! едва удержишь...

— Что ты, стыдись! я и то...

— Молоденькимъ-то, перебилъ онъ, — имъ и жаръ ни во что; а мнѣ шестой десятокъ идетъ, внуки есть...

Петръ болѣе свистками, чѣмъ возжами, погналъ лошадь рысью.

За торфяниками потянулась пожня безъ дороги. Покачиваясь вмѣстѣ съ телѣгой со стороны

на сторону, мы ѣхали такимъ образомъ около версты, до самой деревни.

Петру опять сказали, что „деревенный“ старшина живетъ на краю.

— На какомъ? Здѣсь, что-ль?

— Ту-у! крикнула баба, обозначая этимъ отрицаніе и указывая рукой въ другую сторону.

Посреди деревни большія и злыя собаки буквально хотѣли выхватить меня изъ телѣги и растерзать. Толпа мальчишекъ, сбѣжавшихся со всѣхъ сторонъ, разогнала ихъ хворостинами и комками сухой грязи.

Не спрашивая, кто я, но только взглянувъ на мою соломенную шляпу, старшина приказалъ бабамъ вынести избу и, увидавъ у меня въ рукѣ карандашъ съ бумагой, приготовился почтительно отвѣчать на вопросы.

— Сколько жихарей?

— А сколько жъ? Сосчитать надо... Ёмичъ, Василій, бобылка, Андрюха...

— Митрича пропустилъ, сказала хозяйка.

— А Кузьму-то считалъ? спросилъ мальчикъ, лѣтъ восьми.—То-то! считай-ка сызнава!

Мальчикъ вмѣстѣ съ отцомъ принялись по пальцамъ пересчитывать „жихарей“.

— Земля какая?

— Одно слово, дрянъ наша земля! Кобылье болото, а не земля...

— Рѣка есть?

— Ручьи-кипуны, а рѣкъ въ нашемъ краю нѣтъ,—высыхаютъ...

— Больные есть?

— Есть, матушка, есть... Вотъ, угадай-ка, что

у меня, сказала хозяйка, красивая баба лѣтъ тридцати пяти.

Она подошла къ самому моему лицу.

— Угадай-ка!

— Да что у тебя? гдѣ болить?

— Угадай-ка сама, коли ты свое дѣло твердо знаешь. Я-бъ тебя поблагодарила... мы тоже образованы—живали въ городахъ: знаемъ, чѣмъ отвѣтить...

— Что у тебя болить, говори! а то, вонъ, другіе больные идутъ.

Дѣйствительно, въ избу старшины пришло еще нѣсколько хворыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на страшную жару, были повязаны платками и укутаны; другіе—почти полураздѣты, съ страшною блѣдностью и худобой.

Осмотрѣвъ хозяйку, я подозвала другихъ больныхъ, среди которыхъ не было ни одного холостого парня и ни одной дѣвушки. Впослѣдствіи я узнала, что молодые люди обоого пола стыдятся гласно лѣчиться и говорить при людяхъ о своей болѣзни, такъ какъ хворую дѣвку никто замужъ не возьметъ, точно такъ же, какъ хворому парню очень трудно найти себѣ хорошую хозяйку. Зато семейные люди, какъ я замѣтила въ первый же разъ, ужасно любятъ лѣчиться и идутъ за советомъ съ каждымъ пустякомъ. Пока я занималась больными, изба наполнилась постороннимъ народомъ. Бабы плотно окружили меня.

— Ишь, лишняго-то что понавѣшано! говорили они между собою, теребя мое платьѣ и даже слегка повертывая меня на скамьѣ.

Въ углу избы какой-то старикъ съ видимымъ

удивленіемъ развертывалъ и свертывалъ мой дорожный, огромныхъ размѣровъ, зонтикъ.

Нѣкоторые изъ пришедшихъ мужиковъ завели со мною бесѣду: что имъ дѣлать съ мужиками сосѣдней деревни, запахивающими ихъ землю?

— Я право не знаю, отозвалась я,—къ земле-мѣру обратитесь...

— Былъ, былъ, родненькая! Онъ и планъ составилъ имъ, — а они все-жъ нашу землю па-шутъ...

II.

Изъ этихъ разѣздовъ я вынесла не только самое отрадное впечатлѣніе, уничтожавшее всѣ прежніе страхи и тревоги, но и несомнѣнную пользу для собственнаго здоровья. Крестьяне вездѣ встрѣчали меня радушно, а продолжительное движеніе на чистомъ воздухѣ съ каждымъ днемъ увеличивало мои силы. Въ началѣ я предполагала объѣзжать деревни до десяти часовъ утра и съ пяти до девяти или десяти вечера, пережидая жару гдѣ-нибудь въ избѣ; но потомъ я нашла удобнѣе ѣздить безъ перерыва съ девяти часовъ утра до шести или семи вечера, возвращаясь домой прямо къ обѣду и чаю: при такомъ распредѣленіи дня у меня оставалось еще нѣсколько свободныхъ часовъ на купанье, чтеніе и для городской практики.

Я обязана была побывать въ пяти волостяхъ, въ которыхъ насчитывается до 540 деревень. По-

всюду крестьяне живутъ очень бѣдно. Жилыя постройки состоятъ изъ сѣней, собственно избы и хлѣва—подъ одной кровлей. Дворовъ, какъ въ деревняхъ черноземной полосы Россіи, здѣсь совсѣмъ нѣтъ; вмѣсто двора—небольшое пространство подъ навѣсомъ, примыкающее къ хлѣву и разгороженное на отдѣленія для конюшни, сарая и хлѣбнаго амбара. Земли мало и потому каждый лишній клочекъ ея сберегается для пашни. Избы стоятъ рядомъ, соприкасаясь хлѣвами. Тѣсное сосѣдство со скотомъ и дурное содержаніе хлѣвовъ раздражающимъ образомъ вліяетъ на слизистую оболочку всѣхъ дыхательныхъ путей и производитъ хроническіе бронхиты, изъ которыхъ легко развивается чахотка: это — бѣдствіе всего новоржевскаго уѣзда. Преимущественно растительная и неудобоваримая пища, какъ горохъ, бобы, лукъ (съ квасомъ) и въ большомъ количествѣ черный хлѣбъ, способствуютъ разстройству кишечника; оттого здѣсь такъ много больныхъ, жалующихся на то, что у нихъ „пупъ сошелъ съ мѣста“, „подъ сердцемъ сосетъ“ или „глиста обмочилась“,—хотя бабы и не скупятся ставить больнымъ на животы „горшки съ огнемъ“. Сифилисъ—явленіе также заурядное; распространеніе его, впрочемъ, обусловливается не столько развратомъ, сколько случайными причинами—при совместной работѣ, ѣдѣ и пр. Заносятъ его солдаты и возвращающіеся съ заработковъ крестьяне.

Изъ всѣхъ волостей, одна только жадрицкая произвела на меня нѣсколько лучшее впечатлѣніе. Здѣсь меньше „бѣлуги съ подзоломъ“, а больше хорошаго суглинка; крестьяне ходятъ въ

ситѣ—холстины почти не увидишь на молодежи; даже семейный ладъ прочнѣе, чѣмъ въ другихъ волостяхъ.

Къ несчастью, мои разъѣзды съ Петромъ-старовѣромъ очень скоро прекратились: старикъ уставалъ ѣздить цѣлый день и передалъ свою обязанность сыну Ивану, сытому и наглому парню. Сознавая полную мою зависимость отъ него, по невозможности достать лѣтомъ свободную лошадь, онъ постоянно изыскивалъ предлоги къ тому, чтобы грубо заявить мнѣ свое неудовольствіе: то я поздно выѣзжаю изъ города, то ему надо торопиться обратно—поспѣть въ баню или на какіе-нибудь торги, то я много уже ѣздила сегодня, и лошадь устала и т. д. Разумѣется, мнѣ очень скоро пришлось съ нимъ разстаться.

На этотъ разъ меня выручилъ изъ затрудненій содержатель почтовыхъ станцій, у котораго, по случаю бывшаго весною проѣзда великаго князя, оказались лишнія лошади. Онъ уступилъ мнѣ одну изъ нихъ, на которой я и объѣздила слѣдующую волость. Но тутъ нашелся охотникъ сдѣлать у содержателя весь заготовленный излишекъ—и я вновь осталась безъ лошади.

Прошло нѣсколько недѣль въ безплодныхъ поискахъ. Наконецъ, крестьяне сжали и убрали рожь—и лошадь для меня нашлась.

Ранѣе я упомянула о томъ, какъ разсѣялись мои опасенія относительно встрѣчи съ крестьянами. Между тѣмъ, мнѣ довелось прочитать въ газетѣ „Врачъ“ такое извѣстіе:

„Посылка врачей для санитарнаго описанія псковской губерніи возбудила уже самые глупые

толки, причѣмъ распространителями таковыхъ являются не одни темные люди, но, къ сожалѣнію, и люди, которымъ слѣдовало бы, напротивъ, просвѣщать своихъ ближнихъ: одинъ священникъ уговаривалъ крестьянъ не допускать никого до воды и не брать отъ такихъ проходимцевъ никакихъ лекарствъ, говоря, что лучше умереть, нежели у нихъ лѣчиться, ибо теперь времена шаткія, и отъ Англіи посылаются агенты въ разныхъ видахъ и одеждахъ, чтобы изслѣдовать русскую землю и травить воду, чтобы распространять болѣзни на народъ“.

Ознакомившись съ крестьянствомъ непосредственно, я убѣдилась, что починъ въ распространеніи разныхъ нелѣпыхъ толковъ принадлежитъ всегда людямъ, представляющимъ собою, такъ сказать, сельскую псевдо-интеллигенцію. Я говорю о „нелѣпыхъ толкахъ“, а не о народныхъ мечтаніяхъ, часто обусловленныхъ глубокими и серьезными причинами. Въ новоржевскомъ уѣздѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ бреднями о холерѣ всего только разъ. Одна изъ женщинъ-врачей случайно разъ или два ѣздила по деревнямъ съ врачевнымъ значкомъ. Вотъ почему на мой вопросъ о больныхъ, я получила отъ бабы такой отвѣтъ:

— Все тихо у насъ, слава Богу! вотъ только въ дальней волости холера пріѣхала...

— Какая холера?

— Съ крестомъ, матушка: въ колодцы ходитъ смотрѣть, избы и окна мѣряетъ!

Я поняла о чемъ идетъ рѣчь, и разувѣрила бабу въ возможности эпидеміи.

— Дай Богъ, дай Богъ! Вотъ, была у насъ хо-

лера на лошадахъ, такъ что пораззорилось хозяевъ...

Всякую эпидемію мужики здѣсь называютъ „холерой“; потому-то это слово въ новоржевскомъ уѣздѣ не имѣетъ особенно грознаго значенія. Но стѣитъ кабатчику или попу распустить слухъ, что врачи-статистики—англійскіе агенты,—о „холерѣ“ пойдутъ уже совсѣмъ другіе разговоры. Даже разумныя приготовленія для борьбы съ холерой должны дѣлаться съ величайшею осторожностью—безъ лишняго шума, и, главное, съ большею удобоисполнимостью. Въ этой же газетѣ „Врачъ“ я встрѣтила по этому поводу слѣдующую замѣтку:

„Проф. Drasche въ статьѣ „О значеніи запятыхъ для предотвращенія холеры“ приводитъ, между прочимъ, примѣръ, доказывающій, что значать на практикѣ нѣкоторыя, теоретически, быть можетъ, и хорошія требованія. Въ эпидемію 1866 г. Drasche завѣдывалъ городской холерной больницей, причемъ ему велѣно было сжигать все бѣлье, замаранное холерными больными; послѣ перваго больного, лѣченіе продолжалось 24 часа, пришлось сжечь 14 простынь, 2 рубахи, 1 накидку на одѣяло и 3 компреса, стоимостью въ общей сложности на 40 гульденовъ (24 р. золотомъ); послѣ втораго больного было сожжено на 60 гульденовъ (36 р. золотомъ): понятно, что дальнѣйшее сжиганіе пришлось оставить!“

Мнѣ лично случилось имѣть въ деревнѣ на эту же тему такой разговоръ съ крестьянами:

— Ты, матушка, по какимъ же это дѣламъ

ѣздишь-то? спросилъ меня одинъ изъ стариковъ,— не по холерѣ ли? не идетъ ли ужъ она?

— У насъ, вонъ, и могилки отведены, перебилъ его другой мужикъ,—когда будемъ умирать холерой, тамъ и зароютъ.

Бабы, вступивъ въ разговоръ, припомнили и остальные подробности.

— Пріѣзжалъ, барышня, такой изъ города, по веснѣ, и приказалъ отвести могилки; а тамъ, гдѣ умретъ человѣкъ, велѣлъ избу сжигать, и солому, и гумно... все сжигать! Да нешто это можно, чтобъ все?!

Я не провѣряла этого факта, но приведенный разговоръ все-таки остается знаменательнымъ. Очевидно, что до появленія холеры можно нагнать на крестьянъ панику, а нелѣпыми распоряженіями, какъ всесоженіе, подорвать довѣріе къ другимъ, болѣе разумнымъ мѣрамъ. Если въ новоржевскомъ уѣздѣ всякую эпидемію, даже сибирскую язву на лошадахъ, принимаютъ за холеру, то, слѣдовательно, холера, въ собственномъ смыслѣ этого слова, весьма мало знакома здѣшнимъ крестьянамъ. Дѣйствительно, холера, свирѣпствуя въ псковской губерніи въ 1848, 1866 и 1871 гг., почти не коснулась новоржевскаго уѣзда, и здѣшніе жители не испытали холерной паники. Ко мнѣ, холерному врачу, они отнеслись весьма радушно, покорно давали всѣ показанія и водили къ колодцамъ, лишь изрѣдка и несмѣло спрашивая, зачѣмъ все это дѣлается.

— Значить—нужно, коли ѣздить съ бумагой, строго отвѣтилъ однажды „деревенный“ старшина

одному изъ любопытныхъ.—Ты своему хозяйству счетъ знаешь?

— Какъ не знать... Свое!

— Ну, то-то... И управа должна знать свое хозяйство: что кто изъ насъ имѣетъ.

Впослѣдствіи я сама пользовалась этимъ объясненіемъ, для огражденія себя отъ излишняго любопытства. Но вообще, какъ я уже упоминала, мнѣ легко было ладить съ крестьянами. Прежде всего они видѣли во мнѣ „казеннаго человѣка“, которому необходимо оказывать уваженіе. Потомъ ихъ влекла ко мнѣ свойственная всякому крестьянину, кромѣ молодыхъ, охота „полѣчиться“. Наконецъ, со мною можно было поговорить о домашнихъ дѣлахъ, рассказать, какъ ихъ обманулъ владѣлецъ, у котораго они арендовали землю; пожаловаться на мужа, свекра и т. п. Нѣкоторую осторожность по отношенію ко мнѣ проявляли только тѣ старухи, которыя любятъ прикидываться забитыми и загнанными дурами.

— Мы бабы глупыя, слышала я всегда отъ нихъ,—чего насъ пытать? Спроси мужиковъ...

Не могу не отмѣтить при этомъ нѣкоторыхъ своеобразныхъ взглядовъ крестьянъ на лѣченіе. Лекарство они обыкновенно называютъ зельемъ и весьма рѣдко говорятъ: „полѣчи меня“, а чаще: „выворожи“. Такимъ образомъ, врачъ оказывается какъ бы сродни колдуну. Отъ этого чуть начинается больной поправляться, его бросаютъ лѣчить и не возятъ къ врачу: „поправляется, слава Богу... легче, много легче! На хлѣбъ стало позывать! Сразу помогъ дохторъ“...—и больной остается недолѣченнымъ. А если зелье не дѣйствуетъ сразу,

больного везутъ къ фельдшеру, къ бабкѣ, а не къ тебѣ: твое зелье не помогаетъ сразу. При такихъ воззрѣніяхъ и при крайне ограниченномъ числѣ кроватей въ земскихъ больницахъ, чрезвычайно трудно справляться съ хроническими недугами.

Среди крестьянъ часто услышишь совершенно различные отзывы объ одномъ и томъ же врачѣ:

— Дай Богъ ему здоровья! Такого далъ мнѣ хорошаго зелья, что какъ рукой сняло...

А другой больной тутъ-же жалуется:

— Былъ я у него, да что! ничего его зелье не помогаетъ... Все не въ пользу—два раза былъ!

— Постарается, говорятъ крестьяне,—такъ и дастъ зелья въ пользу: въ недѣлю тебя справить и на ноги поставить; а не постарается, такъ цѣлое лѣто лѣчиться будешь.

Лѣчить кого либо долго — значить быть совсѣмъ плохимъ врачомъ. Къ такому, по мнѣнію крестьянъ, и ходить не стоитъ: лучше отправиться къ знахарю или самому обвести больное мѣсто „мертвой косткой“ *).

*) Золотушное воспаленіе кости, костоѣду (caries), крестьяне называютъ „мертвецкой костью“. Въ предупрежденіе этой болѣзни, они отыскиваютъ на могилахъ кость отъ мертваго человѣка и обводятъ ею всѣ суставы. Случается, что отъ этого прикосновенія на тѣлѣ появляются нарывы, чирьи и сыпь. Крестьяне признаются: „обвелъ мертвой костошкой,—съ тѣхъ поръ и болитъ“.

III.

Когда я окончила объѣздъ третьей волости,— на переписку свѣдѣній, до 1-го сентября, у меня оставалось уже немного времени, а на объѣздъ послѣднихъ двухъ волостей и совсѣмъ времени не было. Отчетъ для губернскаго земства вышелъ краткій и чисто протокольный. По правдѣ говоря, насъ снабдили совершенно неисполнимой программой. Мы не готовили себя для статистической дѣятельности; да и кромѣ того, множество рубрикъ на бланкѣ легко было заполнить формальными свѣдѣніями, собранными кѣмъ-нибудь изъ служащихъ въ управѣ или волостнымъ писаремъ съ понятными, какъ это дѣлается для страхованія имущества. Наши специально-медицинскія познанія могли бы пригодиться на чтонибудь болѣе плодотворное, чѣмъ объѣздъ пяти волостей въ четыре мѣсяца—только для того, чтобы въ каждой деревнѣ пересчитать жителей, испробовать „на вкусъ“ воду, описать землю, занятія, ярмарки, фабрики и т. п.

Напримѣръ, въ числѣ вопросовъ, на выданныхъ намъ бланкахъ, былъ такой: „15) Болѣзненность и по возможности опредѣленіе преобладающихъ заболѣваній, съ обращеніемъ вниманія на мѣстныя условія возникновенія болѣзни?“

Изученіемъ этого вопроса собственно и должна бы ограничиться наша дѣятельность. Здѣсь мы находились бы въ своей сферѣ, не говоря уже о пользѣ, какая произошла бы отъ поголовнаго освидѣтельствванія крестьянъ въ врачебномъ от-

ношеніи. Многіе изъ больныхъ или совсѣмъ не сознають своего положенія, или считаютъ болѣзнь неважною — и такимъ образомъ ускользають отъ надзора и лѣченія. Но именно на это у насъ и не хватало времени. Нерѣдко пріѣдешь въ деревню, засядешь у старшины, займешься статистикой — больные и не знаютъ о твоёмъ присутствіи; а тамъ, смотришь, пора уже ѣхать дальше. Впослѣдствіи, привыкши ко мнѣ, крестьяне признавались въ томъ, что сначала они хотѣли скрывать отъ меня больныхъ.

— Кто тебя зналъ! Ты пріѣхала къ намъ съ бумагами... Ну, и робко станеть, какъ ты позовешь... Ишь, ты все съ бумагами!

Въ концѣ концовъ все свелось къ чисто формальной, совсѣмъ не медицинской работѣ, — если не считать того довѣрія, какое наши объѣзды поселили въ крестьянахъ, къ врачебной помощи: но ужъ это — результатъ, такъ сказать, косвенный, не предусмотрѣнный данною намъ программю.

IV.

Для характеристики взглядовъ крестьянъ на врачебную помощь, я считаю не лишнимъ познакомить читателей съ походомъ одной моей товарки, приглашенной въ Опочецкій уѣздъ въ качествѣ „бобушешницы“.

Вотъ что она мнѣ рассказала:

— „За два мѣсяца моей службы, я сдѣлала въ двухъ волостяхъ 900 слишкомъ прививокъ и каж-

дую изъ нихъ провѣрила. Приходилось ѣздить во всякую погоду, чтобы успѣть привить оспу всѣмъ дѣтямъ. Едва я подѣзжала къ избѣ, какъ тамъ тотчасъ же подымалась пыль столбомъ: нѣсколько рукъ съ вѣниками дружно принимались ерзать по избѣ и мести полъ; самъ хозяинъ выбиралъ для меня лучшую скамью. Прежде чѣмъ собирались ко мнѣ бабы съ ребятами, въ избу набивалось множество мужиковъ и парней—для разговоровъ. Каждый хотѣлъ посмотрѣть на „барышню“ и полюбоваться хотя-бы ея нарядомъ. Мужики начинали со мною „разговоры“, перебивая и остря другъ надъ другомъ. Если я говорила хозяйкѣ, чтобы она скорѣе давала своего ребенка,-- та добродушно возражала:—„Ну, погоди еще! съ нами посидишь... Погони съ мужиками—чего тебѣ? Ишь, заторопилась... Надо помыть мальчонка и перемѣнить рубашку“. — Мать непременно хотѣла умыть и принарядить его. Было нѣсколько случаевъ, когда бабы не соглашались привить оспу ребенку; происходило это не отъ недовѣрія ко мнѣ, городскому человѣку и врачу, но по причинамъ болѣе или менѣе уважительнымъ -- по крайней мѣрѣ, съ крестьянской точки зрѣнія. Одна баба говоритъ, что ей жалко давать ребенка „рѣзать“; другая, что она „безъ хозяина боится“; третья тоже на мужа ссылается: „хозяинъ говоритъ, что малецъ подростетъ — въ солдаты возьмутъ, тамъ и привьютъ,—чего жъ два раза прививать!“—четвертая философствуетъ: „время не пришло; яблочко созрѣетъ — само упадетъ; я сама тогда приду къ тебѣ и попрошу привить“... Наконецъ, какая-то вдова, уже совсѣмъ обмывъ ребенка и

готовясь передать его мнѣ, спрашиваетъ:—А прививалъ кто другой?—Всѣ, кромѣ твоего сосѣда Степана. Вдова быстро вырываетъ у меня ребенка и убѣжденно произноситъ!—Ну, коли ужъ мужикъ не прививаетъ, такъ мнѣ, бабѣ, подавно, не надо. У меня хозяинъ померъ, я одна: мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться... такъ я лучше своего сосѣда послушаюсь! Случается, что баба не даетъ ребенка потому, что сама она въ это время имѣетъ „на себѣ“. Въ это время баба въ церковь не ходитъ, лампадку не зажигаетъ и ни за что не согласится поддержать своего ребенка для прививки оспы. Бобылки также не всегда охотно даютъ ребенка:—„Я одна баба... А когда ты привьешь младенцу бобушки, кто же будетъ смотрѣть за бобушками?“—За ними не надо особаго ухода. Теперь же ты смотришь за ребенкомъ, такъ и тогда.—„Большая разница, матушка,—теперь ребенокъ-то здоровъ, а при бобушкахъ надо его беречь“. — Кромѣ научно-подготовленныхъ оспопрививательницъ, по деревнямъ ходятъ простые „бобушешники“. Имъ народъ также охотно даетъ своихъ ребятъ, хотя простые бобушешники берутъ деньги, пьянствуютъ и прививаютъ всякую „высыпь“, т. е. дурную оспу. Мнѣ случалось видѣть бабъ, которыя, не давая мнѣ дѣтей, говорили:—Бобушешникъ сказалъ—придетъ; узнать, что ты была,—осерчаетъ.

Изъ приведеннаго разсказа очевидно, что собственно противъ рациональнаго оспопрививанія народъ ничего не имѣетъ, а если, въ отдѣльныхъ случаяхъ, противится ему, то не изъ предубѣжденія и не изъ предразсудка. Существуетъ, правда,

одинъ, но слабый и легко устранимый, предразсудокъ у крестьянскихъ бабъ: это—когда оспа не прививается къ ребенку и прививку надо повторить.

— Да надо ли? спрашиваетъ баба, чуть-чуть ломаясь,—если не пристало, такъ это по-нашему, по-деревенски, къ смерти значить. Вотъ, еслибы у всѣхъ не пристало, такъ это значило бы, что твои бобушки были пустыя; а то нѣтъ, у одного моего не пристало, а у всѣхъ ребятъ пристало. Наши деревенскіе дураки гуторятъ, что это къ смерти, чего жъ его понапрасну мучить!

Убѣдить такую бабу, что она вмѣстѣ съ другими вздоръ несетъ, конечно, ничего не стоить.

Если же въ нѣкоторыхъ земствахъ существуютъ простые бобушешники изъ отставныхъ солдатъ и нѣтъ хода раціональному оспопрививанію, то въ этомъ виноваты не крестьяне и ихъ воображаемая вражда къ ученымъ оспопрививательницамъ, а сами земства и тѣ лица, которымъ они ввѣряютъ дѣло, т. е. обыкновенныя акушерки, незнакомыя даже съ устройствомъ телятника и обработкой детрита. Тамъ, гдѣ оспопрививаніе находится въ рукахъ врачей, студентовъ или студентокъ послѣднихъ курсовъ и даже фельдшерицъ, окончившихъ курсъ,—нѣтъ надобности заботиться о вытѣсненіи всякаго рода самозванныхъ оспопрививателей: къ нимъ никто и не обращается. Въ Новоржевскомъ земствѣ въ настоящее время оспопрививаніе передано сельскимъ учителямъ, которые предварительно подучиваются оспопрививанію у земскихъ врачей. Это нововведеніе весьма раціонально на практикѣ.

Но и лицамъ съ научной подготовкой слѣдуетъ помнить, что они служатъ народу, у котораго есть свои вѣрованія, взгляды и обычаи, и что они сами съ первыхъ же шаговъ должны отказаться отъ всѣхъ „городскихъ“ замашекъ, для деревни совершенно непригодныхъ.

Я знаю другую оспопрививательницу, которая не развѣзжала сама повсюду, а назначила пункты, куда крестьянки съ грудными ребятами должны были являться въ рабочую пору. Въ результатѣ оказалось, что крестьяне не знаютъ о существованіи пунктовъ, а бобушешница не имѣетъ свѣдѣній о томъ, гдѣ она была и гдѣ не была, гдѣ привита оспа, гдѣ нѣтъ, и куда надо второй разъ съѣздить. Оправдывалась она тѣмъ, что боится мужиковъ: не привьется оспа—могутъ побить.

Разумѣется, это не оправданіе. Если мужикъ не довѣряетъ врачу, онъ, конечно, и слушаться его не станетъ, а будетъ поступать посвоему. Напримѣръ, пропишетъ врачъ больному порошки, которые надо принимать по три въ день, — а тотъ, чтобы ускорить выздоровленіе, приметъ всѣ двѣнадцать сразу; или порѣшитъ больной, что порошки ему идутъ въ пользу, а капли нѣтъ,—пріѣдетъ въ городъ и, не спросяся врача, возьметъ изъ аптеки одни порошки безъ капель. Форма лекарства которая помогла одинъ разъ, должна оставаться, по мнѣнію мужика, неизмѣнной для всѣхъ болѣзней.

Но для того, чтобы приобрѣсти довѣріе мужика, однихъ специальныхъ познаній мало: ученостью не согрѣтою участіемъ не только къ его болѣзненному состоянію, но и ко всѣмъ его нуждамъ и заботамъ, можно только запугать его, — а отъ

страха до вражды недалеко. Для земскаго врача, какъ и для всякаго служителя народнаго, прежде всего необходимо призваніе къ этому дѣлу: иначе онъ и народу не угодить, и самъ разочаруется. Есть призваніе — явятся и терпѣніе и настойчивость, безъ которыхъ дѣятельность земскаго врача, легко можетъ быть парализована какъ со стороны земскаго начальства, рѣдко проникнутаго сознаніемъ важности врачебной помощи въ должныхъ размѣрахъ, такъ и невѣжествомъ и самомнѣніемъ провизоровъ и въ особенности фельдшеровъ, подвиги которыхъ среди сельскаго населенія, я думаю, достаточно извѣстны. Добросовѣстный врачъ для большинства фельдшеровъ представляется не руководителемъ, а соперникомъ въ практикѣ и гомѣхою незаконныхъ поборовъ, т. е. такимъ лицомъ, противъ котораго позволительны всякіе козни и подвохи.

По окончаніи командировки, я оставила Ново-ржевское земство и уѣхала обратно въ Петербургъ, памятуя установившуюся въ самое короткое время нравственную связь врача съ народомъ, какъ наилучшій аргументъ въ пользу земской медицины.

